

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(18)

№ 2
(18)
2009

2009

РУССКИЙ ЯЗЫК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(18)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2009

ISSN 1681-1062

Научный журнал

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Везбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Н. Полякова, Е. Сметанникова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.
Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индексы 44088 и 42373.

Подписано в печать 22.12.2009. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2009
© Авторы, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова</i> Объяснительный орфографический словарь: особенности жанра (в поисках синтеза словаря и правил)	5
<i>Е. В. Урысон</i> Союзы <i>если, когда</i> и <i>раз</i> : попытка сопоставительного семантического анализа.....	25
<i>А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский</i> От чего зависят стилистические характеристики идиомы	78
(<i>имя им легион</i> VS. <i>их как грязи</i>)	
<i>О. С. Иссерс</i> Стратегия речевой провокации в публичном диалоге	92
<i>В. В. Шаповал</i> Развитие гнезда нестандартных дериватов существительного <i>дневник (лытдыбр 'интернет дневник' и т. п.)</i> в 2001—2008 гг.	105
<i>Т. В. Шалаева</i> Вытекают из колоса зерна, или к этимологии слав. <i>*tokъ</i> 'гумно'	118
<i>К. А. Максимович</i> Лексические и синтаксические кальки в моравском «Номоканоне Мефодия».....	125
<i>М. Н. Шевелева</i> «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке)	144
<i>И. И. Макеева</i> «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского: к вопросу об авторском тексте.....	175
<i>А. П. Майоров</i> Иллюстрирование и толкование лексического значения слова в региональном историческом словаре	206

Полемика

<i>С. К. Пожарицкая</i> О возможности словарного описания разговорной речи.....	219
--	-----

Рецензии

- И. Б. И т к и н. *Русская морфонология*.
М.: Гнозис, 2007. — 272 с. (К. М. Корчагин).....225
- Е. В. П е р е х в а л ь с к а я. «Русские пиджины».
СПб: Алетей, 2008. — 363 с. (Р. И. Розина).....231
- О. Е. Ф р о л о в а. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста.
М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 320 с. (Е. Л. Березович).....236
- К. А. М а к с и м о в и ч. *Заповѣди сватыхъ отьць*. Латинский пенитенциал VII века в церковнославянском переводе. Исследование и текст.
М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. — 208 с. (В. М. Живов).....244

Обзоры

- Biblia Slavica. (А. А. Алексеев).....250
- Категория залога в русистике (история грамматических интерпретаций возвратных глаголов). (Е. Н. Никитина)260
- Категория таксиса и смежные категории. (А. П. Вальсова).....284

Новые книги

- Е. В. М а р и н о в а. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования.
М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. — 495 с. (Е. А. Никишина)298
- R. D e r k s e n. Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston: «Brill», 2008 // Leiden Indo-European Etymological Series / Ed. by A. Lubotsky. V. 4. — 726 p. (А. Е. Аникин).....299
- Т. В. П е н т к о в с к а я. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV в.: Чудовская редакция Нового Завета.
М., 2009. — 296 с. (А. А. Алексеев)301
- Issues in Slavic Syntax and Semantics / Ed. by Anastasia Smirnova and Matthew Curtis. Cambridge Scholars Publishing, 2008. — 166 p. (П. В. Петрухин).....302

Из истории науки

- Письма академика В. В. Виноградова и А. М. Земского (письма военных лет: 1941—1943 гг.) *Из архива Е. А. Земской*.
Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Е. А. Земской.....305

Реплика

- Н. А. Е с ь к о в а. Об орфографии впервые публикуемых и перепечатываемых текстов (В порядке постановки вопроса).....316

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. БЕШЕНКОВА, О. Е. ИВАНОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА (В ПОИСКАХ СИНТЕЗА СЛОВАРЯ И ПРАВИЛ)

Среди разнообразных орфографических словарей последнего времени появились такие, главной задачей которых является не *фиксация* правильного написания слов, не *утверждение* их письменной формы, а *объяснение* их написания. Такие словари дают объяснения двух типов: объяснение через правила и объяснение через этимологию. Так, в книгах Н. В. Соловьева [Соловьев 1997; 2000] каждое слово снабжено ссылкой к правилу, объясняющему орфографическую проблему (орфограмму) в данном слове. Словник этого словаря качественно и количественно сопоставим со словником общего орфографического словаря русского языка, т. е. содержит слова разных типов с различными орфографическими проблемами. Соотношение словаря и правила также описывается в ряде более маленьких словарей, посвященных одной или нескольким проблемам [Бройде 2000; Потапурченко 2000; 2000а; Метс 2000; 2000а; Грузберг А., Грузберг Л. 2006]. Иной тип объяснения предлагают этимолого-орфографические словари (таковы словари [Глинкина 2001; 2006; Сараева 2004] и нек. др.), содержащие только те слова, написание которых не может быть объяснено правилами орфографии, но может быть так или иначе обосновано этимологией, написанием в языке-источнике.

«Объяснительный русский орфографический словарь-справочник» (далее ОРОСС), задуманный в Институте русского языка РАН, содержит разностороннее объяснение написания слов, объединяющее как регулярные явления, подпадающие под действие орфографических правил, так и индивидуальные особенности орфографии слов.

Общая характеристика словаря-справочника

В словаре-справочнике ОРОСС впервые на столь обширном материале сопоставляются данные орфографического словаря и правил орфографии как модели, определяющей и объясняющей реальное написание.

1. Целью словаря-справочника ОРОСС, таким образом, является объяснение написания слов. Под объяснением понимается либо 1) ссылка на правило, которому следует написание данной орфограммы, либо 2) этимологический источник — написание в древнерусском языке, написание в ином языке-источнике с указанием способа заимствования (транслитерация или транскрипция). Если же написание данного слова невозможно объяснить перечисленными способами, то в словарной статье дается специальная формула «закрепившееся написание», обычно дополненная комментарием.

2. Объем проблем. Круг проблем, анализируемых в словаре-справочнике ОРОСС, в большой мере сопоставим с тем, который представлен в орфографических справочниках и сводах правил, но не совпадает с ним.

С одной стороны, словарь не рассматривает высокочастотные и легко «решаемые» вопросы правописания, отражение которых на большом массиве слов перенасыщает словарь сведениями, затрудняющими извлечение орфографически релевантной информации. Не рассматриваются, например, слова с простыми проверками (*яйцо*); написание *жи, ши*; написание грамматических форм (только исключения и сложные случаи, напр., окончание им. п. после *-ищ-*); корни с чередованием *о/а* перед суфф. *-ива-* (*выпроваживать*); *ы/и* после *ц* и в суффиксах; слова с ударной буквой *о* после *ц* (список не включенных проблем приводится в словаре). Некоторые орфографические проблемы представлены на ограниченном материале, таково, например, написание слов на *-ик/-ек*, написание слов с *ь*, обозначающим мягкость согласного или грамматическую форму, и т. д. Кроме того, в данном словаре составители ограничили словник нарицательной лексикой, т. е. не рассматривается проблема выбора прописной/строчной буквы; также выведена за рамки материала проблема слитного или раздельного написания слов с отрицанием *не*.

С другой стороны, в словаре объясняются те орфограммы, которые не охватываются правилами в справочниках. Ни один справочник по орфографии (так же как и свод правил) не может и, по-видимому, не должен рассматривать абсолютно все существующие орфографические проблемы, которые могут быть правилами описаны и которые по определению должны содержаться в словаре. Например, в описательной орфографии сложился круг корневых морфем с чередованием, написание которых обычно представлено в правилах: *бир/бер, мир/мер, тир/тер* и др., *гар/гор, зар/зор, равн/ровн* и др. Но существуют корни с чередованием, которые обычно не отмечаются в справочниках (или указываются очень редко), к их числу относятся, в частности, *вес/вис, сед/сид, стал/стой, леп/лип, рек/риц, разн/розн, зер/зир, зев/зи* и нек. др. Включение лишь части этих корней в академические «Правила русской орфографии и пунктуации» (далее — Правила 2006) вызвал у коллег-орфографистов возражения. «А зачем? Ведь и так понятно, как пишется». Однако правила орфографии нужны не только для сегодняшнего дня, но и для дня завтрашнего, иными словами,

они не только описывают и пассивно объясняют имеющееся написание, но и активно предписывают способ написания новых слов, слов потенциальных. То, что где-то такие полновесные правила должны быть сформулированы, хорошо видно на примере вновь появляющихся слов.

- ◆ Например, корень *сед/сид* входил в список корней с чередованием в правилах 1956 г. (далее — Правила 1956). При существовании двойственной проверки, *сесть* и *сидя*, какое-то одно написание из двух возможных *седушка/сидушка* не может установиться сразу. Чтобы предложить вариант кодификации, было необходимо проанализировать все гнездо и выявить закономерности в употреблении того или иного варианта корня.

Полагаем, что в противоположность справочникам по правописанию словарь объяснительного типа должен, безусловно, содержать все корни с чередованием (при наличии слов с безударными корнями).

3. Объем привлеченного материала. Вся совокупность выделенных проблем описывается в рамках материала академического «Русского орфографического словаря» (далее — РОС), ограничения затрагивают в основном круг производных слов без новых «интересных» орфограмм, специальную терминологию, этнонимы, собственные имена. Составители приняли нормативную базу «Русского орфографического словаря» — те конкретные написания, которые рекомендует РОС. Таким образом, лексическое наполнение правил и исключения из них даются в соответствии с орфографией РОСа.

4. Структура словаря-справочника. Словарь-справочник ОРОСС состоит из двух частей: собственно словаря (алфавитной части с объяснениями при каждом слове) и справочника, содержащего правила, адаптированные к потребностям словарного описания, и комментарии к ним. Ниже обе эти части рассматриваются отдельно.

5. Адресат. Словарь-справочник предназначен не только для тех, кто обращается к нему с сугубо прагматической целью — получить объяснение написания данного слова или группы слов, но и для тех, кому интересны проблемы системного представления русской орфографии, современная картина существующих в орфографии русского языка связей и закономерностей. Адресат ОРОССа — это пользователь сводов орфографических правил, справочников и словарей.

1. Словарь

В структуре словарной статьи выделяются следующие основные зоны:

1. Заголовочное слово. 2. Этимологические сведения. 3. Правило. 4. Комментарий.

1. Заголовочное слово. Входом в словарную статью является 1) слово с проставленным ударением и с подчеркнутыми орфограммами,

которые далее объясняются в соответствующих зонах статьи, 2) начальные части сложных слов. Заголовочное слово дается в той исходной форме, которая принята для орфографических словарей. В редких случаях в качестве заголовка может выступать орфографически интересная форма слова, например, глагол в форме прош. вр. **шѣл**.

2. **Этимологические сведения**¹. Во многих случаях объяснить современное написание слова действующими правилами не удастся, и поэтому единственным таким объяснением выступает письменная традиция. Традиция может быть связана либо с тем, как слово писалось в древнерусском языке, либо с тем, каким образом оно было заимствовано из других языков: путем побуквенной передачи средствами русской графики написания слова в языке-источнике (транслитерация) или путем передачи его звучания (транскрипция). Поэтому после заголовочного слова в скобках приводится либо слово древнерусского языка, либо слово из языка-источника, в котором подчеркивается буква (буквы), соответствующая проблемной букве (буквам) заголовочного слова, например:

абстрагировать(ся) (нем. *abstrahieren* от лат. *abstrāhere* отвлекать, от приставки *ab-* + *trāhere* влечь) проверка: *абстра́кция*

áлиби (лат. *alibi*)

габарди́н (фр. *gabardine*)

гондо́ла (ит. *hondola*)

гонора́р (нем. *Honorar*)

гора́зд (др.-рус. *го́разды*)

таве́рна (ит. *taverna*)

халу́па (польск. *chałupa*)

холесте́рин (от греч. *chole* желчь + *stereos* твердый)

Иногда соответствие букв русского слова и слова в языке-источнике не столь очевидно, как, например, в нижеследующих словах:

акведу́к (от лат. *aquæductus* водопровод) [рус. е — лат. ae]

блезы́р: для блезире (из фр. *plaisir*) [рус. е — фр. ai]

гема́то... (из греч. *haima*, *haimatos* кровь) [рус. е — греч. ai]

гнедо́й (др.-рус. *гнѣды*) [рус. е — др.-рус. ѣ]

горта́нь (др.-рус. *гъртань*) [рус. о — др.-рус. ъ]

мечта́ (др.-рус. *мѣчъта*) [рус. е — др.-рус. ь]

палео... (греч. *palaios* древний) [рус. е — греч. ai]

Был выделен определенный ряд подобных буквенных соотношений (русская буква — дифтонг в языке-источнике, русская буква — буква древне-

¹ Сведения об этимологии и истории слов в основном черпались из нескольких источников, представляющих наиболее авторитетными: [Фасмер 1986; Крысин 1998; ТСРЯ 2007; Срезневский 2002; Гиляревский, Старостин 1985; Захаренко, Комарова, Нечаева 2008].

русского алфавита и др.), которыми можно оперировать в этимологической зоне статьи. Оба типа буквенных соответствий русского слова и слова языка-источника — очевидные и неочевидные, но регулярные и не требующие дополнительных разъяснений — показаны в сводной таблице в одном из разделов справочника.

Если же буквенные соответствия требуют комментария, то такой комментарий приводится, но при этом в слове-этимоне соответствующие буквы не подчеркиваются:

авеню́ (фр. *avenue*) французскому **en** в русском соответствует безударное **ен** после мягких согласных

ангаже́мент (фр. *engagement*) французскому **em** в русском соответствует безударное **ем** после шипящих и мягких согласных

баси́лэвс (греч. *basileus*) западноевропейскому **u** в русском соответствует **в** или **у**

данти́ст (фр. *dentiste*) французскому **en** в русском соответствует безударное **ан** после твердых согласных и в начале слова

трампли́н (фр. *tremplin*) французскому **em** в русском соответствует безударное **ам** после парных твердых и в начале слова

В случае транскрипции, когда написание слова в русском языке соответствует произношению, проблемное место в слове-этимоне остается без подчеркивания, а соответствие произношению оговаривается:

лендрóвер (англ. *land-rover* от *land* земля + *rover* бродяга) написание соответствует произношению заимствованного слова

тайфúн (англ. *typhoon* от кит. *taifung* сильный ветер) написание соответствует произношению заимствованного слова

туалéт (фр. *toilette*) написание соответствует произношению заимствованного слова

Этимологическая информация может быть дополнена сведениями о более глубоких исторических связях, показом образования слова:

перча́тки исторически связано с *перст* // написание установилось в результате упрощения группы согласных из др.-рус. *пърстатица*, *перстатые рукавицы*, первоначально *пърстьчатъ*

Если этимон разошелся по значению с современным словом, то его значение приводится:

акро́поль (греч. *akropolis* верхний город)

метрдотéль (фр. *maître d'hôtel* хозяин отеля)

Если же написание невозможно объяснить перечисленными способами, то вместо объяснения при слове дается формула «закрепившееся написание», которая иногда сопровождается комментарием (после знака //), сообщаящим, насколько это возможно, под влиянием каких процессов — аканья,

влияния слов с аналогичной структурой, вторичного заимствования и пр. — это написание установилось, например:

- барсу́к** (тур. borsuk) закрепившееся написание // написание установилось под влиянием аканья
- га́вань** (ниж.-нем. haven) закрепившееся написание // *-ань* по аналогии с *пристань*
- мохна́тый** закрепившееся написание // от диалектного *мохны* «пучки волос, перьев», исторически связано с *мох*
- отве́рстый** закрепившееся написание, не проверять однокоренным *отверзать* // отражается позиционное оглушение
- чемода́н** (тат. çamadan) закрепившееся написание
- топо́рщить** закрепившееся написание
- финга́л** закрепившееся написание
- шепе́лявый** закрепившееся написание // этимологически связано с *шептать*

3. Правило. (1). Если написание в слове проблемной буквы (букв) может быть объяснено с помощью правил современной орфографии, то при слове дается формула, ориентированная на данную проблему. Формула состоит из двух частей: обозначения проблемы (курсивом до разделяющего формулу двоеточия) и способа ее решения для данного слова. Иными словами, в зоне правил формулируется проблема орфографического выбора и обосновывается сам выбор написания для данного слова, также дается отсылка на параграф справочника (второй части книги), в котором сформулировано полное правило. Проиллюстрируем сказанное на примерах:

- вожа́тый** слова на *-атай/-ат(ый)*: суфф. **-ат-(ый)** в слове, имеющем адъективный тип склонения (*вожатого, вожатым*) §
- глаша́тай** слова на *-атай/-ат(ый)*: суфф. **-атай** в слове, имеющем второй тип субстантивного склонения (*глашатай — глашатая, глашатаем*) §
- майо́нэз** (фр. mayonnaise) *передача звука [й]*: **й** перед **о** в начале слова или после гласного в иноязычном слове §; *э/е после твердого согласного*: **е** в иноязычном слове по общему правилу §
- мака́ть(ся), ма́кнуть(ся)** *корень мак(ч)/мок(ч)*: безударное **мак** в слове со значением «погружать(ся) в жидкость» §
- млекопита́ющее** *корень с чередованием оло/ла(ле)*: **ле** — в таких корнях написание определяется проверкой (*млечный*) или указанием на однокоренное слово с полногласием (*молоко*) §
- молоко́** *корень с чередованием оло/ла(ле)*: **оло** — в таких корнях написание определяется проверкой хотя бы одной гласной (*моло́чник*) или указанием на однокоренное слово с неполногласием (*млечный*) §
- моло́чник** см. *молоко́*; *сочетание чн/шн*: **чн** на стыке основы на **к** (*молок-о* — с чередованием **к/ч**) и суфф. **-ник** § // неправ. **шн**

песча́ный сочетание *зч/сч/жч/шч/здч/стч/щч*: **сч**, передающее [ш'ч'], [ш'ч''], на стыке морфем в слове с корнем на **с** §; *нн/н* в прилагательных: **н** в отыменном прилагательном с суфф. **-ан-** § //...

погорéлец ... корень *гар/гор*: **гор** без ударения § ...

снежо́к *о/ё* после шипящих: **о** под ударением в суфф. существительного **-ок-** §

травяно́й суфф. *-енн-/-ян-* в отыменных прилагательных: **-ян-** в слове с ударением на окончании; *нн/н* в прилагательных: **н** в отыменном прилагательном с суфф. **-ян-** §

шов *о/ё* после шипящих: **исключение** — **о** под ударением в русском корне с подвижным ударением § (*шов* — *обшеври*) и **исключение** — **о** под ударением в русском корне с чередованием звуков [о]/[э] ударное § (*шов* — *шей*)

(2). В определенных случаях составители пошли по иному пути подачи объяснительной информации в зоне правил: при слове сразу дается констатация способа решения обозначенной проблемы, т. е. объяснительная формула представлена лишь второй своей частью. Это делается тогда, когда по разным причинам было сочтено нецелесообразным формулировать вводную часть, прежде всего по соображениям экономии места. Например,

бойфрeнд закрепившееся **слитное** написание сложного существительного с не употребляющейся самостоятельно одной или обеими частями и с первой частью на согласную §

вагоно-час пишется через **дефис** как **исключение** из правила § о слитном написании существительных с соединительной гласной — является названием сложной единицы измерения

гелио... (от Гелиос с опущением последней согласной) пишется **слитно** как первая часть сложных существительных, иноязычная по происхождению, оканчивающаяся на гласную и самостоятельно не употребляющаяся §, напр., *гелиогеофизика*, *гелиотерапия*, *гелиоскоп*, *гелиотрон*

дива́н-крово́ать пишется через **дефис** как сложное существительное или сочетание с приложением, состоящее из двух частей — самостоятельно употребляющихся существительных со вторым склоняемым компонентом §

у́нтер-офице́рша пишется через **дефис** как существительное, образованное от существительного, пишущегося через дефис §

фо́кус-по́кус (нем. *Hokuspokus*) пишется через **дефис** как парное сочетание созвучных компонентов §

фо́кус-гру́ппа пишется через **дефис** как сложное существительное или сочетание с приложением, состоящее из двух частей — самостоятельно употребляющихся существительных со вторым склоняемым компонентом §

яхт-клуб закрепившееся **дефисное** написание сложного существительного с не употребляющейся самостоятельно одной или обеими частями и с первой частью на согласную §

4. **Комментарий.** Зона комментариев располагается в словарной статье за знаком // (двойной слеш, «параллельки») и содержит разного рода дополнительные сведения, которые могут быть полезны при различении смешиваемых орфограмм, для обоснования принятого выделения корня или другой морфемы, помогут запомнить данное написание с помощью фактов истории или языковой аналогии и пр. В отличие от зоны правил, содержащей формулы объяснения, комментарии даются в свободной форме, например:

возопить приставка **воз-**, корень **-оп-**, проверка: *воплъ* // корень *-оп-* / *воп-*, в начале слова появление согласного *в-* обусловлено историческими изменениями, ср. *осьмушка* — *восемь*, *отчий* — *отчина*; после приставки *воз-* этот согласный не мог появиться

песчаный сочетание *зч/сч/жч/шч/зтч/стч/щч*: **сч**, передающее [ш'ч'], [ш'ч'], на стыке морфем в слове с корнем на **с** §; *нн/н* в прилагательных: **н** в отыменном прилагательном с суфф. **-ан-** § // корень *пес* выделяется при сравнении со словом *супесь*

победа исторически приставка **по-** // образовано от *беда*, *бедить*, у слова было значение «поражение»

погоны исторически приставка **по-** // образовано от *погонять*, первоначально обозначало съёмную (подвижную) часть мундира

навешенный *а(я)/е* в причастиях и отглагольных прилагательных перед *нн*: **е** в слове от глагола *не* на **-ать(-ять)** (*навесить*) §, напр. *навешенная дверь*, *навешенный замок* // в разговорном стиле слово может быть синонимом слову *навешанный* от *навешать* (*картин, украшений*)

подаваться *одиночная/двойная согласная на стыке морфем*: **дд** на стыке приставки (*под-*) и корня (*-да-*) § // не путать с *подаваться*. Среди значений этих слов есть близкие значения: *подаваться чему, на что* — «согласиться на что-либо после просьбы» (разг.), раньше это значение не имело пометы (разг.), и *подаваться чему, на что* — «уступить под чьим-либо давлением», ср. *подаваться на уговоры* — *он с легкостью поддается*. В других значениях слова легко различаются: *подаваться* — *сдвигаться в сторону* (*ворота подались под напором*); но: *дверь с трудом поддалась под напором*; *податься в далекие края*

подростковый корень *рас(раст, ращ)/рос*: **исключение** — **о** перед **ст** § // исключение объясняется тем, что еще недавно ударение могло быть только на корне: *подрóстковый*

тэлик слова на *-ек/-ик*: **и** в слове с небеглым гласным § // неправ. *-лек*, ср. *велик* «велосипед», *видик* «видеомагнитофон»

В зоне комментариев может содержаться и дополнительная этимологическая информация, где она является лишь вспомогательной, например:

аккорде́он (ит. *accordion*) // этимологически тот же корень в слове *аккорд*

ассо́нанс (фр. *assonance* букв. созвучие из приставки *ad(as)* + *sonus* «звук») // этимологически выделяемая приставка *ac-* и корень *сон* «звук», ср. однокоренные *диссонанс*, *сонорный*, *унисон*

аксака́л (тюрк. *ак* белый + *сакал* борода) // в слове сохраняется характерный для тюркских заимствований сингармонизм гласных: в обоих слогах гласные непереднего ряда *a-a*

аккреди́тация (от лат. *accrēdere* от лат. *ac-* (*ad-* перед *c*) + *crēdō* верить) // этимологически тот же корень в слове *кредо*

аккура́тный (от лат. *accurātus* старательно исполненный, точный от *ac-* (*ad-* перед *c*) + *cūrō* стараться, заботиться, делать точно) // этимологически тот же корень в слове *куратор*

акроба́т (фр. *acrobate* из *acro* высокий, крайний + *baínō* ходить) // этимологически тот же первый корень *acro-* в словах *акрополь*, *акростих*

акро́поль (греч. *akropolis* верхний город) // этимологически тот же второй корень (часть слова) *поль* в словах *метрополия* (букв. мать городов), *некрополь*

тарака́н (др.-рус. торокань, укр. таракан, торган) закрепившееся написание // вероятно происхождение от тюрк. *tarkan* «сановник» в уничижительном смысле

Кроме того, зона комментария может содержать сведения об исторических значениях, диалектных связях и глубокой этимологии слов, о фонетических процессах, в результате действия которых слово приобрело данную письменную форму.

II. Справочник

Подход к написанию любого сборника орфографических правил во многом зависит от целей авторов. Справочники школьные, академические и для редакторов различаются и по объему описываемого материала, и по способу подачи правил, и по масштабу привлечения лингвистических данных. Особенности справочника, ориентированного на объяснительный словарь, потребовали не только расширения круга решаемых проблем, но и переформулирования и переструктурирования традиционных орфографических правил в разных их отделах. Кроме того, объяснения требуют не только слова, но и сами правила. Поэтому справочник в составе ОРОССа состоит из трех частей: первая — перечень сведенных воедино формул, используемых в словаре; вторая — текст правил, третья — текст правил с подробными и разнообразными комментариями.

Формулировки правил, используемых в ОРОССе, и применение их к реальному материалу требуют предварительного освещения некоторых общих положений.

Общие положения

Орфография как наука имеет собственный объект описания и собственные методы этого описания. Это проявляется, в частности, в том, что общепринятые лингвистические термины в орфографии могут иметь несколько иное значение, точнее, «наполнение» (см. ниже 1), что в орфографии есть также собственные понятия и термины, не используемые в других областях языкознания (см. 2), и что не всегда различие явлений, важное для других уровней описания языка, существенно для целей орфографического описания (см. 3). Применение правил в словаре к значительно более объемному материалу, выход за рамки привычных примеров, кочующих из одного справочника в другой, потребовали более или менее ясного осознания и принятия положения об иных содержательных границах ряда терминов.

1. Общепринятые лингвистические термины могут иметь в орфографии иное содержание. В частности, сложилась традиция значительно более диахронического понимания терминов *корень*, *приставка*, чем это принято в морфологии и словообразовании.

- ◆ Так, выделение корня *лаг/лож* в словах *предложение*, *предлагать*, *ложбина*, корня *мер/мир* в *замирать*, корня *дер/дир* в *придираться*, *пер/пир* в *препираться*, *твар/твор* в *растворить*, *растворимый*, *мак/мок* в *промокашка* противоречит, например, данным «Словообразовательного словаря русского языка» [Тихонов 1985]. Тем не менее все эти слова взяты из правил в справочниках и упражнений при них.

Словарное описание в рамках ОРОССа предполагает использование всего языкового потенциала данных орфограмм, включая и неактуальные для синхронии словообразовательные и семантические связи слов. В большей мере выделение морфем в орфографии соотносится с их выделением в морфемных словарях. Вопрос о правомерности выделения той или иной исторической морфемы каждый раз решается заново. В неоднозначных случаях составители прибегают к формулировке «исторически выделяемый корень», «исторически выделяемая приставка» и т. д.

2. В орфографии есть собственные понятия и термины. Одним из таких понятий является понятие *финали*². Именно оно «работает» в некоторых правилах, будучи обозначенным термином *суффикс*. Многие составители справочников практически прибегают к этому понятию, подразумевая его под формулировкой *слова на...* Другим способом является применение

² Данный термин используется в грамматике, но с иным содержанием — «для обозначения существенных в морфонологическом отношении конечных фонем основы» [Грамматика 1980: 141].

термина *буквосочетание* (напр., буквосочетание ИЧК). Использование термина *суффикс* в орфографии весьма противоречиво, но это связано не с большей диахроничностью орфографического описания, а с существом орфографического объекта.

Во-первых, в словообразовании и морфемике существует множество разногласий как в вопросах выделения суффиксов, так и в вопросах сведения суффиксальных морфов в морфемы. Сложности такого сведения и связанное с этим доказательство идентичности суффикса порождают большие трудности для орфографии, так как без представления об идентичности морфем невозможно применение проверки. Применение принципа проверки требует не только правильного выделения суффикса, но и правильного его отождествления с ударным суффиксом (то есть сведение морфов в морфемы, а это задача, от которой отказываются и морфемные словари)³.

- ◆ Например, для того, чтобы понять, можно ли проверять суффикс глагола суффиксом прилагательного в словах *багряне́ть* (*багря́ный*), *студене́ть* (*студё́ный*), *пьяне́ть* (*пья́ный*), *ледене́ть*, *окостене́ть* и др., надо доказать, что это один и тот же суффикс. Утверждение их идентичности содержится в [Грамматика 1980]. Но слова типа *столбене́ть* не имеют соответствующих прилагательных, кроме того, на наш взгляд, нередко значение слова не позволяет говорить о производящем прилагательном: *окостене́ть* не означает «стать костяным», а означает «стать как кость». Можем ли мы рассчитывать, что всякий пишущий будет искать — и найдет — точный суффикс? А ведь это определяет правомерность проверки.

Вообще применение принципа проверки в суффиксах значительно ограничено по сравнению с корнями: правописание суффиксов обычно дается по принципиально иной модели — нигде не приводится проверка и не оговаривается, рассматривается один и тот же суффикс (*владе́лец* — *владе́лица*) или два разных суффикса (*капита́лец* — *книжи́ца*), написание слова (*францу́женка*, *петербу́рженка*) часто не проверяется словом с тем же суффиксом под ударением (*петербу́ржа́нка*) и поэтому не считается исключением. Все это заставляет искать более адекватные способы формулирования правил.

Во-вторых, в справочниках по орфографии множество отклонений от того, как выделяются суффиксы в словообразовании.

- ◆ Типичная формулировка справочников: «суффикс *-ичк-* пишется у сущ. ж. рода, образованных от основ на *иц*, *ниц*» (*пуговичка*, *лестничка*) — противоречит словообразовательным словарям и словарям морфем, которые не выделяют суффикс *-ичк-*, а только суффиксы *-иц-/-ич-* и *-к-*.

³ «В Суффиксальной части словаря, как и в словаре префиксов, отсутствует сведение алломорфов в морфемы {...}, поскольку проблема сведения алломорфов в морфемы не имеет до сих пор однозначного решения» [Кузнецова, Ефремова 1986: 18].

- ♦ Правило о написании суффикса *ец* иногда иллюстрируется примерами *отец* [Соловьев 1997: 701], *владелец* [Валгина, Светлышева 1993: 39] и др., в которых либо вообще нет суффикса, либо это другой суффикс.

Эти «ошибки» с точки зрения словообразования и морфемки столь частотны и не случайны, что заставляют искать другие термины и другие понятия, работающие именно в орфографии.

В ОРОССе значительно расширен круг проблем, описываемых с помощью понятия *финаль*, которое в формульной части правила представлено формулировками типа *слова на -атай/-ат(ый)*, *слова на -ек/-ик*, *слова на -ен(ец)/-ин(ец)*, *слова на -ение/-яние*, *слова на -ец()//-иц()*, *слова на -ечк()/ -чк()*, *слова на -инк(а)/-енк(а)/-анк(а)*, *слова на -овк(а)/-авк(а)*, *слова на -яниц(а)*, *-яник/-ениц(а)*, *-еник*.

Сказанное означает, что составители ОРОССа стремились использовать понятие суффикса максимально корректно, точно. В ясных случаях говорится о выделении того или иного проверяемого или непроверяемого суффикса. В более сложных случаях идентификация суффикса либо констатируется, либо констатируется и обосновывается, иногда отмечаются возможные альтернативные трактовки.

3. Иногда в правилах по орфографии отражаются важные лингвистические различия, незначимые для собственно орфографии. Проиллюстрируем это на примере комплекса правил, касающихся написания сложных слов и сочетаний с приложением. Известно, что в лингвистике нет общепринятого определения приложения. Иногда в определение приложения вводят требование согласованности по падежу между определяемым и определением, т. е. к приложениям относят только склоняющееся в данном сочетании слово (*красавица-дочь* — род. п. *красавицы-дочери*). Иногда же это требование не включается в определение, тогда к приложениям относят и не склоняющиеся в данном сочетании существительные (*чудо-богатырь* — род. п. *чудо-богатыря*, *бой-баба* — род. п. *бой-бабы*). В известном справочнике среди сложных существительных приводятся примеры типа *дом-музей*, *кафе-кондитерская*, *школа-интернат*, *вагон-выставка*, *вагон-ресторан*, *завод-автомат*, *село-усадьба*, *избушка-временка* [Кайдалова, Калинина 1983: 92]. В других пособиях эти единицы характеризуются как сочетания существительных с приложением [Валгина, Светлышева 1993: 61]. Таким образом, в орфографических справочниках один и тот же материал описывается то в разделе правописания сложных слов, то в разделе пунктуации. На самом деле для целей орфографического описания подобная непоследовательность может быть интерпретирована вполне позитивно. Оказывается, что для создания успешного, «работающего» алгоритма написания данное различие языковых явлений совсем неважно: существенно лишь то, что, независимо от синтаксической характеристики, эти единицы состоят из двух самостоятельно употребляющихся существительных и пишутся через дефис. Мы пишем с дефисом *диван-кровать*, *джаз-клуб*, *жар-птица*, *икс-лучи*, *интернет-магазин*, *крем-пудра*, *пальто-пелерина*, *фронт-офис*, *шеф-повар*, *шоу-бизнес*, не подвергая эти единицы синтакси-

ческому анализу. Поэтому в предлагаемом ОРОССом правиле основной материал описан без учета понятий «сложное существительное» и «существительное с приложением» в качестве элементов, лежащих в основании выделения различных правил (последнее принято, например, в [Правила 2006]).

Особенности правил в словаре-справочнике

Правила в ОРОССе имеют ту особенность, что они ориентированы на словарную подачу. То есть при слове формулируется вся та часть правила, которая определяет его написание, и при этом подразумевается, что в корпусе правил не найдется другой формулировки, согласно которой слово, обладающее такими же признаками, рекомендуется писать по-другому. Это вызвало необходимость иного структурирования многих разделов орфографических правил, соотнесения и сопоставления, соподчинения разных правил, выявления в них противоречий. Составителям пришлось отказаться от такого распространенного способа построения правил, при котором есть правила общие и правила частные.

- ◆ Примеры такой подачи материала можно найти в любом справочнике. Например, в [Правила 2006] в разделе о написании сложных слов есть пункт, гласящий, что пишутся слитно «сложные слова с первой частью, оканчивающейся на **я**, напр.: *времяисчисление, времяимпульсный, имятворчество, семядоля, семяочистительный, себлялюбие, себлялюбивый*» (§ 117 п. 4, общие правила), а далее есть правило написания сложных существительных, гласящее: «Пишутся через дефис... сложные слова с несклоняемой первой частью, выраженной существительным в им. п. ед. ч., имеющим окончание, напр.: *ага-хан, горе-охотник, луна-парк, чудо-богатырь, эхо-импульс*» (§ 120 п. 3, имена существительные). Понятно, что слова первой группы отвечают всем требованиям второго правила и должны были бы писаться через дефис.

Если допустимость подобного построения правил в справочнике может быть предметом обсуждения, то для словаря это однозначно не подходит.

- ◆ В [Правила 2006] в примечании 3 к § 36 о правописании корней с безударным гласным написано, что слова типа *побирушка, постирушки, выдирки* пишутся с *и* потому, что образованы от глаголов с соответствующим написанием корня, хотя в самих существительных ударный *а* за корнем не сохраняется (т. е. *побирушка* от *побираться*, *выдирки* от *выдирать*). Конечно, возможна модель описания материала, при которой правило о правописании корней с чередованием является исключением из общего правила проверки и производности слова, а исключения из исключений являются на самом деле нормальным результатом действия общего правила. Но если рассматривать статус данных слов в отношении правила правописания корней *бер/бир, дер/дир*, то они должны быть охарактеризованы как исключения.

В результате анализа, сравнения формулировок нескольких широко известных справочников, был выработан ряд требований, которым должны отвечать правила в ОРОССе:

- 1) непротиворечивость,
- 2) необходимость и достаточность признаков классификации,
- 3) полнота охвата лексического материала.

При всей очевидности и элементарности этих требований они довольно часто не соблюдаются, и соблюсти их не всегда просто.

Непротиворечивость. В русской орфографии известно несколько сложных правил, которые не удастся описать непротиворечиво. «Сложные» правила бывают двух типов: правила, описывающие ограниченный объем лексики с устоявшимся написанием, и правила, описывающие очень большие массивы лексики со значительными колебаниями в написаниях и в ядре и на периферии массива. Избежать противоречивости правила, ориентированного на обозримое число слов, удастся путем введения полного списка исключений. Если «сложные» правила описывают обширные массивы лексики, то составить обозримый список исключений не удастся. В этом случае требуется другой способ описания.

- ◆ Например, правило о слитном/дефисном написании сложных прилагательных в современной орфографии строится на основании одного из двух принципов: 1) наличие или отсутствие суффикса в первой части и 2) сочинительное или подчинительное отношение основ. Ни один из двух принципов не позволяет обойтись без фразы «написание многих слов определяется по словарю». Остается непонятным, какую же часть материала описывает правило, а какую — словарь, в каком случае надо обращаться к словарю, а в каком — нет. Действительно, в языке действуют обе тенденции, и построить правило только на учете какой-либо одной не удастся. В ОРОССе правило формулируется на основании учета сразу обеих тенденций, что позволило выделить как область, где написание поддается однозначному определению, так и ту область, где написание находится во власти разнонаправленных тенденций, а именно это и определяет его неотрегулированность и, как следствие, необходимость обращения к словарю. При разнонаправленном действии тенденций написание слов определяется победой одной из них, что и отражается в словарной статье.

отношение основ	есть суфф. → дефис	нет суфф. → слитно
сочинительное → дефис	дефис <i>осенне-зимний</i>	словарно <i>тазобедренный</i> <i>звуко-буквенный</i>
подчинительное → слитно	словарно <i>горнолыжный</i> <i>подземно-транспортный</i>	слитно <i>чугунолитейный</i>
независимо от отношения	дефис <i>школьно-письменный</i>	слитно <i>топливотранспортный</i>

- осённо-зёмный** пишется через **дефис** как сложное прилагательное с сочинительным отношением основ и суфф. (-н-) в первой части §
- тазобёдренный** пишется **слитно** как сложное прилагательное без суфф. в первой части, несмотря на сочинительное отношение основ §
- звúко-бúквенный** пишется через **дефис** как сложное прилагательное с сочинительным отношением основ, несмотря на отсутствие суфф. в первой части §
- горнольёжный** пишется **слитно** как сложное прилагательное с подчинительным отношением основ, несмотря на наличие суфф. (-н-) в первой части §
- подзёмно-тráнспортный** пишется через **дефис** как сложное прилагательное с суфф. в первой части (-н-), несмотря на подчинительное отношение основ §
- чугунолитённый** пишется **слитно** как сложное прилагательное с подчинительным отношением основ и без суфф. в первой части §
- шкóльно-пíсьменный** пишется через **дефис** как сложное прилагательное с суфф. в первой части (-н-), независимо от отношения основ §
- топливотráнспортный** пишется **слитно** как сложное прилагательное без суфф. в первой части, независимо от отношения основ §

- ◆ Такое же решение было найдено и для объяснения написания сложных слов или сочетаний существительных с приложениями: была выделена область, где написание поддается правилам, и область, где написание не поддается правилам, а определяется словарем. Было выявлено, что словарное регулирование охватывает все слова с не употребляющейся самостоятельно одной или обеими частями и с первой частью на согласную. Вот как формулируется это правило: **Написание сложных существительных с первой частью, оканчивающейся на согласную, в которых одна или обе части самостоятельно не употребляются, определяется закрепившейся традицией и — для новых слов, не имеющих традиции написания, — рекомендациями академического орфографического словаря.**

С **дефисом** пишутся, напр., *ар-нуво, аудиенц-зал, брам-рей, брам-стеньга, айс-ревью, алатырь-камень, биг-бенд, биг-бит, бич-волей, бом-брамсель, бэк-вокал, бэк-офис, бэрбоут-чартер, вант-путенс, вант-трос, воленс-ноленс, воутинг-трест, гафель-гардель, глиттер-рок, гран-па, Гран-при, грин-карта, грот-мачта, гуд-бай, далай-лама, данс-группа, конференц-зал, социал-реформатор.*

Слитно пишутся, напр., *арккосинус, аутсайдер, бейсбол, бельканто, бельэтаж, бигмак, бизнесвумен, бизнесмен, бичбол, бойскаут, бойфренд, бонтон, брамишкот, брандвахта, брендмейстер, бультерьер, бундесбанк, бэкграунд, бэкслеш, бэкхенд, ватерлиния, ватерполо, вахтпарад, виндроуэр, виндсерфинг, гакблок, гандбол, гауптвахта, герольдмейстер, граннасьянс, грейпфрут.*

Наличие необходимых и достаточных признаков. Оценка правил с точки зрения достаточности/избыточности лингвистических признаков, положенных в основание классификации материала, также

составила отдельную проблему. Иногда избыточная, то есть не необходимая, информация действию правила не мешает, а в отдельных случаях, напротив, неоправданно ограничивает материал или осложняет его восприятие.

- ◆ В [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994] дается правило: «Пишутся слитно сложные имена существительные с глагольной первой частью на **-и**, например: *вертишейка, горчицвет* <...>» (§ 42). [Правила 2006] расширяют диапазон отглагольных основ — говорится о слитном написании сложных слов с первой частью, совпадающей с формой повелительного наклонения. Однако последующее уточнение «оканчивающейся на *и* или *ь*» не позволяет охватить слова *воруйгородок, гуляй-город, гуляйполе* и *Гуляй-поле* (§ 119, п. 4).
- ◆ В правиле об употреблении суффиксов прилагательных *-ив-* и *-ев-* включен признак относительности/качества прилагательных. При учете этого признака под данное правило не подпадают прилагательные цвета типа *сиреневый, бежевый*, которые считаются качественными, и, следовательно, для определения написания таких слов требуется какое-то другое правило.

Наличие в орфографических справочниках не необходимой информации может быть оправдано самыми различными целями, вплоть до методических, но в формульной части правил словаря ОРОСС она избегается.

Полнота описания материала, подпадающего под данное правило, в справочниках тоже далеко не всегда соблюдается.

- ◆ Например, в [Правила 2006] при описании слов «с суффиксами *-ев-, -ив-, -лив-, -чив-*» выделяются всего два пункта: слова на *-евый* и слова на *-ивый*, то есть все слова на *-евой* и *-ивой* из рассмотрения выпадают.

Кроме того, полнота описания материала предполагает исчерпанность списка исключений, относящихся к данному правилу. Подчеркнем, что при всех изменениях формулировок написание слов не менялось, менялась только модель описания материала в соответствии с целью ОРОССа и задачами орфографического описания.

Еще одной важной особенностью правил ОРОССа является само выделение орфографических проблем.

Справочники по орфографии могут быть поделены на два типа в зависимости от того, какой принцип русской орфографии положен в основу орфографического описания. Так, [Правила 1956] и вслед за ними академический справочник [Правила 2006] в значительной мере строятся на фонематическом принципе, а справочники под редакцией Д. Э. Розенталя и др. — в большей степени на морфологическом. В поисках наиболее удобных формулировок составители правил ОРОССа пришли к выводу, что опора на фонематический принцип позволяет не описывать целый круг проблем, которые не являются собственно орфографическими, хотя и включаются в орфографические справочники. Мы исходили не из нужд построения слова, а исключительно из нужд письменной передачи устной речи. То есть не нужно выбирать, какой употребить суффикс для обозначения человека, который прогуливает уроки, уже имеется слово *прогульщик*, и в нем нет других

проблем в письменной передаче звукового облика слова, кроме мягкого знака. И поэтому при создании конкретного правила стоит, например, не проблема выбора суффикса *-чик* или *-щик*, а проблема передачи [ч':] на стыке морфем. По той же причине формулируется не проблема написания твердого знака, а проблема передачи фонемы [j] (в результате объединяются слова *йод*, *майонез*, *фьорд*, *чыи*, *подъезд*, *секвойя* и йотированные гласные). Но, с другой стороны, ради удобства пользователя в правиле ОРОССа пишется не *передача фонемы ч долгая*, а *сочетание тч/дч*, что, как показала практика работы со школьниками, удобнее и привычнее для восприятия.

Таким образом, в основу орфографических правил в ОРОССе положен принцип, «согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет)» [Зализняк 2004: 171—172]. Выбор этого принципа имеет тот недостаток, что наши читатели воспитывались на справочниках Д. Э. Розенталя, в которых, например, формулируется правило выбора суфф. *-чик* или *-щик*, а не правило реализации на письме звука (фонемы).

Объяснения и комментирование часто требуют не только слова, но и сами правила. История возникновения орфографической проблемы, история кодификации, преимущества того или иного способа формулирования правила — всеми этими разнообразными типами комментария снабжаются правила в третьей части справочника.

Ниже приводятся примеры исторического комментария.

Историческая справка. Чередование **а—о** в корнях *гар/гор*, *касс/кос*, *клан/клон*, *лаг/лож*, *мак/мок*, а также **е—и** в корнях *бер/бир*, *дер/дир*, *мер/мир*, *пер/пир*, *тер/тир*, *стел/стил*, *чет/чит*, *зер/зир*, *леп/лип*, *рек(ч)/риц* унаследовано еще от праславянской эпохи. В древности первичные основы с краткими гласными противопоставлялись основам с долгими гласными со значением длительности или повторяемости. Со временем краткие *о* и *а* еще в позднеславянскую эпоху совпали в звуке *о*, долгие *о* и *а* в звуке *а*, краткое *і* преобразовалось в редуцированный *ь*, позднее перешедший в *е* или в нуль звука, краткое *е* преобразовалось в *е*, а долгое *і* в *и*, долгое *е* в *ѣ*. В древнерусском языке варианты корней с гласной *а* употреблялись преимущественно в глаголах несовершенного вида на *-ать*, с гласной *о* в глаголах на *-ить*, *-еть* совершенного вида. Например, в глаголе на *-ать*(*-ять*) несовершенного вида писалось *а* (*покланяться*, которое сохранилось под ударением в бесприставочном глаголе *кланяться*), а в глаголах на *-ить*, *-еть* совершенного вида писалось *о* (*поклониться*). Со временем видовое противопоставление перестало связываться с чередованием в корне, однако разное написание часто сохраняется. Появлялись новые слова с теми же корнями, в которых выбор варианта уже никак не связан с видовым противопоставлением. В течение 19—20 вв. в отдельных словах с корнями *гар/гор* написание изменялось. Так, вместо *загарать* (*а* в несовершенном виде) появилось *за-*

горать, по аналогии с *загореть* (*о* в совершенном виде). В появившихся в 18 в. производных *выгарки*, *изгарь*, *пригарь*, *гаревой* установилось написание *а*, как в словах с ударной гласной, то есть соблюдается основной принцип современной орфографии. Хотя для слова *выгорание*, которое в 18 в. существовало в вариантах *выгарание* и *выгорание*, установилось написание *о*.

Историческая справка. Чередование в корнях *равн/ровн*, *рас/рос*, *раз/роз*, *лад/лод* связано с взаимодействием церковнославянского языка, которому были свойственны начальные *ра-*, *ла-*, и древнерусского языка с исконным начальным *ро-*, *ло-*. Слова, заимствованные из церковнославянского языка, взаимодействовали с русскими словами: вытесняли их, меняли свое значение или дифференцировались по значению с русскими словами. Так, слова *расти*, *растить* заимствованы из церковнославянского и вытеснили русские *рости*, *ростить*. Слово *равнодушный* изначально означало «имеющий ровный характер», а потом приобрело значение «безразличный». Поэтому так сложно построить правило на основании значения. Кроме того, заимствованные слова могли менять и свое написание. Например, словари Даля и Ушакова дают два написания (*равнёхонько*, *ровнёхонько*), после 1956 года устанавливается написание *ровнёхонько*, *ровнёшенько* как для производных от слова *ровно*. Однако это написание противоречит правилу, так как слово *ровнёхонько* (*в два часа*) не имеет значения «ровный, гладкий».

Другой тип комментария касается разных способов формулирования разбираемого правила. Анализируются и сравниваются встречающиеся по справочникам разные типы формулировок. Отмечаются и преимущества или недостатки предлагаемой новой формулировки. Например, комментарий относительно правописания приставок на *з/с*.

Примечание — комментарий. Формулировка в [Правила 1956] («...перед глухими *к, н, т, ф, х, ц, ш, щ* пишется *с* вместо *з*»), как и формулировки в справочниках под ред. Д. Э. Розенталя («Приставки... пишутся с буквой *з* перед гласными и звонкими согласными и с буквой *с* перед глухими согласными»), допускают двоякую трактовку: имеются в виду звуки или буквы. В. Н. Светлышева вводит такое уточнение: «в соответствии с произношением перед гласными и звонкими согласными пишется *з*, перед глухими согласными *с*» [Валгина, Светлышева 1993]. Во всех теоретических работах по орфографии правило приводится в качестве примера написания по звучанию: *с* пишется перед глухими звуками, *з* — перед звонкими звуками и гласными. В [Правила 2006] данная норма формулируется так: «...перед буквами, передающими глухие согласные (<...>), пишется буква *с*, а в остальных случаях — буква *з*». Более точной была бы такая формулировка: «...перед буквами, основным значением которых является передача звонкого согласного». При такой формулировке обеспечивается не только написание слова *безвкусный*, *безвкусица*, *бессбросовый* [РОС], но и потенциальные слова типа *черезвторниковый*, *бессбрунный*, *бессбойный*. Опрошенные носители все без исключения ориентировались на написание букв, а не на звуки в слове. Таким образом, можно сказать,

что правило, появившееся в результате фонетических изменений и отражавшее звуковое восприятие слова, стало восприниматься как ориентированное на буквы, а не на звуки.

Некоторые комментарии рассказывают об истории кодификации слов, особенно если это важно и для сегодняшнего дня. Например:

Примечание 2. Слова *заревать*, *зарянка*, *заревой* изменили написание в словарях последних десятилетий. С 1999 г. в академическом орфографическом словаре [РОС] дается слово *заревать*. До 1974 г. словари рекомендовали писать слово *зорянка* с корнем *зор-*. «Орфографический словарь русского языка» в 13-м издании 1974 г. утвердил новое нормативное написание *зарянка*. Слово *заревой* с 1991 г. рекомендуют писать только с корнем *зар-*, хотя в орфографическом словаре 1974 г. приводились (возможно, ошибочно) оба варианта, а в 1956 г. было только *зоревой*, хотя в словаре Д. Н. Ушакова *заревой*. Как имя собственное закрепилось написание *Зоревая пушка* (в Петербурге), хотя в общем случае пишется *заревая пушка*. В качестве примера приведем название рассказа В. Шукшина, которое до сих пор пишется то «*Заревой дождь*», то «*Зоревой дождь*».

Заключение

Статья имеет подзаголовок «в поисках синтеза словаря и правил». Составители стремились соединить в концепции «Объяснительного русского орфографического словаря-справочника» традиции орфографического словаря русского языка и теоретическое орфографическое описание современной нам нормы письма, нацеленное на сообщение максимума сведений как системного характера, так и характеризующих орфографическую индивидуальность слов.

В будущем с учетом возможностей электронных поисковых систем вполне реальным видится полное описание орфографической системы русского языка, охватывающее все многообразие русских орфограмм независимо от их частотности и степени сложности. Составители ОРОССа рассматривают его как первый шаг на пути к орфографическому тезаурусу русского языка.

Литература

- БАС — Большой словарь русского языка. М., 2000.
Бройде 2000 — М. Б. Бройде. Словарь-справочник к школьному курсу русской орфографии. М., 2000.
Валгина, Светлышева 1993 — Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993.
Гиляревский, Старостин 1985 — Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Глинкина 2001 — Л. А. Г л и н к и н а. Этимологические тайны русской орфографии. Словарь-справочник. Оренбург, 2001.

Глинкина 2006 — Л. А. Г л и н к и н а. Этимологические тайны русской орфографии. Словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

Грамматика 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I. М., 1980.

Грузберг А., Грузберг Л. 2006 — А. Г р у з б е р г, Л. Г р у з б е р г. Слитно? Раздельно? Через дефис? Словарик школьника. Екатеринбург, 2006.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусская графика со смещением ъ—о и ъ—е // Отцы и дети Московской лингвистической школы: памяти В. Н. Сидорова. М., 2004.

Захаренко, Комарова, Нечаева 2008 — Е. Н. З а х а р е н к о, Л. Н. К о м а р о в а, И. В. Н е ч а е в а. Новый словарь иностранных слов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.

Кайдалова, Калинина 1983 — А. И. К а й д а л о в а, И. К. К а л и н и н а. Современная русская орфография / Учеб. пос. для вузов по специальности «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М., 1983.

Крысин 1998 — Л. П. К р ы с и н. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998 (и след. изд.).

Кузнецова, Ефремова 1986 — А. И. К у з н е ц о в а, Т. Ф. Е ф р е м о в а. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Метс 2000 — Н. А. М е т с. ПРЕ- и ПРИ-. Правописание приставок // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Метс 2000a — Н. А. М е т с. Или НН. Правописание суффиксов // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Потапурченко 2000 — З. Н. П о т а п у р ч е н к о. Непроверяемые и труднопроверяемые гласные и согласные // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Потапурченко 2000a — З. Н. П о т а п у р ч е н к о. Слитно или раздельно? Правописание сложных слов // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994 — Д. Э. Р о з е н т а л ь, Е. В. Д ж а н д ж а к о в а, Н. П. К а б а н о в а. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.

РОС — Русский орфографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005, 2007.

Сараева 2004 — А. Н. С а р а е в а. Как проверить «непроверяемое» слово. Занимательный словарь-помощник для школьников и учителей. М., 2004.

Соловьев 1997 — Н. В. С о л о в ь е в. Русское правописание. Орфографический справочник. СПб., 1997.

Соловьев 2000 — Н. В. С о л о в ь е в. Орфографический словарь. Комментарии. Правила. СПб., 2000.

Срезневский 2002 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 2002.

Тихонов 1985 — А. Н. Т и х о н о в. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007 (авторы этимологических зон Л. В. Куркина и Л. П. Крысин).

Фасмер 1986 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., стереотип. с добавлениями О. Н. Трубачева. М., 1986.

Е. В. УРЫСОН

**СОЮЗЫ ЕСЛИ, КОГДА И РАЗ:
ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА***

Союзу *если* посвящена огромная литература, причем данное служебное слово описывалось в рамках диаметрально противоположных подходов. С одной стороны, этот союз признается семантическим примитивом, т. е. словом, которое не поддается экспликации через более простые понятия [Жолковский 1964; Вежбицкая 1996а; 1996б] и в особенности [Wierzbicka 1997]. Тем самым, союз *если* рассматривается как некий «семантический монолит», лишенный внутренней структуры. С другой стороны, этот союз, безусловно, выражает какую-то весьма богатую семантику [On conditionals 1986; On conditionals again 1997]. В частности, в высказывании вида *Если P, то Q* он может обозначать разные логические отношения между ситуациями [Athanasiadou, Dirven 1997]. Поэтому во многих работах союз *если* рассматривается как слово, обладающее сложной семантической структурой, влияющей на организацию всего высказывания [Ducrot 1972; Грамматика-80; Гладкий 1982; Падучева 2004; Ляпон 1986; Разлогова 1988; Санников 2001а/2008]. Наличие таких разных точек зрения на союз *если* само по себе свидетельствует о трудности описания его значения.

Сложность описания союза *если* усугубляется тем, что он выступает в различных контекстах, причем в некоторых из них легко заменим на временной союз *когда*. Ср. *Если Петя задерживался, ужинали без него* vs. *Когда Петя задерживался, ужинали без него*. Однако в других контекстах *если* заменим не на *когда*, а на *раз*, а этот союз иногда относят к причин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и гранта НШ-3205.2008.6.

В основу предлагаемой работы положена статья [Урысон 2001]. Союзы *если* и *раз* сравнивались нами в словарной статье «РАЗ, ЕСЛИ», написанной для «Нового объяснительного словаря синонимов» [Урысон 2004а]. Автор благодарит всех участников «Нового объяснительного словаря синонимов», и прежде всего Ю. Д. Апресяна, за ценные критические замечания, высказанные при обсуждении этой словарной статьи.

ным. Ср. *Если Петя задерживается, придется ужинать без него* vs. *Раз Петя задерживается, придется ужинать без него*. Наконец, существуют контексты, в которых союз *если* не заменим ни на *когда*, ни на *раз*. Ср. *Если будут пробки, мы опоздаем*. Значит ли это, что союз *если* имеет разные значения, в частности временное или причинное?¹

Для ответа на этот вопрос оказалось плодотворным выявлять семантику союза *если*, сравнивая его с союзами *когда* и *раз*.

Союз *раз* неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, причем предлагались толкования этого союза, сделанные в рамках Московской семантической школы [Иорданская 1988; Иорданская, Мельчук 2007; Санников 2001б/2008]. Тем не менее некоторые особенности употребления союза *раз* как будто еще не описаны достаточно полно. В настоящей работе мы попытаемся заполнить эти лакуны. Что касается союза *когда*, то мы опишем лишь тот класс его контекстов, где он заменим на *если*.

Для наших целей естественно сначала описывать союз *если*, а затем, на базе имеющегося описания, сравнивать его с союзами *когда* и *раз*.

1. Центральное значение союза *если*: «если гипотезы»

Основной тип употреблений союза *если* иллюстрируется следующими примерами:

- (1) *Если будут пробки (P), то мы опоздаем на самолет (Q)*;
- (2) *Мы пойдем купаться (Q), если будет хорошая погода (P)*;
- (3) *Если Петя приехал во вторник (P), он уже все узнал от Андрея (Q)*.

З а м е ч а н и е. В некоторых высказываниях союз *если* выступает в виде *если... то*, ср. (1). Строго говоря, мы имеем дело с союзом, состоящим из двух компонентов — *если* и *то*, причем компонент *то* в большинстве контекстов или факультативен, или невозможен. Компонент *то* всегда открывает главное предложение. При этом он допустим лишь при постпозиции главного предложения, но и в этом случае может опускаться, ср. (3). В абсолютном начале высказывания компонент *то* невозможен. Не исключено, что данный компонент выражает некоторую тонкую семантику, однако в данной работе мы ее игнорируем. В дальнейшем мы не различаем варианты *если* и *если... то*.

Очевидно, что союз *если* в приведенных примерах — это средство, с помощью которого мы сообщаем, что и P, и Q — это всего лишь наше предположение, наша гипотеза (ср. [Ducrot 1972]), а не описание реального или даже вымышленного положения дел. Именно поэтому во многих языках союз *если* (точнее — его эквивалент в данном языке) требует поста-

¹ В терминологии, принятой в московской семантической школе, слово, взятое в отдельном значении, называется лексемой. Поставленный вопрос тогда формулируется так: верно ли, что в данных контекстах выступают разные лексемы союза *если*?

новки предиката вводимой им пропозиции в специальное — условное — наклонение². В каких случаях мы строим такие гипотезы?

Ясно, что говорящий прежде всего не знает, какая ситуация — Р или не-Р — имеет место в описываемый отрезок времени. Кроме того, говорящий считает, что в этот отрезок времени ситуация Р возможна. При этом, строя гипотезу ‘Р имеет место’, говорящий безусловно отдает себе отчет в том, что может иметь место как Р, так и не-Р [Грамматика-80; Падучева 1985; Ляпон 1986; Вежбицкая 1996б]. Однако гипотеза говорящего не ограничивается содержанием ‘Р имеет место’. Говорящий представляет, как развиваются события в рамках его гипотезы, а именно, какая еще ситуация Q, связанная с Р, имеет тогда место³.

Сказанное можно записать в виде следующего выражения:

- (I) *Если Р, то Q* [*Если будут пробки (Р), мы опоздаем на самолет (Q)*] ≈
 (Ia) ‘говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени’;
 (Ib) ‘говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация Р, возможна [= может иметь место] ситуация не-Р’;
 (Ic) ‘говорящий представляет [≈ строит гипотезу]: имеет место ситуация Р’;
 (Id) ‘говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы события развиваются так: имеет место ситуация Q, связанная с ситуацией Р’.

В ирреальных контекстах экспликация (I) модифицируется. Действительно, сравним пример (1) с ирреальным высказыванием

² В русском языке в предложении Р (и, соответственно, Q) возможно как изъявительное, так и сослагательное наклонение. Ср. (а) *Если ты захочешь (Р), ты узнаешь много интересного (Q)* vs. (б) *Если бы ты захотел (Р), ты бы узнал много интересного (Q)*. Фраза (б) с сослагательным наклонением допускает два понимания: невыполненности условия (‘не захотел и не узнал’) и мягкого пожелания (‘хорошо, чтобы ты захотел’). Неоднозначность снимается контекстом, ср. (в) *Если бы тогда захотел (Р), ты бы узнал много интересного (Q)*. «Сослагательное наклонение означает невыполненное условие только в случае лексически или контекстно выраженной отнесенности условия к плану прошлого» [Падучева 1985: 72]. Отметим, что частица *бы* (*б*), как правило, располагается непосредственно после *если*, тяготея к слиянию с ним в одно слово. Это отражала старая (до 1918 г.) орфография, в соответствии с которой сочетание *если бы* писалось в одно слово, без пробела. Тем самым, по старой орфографии в русском языке формально различались два союза: «*если* реального условия» и «*если* ирреальное». Последнему союзу синонимичен стилистически отмеченный союз *кабы*, ср. *Эх, кабы на цветы не морозы, / И зимой бы цветы расцветали* (народная песня). В этом союзе частица *бы* полностью втянулась внутрь слова.

³ Как показывает Е. В. Падучева, перечисленные выше компоненты союза *если* хорошо объясняются через постулаты коммуникативности Грайса [Падучева 2004: 103].

(1a) *Если бы я был директором школы (P), я бы отменил все контрольные (Q).*

Произнося высказывание (1a), говорящий, во-первых, знает, что ситуация P ‘я — директор школы’ не имеет места. Во-вторых, он, скорее всего, не считает ситуацию P возможной, а просто представляет ее⁴. Поэтому не исключено, что применительно к ирреальным контекстам требуется говорить уже не о союзе *если*, а об особом союзе *если бы*. Его экспликация получается из выражения (I) преобразованием компонента (1a) и снятием компонента (Ib). Ср.

(II) *Если бы P, то Q [Если бы я был директором школы (P), я бы отменил все контрольные (Q)] ≈*

(IIa) ‘говорящий знает, что ситуация P не имеет места в описываемый отрезок времени’;

(IIb) ‘говорящий представляет [≈ строит гипотезу]: имеет место ситуация P’;

(IIc) ‘говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы события развиваются так: имеет место ситуация Q, связанная с ситуацией P’.

Статус выражений (I) и (II) будет рассмотрен ниже. Сейчас попытаемся ответить на более частный вопрос: каким образом могут быть связаны ситуации P и Q⁵.

Оказывается, что союз *если* служит для обозначения целого спектра возможных видов связи между двумя ситуациями.

Начнем с самой простой логически связи.

(i) ситуация P является причиной существования ситуации Q

Примеры:

- (1) *Если будут пробки (P), мы опоздаем на самолет (Q)* [пробки (P) — причина опоздания на самолет (Q)];
- (4) *Если мы сдадим работу в срок (P), премия нам обеспечена (Q)* [выполнение работы вовремя (P) — причина получения премии (Q)];
- (5) *Если они не достали билетов на автобус (P), им придется ехать поездом (Q)* [отсутствие билетов на автобус (P) — причина того, что им придется ехать поездом (Q)].

Возможно, причинно-следственная связь — это самая обычная связь между ситуациями P и Q [Comrie 1986].

Однако две ситуации могут быть связаны и несколько иначе.

⁴ Другая точка зрения на подобные примеры высказывается А. Вежбицкой [Wierzbicka 1997].

⁵ В логике пропозицию P в выражении *Если P, (то) Q* называют протасисом, а пропозицию Q — аподозисом. Поставленный нами вопрос в этих терминах переформулируется так: какова связь между протасисом и аподозисом? Этой теме посвящена, в частности, работа [Athanasiadou, Dirven 1997].

(ii) ситуация Р является условием существования ситуации Q

Примеры:

(2) *Мы пойдем купаться (Q), если будет хорошая погода (P).*

В данном случае ситуация Р не создает ситуацию Q, как в примерах выше, а лишь благоприятствует ей, т. е. является условием ее существования.

(6) *Если они попадут в Париж (P), то сразу отправятся в Лувр (Q)* [пребывание в Париже (P) — условие посещения Лувра (Q)];(3) *Если Петя приехал во вторник (P), он уже все узнал от Андрея (Q)* [приезд Пети во вторник — не причина, а обстоятельство, благодаря которому он все знает от Андрея].

Во многих случаях, однако, трудно определить, какая именно связь — причинная или условная — выражается в предложении вида *Если P, то Q*. Ср.

(7а) *Если ты не проспишь (P), ты сможешь увидеть рассвет (Q).*

Ранний подъем (P) естественно понимать как условие, при выполнении которого можно увидеть рассвет (Q). Но видимо, не менее естественно понимать его и как причину, которая порождает ситуацию ‘ты видишь рассвет’. Последнее понимание поддерживается высказыванием

(7б) *Он смог увидеть рассвет (Q), потому что не проспал (P).*

С логической точки зрения ситуации Р и Q в примерах (7а, б) связаны абсолютно одинаково. Однако в (7б) эта связь оформлена с помощью союза *потому что*, т. е. подана как причинно-следственная. Можно подумать, что все дело в гипотетичности или реальности обсуждаемых ситуаций: то, что в рамках гипотезы является условием (мыслится как условие), ср. (7а), подается как причина, когда речь идет о реальном, осуществившемся положении дел, ср. (7б)⁶. Однако это не так: гипотеза может осуществиться, однако условие некоторой ситуации не станет мыслиться при этом как ее причина. Ср. нормальное высказывание

(6) *Если они попадут в Париж (P), то сразу отправятся в Лувр (Q)* [P — условие ситуации Q]

и плохой пример

(6а) **Они сразу отправились в Лувр (Q), потому что попали в Париж (P).*

Нормальна фраза

(8) *Если тебя отпустят немного раньше (P), мы поужинаем вместе (Q)* [P — условие ситуации Q]

⁶ Эта точка зрения на причину и условие принимается в целом ряде работ, например, в [Грамматика-80; Иорданская 1988; Иорданская, Мельчук 2007: 479].

и прагматически странное высказывание

(8a) *Мы поужинали вместе (P), потому что тебя отпустили немного раньше (Q).*

Причина и условие не всегда различимы по природе самих вещей. Отметим, что эти языковые концепты лежат в основе философских понятий причины, условия и причинности, однако и с точки зрения философии «различие между причиной и условием относительно» [ФЭС: статья «Причина и следствие»].

Перейдем к следующему типу высказываний с *если* — в них выражена более опосредованная связь между ситуациями.

(iii) ситуация P влияет на положение дел и тем самым обуславливает ситуацию Q

Примеры:

(9) *Если дети пойдут в поход (P), они обязательно возьмут с собой гитару (Q);*

(10) *Если у них родится мальчик (P), они назовут его Иваном (Q)* [пример из работы [Санников 2001a/2008]];

(11) *Если к нам приедут гости (P), мы отведем им самую лучшую комнату (Q).*

Вряд ли ситуация P в этих высказываниях является причиной или условием существования ситуации Q: такая трактовка кажется натянутой [Вежбицкая 1996б; Wierzbicka 1997]⁷. Тем не менее и в этих контекстах между P и Q имеется некая, хотя и трудно эксплицируемая, каузальная зависимость. Иногда эта зависимость похожа на причинную: так, в (10)—(11) ситуация Q не может существовать без ситуации P. Иногда эта зависимость напоминает скорее условную, ср. (9). Но ни (9), ни (10)—(11) не допускают соответствующих перифраз. Абсурдно высказывание **Дети обязательно возьмут с собой гитару при условии, что они пойдут в поход*. Бессмысленны высказывания: **Мы отвели гостям самую лучшую комнату, потому что они к нам приехали; *Они назвали мальчика Иваном, потому что он у них родился* (равно как и высказывания **Они назвали ребенка Иваном, потому что он мальчик* (потому что у них родился мальчик)). Безусловно, в подобных случаях речь идет о влиянии ситуации P на некоторое общее положение дел, и существование ситуации Q — одно из следствий этого влияния. Однако описать это влияние конкретнее, по-видимому, невозможно. Существенно, что данный тип каузальной связи между P и Q не конкретизирован в самом естественном языке. Подобную каузальную зависимость можно назвать каузальностью, или обусловлен-

⁷ Мы рассуждаем о естественном языке. На языке математической логики P является достаточным условием для Q.

ностью, в широком смысле. О понятии обусловленность см. работу [Евтухин 1996].

(iv) ситуации P и Q вызваны одной и той же причиной или существуют благодаря одному и тому же условию

Этот тип взаимосвязи ситуаций иллюстрируется примерами

- (12) *Если американцы первыми полетят на Марс (P), они и на Венеру полетят первыми (Q);*
(13) *Если он выиграет первенство мира (P), он и на Олимпиаде станет победителем (Q).*

Очевидно, что, например, ситуация ‘американцы первыми полетят на Марс’ не может быть ни причиной, ни условием того, что они первыми полетят и на Венеру. Аналогичным образом устроена и фраза (13). Ситуации P и Q связаны в обоих случаях опосредованно — они существуют благодаря одной и той же причине или возникают при одних и тех же условиях: применительно к (12) это высокий уровень развития науки и техники, в случае (13) это мастерство данного спортсмена.

Похожим образом устроены и следующие высказывания, предполагающие ситуацию гадания:

- (14) *Если сумма цифр будет четной (P), он меня любит (Q);*
(15) *Если сейчас из-за угла выедет машина (P), я сдам экзамен (Q).*

На первый взгляд, здесь между ситуациями P и Q вообще нет никакой логической связи. Но так ли это? Дело в том, что данные фразы предполагают ситуацию гадания, а прототипически гадание основано на следующем представлении об устройстве мира. «В мире нет случайностей. Одна и та же сила устраивает все ситуации. Человек не знает, как действует эта сила, поэтому он не знает будущего. Однако даже самая незначительная ситуация P — это проявление действия данной силы. Эта сила может подать человеку знак, по которому можно узнать, как она действует в очень важном случае, в частности, можно узнать, будет иметь место ситуация Q или не-Q». Поскольку одна и та же сила устраивает все ситуации, то значит, все ситуации имеют какую-то общую, универсальную причину. Тем самым фразы (14)—(15) предполагают опосредованную общую причину у двух, казалось бы, совершенно независимых ситуаций. При этом ситуация Q важна для говорящего, а ситуация P мыслится как знак ее существования⁸. Очевидно, что этот знак «подается» той же силой, от которой зависит и существование ситуации Q.

ЗАМЕЧАНИЕ. Строго говоря, высказывания, подобные (14)—(15), образуют особый класс. Описывая их, следует указать, что одна ситуация является знаком другой, важной для говорящего, причем ситуация-знак вводится союзом *если*. Если

⁸ Благодарим за это замечание Р. И. Розину.

приписать эту информацию союзу *если*, то окажется, что *если* в этом типе контекстов выступает в особом значении: «*если гадания*».

Заметим, что говорящий, произнося высказывания типа (14)—(15), может не отдавать себе отчета в том, что такое гадание. Ведь мы не отдаем себе отчета и во многих других своих представлениях, о которых не задумываемся специально. Такая безотчетность свидетельствует о том, что представления, о которых идет речь, уходят из обыденного сознания людей, сохраняясь при этом в стереотипах речи. Подобные ситуации известны лингвистам [Абаев 1934/1995]. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить семантику данных стереотипов.

В случае обусловленности двух ситуаций Р и Q каким-то третьим фактором, союз *если* уже не вводит ситуацию-каузатор (она остается невыраженной) — он просто указывает на сосуществование, сопутствование двух ситуаций. Благодаря этому в данном классе высказываний союз *если* приобретает определенное сходство с симметричными предикатами. В частности, для данных высказываний справедливо следующее квазисинонимическое преобразование:

(16) *Если А, то В ≈ Если В, то А.*

Примеры:

(17) *Если сумма цифр будет четной (А), он меня любит (В) ≈ Если он меня любит (В), сумма цифр будет четной (А);*

(18) *Если сейчас из-за угла выедет машина (А), мне достанется второй билет (В) ≈ Если мне достанется второй билет (В), то сейчас из-за угла выедет машина (А).*

Правда, в некоторых случаях преобразование (16) влечет довольно существенное изменение смысла: меняется последовательность описываемых ситуаций. Ср.

(12а) *Если американцы первыми полетят на Марс (А), они и на Венеру полетят первыми (В) [полет на Марс раньше полета на Венеру] ≈ Если американцы первыми полетят на Венеру (В), они и на Марс полетят первыми (А) [полет на Венеру раньше полета на Марс].*

Однако сама по себе опосредованная связь между описываемыми ситуациями сохраняется и в этом случае. Между тем в случае непосредственной каузальной связи между Р и Q преобразование (16) абсолютно недопустимо. Ср. нормальное высказывание (2) и абсурдное (2а):

(2) *Мы пойдем купаться (А), если будет хорошая погода (В);*

(2а) *Если мы пойдем купаться (А), будет хорошая погода (В).*

Аналогичным образом нормально высказывание (1) и абсурдно (1а):

(1) *Если будут пробки (А), то мы опоздаем на самолет (В);*

(1а) *Если мы опоздаем на самолет (В), будут пробки (А).*

Таково кардинальное различие между данным типом связи между двумя ситуациями и непосредственной каузальной зависимостью между ними⁹.

ЗАМЕЧАНИЕ. Способность союза *если* обозначать взаимосвязь между ситуациями P и Q, обусловленными каким-то неназванным фактором, ярко проявляется в примерах типа

- (а) *Если я приду (P), то не один (Q)*;
 (б) *Если она полюбит (P), то навсегда (Q)*.

Строго говоря, P и Q здесь — это не две ситуации, а два фрагмента одной ситуации (ср. *Я приду не один, Она полюбит навсегда*). Для нас важно, что и P, и Q в данном случае обусловлены каким-то общим фактором. Отметим, что в подобных высказываниях выражается дополнительный модальный смысл: ‘не может быть так, чтобы я пришел один’, ‘не может быть так, чтобы она полюбила не навсегда’ (на этот смысл обратил наше внимание И. М. Богуславский). При этом союз *если* в подобных случаях всегда выступает в виде *если... то*.

Попытаемся обобщить, что же выражает союз *если* в перечисленных случаях (i)—(iv). Для этого нам понадобятся два понятия — ситуация и положение дел. Оба они уже употреблялись выше. Теперь уточним их.

Термин *ситуация* широко употребляется в теоретической семантике. Однако он неоднозначен. Одно понимание данного термина таково: ситуация — это то, что обозначается предикатом¹⁰. Иными словами, «под ситуацией понимается определенное лексическое отражение (в данном языке) некоторого “куска” действительности» [Мельчук 1974: 85]. С этой точки зрения можно говорить, что ситуации делятся на действия, процессы, состояния, свойства, отношения и т. п.¹¹ При другом понимании ситуация — это то, что обозначается предикатом со всеми его зависимыми. В частности, говорят, что простое предложение P обозначает ситуацию ‘P’. Именно так мы употребляли термин *ситуация* выше, в выражениях типа ‘говорящий представляет: имеет место ситуация P’. Есть и третье понимание этого термина, оно представлено в контекстах типа *ситуация речевого общения*. В дальнейшем нас будет интересовать термин *ситуация* в его втором понимании.

Нам важно уточнить термин *ситуация* потому, что это слово употребляется и в обычной речи, но в ином значении. Ср. *Безвыходных ситуаций не*

⁹ Правда, некоторые фразы, описывающие непосредственную каузальную зависимость между P и Q, как будто допускают преобразование типа (15). Ср. (3) *Если Петя приехал во вторник (A), он уже все узнал от Андрея (B)* — (3а) *Если Петя уже все узнал от Андрея (B), значит он приехал во вторник (A)*. Но между (3) и (3а) есть существенное различие. Забегая вперед, отметим, что (3) описывает прежде всего каузальную зависимость между A и B, а (3а) указывает в первую очередь на умозаключение говорящего. Эти случаи подробно разбираются ниже, в разделе 3.

¹⁰ Ср. определение предиката: «предикат — лексема, обозначающая ситуацию» [Апресян 2004а].

¹¹ См. фундаментальную классификацию предикатов Ю. Д. Апресяна [Апресян 2004а; 2006].

бывает; Вот такая сложилась у нас ситуация; Доложите ситуацию. В подобных высказываниях слово *ситуация* синонимично лексеме *положение*, сочетанию *положение дел*, а также лексеме *обстановка*. Ср. *Безвыходных положений не бывает; Вот такое положение (дел); Вот такая обстановка; Доложите обстановку.* Лингвистический термин *ситуация* в его втором и третьем понимании хотя и сближается со словом *ситуация* естественного (русского) языка, но все-таки не совпадает с ним.

Прежде всего, слово *ситуация*, в отличие от лингвистического термина, обозначает нечто важное, то, от чего зависит дальнейшая жизнь и деятельность субъекта. Поэтому нормально высказывание *Отпуск кончился, а детей в сад не берут, и няни нет — вот такая ситуация*; однако странно: *Дети завтракают, муж собирается на работу — вот такая ситуация.* Кроме того, ясно, что для описания ситуации — безвыходная ли она или просто сложившаяся, скорее всего, не хватит одного предиката даже со всеми его зависимыми (или одного простого предложения); ср. примеры выше. Можно сказать, что обычное слово *ситуация* обозначает множество (совокупность) важных для субъекта ситуаций во втором понимании этого термина. В частном случае это множество как будто может состоять из одной ситуации; ср. *От меня жена ушла. Вот такая ситуация.* Но и в этом случае подразумевается совокупность ситуаций (в терминологическом понимании): глубокое внутреннее переживание, изменившаяся жизнь, одиночество и т. п. Заметим, что для описания *положения (дел)* или *обстановки* тоже не хватит одного предиката даже со всеми его зависимыми или одного простого предложения.

Нам понадобится и термин для обозначения некоторой совокупности ситуаций (в терминологическом смысле). Введем для этого понятие *положение дел*¹². Под *положением дел* будем понимать совокупность ситуаций, как-то связанных друг с другом. Так, текст: *Начался дождь (P). Все побежали к метро (Q), и улица быстро опустела (R)* описывает положение дел, состоящее из трех ситуаций — P, Q и R. Аналогичным образом, высказывание *Когда идет снег (P), я всегда вспоминаю Москву (Q)* описывает положение дел, состоящее из ситуаций P и Q.

Вернемся к употреблению союза *если*. В контекстах (i)—(iv) речь идет о том, что некоторая ситуация влияет на имеющееся положение дел. Эта ситуация может быть не названа — случай (iv), ср. *Если американцы первыми полетят на Марс (P), они и на Венеру полетят первыми (Q); Если сумма цифр будет четной (P), он меня любит (Q).* Здесь и главное, и придаточное предложения описывают результат влияния на положение дел некоторой третьей, неназванной ситуации. Напомним, что в подобных контекстах союз *если* отчасти сближается с симметричными предикатами, так

¹² В русскоязычной литературе понятия ‘ситуация’ и ‘положение дел’ (state of affairs) были, по-видимому, впервые введены в книге И. А. Мельчука [Мельчук 1974], где считались синонимичными.

что высказывание *Если А, то В* квазисинонимично высказыванию *Если В, то А*. Ср. *Если американцы первыми полетят на Марс, они и на Венеру полетят первыми* \approx *Если американцы первыми полетят на Венеру, они и на Марс полетят первыми*; *Если сумма цифр будет четной (Р), он меня любит (Q)* \approx *Если он меня любит, сумма цифр будет четной*.

Однако в других рассмотренных контекстах, ср. (i)—(iii), обозначены и ситуация, влияющая на положение дел, и ситуация, являющаяся следствием этого влияния. При этом каузирующая ситуация, т. е. та, которая влияет на положение дел, всегда предваряется союзом *если* и выражается придаточным предложением, а результат влияния, т. е. каузируемая ситуация, описывается главным предложением. Заметим, что информация о том, какой конкретный фактор приводит к каким последствиям, по-видимому, не относится к языку как таковому — это общее знание говорящих о мире (так называемая «наивная энциклопедия»). Однако информация о том, какая ситуация является фактором, а какая — следствием этого фактора, входит в значение союза *если*. Она выражается в синтаксическом оформлении пропозиций: пропозиция, обозначающая причину или условие, всегда вводится *если* и составляет придаточное, а пропозиция, обозначающая результат действия данной причины (или условия), всегда оформляется как главное предложение. Поэтому нормальна фраза типа *Если будет хорошая погода, мы устроим маленький поход*, но аномально (абсурдно, бессмысленно) высказывание *Если мы устроим маленький поход, будет хорошая погода*. Второе высказывание может быть понято только в том смысле, что наш поход повлияет на погоду, а это противоречит общим знаниям о мире.

Из всего сказанного ясно, что в контекстах типа (i)—(iii) слово *если* ведет себя как каузальный союз с довольно широким значением. При этом характер связей между ситуациями Р и Q может быть описан через вполне простые понятия. Поэтому мы можем конкретизировать компонент (Id) выражения (I), описывающего значение союза *если*. Для удобства выпишем всю дополненную экспликацию союза *если*.

- (III) *Если Р, то Q* [*Если будут пробки (Р), мы опоздаем на самолет (Q)*] \approx
- (IIIa) ‘говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени’;
- (IIIb) ‘говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация Р, возможна [= может иметь место] ситуация не-Р’;
- (IIIc) ‘говорящий представляет [\approx строит гипотезу]: имеет место ситуация Р’;
- (IIIд) ‘говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы имеет место следующее:
- (IIIд-1) ситуация Р является причиной или условием существования ситуации Q; поэтому имеет место ситуация Q;

- (III_d-2) ситуация Р, не являясь причиной или условием существования ситуации Q, влияет на имеющееся положение дел; в результате имеет место ситуация Q;
- (III_d-3) существует некоторая ситуация п, влияющая на имеющееся положение дел; в результате имеют место ситуации Р и Q; они вызваны одной и той же причиной п или возникают в результате одного и того же условия п'.

(Мы сознательно пошли на некоторые повторения в пунктах (III_d-1) и (III_d-2) — на наш взгляд, они делают рассуждение более четким). Аналогичным образом дополняется и выражение (II), эксплицирующее семантику ирреального *если бы*.

Отметим, что компоненты (III_d-1) и (III_d-2) соответствуют хорошо известным типам каузации: (III_d-1) — непосредственной каузации, а (III_d-2) — косвенной каузации¹³. Случай (III_d-3) стоит несколько особняком — его выделение необходимо для описания примеров типа (iv), в которых союз *если* ведет себя (почти) как симметричный предикат.

Пока союз *если* как будто не представлял особых трудностей для описания. Однако специфика этого союза состоит в том, что он употребляется еще в одном типе контекстов, которые в каком-то смысле противоположны контекстам, описанным выше.

(v) ситуация Р не влияет на положение дел

Примеры:

- (19) *Если Коля опоздает (Р), его не оштрафуют (Q);*
 (20) *Если Петя ее обидит (Р), она будет продолжать улыбаться (Q);*
 (21) *Если они окажутся в Париже (Р), они в музее ходить не будут (Q) — их интересуют только магазины.*

К этой группе относятся и примеры типа

- (22а) *Если он изменит (Р), она его простит (Q);*
 (22б) *Если я заболею, к врачам обращаться не стану (Я. Смеляков) [Санников 2001а/2008: 418].*

На подобные высказывания обратила внимание А. Вежбицкая, см. [Вежбицкая 1996б; Wierzbicka 1997] — именно они препятствуют тому, чтобы считать союз *если* каузальным, и именно они делают этот союз нетолкуемым. Подобные контексты четко демонстрируют, что семантика *если* не сводится к обозначению условия, или причины, или какой-либо каузальной зависимости. Эти высказывания представляют для нас особый интерес.

¹³ Оппозиция «непосредственная vs. косвенная каузация» проявляется, в частности, в семантике русских причинных предлогов [Иорданская, Мельчук 1996; Левонтина 2004].

Данный тип контекстов как будто похож на контексты (i)—(ii), но в отличие от высказываний (1)—(8), здесь речь идет о том, что ситуация Р никак не влияет на положение дел. Получается, что союз *если* может оформлять противоположные типы отношений между Р и Q. Ср.

- (19a) *Если Коля опоздает (P), его оштрафуют (Q) — Если Коля опоздает (P), его не оштрафуют (Q);*
 (20a) *Если Петя ее обидит (P), она перестанет улыбаться (Q) — Если Петя ее обидит (P), она будет продолжать улыбаться (Q);*
 (21a) *Если они окажутся в Париже (P), они будут ходить по музеям (Q) — Если они окажутся в Париже (P), они не будут ходить по музеям (Q);*
 (22a) *Если он изменит (P), она его не простит (Q) — Если он изменит (P), она его простит (Q).*

Быть может, в случаях (v) мы просто имеем дело с другим значением союза *если*? Союз *если* действительно выражает здесь особый смысл, однако это возможно лишь в определенном типе контекстов. Требуется, чтобы ситуация Р принадлежала к набору всем известных, житейских ситуаций, которые обычно или часто влияют на имеющееся положение дел, но могут и не повлиять на него. Таковы ситуации опоздания (могут заметить и оштрафовать, а могут и не заметить и не оштрафовать), супружеской измены (одни не прощают, а другие прощают), обиды (кто-то реагирует на обиду, а кто-то — нет) и т. п. Набор таких ситуаций, по-видимому, невелик. Если ситуация Р не принадлежит к этому набору, то союз *если* всегда выражает влияние Р на положение дел¹⁴. Ср.

- (23) *Если бумага будет черной (P), буквы на ней проступят (Q) — Если бумага будет черной (P), буквы на ней не проступят (Q)* [ситуация Р в обоих случаях влияет на положение дел и порождает ситуацию Q].

Итак, союз *если* выражает особый, некаузальный смысл лишь в определенном круге контекстов. Но тогда перед нами не особое значение союза *если*, а лишь его контекстная модификация. Действительно, фразы типа *Если Коля опоздает (P), его оштрафуют (Q) — Если Коля опоздает (P),*

¹⁴ Как справедливо отмечает В. З. Санников, некоторые причинно-следственные связи абсолютно обязательны и не могут нарушаться — соответствующее положение дел просто не может иметь место. Ср. пример В. З. Санникова: **Если он не знает английский (P), он сможет сделать доклад на английском языке (Q)*. Незнание английского — причина невозможности делать доклад на этом языке; данная причинно-следственная связь между ситуациями не может нарушаться. Между тем, в данном высказывании она нарушена, поэтому высказывание бессмысленно. См. [Санников 2001a/2008: 419—420]. Мы, однако, не можем согласиться с утверждением, что в высказываниях типа *Если ты не справишься с работой, тебя будут ругать, Если Коля опоздает, его оштрафуют* «достаточно заметной причинно-следственной зависимости компонентов нет» [Там же: 419—420].

его не оштрафуют (Q) различаются отрицанием ‘не’, и именно оно, а не союз *если*, создает «противоположное» понимание данных высказываний¹⁵.

Контексты типа (v) близки высказываниям с уступительным союзом *хотя* в его центральном значении [Грамматика-80]. Ср. примеры внутри следующих пар:

(19б) *Если Коля опоздает* (P), *его не оштрафуют* (Q) — *Хотя Коля опоздает* (P), *его не оштрафуют* (Q);

(20б) *Если Петя ее обидит* (P), *она будет продолжать улыбаться* (Q) — *Хотя Петя ее обидит* (P), *она будет продолжать улыбаться* (Q).

Фразы в каждой паре описывают, вообще говоря, одно и то же положение дел. В (19б) это ‘Коля опоздает’ и ‘Колю не оштрафуют’; в (20б): ‘Петя ее обидит’, ‘она будет продолжать улыбаться’. Поэтому союз *если* в подобных контекстах даже признается «эквивалентом уступительного союза» [Грамматика-80: 588]. Однако фразы внутри данных пар равнозначны лишь ситуативно. Союзы *если* и *хотя* выражают в них разную семантику. Союз *хотя* указывает на то, что ситуация типа P обычно влияет на положение дел и препятствует существованию ситуации Q, при этом Q имеет место вопреки препятствию (подробнее о союзе *хотя* см. [Урысон 2002]). Союз *если* семантически гораздо беднее. Попытаемся понять, что он выражает в подобных контекстах.

Ситуация P в случае (v) мыслится как некая возможная причина или возможное условие другой ситуации: опоздание — обычно причина штрафа, обида лишает человека возможности улыбаться и т. п. Суть в том, что эта причина (или условие) остаются потенциальными: ситуация P не влияет на положение дел. Тем не менее ситуация P, подобно «настоящей» причине, всегда вводится союзом *если*: иной порядок пропозиций радикально меняет смысл высказывания или же приводит к почти абсурдному результату. Ср. *Если он ей опять изменит, она его простит* [измена не влияет на положение дел] vs. *Если она его простит, он ей опять изменит* [полученное прощение влияет на положение дел, так что человек опять изменяет]; *Если Петя опоздает, его не оштрафуют* [опоздание не влияет на положение дел] vs. *Если Петю не оштрафуют, он опоздает* [прагматически странное высказывание, с трудом поддающееся осмыслению].

Быть может, союз *если* указывает на то, что ситуация P не влияет на положение дел? Мы вынуждены признать, что в семантику *если* это указание не входит — соответствующая информация передается контекстом. Что же остается на долю союза?

В примерах типа *Если он опоздает, его не оштрафуют*, безусловно, обозначена какая-то связь между P и Q, причем эта связь как будто имеет от-

¹⁵ В примерах типа *Если он ее обидит, она перестанет улыбаться* — *Если он ее обидит, она будет продолжать улыбаться* компонент ‘не’ выражен не отдельным словом, а «запрятан» в значение лексемы *продолжать* = ‘не перестать’.

ношение к каузальной зависимости, но при этом она таковой не является. Перед нами какая-то самая естественная, понятная связь между ситуациями: P — это некоторая «исходная» ситуация, отправная точка нашей гипотезы, а Q — развитие гипотезы, то положение дел, которое имеет место в ее рамках. Язык использует для обозначения такой связи между ситуациями союз *Если P, то Q*. Мы, однако, не находим в языке никакого однозначного слова для обозначения этой связи. Тем самым, данная связь между ситуациями не поддается экспликации — она может быть обозначена только самим союзом *если*. Эта связь отчасти напоминает каузальную, но ее невозможно описать в привычных терминах каузальной зависимости. Мы можем дать ей лишь условное название, например такое: «псевдозависимость ситуации Q от ситуации P». Но разумеется, это только ярлык, а не экспликация семантики союза *если* в данном типе высказываний. Мы не можем истолковать союз *если* в контекстах типа (v) через более простые понятия.

Вернемся к нашей попытке толкования союза «*если гипотезы*» — к выражению (III). Для того чтобы учесть контексты (v), это выражение нужно дополнить. Требуется ввести в список связей между ситуациями P и Q указание на тип связи между ситуациями в этих контекстах. Обсуждаемый компонент мог бы иметь такой вид:

(III-4) 'имеет место псевдозависимость ситуации Q от ситуации P'.

(Соответствующим образом требуется дополнить и выражение (II), описывающее ирреальное *если бы*.)

Ясно, однако, что выражение (III-4) не может быть компонентом аналитического толкования: обсуждаемый тип связи между ситуациями не определяется, а просто обозначается некоторым условным ярлыком. В семантике союза *если* выделяется специфический компонент, для выражения которого мы не находим в естественном языке никакого подходящего слова. Перед нами «довербальный семантический элемент». Слово «довербальный» не означает, что данный элемент исторически предшествует обычным семантическим компонентам (так же как слово *недоразвитый* не обозначает начальной или промежуточной стадии развития, после которой наступает норма). Определение «довербальный» указывает на специфическую природу данного элемента, на его особый статус в семантическом метаязыке: в естественном языке нет слова или морфемы для его выражения. Этим данный элемент принципиально отличается от тех элементов, которые обозначаются словами естественного языка.

Выделение довербального элемента в семантическом разложении слова ставит ряд теоретических проблем, которые будут подробно обсуждаться ниже (р. 6).

Но нужен ли вообще этот список связей между ситуациями? Быть может, этот реестр имеет отношение к логике, к нашим знаниям о мире, но не к языку? Не будь в экспликации союза *если* этого перечня, нам не понадобился бы и этот принципиально новый семантический объект.

Попытаемся описать союз *если* по-другому.

В высказываниях с *если* могут обозначаться две противоположных вещи: 'X' и 'не-X', ср. 'влияет на положение дел' — 'не влияет на положение дел'. Следуя обычной логике лингвистического рассуждения, требуется признать, что данный каузальный компонент не релевантен для союза *если*. Тогда семантика *если* должна сводиться к выражению гипотезы, предположения говорящего. Ср. возможную экспликацию значения *если*:

- (IV) *Если P, то Q* [*Если будут пробки (P), мы опоздаем на самолет (Q)*] ≈
 (IVa) 'говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени';
 (IVb) 'говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация P, возможна [= может иметь место] ситуация не-P';
 (IVc) 'говорящий представляет [≈ строит гипотезу]: имеет место ситуация P';
 (IVd) 'говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы имеет место ситуация Q'.

При таком подходе, однако, мы теряем важную информацию о том, что причина или условие, если они выражены в данном высказывании, всегда вводятся союзом *если* и не могут быть обозначены главным предложением. Или иначе: в высказывании вида *Если P, то Q* ситуация P никогда не каузируется ситуацией Q. По толкованию (IV) получается, что нормальное высказывание *Если будет хорошая погода, мы пойдем гулять* синонимично абсурдному высказыванию *Если мы пойдем гулять, будет хорошая погода*. Но последнее высказывание абсурдно именно потому, что в нем выражена каузальная зависимость: получается, что наша прогулка влияет на погоду. Кроме того, остается без системного объяснения тот факт, что в некоторых контекстах союз *если* напоминает симметричный предикат, ср. квазисинонимичное преобразование: *Если сумма цифр будет четной, он меня любит* — *Если он меня любит, сумма цифр будет четной*. Между тем в других случаях подобное преобразование недопустимо. Ср. *Если будут пробки, мы опоздаем* — *Если мы опоздаем, будут пробки*. Таким образом, толкование союза *если*, игнорирующее его каузальную природу, оказывается неадекватным.

ЗАМЕЧАНИЕ. Остановимся на толковании союза «*если гипотезы*», предложенном В. З. Санниковым: *Если X, (то) Y* = 'Возможно не-X; Возможно X; В ситуации X достаточно вероятны ситуации Y, Y1, Y2, ... Yn; После события X или одновременно с ним имеет место событие Y' [Санников 2001a/2008: 420]. Это толкование не удовлетворяет нас по двум причинам.

Во-первых, данное толкование лишь косвенно и вследствие этого весьма неполно отражает информацию о каузальной зависимости между X и Y, выражаемой союзом *если*. Если исходить из этого толкования, получается, что высказывание

Если дети будут смотреть телевизор, я буду читать синонимично высказыванию *Если я буду читать, дети будут смотреть телевизор*. Ситуации ‘дети будут смотреть телевизор’ (А) и ‘я буду читать’ (В), действительно, имеют место одновременно, но в первом высказывании ситуация А каузирует ситуацию В, а во втором — наоборот, ситуация В каузирует ситуацию А. В приведенном толковании этот факт не отражен. Кроме того, судя по данному толкованию в русском языке нормальны высказывания с *если*, не выражающие никакой каузальной зависимости между ситуациями и указывающие лишь на их сопутствование. Ср. *Если мы пойдем в поход (P), будет хорошая погода (Q)*. Но подобные высказывания абсурдны. Таким образом, обсуждаемое толкование как минимум неполно.

Во-вторых, при внимательном рассмотрении оказывается, что данное толкование сформулировано не вполне корректно. Рассмотрим, как употребляется в этом толковании слово *ситуация*. Во фрагменте ‘достаточно вероятны ситуации Y, Y1, Y2, ... Yn’ под ситуацией, очевидно, понимается то, что обозначается предложением (в частном случае — главным предложением Y). В соответствии с предложенным выше описанием, это второе понимание термина *ситуация*. Что касается фрагмента ‘В ситуации X...’, то он не вполне ясен. Если слово *ситуация* употреблено здесь терминологически, то выражение *в ситуации* может быть понято только как ‘при наличии ситуации X’. Но ‘при наличии X’ — это ‘если имеет место X’ или ‘если существует X’. Тем самым толкование фактически содержит круг: *если* толкуется через его далеко не более простой квазисиноним *при наличии*. Однако выражение *в ситуации* может быть употреблено здесь и по-другому: ведь в русском языке есть выражение *в ситуации*. Ср. *Что ему оставалось делать в этой ситуации?* Здесь слово *ситуация* — это уже не термин, оно имеет другое значение (см. об этом выше, с. 8—9). Но тогда слово *ситуация* употреблено в толковании в двух разных значениях — терминологическом и обычном, а это некорректно.

Итак, в толковании союза *если* необходимо отразить каузальную природу этого слова. Выделение типов каузальной связи между ситуациями Р и Q необходимо для системного описания других значений и употреблений союза *если*, а также его «соседей» в лексической системе языка — союзов *раз* (раздел 3) и *хотя* [Урысон 2002].

Однако анализ этих слов и других значений союза *если* показал, что предложенный выше перечень связей между ситуациями Р и Q можно упростить, задав типы связей в более общем виде. Нам будет важно противопоставление следующих связей между Р и Q: (а) ситуация Р влияет на положение дел и обуславливает существование ситуации Q; (б) ситуации Р и Q обусловлены какой-то третьей ситуацией; (в) имеет место псевдозависимость ситуации Q от ситуации Р.

Исходя из всего сказанного, предлагаем следующую экспликацию союза «*если гипотезы*».

- (V) *Если P, то Q* [*Если будут пробки (P), мы опоздаем на самолет (Q)*] ≈
- (а) ‘говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени’;
- (б) ‘говорящий считает, что в этот отрезок времени возможна [= может иметь место] ситуация Р, возможна [= может иметь место] ситуация не-Р’;

- (с) 'говорящий представляет [\approx строит гипотезу]: имеет место ситуация Р';
- (d) 'говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы имеет место следующее:

 - (d-1) ситуация Р влияет на имеющееся положение дел; в результате имеет место ситуация Q;
 - (d-2) существует некоторая ситуация п, влияющая на имеющееся положение дел; в результате имеют место ситуации Р и Q;
 - (d-3) имеет место ситуация Q'; «псевдозависимость ситуации Q от ситуации Р».

Мы намеренно заключаем последний компонент в обычные, немарровские, кавычки — этим подчеркивается его особая природа: перед нами не компонент аналитического толкования, а довербальный, долексемный семантический элемент, которому мы можем дать лишь условный ярлык. (Аналогичным образом изменяется и дополняется толкование ирреального союза *если бы*.)

В представлении (V) объединены все типы непосредственной каузальной зависимости ситуации Q от ситуации Р, ср. компонент (d-1). Такое представление позволяет противопоставить каузальную зависимость Р от Q двум другим видам отношений между Р и Q, ср. (d-2) и (d-3). Заметим, однако, что представление (V), в отличие от (III), не демонстрирует в явном виде тесную связь между смыслом 'если' с одной стороны и семантическими примитивами 'причина' и 'условие' — с другой.

Выражение (V) содержит метку некоторого смысла вместо его ясной экспликации: выражаясь языком Московской семантической школы, данный компонент «не вербализуем». Следовательно, данное выражение не может претендовать на статус толкования — это всего лишь некая дескрипция союза *если*. Добавим, что в этом выражении фигурирует слово *гипотеза* и выражения *строить гипотезу*, *в рамках этой гипотезы*, которые семантически несомненно богаче служебного слова *если*, а кроме того стилистически отмечены как книжные. Мы, однако, не можем заменить в предлагаемой дескрипции эти слова более простыми. Тем самым наше описание подтверждает вывод А. Вежбицкой: «...смысл *если* не может быть получен (...) из более простых понятий» [Вежбицкая 1996а: 295]¹⁶. Но при этом мы выделяем в составе *если* вполне четкие компоненты, из которых только один действительно не поддается экспликации.

Однако нужно ли подобное разложение смысла союза *если*? Быть может, проще считать, что семантические примитивы вообще не подлежат никакой декомпозиции?

¹⁶ Заметим, что А. Вежбицкая сначала не считала союз *если* семантическим примитивом, причем толковала его через семантический компонент 'imagine' [Wierzbicka 1972]. Однако в дальнейшем А. Вежбицкая пришла к выводу, что смысл 'если' проще, нежели смысл 'imagine' [Wierzbicka 1997].

Сначала ответим на последний вопрос.

В семантике союза *если* мы выделяем компонент 'ситуация Р влияет на имеющееся положение дел'. Внутри этого компонента на определенном шаге разложения выделяются элементы 'причина' и 'условие' [см. (Шд-1)], которые претендуют на статус семантических примитивов, и невербализуемый элемент «псевдозависимость ситуации Q от ситуации Р». Однако даже внутри данных, как будто неразложимых компонентов, выделяется некая вполне вербализуемая, т. е. ясно толкуемая часть. Это указание на время: ситуация Q имеет место одновременно с Р или позже Р¹⁷. Высказывание *Если Р, то Q* тоже содержит это указание — ситуация Р имеет место раньше или одновременно с ситуацией Q [Разлогова 1988: 99]. Союз *если* «наследует» данное указание на время из своих компонентов. Следовательно, для того чтобы объяснить временную соотношенность ситуаций Р и Q, описываемых в высказывании *Если Р, то Q*, требуется определенная декомпозиция семантических примитивов 'причина' и 'условие' и примитива «если гипотезы».

Выделение компонента 'время' в семантике союза *если* необходимо еще и по другой причине.

Значение 'если' во многих языках выражается не специальным словом, а лексемой многозначного слова типа *когда*. Ср. устаревшее значение русского слова *когда* 'если', представленное в примерах

- (24) *Когда помилует нас Бог, Когда не буду я повешен, То буду я у ваших ног, В тени украинских черешен* (А. С. Пушкин);
(25) *Когда б я был не Иоаннов сын, Не сей давно забытый миром отрок: Тогда б... тогда б любила ты меня?..* (А. С. Пушкин).

А. Вежбицкая отмечает, что аналогичным образом выражается условное значение в некоторых австралийских языках [Вежбицкая 1996а: 302]. Возможно, мы сталкиваемся здесь с «полисемической универсалией» (или фреквенталией): слово со значением 'когда' нормально развивает значение 'если'.

Как бы то ни было, соответствующую лексему *когда* 'если' нужно признать семантическим примитивом. Но для того чтобы описать структуру полисемии слова *когда*, требуется выделить тот общий компонент значения, который объединяет временную лексему *когда 1* и условную лексему *когда 2*. Очевидно, этим общим компонентом является указание на время. Отказываясь от попыток выделения внутри лексемы со значением 'если'

¹⁷ Тот факт, что в понятиях причины и условия вычленяется более простое понятие времени, хорошо известен, см. [Апресян 1974: 130]. Отметим, что в некоторых высказываниях ситуация Q как будто предшествует ситуации Р. Ср. *Если я поеду в Вену (Р), куплю себе новую куртку (Q)*. Однако, как справедливо отмечается в [Храковский 1998: 35 сл.], предложение Р в таких случаях представляет своего рода свертку пропозиции 'Если я буду знать, что Р'. Ср. 'Если я буду знать, что поеду в Вену (Р), куплю себе новую куртку (Q)'

составных элементов, мы оказываемся не в состоянии описать хорошо известную многозначность данного временного союза¹⁸.

Итак, семантические примитивы 'причина', 'условие' и 'если' не являются абсолютно неразложимыми «монокитами» — в них выделяется как минимум семантический компонент 'время'.

Теперь покажем, что в значение «если гипотезы» действительно входят компоненты (а)—(д), причем их выделение необходимо для системного описания целого ряда лексических единиц.

2. «Если обобщения» — контекстная модификация лексемы «если гипотезы». Ее квазисиноним — союз *когда*

Рассмотрим контексты типа:

- (26) *Если Петя задерживается (P), то мы ужинаем без него (Q)*;
 (27) *Если шел дождь (P), лепили на веранде из пластилина (Q)* (С. Довлатов);
 (28) *Он счастлив (Q), если ей накинет / Боа пушистый на плечо (P)* (А. С. Пушкин).

Примеры типа (26)—(28) описывают не предположение, не гипотезу говорящего, а некоторое положение дел, имеющее место в реальном или вымышленном мире. Союз *если* в подобных высказываниях можно заменить союзом *когда*. Ср.

- (26а) *Когда Петя задерживается (P), то мы ужинаем без него (Q)*;
 (27а) *Когда шел дождь (P), лепили на веранде из пластилина (Q)*.

Заметим, что союз «если гипотезы», как правило, не может быть заменен временным союзом *когда*: полученный результат аграмматичен. Ср. *Если будут пробки, мы опоздаем* — **Когда будут пробки, мы опоздаем*; *Если Петя приехал во вторник, он уже все узнал от Андрея* — **Когда Петя приехал во вторник, он уже все узнал от Андрея*. В некоторых случаях такая замена возможна, но высказывание с *когда* сильно отличается по смыслу от высказывания с *если*. Ср. *Если я выйду из этой больницы, начну новую жизнь* [говорящий не знает, выйдет ли он из больницы, но считает, что это возможно] vs. *Когда я выйду из этой больницы, начну новую жизнь* [нет указания на знание и мнение говорящего].

¹⁸ Указание на время, по-видимому, объединяет условное и сопоставительное значение союза *если*. Последнее представлено в примерах типа *Если в Александровском округе климат морской, то в Тымовском он континентальный* (Чехов, пример из [МАС]). Попытка выделить подобный семантический инвариант, объединяющий условное и сопоставительное значение союза *если*, предпринята в работе [Гладкий 1982]. Заметим, что примеры с сопоставительным союзом *если* допускают естественный перифраз, в состав которого входит слово *время*. Ср. *В то время как в Александровском округе климат морской, в Тымовском он континентальный*.

Ясно, что союз *если* в примерах типа (26)—(28) отличается от союза «*если гипотезы*», разобранный выше: мы имеем дело с новым лексикографическим объектом. Отметим, что в высказываниях типа (26)—(28) речь идет не о единичных, а о повторяющихся ситуациях. Поэтому слово *если* в данном типе контекстов будем называть союзом «*если обобщения*».

Очевидно, что в семантику «*если обобщения*» не входит указание на мнение или знание говорящего, по крайней мере, в том виде, в котором оно входит в значение «*если гипотезы*». Это первое кардинальное отличие «*если обобщения*» от «*если гипотезы*».

Подчеркнем, что для описания этого очевидного различия требуется выделить в значении «*если гипотезы*» соответствующие семантические компоненты. В толковании (V) они представлены в следующем виде: (а) ‘говорящий не знает...’; (b) ‘говорящий считает...’; (с—d) ‘говорящий представляет...’. Таким образом, для системного описания различий между «*если гипотезы*» и «*если обобщения*» требуется декомпозиция семантического примитива «*если гипотезы*». В семантике союза «*если обобщения*» компоненты (а)—(d) отсутствуют. (Ниже этот вывод будет уточнен.)

Теперь сосредоточимся на втором отличии «*если обобщения*» от «*если гипотезы*»: в высказываниях с «*если обобщения*» речь идет о повторяющихся ситуациях, точнее — о классах ситуаций. Действительно, в высказываниях типа (26)—(28) повторяющиеся ситуации (например, ‘Петя задерживается’) подаются как некое типичное, обобщенное положение дел.

Понимание Р и Q как классов ситуаций обеспечивается, прежде всего, видо-временной формой глагола в пропозициях Р и Q: оба глагола обозначают повторяющееся действие, т. е. видовая граммема глаголов имеет кратное значение (это разновидность общефактического значения несовершенного вида)¹⁹. Ср. возможную экспликацию обсуждаемой формы глагола:

(А) ‘ситуация Р повторяется’ = ‘в период времени Т в какие-то отрезки времени t_1, \dots, t_k имеет место ситуация Р’.

(Видо-временная форма глагола пропозиции Q выражает, очевидно, аналогичное значение.)

¹⁹ Реализация данного видо-временного значения требует контекстной поддержки. Например, высказывание *Петя задерживался, мы ужинали без него* вне контекста может быть понято двояко: и как описание единичного, и как описание повторяющегося положения дел. Эта неоднозначность снимается контекстом. Ср. *На следующей неделе все повторилось. Петя задерживался, мы ужинали без него* [речь идет о повторяющемся положении дел] vs. *Я уже не помню, что было в понедельник. Кажется, Петя задерживался, мы ужинали без него* [описывается единичное, не повторяющееся положение дел]. Об условиях, благоприятствующих реализации общефактического значения вообще и его разновидностей, см. [Гловинская 1982].

Однако в наших примерах речь идет не только о том, что в некоторые отрезки времени имеет место ситуация Р, — подразумевается еще и то, что в другие аналогичные отрезки времени ситуация Р не имеет места. Так, в (21)—(21а) подразумевается, что Петя не каждый раз задерживается по вечерам; в (22)—(22а) подразумевается, что дождь шел не всегда и т. п. Иными словами, в обсуждаемых примерах выражен не смысл (А), а следующее, более богатое значение:

- (В) '(i) в период времени Т в какие-то отрезки времени t_1, \dots, t_k имеет место ситуация Р;
(ii) в какие-то другие отрезки времени t_m, \dots, t_n , которые, возможно, чередуются с t_1, \dots, t_k , имеет место ситуация не-Р'.

(В пропозиции Q выражено, очевидно, аналогичное значение.)

Значение (В) состоит из двух компонентов. Первый компонент (i) совпадает со смыслом (А). Он выражен видо-временной формой глагола. А чем выражен компонент (ii) обсуждаемого значения? Теоретически, он может выражаться или видо-временной формой глагола, или контекстом, или самим союзом.

Оказывается, что союзы *если* и *когда* в этом отношении различаются. Союз *если* сам выражает данное значение, а в высказываниях с *когда* оно выражается контекстом, причем часто весьма широким, включая просодическое оформление и энциклопедические знания о мире.

Продемонстрируем это. Рассмотрим сначала следующий пример (заимствован нами из работы [Гладкий 1982], где обсуждался с несколько другой интерпретацией):

(29а) *Когда отец приходил домой (Р), мы ужинали (Q).*

В этом высказывании речь идет о двух повторяющихся ситуациях Р и Q, определенным образом соотнесенных во времени. При этом данный пример допускает более одного понимания. Одно из них таково: 'когда отец приходил домой, мы сидели за столом и ужинали'. Иными словами, пример (29а) допускает понимание, при котором ситуации Р и Q имеют место одновременно. В дальнейшем это понимание нас не будет интересовать.

Второе понимание фразы (29а) таково: 'отец приходил домой, и мы сажались ужинать'. Иными словами, ситуация Р непосредственно предшествует ситуации Q. Более точно, субъект не начинает Q, пока не имеет место Р. Ср. аналогичные примеры: *Когда отец уходил на работу, мы шли гулять*; *Когда кино кончалось, мама выключала телевизор* и т. п. Во фразе (29а) при данном ее понимании речь идет о повторении ситуации Р и ситуации Q, но не о чередовании Р и не-Р (и, соответственно, Q и не-Q).

Наконец, пример (29а) имеет еще и третье понимание: 'когда отец приходил домой, мы ужинали; а когда не приходил — ложились спать без ужина'. При таком понимании сказуемое *приходил* в (29а) выделяется контрастным ударением: *Когда отец ↓приходил домой (Р), мы ужинали (Q).* В

этом случае в (29а) говорится и о повторении ситуаций Р и Q, и о чередовании Р и не-Р, а также Q и не-Q: 'иногда отец приходил, и тогда мы ужинали; иногда — не приходил и мы не ужинали'.

Ясно, что при втором понимании во фразе (29а) выражен смысл (А), а в последнем случае — более богатый смысл (В). Однако видо-временная форма глагола в пропозициях Р и Q при обоих пониманиях одна и та же. В данном случае обсуждаемое семантическое различие обеспечивается просодией: при втором понимании она нейтральна, а при третьем глагол в пропозиции Р выделен контрастным ударением.

Теперь заменим в примере (29а) союз *когда* на союз *если*:

(29б) *Если отец приходил домой (Р), мы ужинали (Q).*

Пример (29б) допускает только одно понимание: 'иногда отец приходил, и тогда мы ужинали; иногда — не приходил, и тогда мы не ужинали'. Иными словами, в примере с *если* говорится и о повторении ситуаций Р и Q, и о чередовании Р и не-Р, а также Q и не-Q, причем других пониманий у данной фразы нет. Объяснить это можно только тем, что обсуждаемый смысл выражен в ней лексически, и единственное слово, которое в примере (29б) может выражать данный смысл, — это союз «*если* обобщения». Заметим, что фраза (29б) может быть просодически оформлена так же, как фраза с *когда*, ср. *Если отец ↓приходил домой (Р), мы ужинали (Q)*. Однако в высказывании с *если* контрастное ударение на глаголе факультативно.

Итак, союз «*если* обобщения», в отличие от *когда*, указывает на существование и чередование ситуаций Р и не-Р, а также Q и не-Q. Эта семантика сближает «*если* обобщения» с «*если* гипотезы». В предложениях с *когда* та же информация, если и выражается, то контекстом, включая просодическое оформление фразы.

Однако это не единственное различие между «*если* обобщения» и *когда*. В высказывании (29б) выражен еще и следующий смысл: 'отец мог прийти, мог не прийти' [Гладкий 1982; Санников 2001а/2008]. В более общем виде и более точно этот модальный смысл можно представить так:

(С) 'в период времени Т в какие-то отрезки времени возможна [= может иметь место] ситуация Р, возможна [= может иметь место] ситуация не-Р'.

Итак, на наш взгляд, союз *если* в рассматриваемых фразах указывает на возможность существования в данный период времени как ситуации Р, так и ситуации не-Р.

Модальный компонент союза «*если* обобщения» четко демонстрируется следующими примерами:

(30а) *Когда мы сдавали экзамен (Р), сразу шли в кино (Q);*

(30б) *Если мы сдавали экзамен (Р), сразу шли в кино (Q).*

В (30б) ситуация 'мы сдавали экзамен' подается как возможная: она могла как иметь место, так и не иметь место. В (30а) этот модальный

смысл не выражен — сообщается только, что ситуация ‘мы сдавали экзамен’ имела место в определенные моменты времени.

Модальный компонент значения союза «если обобщения» хорошо ощущается в примере (28) *Он счастлив (Q), если ей накинёт / Боа пушистый на плечо (P)* (А. С. Пушкин). Ясно, что здесь речь идет, в частности, о том, что ситуация Р могла иметь место, а могла и не иметь.

Приведем еще яркую пару примеров из работы [Гладкий 1982: 60—61] (эти примеры цитируются также в работе [Санников 2001а/2008: 414]):

(31а) *Когда солнце садилось, или купаться;*

(31б) *Если солнце садилось, или купаться.*

Последний пример прагматически неудовлетворителен: из него следует, что солнце могло садиться, а могло и не садиться, а это противоречит нашим представлениям об устройстве мира²⁰. Между тем высказывание (31а) — с союзом *когда* — ничего подобного не выражает.

Модальный компонент является одним из семантических мостов между союзом «если гипотезы» и союзом «если обобщения». Правда, строго говоря, эти лексические единицы выражают разные модальности. Союз «если гипотезы» содержит указание на говорящего и выражает, прежде всего, эпистемическую модальность: говорящий не знает Р или не-Р, и считает, что может иметь место Р, может иметь место не-Р. А союз «если обобщения» выражает модальность динамическую: мир устроен так, что может иметь место Р, может иметь место не-Р. Обсуждение внутренней связи между этими видами модальности выходит за рамки нашей работы.

Указание на модальность — не единственный семантический мост между союзами «если гипотезы» и «если обобщения». Другой компонент значения, присущий обоим единицам, — это указание на характер связи между ситуациями. Действительно, союз «если обобщения» выражает тот же спектр связей между двумя ситуациями, что и союз «если гипотезы».

Это, во-первых, каузальная зависимость ситуации Q от ситуации Р. Ср. примеры в следующих парах:

(32а) *Если будут пробки (P), мы опоздаем (Q)* [«если гипотезы», ситуация Р (пробки) — причина ситуации Q (опоздания на самолет)];

(32б) *Если были пробки (P), мы опаздывали (Q)* [«если обобщения», та же связь между ситуациями Р и Q];

(33а) *Если попадет в Париж (P), будет ходить по музеям (Q)* [«если гипотезы», пребывание в Париже (P) — условие посещения музеев (Q)];

²⁰ Впрочем, высказывание (26б) допускает еще одно, прагматически более удовлетворительное прочтение. Допустим, люди ждут заката и спада жары и время от времени смотрят, не начинает ли солнце склоняться к западу. В этой ситуации высказывание (26б) вполне уместно.

- (33б) *Если попадал в Париж (P), ходил по музеям (Q)* [«если обобщения», связь между ситуациями P и Q — та же];
- (34а) *Если к ним приедут внуки (P), они отведут им самую лучшую комнату (Q)* [«если гипотезы», ситуация P влияет на положение дел и тем самым обуславливает ситуацию Q];
- (34б) *Если к ним приезжали внуки (P), они отводили им самую лучшую комнату (Q)* [«если обобщения», связь между ситуациями P и Q — та же, что в (34а)].

Во-вторых, союз «*если обобщения*» может выражать зависимость обеих описываемых ситуаций от какой-то неназванной третьей ситуации. Ср.

- (35а) *Если сумма цифр будет четной (P), он мне позвонит (Q)* [«если гипотезы», ситуации P и Q обусловлены третьей, неназванной ситуацией];
- (35б) *Если сумма цифр была четной (P), он мне звонил (Q)* [«если обобщения», та же связь между ситуациями P и Q, что и в (35а)].

И, наконец, «*если обобщения*» может указывать на «псевдозависимость» ситуации Q от ситуации P. Ср.

- (36а) *Если его обманут (P), он жаловаться не будет (Q)* [«если гипотезы», псевдозависимость ситуации Q от ситуации P];
- (36б) *Если его обманывали (P), он не жаловался (Q)* [«если обобщения», та же псевдозависимость ситуации Q от ситуации P].

Теперь можно эксплицировать значение союза «*если обобщения*» (упрощено):

- (VI) *Если P, Q* [Если Петя задерживался (P), мы ужинали без него (Q)] =
- (VIa) ‘в период времени T в какие-то отрезки времени возможна [= может иметь место] ситуация P, в какие-то другие отрезки времени возможна [= может иметь место] ситуация не-P;
- (VIb) ситуация P имеет место в какие-то отрезки времени t_1, \dots, t_k в периоде времени T; в этом же периоде времени в какие-то другие отрезки времени t_m, \dots, t_n , которые, возможно, чередуются с t_1, \dots, t_k , ситуация P не имеет места;
- (VIc-1) ситуация P влияет на имеющееся положение дел; в результате в те отрезки времени t_1, \dots, t_k , когда имеет место ситуация P, имеет место ситуация Q;
- (VIc-2) существует некоторая ситуация n, влияющая на имеющееся положение дел; в результате в те отрезки времени t_1, \dots, t_k , когда имеет место ситуация P, имеет место ситуация Q;
- (VIc-3) имеет место «псевдозависимость ситуации Q от ситуации P»; в те отрезки времени t_1, \dots, t_k , когда имеет место ситуация P, имеет место ситуация Q’.

Подчеркнем, что в семантику союза «если обобщения» так же, как и в союз «если гипотезы», входит невербализуемый компонент, которому мы дали условное название «псевдозависимость ситуации Q от ситуации P».

Союз «если обобщения» характерен, в частности, для разного рода народных примет. Ср.

(37) *Если ласточки летают низко (P), скоро будет дождь (Q);*

(38) *Если у березы желтеют отдельные ветви (P), осень будет сухая (Q).*

В (37) и (38) ситуации P и Q — это следствия одной и той же, не вполне ясной причины, быть может, каких-то атмосферных изменений. При этом ситуация P выступает, точнее интерпретируется, как знак ситуации Q. Произнося подобные высказывания, говорящий, скорее всего, не отдает себе отчета в том, что, например, высота полета ласточек и изменение погоды обусловлены какой-то общей причиной, — он знает лишь, что данные явления как-то связаны и поэтому сопутствуют. В этом отношении народные приметы сближаются с теми представлениями, которые говорящие «принимают на веру», не задумываясь, но которые, тем не менее, отражают определенные причинно-следственные связи нашего мира.

Заметим, что когда речь идет об обусловленности P и Q неким третьим фактором, союз «если обобщения» отчасти сближается с симметричными предикатами: высказывание *Если A, то B* квазисинонимично высказыванию *Если B, то A*.

(37a) *Если ласточки летают низко (A), скоро будет дождь (B) ≈ Если скоро будет дождь (B), ласточки летают низко (A)* [ср. возможный контекст: *Если установилась хорошая погода, ласточки летают высоко. А если скоро будет дождь, ласточки летают низко*].

ЗАМЕЧАНИЕ. Союз «если обобщения», подобно союзу «если гипотезы», может связывать и предложение с некоторым фрагментом предложения. Ср.

(38) *Если она едет куда-нибудь (P), то всегда в сопровождении мужа (Q)* [ср. *Она всегда ездит в сопровождении мужа*];

(39) *Если он вспоминает о ней (P), то всегда с неприязнью (Q)* [ср. *Он всегда вспоминает о ней с неприязнью*].

В данном случае существует какая-то неназванная причина, благодаря которой ситуация P всегда выступает в сочетании с Q, так что P и Q выступают как фрагменты одной ситуации. Данные высказывания сближаются с примерами типа *Если она полюбит, то навсегда, Если я приду, то не один*, см. Замечание на с. 33. В частности, в подобных высказываниях выражается дополнительный модальный смысл: ‘не может быть так, чтобы она ехала куда-нибудь не в сопровождении мужа’, ‘не может быть так, чтобы он вспоминал о ней не с неприязнью’. Союз *если* в подобных случаях тоже всегда выступает в виде *если... то*.

Союз «если обобщения» выступает еще в одном типе контекстов — когда актант ситуации P представлен существительным в родовом денотативном статусе. Ср.

- (40) *Если разведчик слишком много знает (P), от него пытаются избавиться (Q);*
- (41) *Если студент хорошо сдает математику (P), у него нет проблем и с введением в лингвистику (Q);*
- (42) *Если девушка находит жениха из другого племени (P), никто ее не порицает (Q).*

На особенности союза *если* в подобных — общих — высказываниях обратил внимание van der Auwera [1985].

В подобных случаях речь идет о множестве X потенциальных актантов, выполняющих одну и ту же семантическую роль в описываемой ситуации P. При этом P и Q понимаются как классы ситуаций. Дескрипция (VI) для данного класса случаев модифицируется (упрощенно):

- (VI') *Если P, Q [Если разведчик слишком много знает (P), от него пытаются избавиться (Q)] =*
- (VI'a) 'для компонентов множества X возможна [= может иметь место] ситуация P, возможна [= может иметь место] ситуация не-P;
- (VI'b) для некоторых компонентов множества X имеет место ситуация P; для других компонентов множества X имеет место ситуация не-P;
- (VI'с-1) ситуация P влияет на имеющееся положение дел; в результате для одних и тех же компонентов множества X имеют место ситуация P и ситуация Q;
- (VI'с-2) существует некоторая ситуация p, влияющая на имеющееся положение дел; в результате для одних и тех же компонентов множества X имеют место ситуация P и ситуация Q;
- (VI'с-3) имеет место «псевдозависимость ситуации Q от ситуации P»; для одних и тех же компонентов множества X имеют место ситуация P и ситуация Q'.

Возможно промежуточное употребление между союзом «*если* обобщения» и союзом «*если* гипотезы». Оно представлено в контекстах типа:

- (43) *Если игрок набирает 10 баллов (P), он проходит во второй тур (Q).*

Актант ситуации P ('игрок') выступает здесь в родовом денотативном статусе. Тем самым P и Q понимаются как классы ситуаций. Перед нами как будто союз «*если* обобщения». Однако ситуация P 'игрок набирает десять баллов', вообще говоря, может и не иметь места: она лишь предусматривается говорящим. Соответственно, может не иметь места и ситуация Q. Благодаря этому союз *если* в данном примере сближается с союзом «*если* гипотезы». Семантика союза *если* в (43) складывается из компонентов, одни из которых принадлежат союзу «*если* гипотезы», а другие — союзу «*если* обобщения». Подобное употребление союза *если* характерно для разного рода правил. В текстах такого рода речь идет обычно о зависимо-

сти ситуации Q от ситуации P. Семантику союза *если* в подобных контекстах можно упрощенно представить так:

- (VI'') *Если P, Q [Если игрок набирает 10 баллов (P), он проходит во второй тур (Q)] =*
 (VI''a) 'говорящий считает, что для компонентов множества X возможна [= может иметь место] ситуация P, возможна [= может иметь место] ситуация не-P';
 (VI''b) 'говорящий представляет [\approx строит гипотезу]: для каких-то компонентов множества X имеет место ситуация P';
 (VI''c) 'говорящий представляет, что в рамках этой гипотезы имеет место следующее: ситуация P влияет на имеющееся положение дел, в результате для данных компонентов множества X имеет место ситуация Q'.

Мы продемонстрировали, что союз «*если* обобщения» выступает в двух контекстно-обусловленных модификациях. Кроме того, в некоторых контекстах союз *если* занимает промежуточное положение между «*если* гипотезы» и «*если* обобщения». Из этого, однако, отнюдь не следует, что «*если* обобщения» — это отдельная лексема союза *если*. Рассмотрим подробнее статус «*если* обобщения».

Союз «*если* обобщения» реализуется только в определенных контекстах. Во-первых, это контекст глагола, выражающего кратное значение (обычно это разновидность общефактического значения несовершенного вида). Ср. *Если Петя задерживается, ужинаем одни; Он счастлив, если ей накинет / Боа пушистый на плечо* (А. С. Пушкин). Во-вторых, это контекст глагола несовершенного вида с актантом в родовом денотативном статусе. Ср. *Если разведчик слишком много знает, от него пытаются избавиться*. Существенно, что «*если* гипотезы» в подобных контекстах невозможен. Действительно, рассмотрим фразу

- (44) *Если у Пети много больных (P), он хорошо зарабатывает (Q).*

Эта фраза допускает два понимания — «гипотетическое» (ср. *Вдруг у Пети много больных, тогда он хорошо зарабатывает*) и «обобщенное» (ср. *Когда у Пети много больных, он хорошо зарабатывает*). При этом то или иное понимание фразы зависит не только от значения, выражаемого союзом *если*, но и от значения видо-временной формы сказуемых (сказуемым в P является нулевая связка). В целом, нет такой фразы с союзом *если*, которая могла бы быть понята двояко, причем то или иное ее понимание было бы обусловлено исключительно смыслом союза. Отсюда следует, что «*если* гипотезы» и «*если* обобщения» находятся в дополнительном распределении относительно контекста. Значит, «*если* обобщения» и «*если* гипотезы» — это две контекстно-обусловленные модификации одной лексемы. Учитывая центральный круг контекстов союза *если*, мы будем называть эту лексему союзом «*если* гипотезы». Тогда «*если* обобщения» — это контекстная

модификация лексемы «*если* гипотезы»²¹. (В дальнейшем, если не оговорено обратное, мы будем употреблять название «*если* гипотезы» в узком смысле, не применяя его к модификации, названной нами «*если* обобщения».)

Впрочем, вопрос о том, представляет ли «*если* обобщения» самостоятельную лексему или всего лишь употребление союза *если*, является для нас второстепенным. Нам важно, что «*если* обобщения» можно представить как результат преобразования лексемы «*если* гипотезы».

А именно, из значения «*если* гипотезы» устраняются все семантические компоненты, указывающие на знание и мнение говорящего. Это компоненты:

- (Va) ‘говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени’; (Vc) ‘говорящий представляет [\approx строит гипотезу]: имеет место ситуация P’. Это также фрагмент компонента (Vb) ‘говорящий считает’.

Устранением этих компонентов субъективный союз «*если* гипотезы», который описывает предположение, «гипотезу» говорящего, преобразуется в объективный союз «*если* обобщения», описывающий реальное положение дел. Подчеркнем, что это преобразование не затрагивает невербализуемый компонент «псевдозависимость ситуации P от ситуации Q». Таким образом, союз «*если* обобщения», как и «*если* гипотезы», нетолкуем: в его значение входит компонент, который не может быть эксплицирован полнозначным словом (хотя и может быть снабжен меткой).

При этом, однако, ни «*если* гипотезы», ни «*если* обобщения» не являются неразложимыми семантическими монолитами: данное преобразование семантики союза «*если* гипотезы» является свидетельством того, что в значение семантического примитива *если* (а также в значение его контекстной модификации) входят вполне четкие компоненты.

Наличие у семантического примитива модификаций значения затрагивает ряд теоретических проблем, которые будут обсуждаться ниже. Сейчас перейдем к следующему классу контекстов с союзом *если*.

3. Союз «*если* данного положения дел». Его синоним — союз *раз*

Союз *если* может указывать не на гипотетическое, а на реальное положение дел еще в одном случае. Ср.

- (45) *Если уж мой лучший друг решил остаться (P), я остаюсь тоже (Q).*

Союз *если* в этом примере не вводит никакой гипотезы. Речь здесь идет о данном, конкретном положении дел, о двух конкретных ситуациях P и Q,

²¹ Эта контекстная модификация является употреблением лексемы *если*. Об употреблении лексемы как отдельной лексикографической единицы, «не дотягивающей» до отдельной лексемы, см. работу [Апресян 2001].

имеющих место в определенные отрезки времени. Будем говорить, что в примере (45) представлен союз «если данного положения дел».

Союз «если данного положения дел» часто употребляется в ответной реплике диалога. Ср.

- (46) *У него там мать замдекана. — Ну, если у него мать замдекана (P), он, конечно, будет учиться бесплатно (Q);*
 (47) *Я получил пять! — Ну, если у тебя по философии пятерка (P), то теперь тебе бояться нечего (Q).*

Многие фразы с *если* омонимичны: они могут описывать как гипотезу говорящего, так и данное положение дел. Ср.

- (48) *Если Петя плохо понимает алгебру (P), ему и грамматика будет трудна (Q)* [говорящий не знает, понимает ли Петя алгебру, и строит гипотезу ‘Петя плохо понимает алгебру’ vs. ситуация ‘Петя плохо понимает алгебру’ имеет место];
 (49) *Если так (P), я ухажу (Q)* [ситуация P может иметь место реально, но может быть гипотезой говорящего];
 (50) *Не унывай, приятель старинный! Если тебя из твоего дома выгнали (P), в моем доме ты всегда найдешь себе приют (Q)* (И. С. Тургенев).

Эта омонимия снимается широким контекстом, ср. (46)—(50), или определенными лексемами внутри фразы, ср. *уж* в примере (45).

Наличие таких неоднозначных фраз — свидетельство того, что союз «если данного положения дел» и союз «если гипотезы» — это две разные лексемы союза *если*²². Что же выражает союз «если данного положения дел»?

Для ответа на этот вопрос сравним союз «если данного положения дел» с его ближайшим синонимом — союзом *раз*:

- (51a) *Если они уже сейчас ссорятся (P), то потом лучше не будет (Q);*
 (51б) *Раз они уже сейчас ссорятся (P), то потом лучше не будет (Q);*
 (52a) *Если мой лучший друг хочет остаться (P), я остаюсь тоже (Q);*
 (52б) *Раз мой лучший друг хочет остаться (P), я остаюсь тоже (Q).*

Союз *раз* обладает всего одним значением и, в отличие от *если*, не может обозначать ни гипотетическое, ни обобщенное положение дел. Поэтому омонимичные фразы с *если* после замены союза *если* на *раз* становятся однозначными. Ср.

- (53a) *Если Петя заболел, он не придет* [говорящий либо предполагает, что Петя заболел, либо знает это];

²² Не исключено, что фразы, содержащие «если данного положения дел», отличаются от фраз с «если гипотезы» (так же как и от фраз с «если обобщения») просодическим оформлением. Исследование просодии высказываний с *если* представляет собой отдельную тему, которой мы здесь не касаемся.

(53б) *Раз Петя заболел, он не придет* [говорящий знает, что Петя заболел].

Однако это различие между союзами *если* и *раз* нас сейчас не интересует. Мы рассматриваем высказывания с союзом «*если* данного положения дел». И эта лексема *если*, и союз *раз* указывают на то, что ситуация Р имеет место. Однако высказывания с *если* воспринимаются как более мягкие, некатегоричные. В чем здесь дело?

Союз *раз* представляет ситуацию Р как данное [Иорданская, Мельчук 2007]²³. Но, очевидно, рассматриваемая лексема *если* тоже подает ситуацию Р как данное. Однако употребляя союз *раз*, говорящий считает информацию Р неоспоримой и не подлежащей обсуждению. Это отмечено Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуком: «Употребляя *раз*, говорящий сигнализирует, что, по его мнению, адресат не будет отрицать ‘Р’» [Там же: 495]²⁴.

Кроме того, употребляя союз *раз*, говорящий выражает свое мнение и относительно ситуации Q: он считает эту ситуацию единственно возможной при данном положении дел. Поэтому союз *раз* бывает неуместен, когда говорящий не уверен в том, что Q действительно имеет место. Совершенно нормально высказывание:

(54а) *Раз начался дождь, они ушли с пляжа.*

Однако гораздо менее удачно:

(54б) [?]*Раз начался дождь, они, наверно, ушли с пляжа.*

Союз *если* в таких случаях вполне возможен, ср.

(54в) *Смотри, начался дождь. А если начался дождь, они, наверно, ушли с пляжа.*

В целом, высказывание с *раз* не выражает никакого сомнения, ср.

(55а) *Раз она так преданно ухаживала за ним в больнице (Р), он теперь на ней женится (Q).*

Напротив, с помощью союза «*если* данного положения дел» говорящий может выразить сомнение в существовании ситуации Р. Ср.

(55б) *Она спасла его, выходила после катастрофы. — Ну, если она так преданно ухаживала за ним в больнице (Р), он теперь на ней женится (Q)* [в сочетании со специфической интонацией и «кислой миной»: говорящий сомневается, что Р имело место].

²³ «“Данное” — информация, выраженная в тексте, относительно которой говорящий уверен, что в момент речи она находится в сознании адресата» [Иорданская, Мельчук 2007: 491] (со ссылкой на работу [Chafe 1976]). Об отличии ‘данного’ от ‘известного’ см. также книгу [Падучева 1985: 113—115].

²⁴ «Рассматриваемое свойство придаточных с *раз* можно было бы назвать прагматической пресуппозицией; см. [Падучева 1985: 57]» [Иорданская, Мельчук 2007: 501].

И союз «если данного положения дел», и союз *раз* употребляются в научных текстах. Однако союз *раз* и в этом жанре выражает специфическую модальность. Ср.

- (57) *Раз магнитные атомы в кристалле расположены периодически и раз они связаны друг с другом обменным взаимодействием (P), то и направления магнитных моментов должны образовывать периодическую структуру (Q)* (Упсальский корпус) [магнитные атомы в кристалле расположены так-то и связаны друг с другом таким-то образом, это не подлежит обсуждению].

Союз «если данного положения дел» ничего подобного не обозначает, ср.

- (58) *Мы доказали, что данные прямые параллельны. Но если они параллельны (P), то треугольник ABC — равнобедренный (Q)* [говорящий не подает информацию P как не подлежащую обсуждению].

Итак, союз *раз* выражает модальную рамку, которая выражает отношение говорящего к факту существования как ситуации P, так и ситуации Q. Мы формулируем эту модальную рамку следующим образом: ‘по мнению говорящего, то, что имеет место ситуация P, не подлежит обсуждению; по мнению говорящего, не может быть так, чтобы ситуация Q не имела места’.

Однако союз *раз* отличается от «если данного положения дел» не только этой модальной рамкой. Второе различие между союзами относится к типам связей, которые они могут обозначать.

Лексема «если данного положения дел» в этом отношении не отличается от лексемы «если гипотезы» (и ее модификации «если обобщения»). Что касается союза *раз*, то он обозначает более узкий спектр связей между ситуациями. Продемонстрируем это на примерах.

Начнем с «если данного положения дел».

Во-первых, этот союз обозначает все те виды каузальной зависимости одной ситуации от другой, что и «если гипотезы». Ср.

- (59а) *(Не знаю, как они добрались.) Если были пробки (P), они опоздали на удобную электричку (Q)* [союз «если гипотезы»; ситуация P — причина ситуации Q];
- (59б) *(Ты знаешь, там были пробки.) — Ну, если были пробки (P), они опоздали на удобную электричку (Q)* [союз «если данного положения дел»; как и в предыдущем примере, ситуация P — причина ситуации Q];
- (60а) *(Я не знаю, где они сейчас.) Если они уже дома (P), то Петя все знает от Андрея (Q)* [союз «если гипотезы»; ситуация P — обстоятельство, благодаря которому Петя все знает от Андрея];
- (60б) *(Оказывается, они уже дома.) — Ну, если они уже дома (P), то Петя все знает от Андрея (Q)* [союз «если данного положения дел»; связь между ситуациями P и Q — та же, что в (60а)];

- (61а) (*Не знаю, сможем ли мы у них остановиться.*) *Если к ним приехали гости (P), они отвели им единственную теплую комнату (Q)* [союз «*если* гипотезы»; ситуация P влияет на положение дел и тем самым обуславливает ситуацию Q];
- (61б) (*Оказывается, к ним приехали гости. Вряд ли мы сможем у них остановиться.*) — *Да, если к ним приехали гости (P), они отвели им единственную теплую комнату (Q)* [союз «*если* данного положения дел»; связь между ситуациями P и Q — та же, что в (61а)].

Во-вторых, союз «*если* данного положения дел» может обозначать обусловленность данных двух ситуаций какой-то третьей. Для того чтобы убедиться в этом, погрузим уже приводившийся пример (48) в разные контексты. Ср.

- (62а) (*Не знаю, как у Пети с алгеброй.*) *Но если он плохо понимает алгебру (P), ему и грамматика будет трудна (Q)* [союз «*если* гипотезы»; ситуации P и Q обусловлены одной и той же подразумеваемой ситуацией ‘у Пети слабо развита логика’];
- (62б) (*Оказывается, Петя плохо понимает алгебру.*) — *Ну, если он плохо понимает алгебру (P), ему и грамматика будет трудна (Q)* [союз «*если* данного положения дел»; ситуации P и Q обусловлены той же третьей, неназванной ситуацией, что и в (62а)].

Наконец, в-третьих, союз «*если* данного положения дел», так же как и «*если* гипотезы», способен обозначать псевдозависимость одной ситуации от другой. Ср.

- (63а) (*Не знаю, успел ли он.*) *Впрочем, если он опоздал (P), его (все равно) не оштрафовали (Q)* [союз «*если* гипотезы»; «псевдозависимость» ситуации Q от ситуации P];
- (63б) (*Оказывается, он опоздал.*) — *Ну, если он опоздал (P), его (все равно) не оштрафовали (Q)* [союз «*если* данного положения дел»; та же «псевдозависимость» ситуации Q от ситуации P, что и в (63а)].

Перейдем теперь к союзу *раз*. Оказывается, этот союз выражает только каузальные связи между ситуациями и не может обозначать «псевдозависимость» одной ситуации от другой. В этом легко убедиться, подставляя союз *раз* вместо *если* в приведенных примерах. Нормальны следующие высказывания:

- (64) *Раз были пробки (P), они опоздали на удобную электричку (Q)* [P — причина Q];
- (65) *Раз они уже дома (P), Петя все знает от Андрея (Q)* [P — обстоятельство, благодаря которому Q имеет место];
- (66) *Раз к ним приехали гости (P), они отвели им единственную теплую комнату (Q)* [P влияет на положение дел и тем самым обуславливает Q];

(67) *Раз Петя плохо понимает алгебру (P), ему и грамматика будет трудна (Q)* [ситуации P и Q обусловлены третьей неназванной ситуацией: ‘у Пети слабо развита логика’].

Однако бессмысленны высказывания:

(68) **Раз он опоздал (P), его (все равно) не оштрафовали (Q)* [ср. нормальное высказывание *Если он опоздал, его (все равно) не оштрафовали*];

(69) **Раз она изменит (P), он ее простит (Q)* [ср. нормальное высказывание *Если она изменит, он ее простит*].

Высказывание (68) бессмысленно, потому что выражает абсурдный смысл: опоздание субъекта — это причина того, что его не оштрафовали, штрафуют же тех, кто пришел вовремя. Пример (69) тоже выражает странный смысл: утверждается, что причина, по которой ее простят, — ее измена; а если не изменит, то и не будет прощена. Оба примера описывают абсурдное положение дел, противоречащее нашим представлениям об устройстве мира.

Итак, союз *раз*, в отличие от союза «*если* данного положения дел», описывает только каузальные связи между ситуациями.

По-видимому, в связи с этим в грамматиках и словарях союз *раз* квалифицируется по-разному: как условный [Пешковский 1928: 555, 557; Грамматика 1960: 321; МАС] или как причинный [Грамматика-80: 581—582]. Каждый подход имеет свое основание. Союз *раз* относят к условным, поскольку он синонимичен условному союзу *если*. Союз *раз* относят к причинным, так как он выражает каузальные зависимости между ситуациями и не выражает той связи между ситуациями, которая характерна для союза *если* (мы называем эту связь псевдозависимостью). Союз *раз* находится «на границе» двух разных групп союзов и, строго говоря, не может быть отнесен ни к одной из них.

Вернемся к союзу «*если* данного положения дел». Внимательный читатель заметил, что, выявив модальную рамку союза *раз*, мы обошли молчанием модальность его синонима. Теперь попытаемся ответить на вопрос: почему высказывания с «*если* данного положения дел» воспринимаются как некатегоричные? Просто по контрасту с союзом *раз* или потому, что «*если* данного положения дел» имеет соответствующую модальную рамку?

Заметим, что все остальные значения и модификации союза *если* модальность выражают. Так, «*если гипотезы*» и «*если обобщения*» указывают на возможность существования ситуации P. Напротив, высказывания типа *Если она полюбит (P), то навсегда (Q)*, *Если она приходила (P), то всегда в сопровождении мужа (Q)* указывают на невозможность существования P без Q (см. выше, Замечание на с.... и на с....). Естественно думать, что союз «*если* данного положения дел» тоже выражает какую-то модальность. Правдоподобно предположение, что он выражает модальную рамку, противоположную модальной рамке союза *раз*. Попытаемся его обосновать.

Рассмотрим в связи с этим еще некоторые примеры.

- (70) *Если мы насладились еще радостным свиданием с супругом, <...> если ступаем еще по родной земле (P), <...> вам, вам обязаны тем, мужественные защитники Отечества (Q)* (Ф. Н. Глинка).

Это высказывание кажется шероховатым. Приведем аналогичные, но более стандартные примеры:

- (71) *Если я кончила университет и работаю по специальности (P), то этим я обязана своему мужу (Q);*
(72) *Если я кончила университет и работаю по специальности (P), то это потому, что меня всегда поддерживали родные (Q);*
(73) *Если теперь он хуже к тебе относится (P), то это потому, что ты сама оттолкнула его (Q).*

Обозначая реальное, известное положение дел, высказывания (70)—(73) выражают и какую-то трудноуловимую модальность. На наш взгляд, говорящий очень хорошо отдает себе отчет в том, что ситуация P могла и не наступить: ‘мы могли бы не насладиться свиданием с супругом, не ступить по родной земле’ (‘я могла бы не кончить университет и не работать по специальности’, ‘он мог бы не относиться к тебе хуже’). Иными словами, примеры (70)—(73) содержат модальную рамку, которая выражает мнение говорящего, что положение дел могло сложиться иначе. Мы представляем этот модальный компонент так: ‘по мнению говорящего, могло быть так, что ситуация P не имеет места’. Быть может, эта модальная рамка выражена и в остальных случаях, разбиравшихся выше, т. е. в примерах (45)—(50)?

Обратим, однако, внимание на то, что примеры (70)—(73) отличаются от примеров (45)—(50) в целом ряде отношений.

Прежде всего, в высказываниях (70) и (71)—(73) главное предложение Q содержит анафорическую отсылку к предтексту — придаточному P: *я кончила университет (P), этим [отсылка к P] я обязана мужу (Q)*. Заметим, что, по-видимому в связи с этим, в главном предложении Q почти обязателен элемент *то*. Во всяком случае, отсутствие *то* в примере (70), наряду с инвертированным порядком слов, может быть причиной шероховатости этого высказывания.

Кроме того — и это очень существенно — в примерах (70)—(73) обозначение причины и следствия как бы поменялись местами. Ср. *Если я кончила университет и работаю по специальности (P), то это* [отсылка к предтексту, т. е. P] *потому, что меня всегда поддерживали родные (Q)*: ситуация P имеет место потому, что существует ситуация Q, т. е. ситуация Q является причиной ситуации P. Иными словами, причина в данном случае обозначается не придаточным, вводимым союзом *если*, а главным предложением. Таким образом, союз *если* выступает здесь как квазиконверсив союза «*если* данного положения дел». Данная лексема *если* рассматривается ниже, в р. 4, с. 45.

Наконец, синтаксическая структура примеров типа (70)—(73) требует определенного лексического наполнения, а из-за этого в них выражается более узкий набор связей между ситуациями, нежели в примерах с союзом «если данного положения дел». В частности, в примерах этого типа не может выражаться некаузальная связь между ситуациями, которую мы назвали «псевдозависимость». Абсурдно высказывание: *Если его не оштрафовали, то это потому, что он опоздал, при том что нормально: Он опять опоздал. — Ничего, если он опоздал, его не оштрафовали²⁵.

Из всего сказанного следует, что в случаях (70)—(73) представлена особая лексема союза *если*. Эта лексема выражает определенную модальность. При этом данная лексема очень близка лексеме «если данного положения дел», поскольку тоже указывает на реальные, не гипотетические ситуации. Однако близость двух рассматриваемых лексем в структуре полисемии союза *если* не является достаточным основанием для того, чтобы усматривать в их составе общую модальную рамку. Поэтому мы не вправе считать, что союз «если данного положения дел» выражает какую-либо модальность. (В более раннем описании этого союза мы выделяли в его составе модальный компонент: ‘по мнению говорящего, могла бы иметь место ситуация не-Р’ [Урысон 2001].)

Теперь мы можем предложить толкование союза «если данного положения дел» и союза *раз*.

(VII) *Если P, то Q* [*Если уж Петя решил остаться (P), я остаюсь тоже (Q)*] =

(VIIa) ‘имеет место ситуация P’ [данное];

(VIIc-1) ситуация P влияет на имеющееся положение дел; в результате имеет место ситуация Q;

(VIIc-2) существует некоторая ситуация p, влияющая на имеющееся положение дел; в результате имеют место ситуации P и Q;

(VIIc-3) имеет место ситуация Q’; “псевдозависимость ситуации Q от ситуации P”.

(VIII) *Раз P, то Q* [*Раз Петя решил остаться (P), я остаюсь тоже (Q)*] =

(VIIIa) ‘имеет место ситуация P’ [данное];

(VIIIb) ‘по мнению говорящего, это не подлежит обсуждению’;

(VIIIc-1) ‘ситуация P влияет на имеющееся положение дел; в результате имеет место ситуация Q’;

(VIIIc-2) существует некоторая ситуация p, влияющая на имеющееся положение дел; в результате имеют место ситуации P и Q’;

²⁵ Отметим, что, строго говоря, примеры (72)—(73) состоят из трех предложений (клауз). Главное предложение состоит из местоимения *это*, причем оно имеет два придаточных — условное, вводимое союзом *если*, и придаточное причины, вводимое *потому что*. Сложные предложения с подобной местоименной главной клаузой описаны в работе [Пекелис 2008].

(VIII_d) ‘по мнению говорящего, не может быть так, чтобы ситуация Q не имела место’.

Сравнение союза «*если* данного положения дел» с союзом *раз* подтверждает необходимость выделения в семантике союза *если* довербального компонента, который мы назвали «псевдозависимость»: этот компонент, наряду с модальной рамкой, отличает союз *если* от союза *раз*.

Поскольку в значение лексемы «*если* данного положения дел» входит довербальный семантический компонент, она, очевидно, не может быть истолкована (и в этом отношении сближается с лексемой «*если* гипотезы») и ее модификацией «*если* обобщения»). Что касается союза *раз*, то это — обычное толкуемое слово.

Союз «*если* данного положения дел» естественным образом представляется как результат преобразования лексемы «*если* гипотезы».

А именно, из значения «*если* гипотезы» устраняются семантические компоненты, указывающие на знание говорящего и на его гипотезу. Это компоненты: (Ia) ‘говорящий не знает, какая ситуация имеет место в описываемый отрезок времени’; (Iб) ‘говорящий считает, что может иметь место ситуация не-Р’; (Iв) ‘говорящий представляет [\approx строит гипотезу]: имеет место ситуация Р’.

В некотором смысле союз «*если* данного положения дел» занимает промежуточное положение между союзами «*если* гипотезы» и «*если* обобщения». Подобно «*если* обобщения», данный союз описывает реальное, а не представляемое положение дел. Он сближается с «*если* гипотезы», поскольку сохраняет указание на мнение говорящего.

ЗАМЕЧАНИЕ. Остановимся на описании союза *раз*, предложенном Л. Н. Иорданской [Иорданская 1988; Иорданская, Мельчук 2007].

Л. Н. Иорданская описывает союз *раз*, исходя из системы противопоставлений, предложенной для описания французских подчинительных союзов в работе [LG 1975]. Основной результат этой работы — деление французских подчинительных союзов на два класса: союзы дескриптивные и союзы риторические. Дескриптивный союз служит для обозначения объективных связей между описываемыми ситуациями, т. е. таких связей, которые имеют место в реальности (точнее, в описываемом мире). Риторический союз служит для обоснования суждения (высказывания), т. е. не описывает действительность, а маркирует речевой акт. К дескриптивным союзам относится французский союз *parce que* ‘потому что’, а к риторическим — близкие ему по значению союзы *car* ‘ибо’ и *puisque* ‘поскольку’ [там же]. Семантическое различие между этими союзами проявляется в синтаксисе: «во фразе с союзом *car* или *puisque*, в отличие от фраз с союзом *parce que*, связь между Р и Q, выражаемую союзом, нельзя подвергнуть отрицанию и нельзя задать вопрос о ее наличии; более того, к таким союзам нельзя присоединить никаких модификаторов (типа *simplement* ‘просто’); наконец, предложения с союзами *car* и *puisque* не могут служить ответами на вопрос *Pourquoi?* ‘Почему?’» [Иорданская, Мельчук 2007: 421]. Между французскими дескриптивными и риторическими союзами есть и некоторые другие синтаксические различия, однако они, по-видимому, не релевантны для русского материала и поэтому нами не рассматриваются. В русском языке похожим

образом противопоставлены переводные эквиваленты союзов *parce que* и *car* — союзы *потому что* и *ибо*. Тем самым союз *потому что* как будто следует отнести к дескриптивному, а союз *ибо* — к риторическим. В цитируемой работе демонстрируются следующие синтаксические различия между союзами *потому что* и *ибо*.

1. Отрицание. «При дескриптивном союзе отрицание возможно, а при риторическом — нет» [Иорданская, Мельчук 2007: 422]. Ср. *Он уезжает на Север потому, что там живет Таня — Он уезжает на Север не потому, что там живет Таня* vs. *Он уезжает на Север, ибо там живет Таня — *Он уезжает на Север не ибо, там живет Таня*.

2. Вопрос. «В случае дескриптивного союза можно задать вопрос о наличии соответствующей смысловой связи между фактами P и Q, а в случае риторического союза это невозможно» [Иорданская, Мельчук 2007: 423]. Ср. нормальный вопрос *Он уезжает на Север потому, что там живет Таня?* и сомнительное высказывание **Он уезжает на Север, ибо там живет Таня?*

3. Модификаторы. «Дескриптивный союз может иметь наречный модификатор (*simplement* ‘просто’, *précisément* ‘в точности’, *surtout* ‘главным образом’, *partiellement* ‘частично’, *uniquement* ‘единственно’, *seulement* ‘только’, *probablement* ‘наверно’, *peut-être* ‘может быть’, *justement* ‘именно’, *sans doute* ‘несомненно’, и т. д.); в случае же риторического союза такое исключено [Иорданская, Мельчук 2007: 423]. Поэтому нормальны высказывания типа *Он уезжает на Север просто (главным образом, только, единственно, наверно, без сомнения) потому, что там живет Таня*. Однако аграмматичны примеры типа **Он уезжает на Север просто (главным образом, только, единственно, наверно, без сомнения) ибо там живет Таня*.

Прежде всего заметим, что описанные синтаксические различия между русскими союзами *потому что* и *ибо* можно объяснить по-другому: в приведенных примерах союз *потому что* выступает в «расчлененном» виде *потому, что* и фрагмент *потому* является при этом второстепенным членом главного предложения. Именно по этой причине фрагмент *потому* может ставиться под отрицание и под вопрос и обладает способностью присоединять к себе модификатор — это нормально для второстепенных членов предложения вообще. Что касается союзов, то для них такое поведение нехарактерно, причем независимо от семантической природы союза. Точно так же объясняются аналогичные особенности и других русских союзов, рассматриваемых в работе [Иорданская, Мельчук 2007]. Отсюда следует, что критерии 1—3 недостаточны для того, чтобы на их основании относить русский союз к дескриптивному или риторическим. (Что касается французского материала, то мы не имеем здесь возможности его анализировать.) В следующем разделе будут рассмотрены некоторые риторические лексемы союза *если*. Забегая вперед, отметим, что дескриптивные и риторические лексемы союза *если* по приведенным выше критериям не различаются сколько-нибудь четко — необходимость выделения этих лексем диктуется другими соображениями.

Перейдем теперь к союзу *раз*. Это один из переводных эквивалентов французского риторического союза *puisque*. По критериям 1—3 *раз* относится к риторическим союзам, однако, как было отмечено выше, данные критерии, по крайней мере иногда, обнаруживают не семантическую природу союза, а синтаксические особенности двусловных vs. однословных союзов. Союз *раз* — однословный, и поэтому, естественно, в перечисленных отношениях отличается от *потому что*.

Как мы попытались показать, многие особенности поведения союза *раз* обусловлены его модальной рамкой. Невозможность вопроса при *раз* [Иорданская, Мельчук 2007: 483] тоже объясняется модальной рамкой этого союза. Употребляя

союз *раз*, говорящий, во-первых, подает информацию 'имеет место Р' не только как известную адресату, но и как неоспоримую. Во-вторых, по мнению говорящего, не может быть так, чтобы не имела место ситуация Q. В фокусе внимания говорящего находится ситуация Q — это обеспечивается модальной рамкой союза. Связь между ситуациями находится вне фокуса внимания, а потому невозможен и вопрос, относящийся к этому компоненту. Ср. совершенно ненормальное высказывание (пример Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука): **Он чувствует себя несчастным, раз живет в деревне?*

У нас нет оснований считать, что в описанных выше случаях союз *раз* является риторическим. Правда, этот союз имеет еще одно, действительно риторическое значение, которое описано в следующем разделе.

Л. Н. Иорданская отмечает, что *раз* — преимущественно иллокутивный союз. Иллокутивные употребления союзов *если* и *раз* рассматриваются в р. 4. Однако союз *раз* вполне нормален и в неиллокутивном употреблении; неиллокутивное употребление союза *раз* описано нами выше.

Наш анализ расходится с описанием союза *раз*, предложенным В. З. Санниковым [Санников 2001б/2008]. В. З. Санников считает, что в значении союза *раз* «отчетливо ощущается представление о двух возможностях» [Там же: 439]. Это аргументируется следующим образом. «Рассмотрим следующий пример: (10) *Раз она выпивает, я на ней не женюсь*. В придаточном описывается явление, явившееся для говорящего неожиданным открытием, изменившим его первоначальные матримоникальные намерения (легко заметить, что при замене союза *раз* союзами *если, поскольку, потому что* этот компонент значения утрачивается). В (10) (...) присутствует представление о другой возможности, не реализовавшейся, но имевшей большую вероятность, — отсутствие у невесты пагубной склонности к спиртному» [Там же: 439].

Прежде всего заметим, что высказывание *Раз она выпивает, я на ней не женюсь* может быть произнесено в прагматически разных ситуациях. Например, сваха показывает клиенту фотографии женщин, желающих выйти замуж. Клиент перебирает фотографии, а сваха комментирует: «Это замечательная, умная, самоотверженная женщина; ей сорок девять лет. Это — красавица, руководитель фирмы, играет в теннис, отдыхает в Италии; уже четыре раза была замужем, предыдущих мужей выгнала. Это — студентка, самая молодая в моей картотеке, замужем не была; немножко выпивает». Клиент реагирует: «Ну, эта старая. А такая и меня выгонит. Ну, раз она выпивает, я на ней не женюсь». Можно ли здесь говорить о том, что пагубная склонность девушки к спиртному явилась для говорящего неожиданным открытием? Разве что алкоголизм у молодой девушки всегда воспринимается как явление неожиданное. Но это — факт прагматики, а не лексической семантики. «Представление о другой возможности», как будто присутствующее в примере В. З. Санникова, в данном случае наводится контекстом. Хорошо известно, что отрицательное высказывание *не Р* уместно лишь в том случае, если было мнение или ожидание: 'Р'. Если такого мнения (ожидания) не было, то нечего отрицать. Значит, в примере В. З. Санникова отрицается компонент 'я на ней женюсь', а его естественно интерпретировать как «другую возможность». Можно говорить и о другой не реализовавшейся возможности — об «отсутствии у невесты пагубной склонности к спиртному». Однако представление об этой возможности наводится исключительно прагматическим контекстом: у человека, ищущего невесту, есть некоторый идеал жены, некоторое представление о том, какой должна быть его избранница. Прагматика в данном случае настолько сильна, что это представление сохраняется в высказы-

ваниях с причинными союзами. Ср. *Поскольку она выпивает, я на ней не женюсь; Я на ней не женюсь, потому что она выпивает* — оба высказывания подразумевают, что субъект рассматривал возможность — жениться или не жениться на этой девушке — и принял бы решение жениться, если бы она не выпивала. Однако высказывание *Раз она выпивает, я на ней не женюсь* выражает еще и модальную рамку: ‘по мнению говорящего, не может быть так, чтобы он женился на этой девушке’. Данный компонент и придает обсуждаемому примеру оттенок неоспоримости и резкости, отсутствующий в высказываниях с *поскольку* и *потому что*.

Кроме того, употребляя причинный союз, например *поскольку* или *потому что*, говорящий ставит в фокус внимания именно каузальную связь между ситуациями P и Q. Говорящий обдумал эту зависимость, обдумал данное положение дел — значит, ни одна из описываемых ситуаций не является для него неожиданной. Употребляя союз *раз* с его специфической модальной рамкой, говорящий ставит в фокус ситуацию Q, а не связи между ситуациями. Такой фокус внимания вполне сочетается с возможной новизной информации ‘имеет место P’. Таким образом, тонкие нюансы примера В. З. Санникова *Раз она выпивает, я на ней не женюсь* мы объясняем исходя из общего контекста высказывания, из его пресуппозиций и прагматики. Заметим, что «представление о другой возможности» не противоречит предложенному нами описанию союза *раз*.

Основное расхождение нашего описания с обсуждаемыми работами — в интерпретации связи между ситуациями в высказываниях вида *Если <раз> P, Q*. В. З. Санников описывает эту смысловую связь в терминах нормы, естественности, возможности [Санников 2001а/2007: 419—420; 2001б/2008]. Аналогичным образом представляют союз *раз* Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук, причем интерпретируют его как риторический. Подход В. З. Санникова подробно обсуждался выше. Риторические лексемы (употребления) союзов *если* и *раз* описываются нами ниже. Еще раз заметим, что предлагаемая нами декомпозиция союза *если* позволяет естественно описать не только полисемию этого служебного слова, но и его отличия от близкого ему союза *раз*.

4. Риторические лексемы *если* и *раз*

(группа лексем «*если* умозаключения» и союз «*раз* умозаключения»)

Употребляя подчинительный союз, точнее связывая с помощью союза две или более пропозиции, говорящий не просто описывает реальные или представляемые ситуации — он делает определенное умозаключение о том, как они связаны. Ср.

- (74) *Мы опоздали (P), потому что были пробки (Q)* — говорящий описывает ситуации P и Q и утверждает, что между ними имеется причинно-следственная связь: пробки явились причиной нашего опоздания;
- (75) *Когда встанет солнце, отправимся в путь* — говорящий описывает две ситуации и констатирует их соотнесенность во времени;
- (76) *Если будет дождь, останемся дома* — говорящий описывает две возможные ситуации и выражает причинно-следственную зависимость между ними (дождь — причина того, что мы останемся дома).

Подобная связь между описываемыми ситуациями может быть выражена и без союзов, простой последовательностью высказываний в тексте. Ср.

(77) *Были пробки. Мы опоздали.*

(78) *Встанет солнце. Отправимся в путь.*

(79) *Будет дождь — останемся дома.*

То, что в текстах типа (77)—(79) выражается линейным порядком высказываний, т. е. средствами синтаксиса (точнее синтаксиса текста), в высказываниях (74)—(76) выражается лексически, с помощью союза.

Построение любого, даже самого простого текста предполагает, наряду с описанием некоторого набора ситуаций, еще и какое-то умозаключение об их взаимных связях. Такое же, пусть самое элементарное, умозаключение предполагают и высказывания с союзом, соединяющим две пропозиции. Результат такого ментального акта — предствление об объективной связи между ситуациями, т. е. о том, как описываемые ситуации связаны друг с другом в реальном (или воображаемом) мире. Иными словами, для того чтобы описать связь между ситуациями, говорящий должен сначала совершить определенную ментальную операцию: понять, связаны ли описываемые ситуации друг с другом и если — да, то как²⁶. Этот ментальный акт, лежащий в основе высказываний с союзом, часто тривиален; говорящий может не отдавать себе в нем отчета, и тогда высказывание просто описывает реальные (или представляемые) ситуации и связи между ними.

Иногда наличие этого ментального акта, умозаключения говорящего, в какой-то мере высвечивается контекстом. Таковы примеры, рассмотренные в предыдущем разделе. Ср.

(80) *Ты знаешь, там были пробки. — Ну, если <раз> были пробки (P), они опоздали на удобную электричку (Q).*

Здесь P — «данное». Говорящий повторяет пропозицию P, потому что она является отправной точкой его рассуждения, служит обоснованием его последующего вывода. Повтор «данного» отчасти маркирует ход мысли говорящего.

Возникает вопрос: входит ли указание на ментальный акт, на рассуждение говорящего в лексическое значение союзов *раз* и «*если* данного положения дел»? Или же это указание выражено исключительно контекстом? На наш взгляд, в случае типа (80) союзы *раз* и «*если* данного положения дел» употреблены в своем обычном значении. Специфика высказываний типа (80) обусловлена коммуникативным статусом пропозиции P («данное»). Разумеется, эта специфика должна быть отражена в подробном описании союзов, однако не в их толковании. В подобных случаях мы предпочитаем говорить об особой, риторической функции союза.

²⁶ Разумеется, какой-то ментальный акт лежит в основе любого высказывания: говорящий должен как минимум соотнести описываемый фрагмент действительности с концептуальной сетью языка. Мы сейчас от этого отвлекаемся.

Более интересен случай, когда наличие рассуждения, умозаключения говорящего выражается лексически — словом *значит*, *следовательно* и т. п. Ср.

- (81) *Если жизнь возможна на целом ряде планет (P), то значит (следовательно) человек может столкнуться с себе подобными не только на Земле (Q).*

Подобные лексические маркеры хода мысли располагаются в начале главного предложения *Q* и характерны, в частности, для научного текста, для разного рода объяснений.

Однако в некоторых случаях средством, указывающим на наличие определенного рассуждения, определенного умозаключения говорящего, являются не лексемы *значит*, *следовательно* и т. п., а сам союз. Сначала продемонстрируем это на союзе *если*.

Сравним следующие примеры:

- (82a) *Если они успели на последнюю электричку (P), значит они уже дома (Q);*
 (82б) *Если они уже дома (P), значит они успели на последнюю электричку (Q).*

Для простоты ограничимся одним — гипотетическим — пониманием этих фраз. В обоих примерах ситуация ‘они успели на последнюю электричку’ является условием, благодаря которому имеет место ситуация ‘они уже дома’. Фраза (82a) подает это самым естественным образом: условие вводится союзом *если*, открывающим придаточное предложение, а следствие оформляется главным предложением. Но в примере (82б) условие и следствие поменялись местами: условие представлено в главном предложении, а союз *если* вводит следствие. Существенно, что эта «рокировка» условия и следствия не связана с лексемой *значит* — ее можно устранить как из (82a), так и из (82б), ср.

- (82'а) *Если они успели на последнюю электричку (P), они уже дома (Q);*
 (82'б) *Если они уже дома (P), они успели на последнюю электричку (Q).*

Очевидно, что в примерах (82б) и (82'б) союз *если* не только описывает связь между двумя ситуациями, но еще и указывает на ход мысли говорящего, на его умозаключение. Тем самым, в этих примерах представлена особая лексема *если*²⁷. Назовем ее так: «*если* гипотезы + умозаключения». Ср. еще некоторые примеры с этой лексемой:

- (83a) *Если он пошел в гости (P), он взял с собой гитару (Q) [«если гипотезы»];*
 (83б) *Если гитары нет на месте (P), значит он пошел в гости (Q) [«если гипотезы + умозаключения»];*

²⁷ Два соответствующих значения *если* различаются и в работе [Латышева 1982].

- (84а) *Если у них увеличились расходы (P), они не дадут тебе денег в долг (Q)* [«если гипотезы»];
 (84б) *Если они не дали тебе денег в долг (P), у них, наверно, увеличились расходы (Q)* [«если гипотезы + умозаключения»].

Данную новую лексику можно представить как результат определенного преобразования лексики «если гипотезы». Это преобразование затрагивает последний компонент дескрипции (I) и состоит в следующем: смысл ‘говорящий представляет’ заменяется на смысл ‘говорящий делает умозаключение’, причем ситуации P и Q в этом компоненте дескрипции меняются местами (т. е. теперь ситуация Q является причиной или условием существования ситуации P и т. п.).

Компонент ‘говорящий делает умозаключение’ может трансформировать и семантику союза «если обобщения». Приведем примеры:

- (85а) *Если у Васи по субботам бывали лекции (P), Маша ходила на концерт одна (Q)* [«если обобщения»];
 (85б) *Если Маша появлялась на концерте одна (P), значит у Васи в этот день была лекция (Q)* [«если обобщения + умозаключения»];
 (86а) *Если внук жил не у них, а у другой бабушки (P), то они могли смотреть по вечерам телевизор, ходить в гости (Q)* [«если обобщения»];
 (86б) *Если они теперь могут смотреть по вечерам телевизор и ходить в гости (P), значит внук живет не у них, а у другой бабушки (Q)* [«если обобщения + умозаключения»].

Союз «если обобщения + умозаключения», представленный в (85б)—(86б), является контекстно-обусловленной модификацией (или употреблением) союза «если гипотезы + умозаключения». Основания для такого описания — те же, что и для признания союза «если обобщения» не отдельной лексемой, а употреблением союза «если гипотезы».

Следующие примеры демонстрируют наличие в языке союза «если данного положения дел + умозаключения», ср.

- (87) *Если уж Петя вчера не смог приехать на лекцию (P), значит в метро действительно была авария (Q)* [ср. «нормальный» порядок *Если в метро была авария (P), Петя не смог приехать на лекцию (Q)*];
 (88) *Я допускаю: мой рассудок в некотором затмении, но ведь я не мальчик, я же знаю, если станция Покров оказалась справа, значит — я еду из Петушков, а не из Москвы в Петушки!* (Вен. Ерофеев).

Лексема «если данного положения дел + умозаключения» в примерах (87) и (88) представляется как результат преобразования лексики «если данного положения дел», причем это преобразование совершенно аналогично описанной выше трансформации союза «если обобщения». Данная лексема представлена и в примерах (70)—(73), с. 59.

Иногда в высказываниях с союзом «если умозаключения» мы не можем уловить какую-либо логическую связь между ситуациями Р и Q. Ср. примеры из [Грамматика-80: 572—573]:

- (89) *Если я родился в 1899 году (P), то, значит, [в момент моего рождения] в мире происходила англо-бурская война, в России уже был основан Художественный театр, в расцвете славы был Чехов (Q)* (Ю. Олеша);
- (90) *Я магистр наук, если я вам говорю, что не болит у вас горло (P), то значит не болит (Q)* (К. Коровин).

В подобных случаях ситуация Р является лишь отправной точкой для перехода к последующей пропозиции: ‘имеет место ситуация Q’.

Существенно, что лексемы «если умозаключения» обозначают только каузальную зависимость одной ситуации от другой. Ни одна из них не может обозначать «псевдозависимость» между ситуациями. Нормально высказывание:

- (91) *Если они сейчас дома (P), у них, наверно, дождь (Q)* [дождь — причина того, что они сидят дома].

Однако абсурдны фразы типа:

- (92) *Если его не оштрафовали, (значит) он опоздал;*
 (93) *Если она его простила, (значит) он ее обижает.*

Это естественно: говорящий может делать умозаключения, опираясь на знание обычных причинно-следственных связей. Если таких связей нет, то рассуждение невозможно.

Неспособность лексем «если умозаключения» обозначать «псевдозависимость» принципиально отличает их от других рассмотренных лексем *если* и служит одним из оснований для того, чтобы рассматривать их как особые лексемы союза.

ЗАМЕЧАНИЕ. До сих пор мы приводили только такие примеры с лексемами «если умозаключения», в которых описывалась каузальная зависимость одной ситуации от другой. Могут ли данные лексемы описывать зависимость двух ситуаций от какой-то третьей? В большинстве случаев, по-видимому, нет. Так, следующие высказывания остаются равнозначными, хотя их пропозиции и поменялись местами. Ср.

- (94) *Если он плохо сдал алгебру (P), он и физику не сдал (Q)* [ситуации Р и Q обусловлены какой-то общей причиной, например, такой: ‘он плохо знает точные науки’];
- (95) *Если он плохо сдал физику (P), он и алгебру не сдал (Q).*

У нас нет никаких оснований усматривать в (94) и (95) разные лексемы *если*.

Однако в одном, маргинальном, случае дело обстоит, по-видимому, иначе. Рассмотрим ситуацию гадания:

- (96а) *Если из-за угла сейчас выедет белая иномарка, он сделает мне предложение.*
 (96б) *Если он сделает мне предложение, из-за угла сейчас выедет белая иномарка.*

В первом примере придаточное, вводимое *если*, обозначает знак второй, важной для говорящего ситуации. Напомним, что, строго говоря, союз *если* выступает в высказываниях типа (96а) в особом значении. Выше мы назвали эту лексему «*если гадания*». Во втором примере, наоборот, как придаточное оформляется важная ситуация, а главное предложение обозначает знак этой ситуации. Применительно к таким случаям можно говорить о «рокировке» обозначения ситуации и ее знака. Тогда в случае (96б) перед нами «*если гадания + умозаключения*», причем в соответствии с нашим описанием, все высказывание описывает зависимость двух ситуаций от какой-то неназванной силы, которая устраивает все ситуации.

Лексемы «*если умозаключения*», бесспорно, являются риторическими: они маркируют ход мысли говорящего, служат для аргументации, для обоснования высказывания.

В заключение остановимся на союзе *раз*. Он синонимичен лексеме «*если данного положения дел*». Последняя развивает значение «*если данного положения дел + умозаключения*». Подобное значение есть и у союза *раз*. Ср.

- (97а) *Раз погода у них хорошая, они каждый день ходят на море;*
 (97б) *Раз они каждый день ходят на море, погода у них хорошая;*
 (98) *Раз станция Покров оказалась справа (Р), значит я еду из Петушков, а не из Москвы(Q).*

Лексему *раз*, представленную в (97а), мы называем «*раз данного положения дел*». Лексему *раз* в (97б)—(98) будем называть «*раз умозаключения*». Лексема «*раз умозаключения*», как и лексемы «*если умозаключения*», является риторической.

5. Фрагмент полисемии союза *если*

С точки зрения словарного описания выделенные лексемы союза *если* наиболее естественным образом объединяются так:

- 1.1. «*если гипотезы*» (*Если будут пробки, мы опоздаем*).

Контекстно-обусловленная модификация: «*если обобщения*» (*Если Петя задерживается, ужинают без него*). Квазисиноним модификации — союз *когда* (*Когда Петя задерживается, ужинают без него*).

- 1.1.1. «*если гадания*» (*Если сумма цифр будет четной, он мне позвонит*).

Контекстно-обусловленная модификация: «*если гадания + обобщения*» (*Если сумма цифр была четной, он мне звонил*). Квазисиноним модификации — союз *когда* (*Когда сумма цифр была четной, он мне звонил*).

- 1.2.1. «*если гипотезы + умозаключения*» (*Если они уже дома, они успели на последнюю электричку*).

Контекстно-обусловленная модификация: «если обобщения + умозаключения» (*Если она ужинает одна, значит Петя задерживается*).

1.2.2. «если гадания + умозаключения» (*Если он мне позвонит, сумма цифр будет четной*).

2.1. «если данного положения дел» (*Если уж Петя уезжает, я уеду тоже*). Синоним — лексема «раз данного положения дел» (*Раз Петя уезжает, я уеду тоже*).

2.2. «если данного положения дел + умозаключения» (*Если станция Покров оказалась справа, значит — я еду из Петушкова*). Синоним — лексема «раз умозаключения» (*Раз они дома, значит у них сейчас льет дождь*).

Есть ли инвариант у этих значений союза *если*? Как это ни парадоксально, общей частью всех выделенных значений является самый неспецифичный компонент союза *если*, который указывает на каузальную зависимость одной ситуации от другой. Можно, однако, думать, что этот компонент отражает особенности человеческого сознания: человеку свойственно представлять мир пронизанным причинно-следственными связями.

ЗАМЕЧАНИЕ. Подчеркнем, что за пределами нашего описания остались многие контексты с *если*.

Во-первых, мы не рассматривали примеры типа: *Если захочешь есть (P), возьми мясо (Q)*; *Если тебе так холодно (P), почему ты сидишь в одной рубашке(Q)?*; *Если хочешь знать правду (P), отец уехал совсем (Q)*²⁸ и т. п. Специфика этих примеров состоит в том, что ситуация P является причиной, условием или чем-то подобным не ситуации Q как таковой, а речевого акта (т. е. побуждения, вопроса, утверждения и т. п.), содержащего пропозицию Q. При этом само предложение Q может представлять собой косвенный речевой акт, ср. пример Дж. Остина: *Если захочешь есть (P), в холодильнике есть мясо (Q)*. Подобные употребления союза *если* называют иллокутивными.

Во-вторых, мы не касались специфического вводного употребления *если*. Ср. *Если верить газетам (P), все было совсем по-другому (Q)*; *Это, если хотите (P), совершенно особый случай (Q)*; *Если помните (P), мы к вам в пятницу заходили (Q)* и т. п.

В-третьих, за рамками нашего описания остались контексты типа *В его глазах он заметил если не страх, то во всяком случае растерянность*.

Наконец, мы не рассматривали сопоставительный союз *если P, то Q*. Ср. *Если кочевые народы занимались скотоводством (P), то оседлые рано достигли высокой культуры земледелия(Q)* (ср., впрочем, сноску 4).

6. Заключение. Союз *если* и концепция семантических примитивов

Мы выделили в союзе *если* несколько лексем, две из которых имеют еще и контекстно-обусловленные модификации. При этом лексемы «*если гипотезы*» и «*если данного положения дел*», а также их модификации не

²⁸ Последняя фраза — это модифицированный пример из работы [Иорданская 1988: 243].

могут быть истолкованы через более простые понятия, сформулированные на естественном языке. Однако все они в определенной степени подвергаются декомпозиции. Эта ситуация далеко не стандартна. Для того чтобы уяснить ее, вспомним основные положения концепции семантических примитивов [Апресян 1974; 1980; 1994; 2009].

В теории семантических примитивов в качестве метаязыка семантики используется естественный язык, точнее — его подъязык, состоящий из относительно небольшого числа слов, взятых в их центральном значении, и достаточно простых однозначных синтаксических конструкций. В этом подъязыке выделяется особая группа лексем, составляющая исходный словарь метаязыка толкований. Эти лексемы участвуют в толковании других лексем, но сами не определяются ни через какие единицы языка. Поэтому их называют семантическими примитивами. Все другие единицы языка сводимы к семантическим примитивам, т. е. могут быть истолкованы через них (если не непосредственно, то на каком-то шаге разложения).

З а м е ч а н и е. В концепции А. Вежицкой к семантическому примитиву предъявляется еще одно требование. А. Вежицкая считает, что семантический примитив представляет собой некий универсальный смысл, который поэтому во всех языках имеет материальное воплощение. В [Wierzbicka 1980] это требование представлено в «сильной» формулировке: семантический примитив во всех языках оформляется как отдельная лексема. Заметим, что по данным, приводимым в [Храковский 1998], во многих языках — тюркских, эскимосо-алеутских, тунгусо-манчжурских — условного союза как такового нет: показателем условной связи в них служат различные глагольные формы, ср. для иллюстрации русск. *Будь ты похитрей (P), давно ходил бы в начальниках (Q)*. Тем самым, условный союз типа русского «если гипотезы» не удовлетворяет сильному требованию универсальности. Позднее А. Вежицкая сформулировала это требование в более слабой форме: примитивы могут выражаться не только отдельными словами, но и частями слов, а также сочетаниями слов [Wierzbicka 1992]. «Слабому» требованию универсальности союз типа *если* вполне удовлетворяет. В дальнейшем требование универсальности нами не рассматривается.

Долгое время считалось, что в языке не существует никаких нетолкуемых лексем, кроме семантических примитивов. Иными словами, подразумевалось, что каждая нетолкуемая лексема участвует в толковании других единиц языка. Ясно, однако, что нетолкуемость и участие в толковании значения других слов — это два логически независимых требования. Поэтому можно ожидать, что найдется нетолкуемая лексема, не являющаяся семантическим примитивом.

Такие лексемы были впервые подробно описаны Ю. Д. Апресяном — это лексемы, являющиеся близкими синонимами семантического примитива. В работе [Апресян 1994] сравниваются лексемы *хотеть* (семантический примитив) и *желать*. Лексема *желать* столь мало отличается от семантического примитива *хотеть*, что, подобно ему, не может быть истолкована. В частности, ее невозможно толковать через значение ‘хотеть’ и

значение еще какой-то лексемы. Глагол *хотеть* выбирается на роль семантического примитива только потому, что он более нейтрален и семантический менее специфичен, т. е. больше подходит для толкования других слов.

Однако очень небольшие смысловые различия могут существовать не только между синонимами, но и между «соседними» лексемами многозначного слова. Таким образом, естественно ожидать, что явление, описанное Ю. Д. Апресяном в области синонимии, встретится и в области полисемии. Анализ лексем союза *если* подтверждает это предположение. Действительно, внутри союза *если* выделяется более одной нетолкуемой лексемы. Но требованию участия в толкованиях, предъявляемому к семантическим примитивам, по-видимому, удовлетворяет только лексема «*если гипотезы*»²⁹. Она и признается семантическим примитивом. Через остальные лексемы союза *если*, хотя они и нетолкуемы, вряд ли определяется хоть одна единица языка.

В целом, граница между семантическими примитивами и «обычными» лексемами оказывается не такой четкой, как представлялась когда-то. Ее размывают нетолкуемые лексемы, не являющиеся примитивами.

Очевидно, что такие нетолкуемые лексемы скорее всего найдутся среди семантически выхолощенных служебных или полуслужебных слов. Действительно, подобные лексемы были обнаружены среди союзов [Урысон 2000; 2004б; 2006] и среди полувспомогательных глаголов типа *Орег* [Апресян 2004б]. К таким лексемам относится, в частности, лексема «*если данного положения дел*». Наличие таких нетолкуемых лексем ставит перед лексикографом особые проблемы, на которых мы сейчас не останавливаемся.

Сосредоточимся на главном требовании, предъявляемом к семантическим примитивам, — требованию семантической неразложимости.

Семантическая неразложимость языковой единицы — это невозможность представить ее значение на предназначенном для этого семантическом метаязыке. Поскольку в современной семантической теории в качестве метаязыка используется естественный язык, то неразложимость лексемы (или другой языковой единицы) — это невозможность представить ее значение в виде выражения на естественном языке. Однако Ю. Д. Апресян продемонстрировал, что семантический примитив, т. е. лексема, неразложимая по определению, неэлементарен — он может иметь весьма богатое и сложное значение [Апресян 1979]. В цитированной выше работе [Апресян 1994] этому факту дается теоретическое объяснение. Оно состоит в следующем.

Если глаголы *хотеть* и *желать* синонимичны, то, следовательно, в их значении есть общая часть. При этом *хотеть* является семантическим примитивом, и *желать* тоже нетолкуем. Получается, что в значении каж-

²⁹ Она входит, например, в толкование граммемы актуально-длительного значения НСВ, ср. (упрощенно) *Белье сохнет* = ‘в каждый из последующих моментов белье суше, чем в каждый предшествующий момент; если этот процесс не прекратится, то белье начнет быть сухим’ [Гловинская 1982].

дого из них есть некая «ядерная» часть, общая для данных синонимов, и какие-то более мелкие семантические компоненты, семантические «добавки», создающие специфичный семантический ореол каждого из этих слов. При этом все компоненты, выделяемые в семантике семантического примитива *хотеть* и его синонима *желать*, невербализуемы — их можно описать с помощью разного рода дескрипций, но нельзя представить через более простые понятия, т. е. истолковать на естественном языке по правилам толкования значений. Невербализуемые семантические компоненты, более мелкие, чем значение любой лексемы естественного языка, Ю. Д. Апресян назвал «семантическими кварками». При этом предполагалось, что в нетолкуемой лексеме, в частности — в семантическом примитиве, могут выделяться только кварки, т. е. довербальные семантические элементы.

Анализ союза *если* опровергает это предположение. В лексемах этого союза, наряду с довербальным семантическим компонентом (т. е. кварком) выделяются и вполне вербализуемые компоненты: ‘знать’, ‘не знать’, ‘считать’, ‘быть возможным’. Без выделения этих компонентов структуру многозначности слова *если* не удалось бы представить в системном виде — именно «игра» этих компонентов создает полисемию союза *если*. Отметим в связи с этим, что дескрипции (I)—(III), хотя и не являются толкованиями, но позволяют системно описать структуру полисемии рассматриваемого слова.

Попытаемся уяснить возможную семантическую структуру нетолкуемой лексемы. Для этого коснемся сначала типологии кварков Ю. Д. Апресяна [1994; 2009].

Как показал Ю. Д. Апресян, кварк в составе лексемы может создавать ее специфичный семантический ореол (на подобный кварк различаются *хотеть* и *желать*). Таков кварк, представляющий собой общую (пересекающуюся) часть значений семантического примитива и его ближайшего неточного синонима (ср. *хотеть* и *желать*). Однако существуют кварки и другого рода. В работе [Апресян 1980] они были названы нетривиальными семантическими признаками. Таковы, в частности, «стативность», «акциональность», частеречная семантика и некоторые другие смыслы. Каждый нетривиальный семантический признак «отражает определенную семантическую особенность слова, но не дублирует ее целиком» [Там же: 30]. При этом нетривиальный семантический признак, например, «стативность», приписывается группе слов (т. н. стативам), обладающих «сходством реакций (...) на другие языковые единицы разных уровней (морфологического, синтаксического, семантического)» [Апресян 1994: 482]. Поскольку это сходство реакций «семантически мотивировано», то «мы обязаны предположить наличие в их значениях некоего общего смысла» [Там же]. Кварк такого типа представляет собой общую (пересекающуюся) часть значений «некоторых семантических примитивов, которые не являются синонимами друг друга. Таковы, например, стативные глаголы *знать*, *считать*, *хотеть*, *чувствовать*, в значениях которых есть то общее, что все они являются названиями разного рода внутренних состояний человека» [Апресян 2009: 15—16].

Описание союза *если* показало, что довербальный семантический компонент в его составе не относится ни к одному из этих типов кварков. Действительно, указание на связь ситуаций, которую мы условно назвали «псевдозависимость» и которая выражается союзом *если*, не является нетривиальными семантическим признаком — данный долексемный семантический компонент составляет самую суть семантики союза *если* и при этом никак не мотивирует особенностей его поведения. При этом данный элемент не представляет собой общую (пересекающуюся) часть лексем *если* ее неточных синонимов (ср. *раз, когда*). Следовательно, данный семантический элемент принадлежит к какому-то иному, не описанному Ю. Д. Апресяном, типу элементов. Заметим, что с подобными долексемными семантическими элементами мы столкнулись, описывая значение и других русских союзов [Урысон 2000; 2002; 2003].

Сделаем одно терминологическое замечание. Ю. Д. Апресян относит к семантическим кваркам и полувспомогательные глаголы типа *оказывать*, т. е. обычные языковые единицы, обладающие планом выражения, а значит, вполне «вербализуемые» [Апресян 2004б]. Поскольку кварк Ю. Д. Апресяна, вообще говоря, может обозначаться какой-то лексемой, а для довербального семантического элемента это исключено, мы не пользуемся термином «кварк».

Исходя из предложенного анализа союза *если*, мы предлагаем различать два свойства лексемы: толкуемость и разложимость. Разложимость — более слабое свойство. Естественно считать, что лексема семантически разложима, если в ней выделяется хотя бы один семантический компонент. Такой семантический компонент может быть довербальным семантическим элементом, меньшим, чем любая лексема естественного языка. Однако это необязательно: такой семантический компонент может быть и вполне вербализуемым. Ср. перечисленные выше компоненты, выделяемые в семантике союза *если*.

Теоретически возможны следующие ситуации:

- 1) лексема толкуема; таково большинство лексем естественного языка;
- 2) лексема нетолкуема и неразложима, т. е. представляет собой «семантический монолит»; в настоящее время нам неизвестны такие единицы;
- 3) лексема нетолкуема, но разложима; ср. «*если гипотезы*». При этом в значении лексемы могут выделяться и довербальные семантические элементы, и вполне обычные компоненты. В любом случае лексема может быть объявлена семантическим примитивом.

Заметим, что выделение довербальных семантических элементов необходимо для описания многих слов русского языка, в том числе, не являющихся семантическими примитивами; см. наш анализ различных лексем в работах [Урысон 1996; 1998; 2003].

Можно предположить, что «довербальные семантические элементы», выделяемые для системного описания фактов языка, обладают психологической реальностью. Действительно, вряд ли, формируя высказывание, человек просто «обрабатывает» имеющуюся в сознании семантическую сеть,

которую ему осталось только вербализовать. Вряд ли человек думает словами. Если бы это было так, никому не приходилось бы подыскивать нужное слово для выражения мысли, никогда бы не возникало ощущение, что содержание, выраженное словами, не вполне адекватно замыслу («мысль изреченная есть ложь»). Можно думать, что на каком-то этапе «довербальные семантические элементы» участвуют в формировании смысла высказывания и лишь затем этот первичный смысл превращается в вербализуемое семантическое представление высказывания.

Литература

Абаев 1934/1995 — В. И. Абаев. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Л., 1934. 2. С. 33—54 [перепечатано: В. И. Абаев. Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995].

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.

Апресян 1979 — Ю. Д. Апресян. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.

Апресян 1980 — Ю. Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» [цит. по изд.: Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 8—101].

Апресян 1994 — Ю. Д. Апресян. О языке толкований и семантических примитивах // ИАН СЛЯ. 1994. № 4. С. 27—41.

Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. Значение и употребление // ВЯ. № 4. 2001. С. 3—22.

Апресян 2004а — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004. С. XXII—LII.

Апресян 2004б — Ю. Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы. М., 2004. С. 13—33.

Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 33—160.

Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М., 2009.

Вежбицкая 1996а — А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Вежбицкая 1996б — А. Вежбицкая. Семантика «логических понятий» // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996. С. 104—129.

Гладкий 1982 — А. В. Гладкий. О значении союза «если» // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982. С. 43—75.

Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. Т. I—II. М., 1960.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. I—II. М., 1980.

Евтюхин 1996 — В. Б. Евтюхин. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Жолковский 1964 — А. К. Жолковский. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8 / I Московский гос. пед. ин-т иностр. языков. Труды ин-та. М., 1964. С. 67—103.

Иорданская 1988 — Л. Н. Иорданская. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими союзами) // *Russian Linguistics*. Vol. 12. 1988. № 3. P. 239—267.

Иорданская, Мельчук 1996 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. К семантике русских причинных предлогов (*ИЗ-ЗА любви — ОТ любви — ИЗ любви — *С любви — ПО любви*) // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996. С. 162—207.

Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.

Латышева 1982 — А. Н. Латышева. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. № 5. 1982. С. 51—59.

Левонтина 2004 — И. Б. Левонтина. «*ИЗ-ЗА 4, ИЗ 8.1, ОТ 6, ПО 1.7, С 1.10, ЗА 11.8, БЛАГОДАРЯ, ПО ПРИЧИНЕ, ВСЛЕДСТВИЕ, В РЕЗУЛЬТАТЕ, ВВИДУ, В СИЛУ*» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004. С. 430—437.

Ляпон 1986 — М. В. Ляпон. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

МАС — Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1—4. М., 1985—1990.

Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Пекелис 2008 — О. Е. Пекелис. Сочинение и подчинение: коммуникативный подход // *Рус. яз. в науч. освещ.* № 2 (16). 2008. С. 21—57.

Пешковский 1928 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М.; Л., 1928.

Разлогова 1988 — Е. Э. Разлогова. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. М., 1988. С. 98—107.

Санников 2001а/2008 — В. З. Санников. Семантика и прагматика союза *если* // *Рус. яз. в науч. освещ.* № 2. 2001. С. 68—89 [воспроизведено в книге: В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. Ч. IV. Гл. 1: Конструкции с союзом *если*. С. 407—434. Ссылки на цитаты даны по книге].

Санников 2001б/2008 — В. З. Санников. Еще раз о союзе *раз* // *Жизнь языка / Отв. ред. С. М. Кузьмина*. М., 2001. С. 109—116 [воспроизведено в книге: В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. Ч. IV. Гл. 2: Конструкции с союзом *раз*. С. 435—444. Ссылки на цитаты даны по книге].

Урысон 1996 — Е. В. Урысон. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // *ВЯ*. № 4. 1996. С. 25—38.

Урысон 1998 — Е. В. Урысон. Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // *ВЯ*. № 2. 1998. С. 3—21.

Урысон 2000 — Е. В. Урысон. Русский союз и частица *И*: структура значения // ВЯ. № 3. 2000. С. 97—121.

Урысон 2001 — Е. В. Урысон. Союз *если* и семантические примитивы // ВЯ. № 4. 2001. С. 45—65.

Урысон 2002 — Е. В. Урысон. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // ВЯ. № 6. 2002. С. 35—54.

Урысон 2003 — Е. В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

Урысон 2004а — Е. В. Урысон. «РАЗ³1, ЕСЛИ 2.1» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004. С. 915—917.

Урысон 2004б — Е. В. Урысон. Некоторые значения союза *А* в свете современной семантической теории // Рус. яз. в науч. освещ. № 2. 2004. С. 17—48.

Урысон 2006 — Е. В. Урысон. Семантика союза *НО*: данные языка о деятельности сознания // ВЯ. № 5. 2006. С. 22—42.

ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М., 1998.

Auwera 1985 — Auwera van der. Language and logic: A speculative and condition-theoretic study. Amsterdam, 1985.

Athanasiadou, Dirven 1997 — A. Athanasiadou, R. Dirven. Conditionality, hypotheticality, counterfactuality // On conditionals again / A. Athanasiadou, R. Dirven (eds). Amsterdam; Philadelphia, 1997. P. 60—96.

Chafe 1976 — W. L. Chafe. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // Subject and Topic / Ch. N. Li (ed.). N.-Y. etc., 1976. P. 25—55. [Рус. пер.: У. Чейф. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 277—316.]

Comrie 1986 — B. Comrie. Conditionals: a typology // On conditionals / E. Traugott, A. ter Meulen, J. Sn. Reilly, A. Ferguson (eds.). Cambridge, 1986. P. 77—99.

Ducrot 1972 — O. Ducrot. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.

LG 1975 — Le groupe λ -1. Car, parce que, puisque // Revue Romane. 10. 1975. P. 248—280.

On conditionals 1986 — On conditionals / E. Traugott, A. ter Meulen, J. Sn. Reilly, A. Ferguson (eds.). Cambridge, 1986.

On conditionals again 1997 — On conditionals again / A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1997.

Wierzbicka 1972 — A. Wierzbicka. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.

Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language. Sydney, 1980.

Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford, 1992.

Wierzbicka 1997 — A. Wierzbicka. Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals // On conditionals again / A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1997. P. 15—60.

А. Н. БАРАНОВ, Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**ОТ ЧЕГО ЗАВИСЯТ
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДИОМЫ
(*имя им легион VS. их как грязи*)**

Современные теории семантики не дают определенного ответа на вопрос о том, к какой части плана содержания языкового выражения относятся его стилистические характеристики. Существующая лексикографическая практика отражает стилистическую принадлежность слов и фразеологизмов с помощью помет, что также не проясняет сути дела. Мы исходим из того, что стилистические характеристики лексических единиц относятся к плану содержания языкового выражения, однако какая-то часть этой семантической информации попадает в компетенцию прагматики и «вычисляется» по более или менее стандартным правилам прагматической интерпретации [Searle 1975; Демьянков 1983]. По-видимому, это вполне оправданно, поскольку употребление языковой формы в дискурсе подчиняется как семантике самой этой формы, так и правилам дискурса. Дискурсивное поведение, в свою очередь, определяется прагматическими характеристиками условий общения — социальными статусами участников, степенью официальности ситуации, регламентацией способов выражения тех или иных смыслов и т. д.

Кроме того, есть прагматическая составляющая использования лексических единиц в конкретном типе дискурса — в частности, в специальном подязыке — которая определяется исключительно предметной сферой и не должна описываться как часть плана содержания лексемы или фразеологизма. Так, специальные жаргоны — медицинский, военный, спортивный и т. д. — содержат идиомы, которые относятся к жаргонам просто потому, что описывают соответствующие специальные реалии. Например, военная команда *в ружье* относится к военному жаргону вовсе не потому, что она содержит какие-то специфические составляющие в семантике или в форме, которые и определяют отнесенность данного выражения к жаргону, а просто потому, что это часть языка военных команд. Эти случаи не описываются никакими правилами и здесь не рассматриваются.

Следует отметить, что стилевая ограниченность специальной терминологии представляет собой реализацию общего принципа организации стиля: стилевое разнообразие возможно лишь там, где имеется выбор в номи-

нациях одной и той же сущности. Так, идиома *Бермудский треугольник* относится к нейтральному стилю, поскольку соответствующий феномен действительности не имеет другого общепринятого наименования. Однако производное значение этой идиомы (что-то вроде 'область, полная тайн и загадок') оказывается стилистически маркированным, поскольку здесь у говорящего есть выбор. Ср. *Для любого возраста, пола, профессии, на любой вкус есть свой «бермудский треугольник», из которого люди все-таки возвращаются живыми* (Публ. Инт.)¹. Аналогично идиома *сойти с ума* (и ее каузатив *свести с ума*), несмотря на относительную живость внутренней формы (метафора ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВНИЗ), является стилистически нейтральной. Есть, конечно, и другие номинации (сочетание термина *психическое расстройство* или *психическое заболевание* с различными глаголами), но они ограничены рамками специальной профессиональной области.

Традиционные классификации лексики по стилистическим характеристикам используют разноплановые параметры, т. е. приписывание стилистических помет происходит по разным основаниям. В [Баранов, Добровольский 2008: 551 и сл.] показано, что в основе разнообразных стилистических классификаций лежат следующие параметры: дискурсивные (ср. такие пометы, как *журн.*, *жарг.*, *прост.*), временные (*устар.*, *неол.*, *совет.*), регистровые операторы эвфемизм и дисфемизм² и собственно стилистические параметры, представленные пометами *высок.*, *разг.*, *неприл.*, *неценз.* и др. Иное, и в некоторых отношениях более подробное, разбиение системы традиционных стилистических помет используется в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Апресян 1995].

В этой статье мы будем заниматься собственно стилистическими характеристиками идиом. Нас интересует возможное влияние значения идиом, их внутренней формы и лексического состава на их стилистические особенности. Можно предположить, что существует как минимум четыре важных фактора, влияющих на стилистическую (в узком смысле) принадлежность идиом³.

Первый фактор — это смысл, передаваемый идиомой (ее актуальное значение). Весьма вероятно, что существуют смыслы, которые больше «тя-

¹ Здесь и далее используются ссылки на Корпус современной русской публицистики (Корпус Публ.), Корпус русской прозы (Корпус РусПроз.), речевое общение (РечОб.), речевое общение Интернета (РечОб. Инт.), Корпус публицистики Интернета (Публ. Инт.), художественные тексты Интернета (ХудТексты Инт.) и Корпус детективной литературы (Корпус Детект.).

² Ниже допускается терминологические словоупотребления типа «нейтральный стилистический регистр». Термин «регистровые операторы» применительно к эвфемизмам и дисфемизмам фокусирует их основную функцию — «переключать» стилистический регистр: например, с грубого или неприличного на разговорный или нейтральный.

³ Это распространяется и на устойчивые метафоры, которые, однако, здесь не рассматриваются.

готеют» к стилистически нейтральному способу выражения, и смыслы, для которых более естественно использование сниженных или, наоборот, высоких регистров речи. Назовем этот феномен **фактором значения**.

Второй фактор — внутренняя форма, образ, лежащий в основе актуального значения идиомы. Представляется правдоподобным, что внутренняя форма идиомы может содержать какие-то специфические компоненты, влияющие на прагматические условия ее употребления — ср. вынесенную в название статьи пару идиом *имя им легион* vs. *их как грязь*. Очевидно, что их стилистическое противопоставление объясняется, с одной стороны, библейскими ассоциациями, фиксированными в образной составляющей идиомы *имя им легион*, а с другой — явно сниженным образом грязного, заложенным во второй. Здесь мы имеем дело с **фактором внутренней формы**.

Третий фактор — лексический состав идиомы. Понятно, что если в состав идиомы входят стилистически окрашенные лексемы, то их стилистические особенности распространяются на всю идиому в целом. Например, *по пьяни* — просторечная идиома, поскольку слово *пьянь* просторечно. Следует иметь в виду, что, хотя связь между лексическим составом и образом (внутренней формой) часто присутствует, это совсем не обязательно. В идиоме *по пьяни* никакого ясно ощущаемого образа нет вообще.

К фактору лексического состава идиомы следует отнести также рифмы, аллитерации, ассонансы и др. особенности организации плана выражения идиомы, оформляющие ее как ритмическое целое. Так, наличие рифмы не только способствует устойчивости идиомы, но и влияет на ее стилистические характеристики. Многие рифмованные идиомы относятся к разговорному и более сниженным стилевым регистрам; ср. идиомы [— ну?] — *баранки гну!* и *катись колбаской [по Малой Спасской]*, получающие помету *груб.*, просторечные идиомы *что хочу, то и ворочу*; [— привет!] — *привет от старых штиблет!*; [— говорят...] — [где-то] *кур доят*, сниженные выражения [— вроде...] — *вроде Володи [и наподобие Кузьмы]*; [— почему?] — *по кочану!*, а также разговорные идиомы *ищи-свищи (кого-л.)*; *ляля[-ля] тополя*; *рёва-корова*; [вытянуть] *(кого-л.) за ушко да/и на солнышко*; *у матросов нет вопросов*; [— откуда?] — *от верблюда!* По нашим данным, в нейтральном стилевом регистре идиомы с рифмой отсутствуют. Назовем рассмотренный стилистический феномен **лексическим фактором**.

Четвертый фактор — **временные характеристики идиомы**, то есть является ли она современной или устаревшей. Отнесение идиомы к устаревшим или современным не является стилистической характеристикой в точном смысле. Именно поэтому временной параметр, наряду с указанными выше, может рассматриваться как независимый фактор, влияющий на стилистический регистр идиомы. Очень часто устаревшие идиомы воспринимаются как книжные или высокие. Ср. устаревшие идиомы высокого регистра речи *почить в бозе* или *аки тать в нощи*, а также книжные устаревшие фразеологизмы *пробывать в нетях* и *вливать новое вино в старые мехи*.

Обсуждая факторы, влияющие на стиль идиом, следует иметь в виду, что большая часть идиоматики по сути своей разговорна. Если для обычной лексики точкой отсчета для стилистической дифференциации является нейтральный регистр (в смысле М. А. К. Хэллидея [Хэллидей 1980]), то для идиом таким стилистическим ориентиром разумно считать разговорный регистр. Иначе львиной доле идиом при составлении словаря пришлось бы приписать помету *разг.*

Перейдем к обсуждению каждого из упомянутых факторов, используя в качестве материала данные из «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» (далее — Тезаурус) [Тезаурус 2007]. Мы исходим из того, что информация о составе идиом, их распределении по различным понятийным полям (таксонам), представленная в Тезаурусе, является репрезентативной для современного состояния русского языка. Иными словами, Тезаурус может использоваться как источник объективной информации о функционировании современной фразеологии.

1. Выражаемый смысл как фактор стиля

Априори представляется, что связи между актуальным значением идиомы и ее стилистическими характеристиками не существует. Действительно, часто один и тот же смысл можно выразить с помощью весьма разных в стилистическом отношении идиом. Так, концепт БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА может выражаться и книжными / высокими идиомами типа *имя легион (кому-л.)* и стилистически сниженными формами типа *как грязи (кого-л./ чего-л. где-л./у кого-л.)*. Ср. такие контексты, как *Никто сегодня не может точно сказать, сколько компьютеров и пользователей работает в Интернете — имя им легион*. Корпус Публ. и *Чего-чего, а цветов здесь как грязи*. Корпус Публ. В традиционной лексикологии такие случаи обычно называются стилистическими синонимами.

Все крупные таксоны Тезауруса включают как высокие, так и разговорные, сниженные и т. п. идиомы. Однако такое наблюдение само по себе малоинтересно. Действительно, язык (в том числе в сфере идиоматики) должен обладать репертуаром выражения смыслов в разных стилистических регистрах. Тем не менее, обнаруживаются смыслы, отражаемые соответствующими таксонами Тезауруса, которые тяготеют к более нейтральному регистру выражения. Типичным примером такого типа следует считать идиомы с семантикой временных отношений — таксон ВРЕМЯ. Здесь мы обнаруживаем на фоне нейтрального для идиоматики разговорного регистра большое количество книжных и высоких идиом. Ср. идиомы *от века устар. высок., во время оно высок., пыль веков высок., сдать в архив (кого-л./ что-л.) книжн., уходить корнями (во что-л.) книжн., с быстротой молнии книжн., как по мановению руки книжн., до второго пришествия книжн., до скончания века книжн., до гробовой доски книжн., золотой век книжн., на за-*

ре туманной юности книжн., с колыбели книжн., час между собакой и волком книжн., младое племя высок., бальзаковского возраста книжн., во цвете лет книжн. Велико в этом таксоне и содержание нейтральных идиом: *в разгар (чего-л.) нейтр., с утра до ночи нейтр., медовый месяц нейтр., бархатный сезон нейтр., шаг за шагом нейтр., от случая к случаю нейтр.*

Сходным образом устроено поле ПРОСТРАНСТВО, в котором много нейтральных, книжных и высоких идиом:

на открытом воздухе нейтр. — играть на открытом воздухе Корпус Публ.; оперное и балетное представление на открытом воздухе Корпус Публ.

чёрная дыра нейтр. — изучение загадочных черных дыр Корпус Публ.

бок о бок нейтр. — Катарагама — священный город на юге острова, где бок о бок стоят храмы разных религий. Корпус Публ.

лицом к лицу нейтр. — все сидят лицом к лицу Корпус Публ.; Впервые я столкнулся с Николаем лицом к лицу в саратовской гостинице «Словакия» Корпус Публ.

города и веси высок. — соединить в эфире города и веси России. Корпус Публ.

на каждом шагу нейтр. — В Америке — на каждом шагу автоматы с пирожками и кока-колой. Корпус Публ.

Туманный Альбион книжн. — В конце XIX века Туманный Альбион дал миру двух творцов: Обри Бердсли и Оскара Уайльда. Корпус Публ.

Земля обетованная высок. — Михаил Козаков предпочел земле обетованной раскисшую московскую землю. Корпус Публ.⁴

По тем же причинам в этом таксоне велик процент журнализмов: *зеленый континент журн., окно в Европу журн., остров свободы журн., порт пяти морей журн., страна восходящего солнца журн.*

С другой стороны, обнаруживаются смыслы, которые тяготеют к разговорно-сниженному дискурсивному типу выражения. Такими смысловыми полями являются в первую очередь таксоны с оценочной семантикой. Так,

⁴ Как видно, из приводимых в статье аутентичных примеров употребления, довольно часто встречаются контексты иронического использования «высоких» идиом. Отметим в связи с этим, что иронический модус использования идиом не «понижает» их стилистический статус. Меняется способ подачи информации в высказывании, в состав которого входят идиомы: как предполагает ирония, говорится одно, а подразумевается ровно противоположное. То есть ирония относится к высказыванию (или даже к соответствующему фрагменту текста, а иногда и ко всему тексту в целом), а идиомы — за исключением речевых формул — остаются частью этого высказывания. При этом часто — особенно в текстах СМИ — идиомы с «высоким» стилистическим статусом **поддерживают** ироническую интерпретацию речевого акта. Это обеспечивается очевидным контрастом между «высоким» статусом идиомы и обыденностью обсуждаемой ситуации. Вообще проблема взаимодействия стилистических характеристик текста и его частей (в самом широком понимании) не только не рассмотрена в литературе должным образом, но даже и толком не поставлена.

таксон ХОРОШО—ПЛОХО содержит довольно значительное количество сниженных идиом, в том числе обценных. Ср. идиомы, связанные с выражением идеи ХОРОШЕГО:

будьте-нате прост. — Вечером — культурная программа, да такая, что будьте-нате: концерты и презентации, спортивные соревнования и деловые клубы, творческие конкурсы и шоу, турниры компьютерных игр, казино, показ мод! Публ. Инт.

разлюли-малина снижен. — Офицерам в Голландии вообще разлюли-малина: вечером они сядут за баранки личных авто и отъедут ужинать и опочивать в домашней обстановке. Корпус Публ.

хоть куда прост. — В ту пору Надя была еще хоть куда! Корпус РусПроз.

всё чики-пики снижен. жарг. — Я познакомлюсь с девками из колбасного цеха, и все будет чики-пики. РечОб. Инт.

всё чих-пых снижен. жарг. — Да просто поставь другой сервер, и все будет чих-пых. РечОб. Инт.

Ср. также идиомы, связанные с семантикой ПЛОХОГО:

не ахти прост. — На торжестве женщины были в меньшинстве, и одеты интеллигентки были не ахти. Корпус РусПроз.; погода была не ахти Корпус Публ.

жуть с ружьём снижен. — Вот такая жизнь, Васек, у них пошла — все сикось-накось. В общем, жуть с ружьем. РечОб.

дерьмо на палочке груб. эвф. — Порой бывает так, что вроде знаешь человека сто лет, и вот в один прекрасный день выясняется, что это вовсе не твой хороший товарищ, а совершеннейшее дерьмо на палочке. Корпус РусПроз.

Разумеется, нельзя утверждать, что такие таксоны не включают нейтральную, высокую и книжную идиоматику. Ср. *товарный вид нейтр.*, *на высоте нейтр.*, *высокой/высшей пробы нейтр.*, *как манна небесная книжн.*, *божьей милостью высок.*, *за гранью добра и зла книжн.*, *авгиевы конюшни книжн.* Другое дело, что в процентном отношении в оценочных таксонах преобладает именно разговорно-сниженная идиоматика, типичная для обыденной коммуникации. Так, в таксоне ХОРОШО—ПЛОХО Тезауруса разговорно-сниженная идиоматика составляет порядка 84% (202 идиомы из 242), причем подтаксон ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ПЛОХОГО полностью состоит из идиом сниженного регистра речи (*на фиг, к свиньям собачьим*). Понятно, что за таким распределением стилистических характеристик стоит реальный узус: людям свойственно обсуждать в обыденном общении различные отклонения от нормы — как в сторону хорошего, так и в сторону плохого. А поскольку обыденная, неформальная коммуникация тяготеет к разговорно-сниженному стилю речи, то и используемые для выражения этих смыслов идиомы оказываются разговорными или сниженными.

Смыслы, указывающие на нарушение правил общения — максим Грайса и т. п. — также оказываются стилистически сниженными. Это связано с тем, что сам факт комментирования речевого поведения собеседника не одобряется, поскольку в той или иной мере предполагает вторжение в личную сферу адресата и нарушает его права. Большое количество идиом та-

кого типа — это речевые формулы, актуальное значение которых состоит в указании на неуместность предшествующей реплики собеседника. Ср. *ещё чего!; как бы не так!; чего я там забыл?; не надо ля-ля; короче, Склифосовский!*

Похожие свойства присущи и семантике ОТКАЗА. Так, идиома *скатертью дорога / дорожка* достаточно груба, хотя в ее составе нет никаких сниженных слов, а сам образ скорее позитивен, чем негативен.

Таким образом, из рассмотренного материала видно, что хотя характер значения и не полностью предопределяет стилистические свойства идиомы, он может использоваться как продуктивная эвристика для предсказания ее стилистических характеристик.

2. Внутренняя форма как стилеобразующий фактор

Кроме значения, на дискурсивное поведение идиомы оказывает влияние и внутренняя форма. Для нейтрального регистра живой и ясно ощущаемый образ нехарактерен. Так, в идиомах *как нельзя лучше, [приятись] по нраву (кому-л.), на славу, первый сорт, с умом, на уровне, в целостности и сохранности* нет яркого образа. Именно поэтому они ощущаются как характерные представители нейтрального стиля. Такова вся служебная фразеология (сложные предлоги, союзы, устойчивые сочетания частиц, вводные словосочетания): *едва не; по крайней мере; по меньшей мере; с тех пор как; в то время как; не только..., но и...* С другой стороны, идиомы с яркой внутренней формой воспринимаются как стилистически окрашенные. Так, идиомы, содержащие во внутренней форме отсылку к античным и библейским сюжетам, явственно ощущаются как книжные или высокие. Например, *как манна небесная, запретный плод, Земля обетованная, перейти Рубикон, нить Ариадны, разрубить гордиев узел.*

Понятно, что дело здесь не столько в стилистических и фонетических характеристиках отдельных слов, входящих в состав идиомы (см. по этому поводу более подробно раздел 3), сколько в самом образе, к которому они отсылают. Так, часто встречаются идиомы, в составе которых нет сниженной лексики. Тем не менее сама идиома воспринимается как сниженная из-за различных особенностей образа, лежащего в основе актуального значения идиомы. Можно предложить следующую типологию характеристик внутренней формы, влияющих на дискурсивное поведение идиомы, направляя ее в сторону сниженных стилевых регистров.

1. Присутствие идеи brutality — насильственных физических действий:

с порога в зубы, с полпинка, ноги выдернуть, компостировать мозги, взять за горло / глотку, взять за жабры, взять за кадык, скрутить / согнуть в бараний рог, рога обломать, заткнуть рот, заткнуть глотку / пасть.

Все эти идиомы оказываются стилистически сниженными, вплоть до грубых.

2. Наличие во внутренней форме **отсылки к действиям, жестам и т. п., которые воспринимаются как неприличные, нарушающие нормы поведения, принятые в обществе**: *куда ни плюнь, бежать задрав итаны, плюнуть негде, тьфу на (кого-л./что-л.), помалкивать / молчать в портянку*. Так, плевать, обнажать табуированные части тела, прикладывать к телу, и особенно к лицу, грязное (ср. *портянка*) — это все относится к сфере неприличного, по крайней мере, в европейской культурной традиции.

3. Описание во внутренней форме тех или иных **проявлений физиологии**: *розовые сопли, это вам не баран начихал / чихал / чихнул, от мертвого /дохлого осла уши; каков стол, таков и стул; весь в мыле, словесный понос*. Например, во внутренней форме идиомы *весь в мыле* представлен образ пота. Хотя слово *мыло* в своем основном значении не связано с физиологией, однако в употреблении такого рода оно осмысливается как обозначение пота человека или животного.

4. Содержащееся во внутренней форме **унижающее или неуместное уподобление** (скрытое или явное): *раскрыть варежку; старая калоша; любовь прошла, завяли помидоры; отбросить / откинуть коньки*; в том числе уподобление человека животному: *врать / брехать как сивый мерин; как собак нерезаных; с паршивой овцы хоть шерсти клок; для бешеной собаки семь вёрст не крюк; рыльце в пушку / пуху; тыловая крыса; метать икру*. Так, в идиоме *отбросить / откинуть коньки* неуместность уподобления проявляется в соотнесении культурно-табуированного концепта смерти с тривиальным физическим действием. В идиоме *раскрыть варежку* рот сопоставляется с варежкой, а речевая деятельность упрощается и примитивизируется — описывается как элементарное (однократное) и плохо контролируемое физическое действие. И первое, и второе приводит к тому, что одно из проявлений интеллектуальной деятельности человека — речь — сводится к простейшей двигательной активности, слабо связанной с интеллектом. В остальных приведенных примерах неуместность сравнения еще более очевидна.

5. **Абсурдность образа**: *вешать лапшу на уши; свихнуть [себе] мозги; тюрьма / тюряга плачет (по кому-л.); пробу / пробы ставить негде (на ком-л.); жуть с ружьём*. Абсурдность образа часто достигается гиперболизацией: *не вышептать (Наши родные овощи из Подмосковья скромно занимают на рынке один-единственный крайний ряд в большом павильоне. А цены на морковь, капусту, свеклу — не вышептать. Корпус Публ.)*; *контаминацией разных идиом: молчать как рыба об лед (из молчать как рыба и биться как рыба об лед)*. Большое количество речевых формул, указы-

вающих на неуместность предшествующего речевого акта, содержит во внутренней форме отсылку к абсурдной ситуации. Так, внутренняя форма идиомы *держи карман шире* основана на абсурдном предложении приготовиться к получению большого количества ресурса, при том что актуальное значение указывает на то, что ничего получить не удастся. Ср. *Думаешь отблагодарил? Держи карман шире — сто граммов даже не поставил.* Корпус Детект. Абсурдна также внутренняя форма идиомы-реакции на просьбу *да... только шнурки поглажу* с семантикой ОТКАЗА: — *Сейчас же иди и извинись перед Мариной! — Да, сейчас, только шнурки поглажу...* ХудТексты Инт.

6. Наличие во внутренней форме **символов и квазисимволов**, связываемых в культуре данного языкового сообщества со сферой «плохого»: *как грязи, свинья [везде] грязь найдёт, раздался голос из помойки, не на помойке найти, в гробу видать / видеть [и в белых тапочках]*. В приведенных примерах в качестве символов плохого выступает «грязное» (*грязь, помойка, свинья*) и «смерть» (*гроб*).

Отметим, что стилистическим регистром идиомы «управляет» здесь и в подобных случаях не столько само слово, сколько его семиотическая интерпретация. Так, идиома *не ударить в грязь лицом* также содержит компонент *грязь*, но в отличие от идиомы *как грязи*, не воспринимается как сниженная. Дело в том, что во внутренней форме идиомы *не ударить в грязь лицом* фокусируется не столько идея «грязного», сколько семиотически значимое перемещение из вертикального положения «вниз лицом». К тому же наличие обязательного отрицания в ее лексическом составе и образе (*не ударить...*, т. е. «не упасть») оказывает влияние на восприятие компонента *грязь* — отрицается нежелательная ситуация.

Предложенная типология, естественно, не является исчерпывающей. Она отражает лишь основные тенденции связи внутренней формы с дискурсивными особенностями употребления, проявляющимися в стилевых характеристиках идиом. Кроме указанных факторов, на стиль влияет наличие элементов игры, например смешное (*Вася Пупкин*), сознательное нарушение грамматических норм (*хлопотать лицом*). Игровое употребление может создавать дополнительно эффект указания на неприличное, ср. *Вот так штука — капитана Кука*. Первая часть этой идиомы совершенно нейтральна: *Вот так штука*. Вторая же часть, продолжение — фраза *капитана Кука* — явно намекает на возможность неприличного понимания⁵. Это

⁵ Именно такое понимание широко представлено в бытовых осмыслениях этого фразеологизма, ср. одну из типичных частушек такого типа: *Капитану Куку / Отдавили штуку*. Изначально ничего «эротического» у расширения *капитана Кука* не было. По некоторым источникам ее происхождение связывается с анекдотом о глупце: «Узнав, что мореплаватель Кук на одном из своих кругосветных плаваний был убит дикими, спросил: “на котором?”. *Вот так штука капитана Кука*, воскликнули присутствующие от удивления» [Михельсон 1912: словарная статья «штука»].

однозначно переносит идиому из разряда разговорных в сферу почти неприличного. Вообще такой способ дисфемизации типичен для фольклорной традиции (см. по этому поводу, например, [Левин 1978]).

Поэтому яркий образ, заложенный в идиоме, практически всегда приводит к отклонению от стиливого стандарта в ту или иную сторону. Характер отклонения определяется свойствами образа, которые обсуждались выше.

Столь сильное влияние образной составляющей не удивительно. Понятно, что если образ, как было уже неоднократно показано, влияет на значение и должен учитываться в толковании (см. [Баранов, Добровольский 2008: 155 и сл.]), то было бы странно, если бы это влияние не распространялось на дискурсивные характеристики. И действительно, как показывает наше исследование, образ влияет на многие слои плана содержания идиомы. Давление на стиль — лишь одно из проявлений этого.

3. Влияние лексического состава идиомы на ее стиль

Если в лексическом составе идиомы есть слова сниженных регистров, то вся идиома в целом приобретает те же стилистические характеристики, что и соответствующие лексемы. Так, из-за слова *переть* (в толковом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой это слово получает помету *прост.* [ТСРЯ 2007]) идиомы *переть бугром*, *переть как на буфет*, *переть как бык*, *переть как танк* оказываются стилистически сниженными. Аналогично идиома *разевать пасть* снижена из-за слова *пасть*, имеющего помету *грубо-прост.* [ТСРЯ 2007]. Ср. также *заткнуть глотку / пасть (кому-л.)*, *раскрыть пасть*, *пасть порву!* Из-за лексического состава оказываются сниженными и идиомы *чёрта лысого!*; *из дерьма конфетку сделать*; *дурак и уши холодные*.

Важный фактор снижения стилистического регистра идиомы — это наличие в ней сходных в фонетическом отношении компонентов — в том числе и рифмующихся элементов. Особенно характерен этот фактор для просторечия: *явился не запылится*; *муж объелся грузи*; *день-деньской*; *хорошая мысль приходит опосля*; *чин-чинарём*; *как потопал, так и полопал*; *что хочу, то и ворочу*. Довольно часто в сниженной идиоматике присутствуют искусственные слова, элементы которых чаще всего рифмуются: *всё чики-ники*, *всё чих-ных*, *не хухры-мухры*, *цацки-пецки*, *штучки-дрючки*, *трали-вали*, *шахер-махер*.

4. Временной фактор

Как уже было отмечено выше, временные характеристики не являются стилистическими в точном смысле, но определенно влияют на стилистическую принадлежность идиомы в узком понимании. Не очевидно, что поме-

та *устар.* является единственным значением временного параметра. Не противопоставлено ли присутствие пометы *устар.* ее значимому отсутствию? Действительно, в системе временных помет помета *устар.* фактически противопоставлена помете *современное*, которая выражена своим значимым отсутствием⁶. Однако виртуальная помета *современное* не оказывает такого существенного влияния на собственно стилистические характеристики, как помета *устар.* В этом смысле противопоставление помет *устар.* vs. *современное* привативно, а отмеченным членом оказывается именно первая помета. Таким образом, при выявлении характера влияния на стиль временных характеристик идиомы естественно рассмотреть сочетания пометы *устар.* с собственно стилистическими пометами.

Из сочетаний со стилистическими пометами наиболее очевидный и довольно частотный случай — сочетаемость помет *устар.* *высок.* Таких примеров в Тезаурусе обнаруживается 17. Здесь влияние временного фактора очевидно. Ср. следующие идиомы: *почить в бозе устар. высок.*; *аки / как тать в ноци устар. высок.*; *врачу, исцелися сам! устар. высок.*; *милостивый государь устар. высок.*; *честь имею [кланяться] устар. высок.*; *страха ради иудейска устар. высок.*⁷; *божий перст устар. высок.*; *смирение паче гордости устар. высок.*; *отправить... к праотцам (кого-л.) устар. высок.*; *сосуд греха устар. высок.*; *питаться акридами и диким медом устар. высок.*; *божий промысел устар. высок.* Устаревшие формы в составе данных идиом воспринимаются как принадлежность высокого стиля.

Возможна и другая интерпретация, согласно которой устаревшее осмысливается как неизвестное — относящееся к «книжному знанию», находящемуся на грани с наукой: историей, филологией, теологией. В этом случае временной фактор влияет на дискурсивную принадлежность идиомы, поскольку помета *книжн.* относится к дискурсивным. Сочетаний помет *устар.* *книжн.* в Тезаурусе обнаружено 19. Ср. некоторые идиомы такого типа: *мафусаиловы веки устар. книжн.*; *превратиться в [соляной] столб устар. книжн.*; *бесплодный как смоковница устар. книжн.*; *[пребы- вать...] в нетях устар. книжн.*; *вливать... новое вино в старые мехи устар. книжн.*; *ни аза устар. книжн.*; *казнь египетская устар. книжн.*; *в здоровом уме и твёрдой памяти устар. книжн.*; *история с географией устар. книжн.*; *разводить турусы на колесах устар. книжн.*; *гробы повапленные устар. книжн.*

В Тезаурусе обнаруживаются сочетания пометы *устар.* и с другими дискурсивными пометами, причем некоторые из них высокочастотны. Так,

⁶ Помета *устар.* не единственная в системе временных характеристик еще и потому, что в Тезаурусе представлены такие пометы, как *неол.* и *совет.*

⁷ В современном языке эта идиома употребляется, как правило, в модифицированном значении и исключительно в рамках иронических контекстов. Ср.: *Достаточно сказать, что своевременно оказался я в Томском медицинском институте и засел в нем на пять полных лет, и **страха ради иудейска** даже на каникулы не появлялся дома* (А. Стругацкий. Дьявол среди людей).

по данным Тезауруса, чаще всего помета *устар.* сочетается с пометой *народн.* Ср. примеры следующего типа: *было [и/да прошло] и/да былём поросло устар. народн.*; *на морковкино заговенье устар. народн.*; *одним махом семерых побивахом устар. народн.*; *до морковкинового / морковкина заговения устар. народн.*; *куда ворон костей не заносил устар. народн.*; *беречь пуце глаза / глазу устар. народн.*; *как бог свят устар. народн.*; *бес попутал устар. народн.*; *голодной куме всё куры на уме устар. народн.*; *не талан устар. народн.* Всего обнаруживается 20 таких сочетаний. Такая высокая частотность с определенностью указывает на наличие влияния одного феномена на другой, однако направление влияния в данном случае не очевидно. Дело в том, что пометы в Тезаурусе расставлялись носителями литературной нормы, для которых «народные» слова не являются живыми, современными. Соответственно, они маркировались как что-то устаревшее, хотя соответствующие выражения могут быть вполне современными для тех или иных речевых субкультур. Иными словами, не исключено, что высокая частота сочетаемости помет *устар.* и *народн.* объясняется не влиянием временного фактора, а его «наведением» в языковом сознании носителей литературной нормы.

Интересно, что практически отсутствуют сочетания помет *устар.* и *неценз.*, *устар.* и *груб.* — всего по одному примеру, минимально представленно сочетание *устар.* и *эфф.*: *гусарский / архиерейский насморк устар. эфф.*; *парижский / французский насморк устар. эфф.*

Не очень представительно по частоте сочетание пометы *устар.* и дискурсивной пометы *прост.* (4 идиомы): *чёрт его в душу знает устар. прост.*; *взять... под микитки (кого-л.) устар. прост.*; *бить... по мордасам (кого-л.) устар. прост.*; *дать... по сусалам (кому-л.) устар. прост.*, а также ее сочетание со стилистической пометой *снижен.* (3 идиомы): *на кой лях устар. снижен.*; *кувшинное рыло устар. снижен.*; *свинья в ермолке устар. снижен.*

Весьма нетривиальным оказывается сочетание пометы *устар.* с дискурсивной пометой *журн.*: *со товарищи устар., журн.*; *чего изволите устар., журн.* Казалось бы странно использовать устаревшие идиомы в современных средствах массовой информации, однако стиль современных СМИ, оказывается, совсем не чужд саморекламы: попытки журналистов показать свою образованность выражаются в использовании идиом с явно архаичными формами. К этому стилистическому типу относится и коллокация *карета скорой помощи*, часто звучащая, например, в новостях радиостанции Эхо Москвы.

Всего в тезаурусе зафиксировано около 180 употреблений пометы *устар.* Сочетаний этой пометы с собственно стилистическими пометами оказывается порядка 20, а сочетаний с дискурсивными пометами — около 45. Общее количество сочетаний со стилистическими и дискурсивными пометами — 65, что составляет более трети употреблений пометы *устар.* Это серьезный аргумент в пользу рассмотрения временного фактора как важной эвристики для установления как стилистических, так и дискурсивных характеристик идиомы.

5. Взаимодействие разных факторов

Установленные факторы, влияющие на стилистические и дискурсивные характеристики идиом, очевидно, не исчерпывают все существующие возможности. Необходимо исследовать стилистические особенности идиом для выявления новых факторов, а также комбинации различных факторов. Очень часто рассмотренные здесь факторы стиля действуют вместе, причем в одном направлении. Так, в идиоме [*— ...тепло*] — *Из носа потекло* в сторону снижения действуют факторы абсурдности образа и его физиологичности, а в идиоме *без сопливых разберёмся* физиологичность образа сочетается с семантикой ОТКАЗА, предусматривающей нарушение прав собеседника. В идиоме *не суй своё свиное рыло в наш огород* актуальное значение ОТКАЗА совмещается с унижающим уподоблением человека свинье и присутствием в лексическом составе сниженного слова *рыло*.

Указанные факторы стиля могут действовать и разнонаправленно. Результат в каждом случае оказывается индивидуальным и априори трудно предсказуемым. Так, выражение *переть на рожон* является исходно библеизмом, в котором, по-видимому, произошла замена глагола *идти* на глагол *переть*. Ср. слова Иисуса, обращенные к Савлу: *Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна* (синодальный перевод)⁸. Несмотря на библейское происхождение этого выражения, из-за глагола *переть* общие характеристики идиомы в целом меняются в сторону просторечия. Почему стилистические характеристики именно этого глагола оказываются более значимыми, чем фактор внутренней формы, связанной в этом случае с библейским сюжетом, остается не вполне понятным и требует дополнительного изучения. Видимо, в данном случае доминирование фактора лексического состава над фактором внутренней формы объясняется тем, что для большинства носителей языка эта идиома утратила свои библейские ассоциации.

Для некоторых идиом выявить причины их стилистической сниженности не удастся. Таковы, например, выражения *с концами, сделать ноги*, при том что идиома *унести ноги* является просто разговорной.

6. Заключение

Проведенное исследование показывает, что стилистические характеристики как особый компонент плана содержания слова или фразеологизма могут относиться как к сфере семантики, так и к сфере прагматики. В це-

⁸ Поскольку известно, что в одной из версий (зафиксированной у Даля) перевода это высказывание имеет форму *жестко ти ешь противу рожна прати*, можно предполагать, что глагол *переть* появился в составе идиомы как пароним старославянского *прати* 'жать, давить'.

лом, для современной лингвистической теории характерно внимание к объяснительному потенциалу создаваемых теоретических конструктов. Хотя на необходимость исследования стиля в аспекте объяснения указывал еще В. В. Виноградов (ср. его понимание задач стилистики в [Виноградов 1963: 5 и сл.]), для стилистики как науки идея объяснительности все еще остается достаточно экзотичной. Здесь была предпринята попытка выявить основные факторы, которые влияют на стилистические характеристики, относящиеся к области собственно семантики. Рассмотренные факторы по сути являются не системой правил, а эвристиками, с помощью которых можно предсказать стилистическое поведение фразеологических единиц. Смена классифицирующих методов в теории стилистики на объяснительные насущно необходима. Представляется, что данная статья будет способствовать дискуссии о смене исследовательских парадигм.

Разумеется, остается еще много открытых вопросов, требующих ответа в новой объяснительной парадигме. К ним, в частности, следует отнести взаимное влияние отдельных факторов, реализующихся в одной и той же единице. Если это факторы однонаправленные, встает вопрос, является ли их сочетание простой суммой или здесь действуют более сложные правила, которые еще предстоит выявить. Остается непроясненной и иерархичность выявленных факторов, т. е. если факторы разнонаправлены, то какой из них доминирует и в каких ситуациях.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Типы информации для словаря синонимов // Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М., 1995.

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Виноградов 1963 — В. В. В и н о г р а д о в. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Демьянков 1983 — В. З. Д е м ь я н к о в. Понимание как интерпретирующая деятельность // ВЯ. 1983. № 6. С. 58—67.

Левин 1978 — Ю. И. Л е в и н. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. М., 1978. С. 283—314.

Михельсон 1912 — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1912.

Тезаурус 2007 — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007.

ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

Хэллiday 1980 — М. А. К. Х э л л и д е й. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. М., 1980.

Searle 1975 — J. R. S e a r l e. Indirect speech acts // P. Cole, J. L. Morgan (eds.). Speech acts. N. Y. etc., 1975. P. 59—82.

О. С. ИССЕРС

СТРАТЕГИЯ РЕЧЕВОЙ ПРОВОКАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ

Современное искусство провокационно, оно вызывающе, с агрессией подходит к аудитории.

Л. Парфенов, журналист

В современном коммуникационном пространстве воздействие на массовое сознание может быть отнесено к числу технологических достижений XX века [Почепцов 2001: 34]. Многие сферы общественной жизни — политику, экономику, масс-медиа и т. д. — нельзя представить без планирования речевого воздействия и контроля за его эффективностью.

В публичном общении контроль за интеллектуальными и эмоциональными процессами собеседника обеспечивает развитие диалога в нужном направлении и поэтому представляет одну из типичных коммуникативных «интриг», обретающих ранг стратегии.

В многочисленных работах последних десятилетий, посвященных анализу речевой коммуникации, отражено представление о речевом взаимодействии как об упорядоченном, управляемом явлении, особом виде целенаправленного человеческого поведения [Арутюнова 1990; Винокур 1993; Дементьев 2000]. Это, в частности, проявляется в организации диалога [Баранов, Крейдлин 1992; Зарецкая 1998; Иссерс 1999; Борисова 2001; Степанов 2003]. Коммуникативный мониторинг заключается в вербальных и невербальных действиях, нацеленных на развитие коммуникативного контакта в желательном для говорящего русле и может осуществляться в различных направлениях: контролируется выбор и изменение темы, информационная насыщенность, инициатива, понимание, манера речи, а также психологическое состояние собеседника.

Поскольку адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу взаимодействия, возникает проблема реализации коммуникативной интенции в условиях сопротивления партнера, что можно обозначить как **провокационную речевую стратегию**.

В толковом словаре *провокация* определяется как «преднамеренное поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые

могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия» [Ожегов, Шведова 1997]. **Провоцировать** — значит «умышленно вызывать что-либо или на что-либо, подстрекать к чему-либо» [Совр. сл. иностр. сл. 2003]. Словарные дефиниции свидетельствуют о двух существенных признаках провокации: во-первых, о преднамеренности, осознанности данного поведения, и, во-вторых, о негативном характере последствий для вовлеченного в провокацию адресата. Последнее определяет незаинтересованность его в подчинении провокационным действиям и, следовательно, манипулятивный характер действий субъекта провокации.

В качестве примера из смежной области коммуникации приведем т. н. провокационный маркетинг — технологию «захвата» умов и сердец покупателей в ситуации потребительского иммунитета к рекламе. Для этого рекламная акция маскируется так, чтобы она выглядела как необычное событие, которое удивляет, потрясает, шокирует. Такие вещи долго не забывают, о них хочется рассказать всем, и нужная информация передается в виде слухов, обрывков разговоров. Таким образом продвижение товара осуществляется при минимуме средств [Обухова 2008: 14—17].

В современной лингвистике понятие провокации нередко используется с нейтральной коннотацией — как искусственное возбуждение, усиление каких-либо явлений или признаков [Норман 1994]. В рамках данного подхода речевая провокация рассматривается в работе [Степанов 2003] для описания взаимоотношений между репликами диалога, когда инициирующая реплика провоцирует ответную реакцию. С этих позиций под провоцирующим вопросом понимается такой тип иллокутивного вынуждения, когда говорящий демонстрирует в речи свое психологическое состояние с целью передать его собеседнику, заразить им собеседника и вызвать (каузировать) у него аналогичное внутреннее состояние [Там же: 177]. Исходя из столь широкого понимания, к провокации можно отнести всякое иллокутивное вынуждение, описанное в терминах «стимул — реакция». Более того, в определенном смысле провокацией можно считать любое осуществление стратегии говорящего, поскольку она ориентирована на необходимый ему перлокутивный эффект.

В определении речевых действий как провокационных мы придерживаемся более узкой интерпретации данного феномена, оставаясь в рамках представленных выше словарных дефиниций. Во многом наш подход близок характеристике провокационной речи в работе [Зарецкая 1998]. **Речевая провокация** — это целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния. Оба вида провокации нередко осуществляются комплексно — через сознательный выбор речевых и языковых средств разных уровней. К провокационным речевым действиям можно отнести выбор речевой тактики, языкового кода, неприемлемого для собеседника, выбор лексической единицы с нежелательной для партнера коннотацией и т. д.

Заметим, что провокационный замысел может быть в разной степени эксплицирован его инициатором и — соответственно — осознан адресатом. Во-первых, это обусловлено спецификой коммуникативного намерения (например, установка на эмоциональную дестабилизацию, как правило, не представляет секрета для адресата). Не в последнюю очередь данный параметр зависит от коммуникативной компетентности партнера и его способности к рефлексии. Поскольку провокация определена выше с позиции ее инициатора (а не адресата), в рамках провокационных речевых действий мы считаем возможным объединить и приемы имплицитного воздействия на партнера, и случаи манипулирования, очевидного для обеих сторон.

В дальнейшем речевая провокация будет рассмотрена на примере двух типов тактик — выведывания информации и эмоционально дестабилизирующих.

Знание приемов организации диалога — как кооперативных, так и конфликтных — особенно актуально в тех сферах, где прогнозирование реакции партнера существенно влияет на результат общения, — в деловой коммуникации, политике, педагогике, медицине. **Особую роль управленческие диалогическим взаимодействием играет в средствах массовой информации**, в частности в интервью. В компетенцию профессионального интервьюера входит выстраивание линии поведения, получение необходимой информации, планирование эмоциональной реакции собеседника. Поэтому во многих учебных пособиях для журналистов даются правила и образцы кооперативного общения интервьюера и его собеседника [Шостак 2002; Муратов 2003]. В то же время практически отсутствуют рекомендации, как построить особую разновидность «портретного» интервью — портрет «антигероя», где ставится цель разоблачить собеседника, выведать у него информацию, которую он не расположен сообщать. Это обуславливает актуальность исследования приемов речевой манипуляции, направленных на реализацию стратегической задачи журналиста.

Несмотря на многообразие ситуаций и личностей интервьюируемых и журналистов, представляется возможным типизировать и описать **приемы провокационного интервью**.

Отметим, что в межличностной коммуникации оценка провоцирующих речевых действий с точки зрения этических и этикетных норм, как правило, является негативной. Но в жанре интервью речевая провокация нередко осуществляется в интересах читателя (слушателя, телезрителя) и является профессиональным приемом журналиста, чему легко найти подтверждение в высказываниях самих публицистов и в художественной литературе.

Из интервью Ларисы Васильевой с Патрисией Каас:

Л. В. — Я бы хотела, чтобы вы задержались в России. И тогда льдинка в вашем сердце растает. И вы уедете если не с мужем, то обретете друга.

П. К. — У меня в жизни было много мужчин, которые меня любили...

Л. В. — Милая, это была провокация, в чистом виде провокация. Я подумала: «Если она скажет на эту “льдинку” нет, значит, с ней все в порядке» (АиФ, № 32, 2007);

Елена (...) расцветала и хорошела в ауре новостей, обсуждений и скандалов, и даже вне работы выглядела так, словно именно сейчас собиралась внимательно выслушать, тактично потеревить вопросом или заехать в лоб провокацией, щелкая при этом кнопкой диктофона (М. Арбатова. Семилетка поиска).

В основной корпус материалов исследования вошли интервью, опубликованные в газетах «Комсомольская правда» («КП»), «Аргументы и факты» («АиФ»), журналах «Огонек», «Итоги» и др., а также в Интернет-источниках в период с 2001—2007 гг. Поскольку интервью в печатных СМИ представляет собой институциональный тип публичного диалога, крайние формы провокации — брань, прямое оскорбление, грубое требование — не могут быть использованы. В связи с этим провокация представлена в интервью иными, завуалированными формами речевого поведения.

Провокация в интервью определяется тактическими задачами журналиста: сломать коммуникативный план (стратегию) партнера, вынудить собеседника на резкий ответ, показать его «истинное лицо», заставить выйти из заранее подготовленного образа, побудить к незапланированной откровенности и т. д. По сути, провокация в интервью является приемом разрушения имиджа. Как правило, ответ на словесное нападение — это защитная реакция собеседника, не всегда контролируемая.

Как отмечено выше, для выявления провокации в коммуникативном акте важен такой критерий, как преднамеренность речевого действия. Он позволяет разграничить собственно провокацию и коммуникативную неудачу, незапланированно возникающую вследствие нарушения этикетных норм. Если коммуникативная неудача — это нежелательное для адресанта нарушение процесса общения, то **речевая провокация — это коммуникативный сбой, сознательно организованный говорящим.**

Таким образом, провокацию можно определить как конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия.

Основными показателями провоцирующих речевых действий выступают семантические, прагматические и стилистические языковые средства, по которым можно судить о намерениях говорящего. В редких случаях цель эксплицирована в вопросах журналиста, который сам определяет свой вопрос как *провокационный, каверзный* и т. п., например:

— А не упала ли стоимость Земфиры за эти два года, — задаю я *подлый вопрос* («Огонек», № 39, 2007).

Успех провокации, как и любой стратегии, оценивается по **перлокутивным эффектам** (речевые акты оправдания, ответного обвинения, упрека в недоверии, раздражение, отказ в искренности и т. д.). Отсутствие соответствующей реакции собеседника свидетельствует о коммуникативной неудаче инициатора либо о том, что его партнер понял провокацию как «условие игры» (что нередко в интервью).

Из интервью с Вл. Машковым:

И. — Говорят, вы снимаетесь за 500000 Eur?

М. — Слабовато... (С улыбкой)

И. — Стоите дороже?

М. — Я бесценный! (Смеется)

И. — Значит, не у всех хороших режиссеров есть возможность вас пригласить! Снимаетесь ради денег?

М. — (*Машков взвился.*) — Назовите мне хоть одну мою роль, где я снимался ради денег, а не получал удовольствие от игры! («КП» 12.07.07).

Анализ текстов интервью позволил выявить наиболее продуктивные речевые тактики (далее — РТ), реализующие провокационную стратегию в целях выведывания информации и дестабилизации эмоционального состояния партнера.

Тактики выведывания информации

В соответствии с базовой моделью минимального диалога, предложенной в работе Ф. Хундсншера, инициативный речевой акт может представлять собой «определенное оповещение», «неопределенное оповещение» и «встречную инициативу» [Хундсншер 1998]. Все указанные типы коррелируют с ситуацией выведывания информации: говорящий либо напрямую запрашивает своего собеседника об интересующем его объекте (проблеме), либо косвенно подводит его к выдаче информации, либо — в условиях отказа или уклончивого ответа — настаивает хотя бы на неполном или косвенном информировании.

Ситуация прямого запроса, на который дается полный, исчерпывающий ответ, не входит в сферу нашего исследования. Нас также не интересуют ситуации однозначного отказа от выдачи информации («*Я этого вам не скажу*»).

Таким образом, в фокусе исследования оказывается косвенный запрос информации, при котором коммуникативная цель говорящего не эксплицитована, а обнаруживается исходя из коммуникативной ситуации и контекста. Часто она тщательно скрывается расспрашивающим, порой даже маскируется, но реконструируется по определенным показателям текста. Повторный запрос, возникающий в условиях получения неполной или уклончивой информации, также попадает в поле нашего внимания, поскольку нередко имеет имплицитную форму.

Наша задача заключается в том, чтобы по показателям текста восстановить журналистский прием и определить его когнитивные основания.

В качестве иллюстративного материала используем интервью с директором Института биологической медицины профессором Г. Т. Сухих, которому приписывали тайну омоложения Б. Ельцина («Ельцина омолодили с помощью бессмертных клеток?»), «КП», 11.10.02). В анализируемом нами

интервью зафиксировано 19 вопросов и 4 утвердительных реплики-стимула журналиста (далее — Ж.), на которые интервьюируемый Г. Т. Сухих (далее — Г. С.) дал 10 ответов по существу, 11 уклончивых ответов и дважды отказался отвечать.

Степень сокрытия намерения журналиста — выведать информацию — варьируется от слабо завуалированной заинтересованности до тщательно маскируемой задачи.

РТ «Игра по правилам»

Одним из приемов выведывания информации является уступка собеседнику, связанная с некоторыми ограничениями на выдачу информации, налагаемыми профессией, должностными обязанностями, требованиями этики и т. п. Уступка осуществляется через метакоммуникацию, в ходе которой стороны приходят к общим правилам ведения дальнейшего диалога. Правда, этот договор отнюдь не исключает последующего утаивания информации.

Ж. — Геннадий Тихонович, а правду говорят, что это вы омолодили Бориса Ельцина?

Г. С. — Есть медицинская этика: врачи не должны обсуждать публично болезни своих пациентов, разглашать их имена, диагнозы, методы лечения (...). Кстати, на утренних медицинских конференциях в нашем Центре гериатрии вы не услышите конкретных имен, здесь обычно говорят так: больная М., 42 лет...

Ж. — *Ну хорошо, больной Б. Н., 71 год, после встречи с вами действительно помолодел?*

Г. С. — Я не знаю, о ком вы говорите...

Ж. — Да все о Борисе Николаевиче!

Неявное отождествление, примененное журналистом для установления контакта с респондентом, не привело к желаемому результату, хотя в теории и практике речевого воздействия используется весьма эффективно (ср. у Маяковского: «Мы говорим “партия” — подразумеваем “Ленин”»).

РТ «Частичный запрос»

Тактика строится на когнитивной операции сближения (отождествления) части и целого: если проблема может быть представлена как комплекс частных проблем, аспектов, то обсуждение хотя бы некоторых из них косвенно подводит к информации более общего характера. По форме это, как правило, частичный диктальный вопрос [Степанов 2003].

Ж. — Лично вас Борис Николаевич благодарил за проведенную операцию по омоложению?

Г. С. — *Сама постановка вопроса кажется мне некорректной.*

Ж. — *Тогда хотя бы скажите: сколько лет сбросил первый Президент России?*

Г. С. — Главная цель наших технологий — не «омоложение». Скорее здесь нужно говорить о другом качестве жизни, об увеличении ее продолжительности.

Ответ профессора на частичный запрос косвенно подтверждает его причастность к процедуре омоложения Б. Ельцина.

По этой же когнитивной схеме выстраиваются провоцирующие вопросы о деталях, частностях, которые в совокупности создают контекст для ключевой проблемы. Так, тщательно скрываемая собеседником причастность к омоложению первого Президента России обнаруживается через комплекс ответов на вопросы, формирующие фрейм «омоложение»: «Как же происходит омоложение?», «Как вы получаете эти клетки?», «Где вы проводите ваши операции?», «Сколько стоит операция по омоложению?» и др.

РТ «Установление связей и отношений»

Данный провокационный прием базируется на когнитивном механизме отождествления по отдельному признаку: запрос о наличии связей с каким-либо объектом интереса есть, по сути, первый шаг к более конкретным расспросам о нем.

Г. С. — Я не знаю, о ком вы говорите...

Ж. — Да все о Борисе Николаевиче!

Г. С. — Когда я смотрю его по телевизору, то очень радуюсь, что он совершенно не похож на того Бориса Николаевича, который в декабре 1999 года уходил в отставку с поста Президента России.

Ж. — Вы все киваете на экран...

Стремление интервьюируемого дистанцироваться от объекта интереса (*когда я смотрю его по телевизору...*) служит косвенным подтверждением того, что тактика была опознана.

Последняя попытка получить хотя бы косвенное подтверждение причастности Г. Сухих к омоложению Ельцина также реализована при помощи указанного приема.

Ж. — У вас еще будут встречи с Ельциным? (т. е. «Курс омоложения будет продолжен?»)

Г. С. — Если я буду востребован Борисом Николаевичем, или кем-то еще из бывшего либо нынешнего руководства страны, или никому не известным трактористом Иваном Ивановичем, я не стану делать из этого событие. Для меня все пациенты одинаковы.

Ж. — А Президент Путин не нуждается в вашей помощи?

Г. С. — Надеюсь, что нет.

РТ «Наведение темы»

Одним из эффективных приемов скрытого от собеседника выведывания информации является наведение темы. Данная тактика базируется на операции ассоциативного соскальзывания. Как известно, взаимосвязи отдельных фрагментов окружающего мира определяют общность соответствующих когнитивных структур — фреймов и сценариев, а те, в свою очередь, обнаруживаются в близости тем.

Классическим образцом наведения темы может служить известный эпизод из романа «Двенадцать стульев», где задача Остапа Бендера — полу-

чить информацию о цели приезда Ипполита Матвеевича — решается именно таким способом:

Тщательно заперев за дворником дверь, Бендер обернулся к все ещё стоящему среди комнаты Воробьянинову и сказал:

— Спокойно, все в порядке. Моя фамилия Бендер! Может, слышали?

— Не слышал, — нервно ответил Ипполит Матвеевич.

— Ну, да откуда же в Париже может быть известно имя Остапа Бендера? *Тепло теперь в Париже?* Хороший город. У меня там двоюродная сестра замужем. Недавно прислала мне шелковый платок в заказном письме...

Попытка подобного рода (тоже неудачная) предпринята журналистом в анализируемом интервью в связи с другой интересующей его персоной — руководителем Медцентра С. Мироновым.

Г. С. — Мы активно сотрудничаем с Центральным институтом травматологии и ортопедии Минздрава России.

Ж. — Который, *кстати*, возглавляет руководитель Медцентра управления делами Президента России Сергей Миронов.

Г. С. — Здесь мы получили очень обнадеживающие результаты (...). У нас много клинических баз.

В реплике журналиста содержался косвенный вопрос об отношении С. Миронова к интересующей его теме омоложения президента, который так и остался без ответа.

РТ «Принуждение через обвинение, или игра без правил»

Прием носит явно выраженный провокационный характер. Содержащееся в высказывании обвинение моделируется через привнесение в ситуацию несуществующих в ней событий, фактов (ср. фингирующее преобразование как прием искажения истины в работе [Левин 1974]). Оно требует оправданий либо объяснений, так или иначе связанных с проблемами, представляющими интерес.

Так, профессор Г. Сухих согласился на интервью после провокации журналиста: *«Про вас такие страсти рассказывают, мол, вы чуть ли не на мясорубке перемалываете человеческий эмбрион, потом закачиваете все это в шприц и под наркозом вводите в живот пациента». ... Заканчивая экскурсию по институту, Г. Сухих сказал: «Ну, где вы здесь увидели мясорубки? У нас — высокотехнологичные технологии, оборудования — не на один миллион долларов».*

Аналогично использована угроза-провокация, моделирующая возможную ситуацию с обвинением:

Ж. — Опять «врачебная тайна»? А если в печати вас напрямую обвинят в том, что у Ельцина, прежде чем он помолодел, во время вашей операции были осложнения, он попал в реанимацию — вы и в этом случае, исходя из врачебной этики, будете молчать?

РТ «Апелляция к слухам»

Сомнения по поводу каких-либо имеющихся знаний может служить поводом для запроса информации. В принципе, прямой вопрос также содержит некоторые сомнения, по крайней мере, ощущение недостаточности имеющихся у говорящего сведений. «Вопрос уже содержит частичную информацию. Он является выражением некоторого знания. Только тот, кто что-нибудь уже знает, может вообще спрашивать. Правда, его знаниям чего-то недостает, но недостает только некоторого дополнения» [Вайнрих 1987: 73]. В основе различных коммуникативных ходов, реализующих сомнение говорящего по поводу источника информации, лежат так называемые модальные преобразования [Левин 1974]. Суть данного приема заключается в общем для всех людей стремлении заменить ненадежный источник информации на заслуживающий доверия.

Сомнение может выражаться как в форме прямого вопроса, так и в форме предположения, с указанием на гипотетический характер того или иного мнения:

Ж. — А правду говорят, что это вы омолодили Бориса Ельцина?

Ж. — В газетах пишут о том, что при пересадке клеток можно получить рак.

РТ комплимента

Комплимент является эмоционально настраивающей тактикой, способствующей решению основных стратегических задач [Иссерс 1999: 177—190]. В то же время он нередко выступает в качестве стимула к выдаче информации. Комплиментарные реплики типа «Как вам это удалось?» являются прямым подтверждением причастности к проблеме, требуют от респондента большей детализации и служат удобным поводом для дальнейших расспросов.

Ж. — Как же вы этого добиваетесь?

Г. С. — А я здесь как бы и ни при чем. Все дело в мировом научном открытии, которое произошло на рубеже веков (...). Это стволовые клетки человека. Их еще называют бессмертными, так как они интенсивно размножаются.

Ж. — А почему стволовые?

Таким образом, на материале одного интервью, где интервьюируемый проявлял явное нежелание выдать определенную информацию, можно наблюдать достаточно широкий спектр провоцирующих приемов, используемых в целях выведывания необходимых сведений.

Эмоционально дестабилизирующие тактики

Во многих случаях выведывание информации связано с эмоционально дестабилизирующими тактиками, поскольку в число задач контроля за хо-

дом интервью входит управление психологическим состоянием собеседника. В спектре приемов данного типа имеются такие, которые рассчитаны на дестабилизацию его психики и провоцируют неконтролируемые реакции — раздражение, грубость и т. п. [Плотникова 2007]. Достаточно часто стратегия журналиста совмещает провоцирующие цели информативного и психологического характера, поэтому ниже приводятся речевые тактики, в некоторой степени дублирующие описанные выше приемы выведывания информации. Подобная «избыточность» в описании обусловлена тем, что один и тот же прием может каузировать разные перлокутивные эффекты.

РТ «Прямое и косвенное обвинение»

Тактика предполагает непосредственную негативную характеристику слов или действий собеседника, что отличает ее от прямого оскорбления личности, заключающегося в умалении интеллектуальных, нравственных, профессиональных и физических качеств личности.

Из интервью с Н. Михалковым:

М. — Знаю Эйнштейна, знаю Эйзенштейна, Рудина, а Рудинштейна, извините, нет. Человек пишет, что я его враг. Наверное, для него почетно как дружить, так и воевать со мной, но я-то здесь при чем? Это не мой выбор.

Ж. — *Придавили вы Марка Григорьевича, размазали тонким слоем по асфальту* вместе с «Золотым ангелом». Кажется, так изначально назывался кинофестиваль в Петербурге, которому вашими, Никита Сергеевич, стараниями *перекрыли кислород* на федеральных телеканалах?

М. — *Что за большие фантазии? Какой кислород, где? Все, что сделал, это позвонил Валентине Матвиенко и объяснил: двух фестивалей класса «А» в одной стране быть не может.*

В качестве провоцирующих приемов прямого обвинения можно выделить **деэвфемизацию** (переобозначение действий интервьюируемого через оценочные корреляты, см. пример выше) и **персонификацию** (переход от общих рассуждений собеседника к негативной оценке его личности).

Из интервью с А. Филиппенко:

Ф. — Конечно, актерская профессия продажная, но не настолько же...

Ж. — *А вы умеете продаваться?*

Ф. — ...Нельзя себя насиловать, надо делать только то, что хочется. Я и детям так говорю.

Ж. — *Но старшую дочь на телевидение вы пристроили?*

Косвенное обвинение заключается в импликации определенных негативных качеств собеседника либо в намеке на ситуации, дискредитирующие его.

Из интервью с режиссером К. Серебренниковым:

Ж. — Вы ставите то, что заблагорассудится, или *вам предлагают?*

С. — *Кто мне предлагает? Ты с ума сошел?*

Ж. — Ну, тот же Вахтанговский...

С. — Боже мой! Никогда этого не было!

РТ «Обвинение чужими устами»

Обвинение в данном случае носит гипотетический, косвенный характер и заключается в информировании собеседника о негативной оценке его действий третьим лицом. Тем самым говорящий как бы снимает с себя ответственность за сказанное (ср. с тактикой выведывания информации «Апелляция к слухам»).

Из интервью с Т. Дьяченко:

Ж. — *Александр Коржаков утверждает*, будто Борис Березовский регулярно использовал вас в качестве ретранслятора: вкладывал вам в уста то, что вы потом нашептывали Борису Николаевичу.

Д. — *Неужели я произвожу впечатление дуры*, которой вот так можно крутить и вертеть?

Ответная реакция на подобный прием, как правило, бывает крайне острой и эмоциональной, вплоть до прямого обозначения недозволенной тактики.

Из интервью А. Ванденко с Н. Михалковым:

Ж. — Начнем, Никита Сергеевич, с арифметики. Но не с двенадцати, а с пятнадцати. И не присяжных заседателей, а миллионов долларов, за которые вы, *по слухам*, построили дом под Нижним Новгородом.

М. — Не хочу даже обсуждать этот бред! (...) Классическое иезуитство: дескать, мы ничего не утверждали, а лишь спросили... Я жизнью ученный, эти ходы просчитываю наперед, *в ловушку добровольно не полезу*.

РТ «Выражение недоверия»

Ситуация сомнения в достоверности слов собеседника является потенциально конфликтной. Выражая недоверие интервьюируемому, журналист ощутимо задевает самолюбие партнера по коммуникации, ограничивает ценность сообщаемой им информации для потенциальной аудитории, дискредитируя его в глазах массового адресата.

Негативная истинностная оценка предшествующего высказывания может быть выражена прямо и категорично, например, путем указания на умышленную ложь, на абсурдность сообщения, либо опосредованно, с помощью повторения высказывания с интонацией недоверия или обозначения эмоционального состояния адресата.

Из интервью с Е. Киселевым:

К. — Откровенно скажу, живу сейчас в долг.

Ж. — Не смешно. *То есть, наоборот, смешно...*

К. — Я не шучу.

Ж. — Киселев ничего не смог накопить, отложить на черный день? *Не верю.*

РТ «Насмешка»

Косвенным способом выражения недоверия и, следовательно, весьма распространенным средством провокации собеседника является ироничное осмысление его слов и поступков. Ирония, насмешка, так же как и недо-

рие, продуцирует в тексте смысловые приращения и обладает дискредитирующим потенциалом, поскольку имплицитные смыслы могут быть интерпретированы читателем неоднозначно, нередко «с превышением» замысла журналиста.

Из интервью с О. Табаковым:

Т. — Да, вынужден констатировать: за год моей работы во МХАТе сделано не слишком много, хотя... Отменены коррупция, алкоголизм, сроч, грязь, произведен ремонт закулисных помещений, части сцены и административного корпуса, построен гараж.

Ж. — Почему-то мне казалось, что *вас во МХАТ приглашали не на роль завхоза...*

Т. — *Какая странная и дилетантская постановка вопроса!* Когда тыводишь порядок в собственной квартире, о чистоте сортира, полагаю, не забываешь? Почему же считаешь, что в театре может вонять нечистотами? Или, по-твоему, это помогает решению творческих задач?..

Ироничный тон вопросов журналиста провоцирует собеседника на острую ответную реакцию, а кроме того, задает особый подтекст, программирующий интерпретацию читателем подобных высказываний с различными «смысловыми приращениями».

Таким образом, стратегия провокации является одним из эффективных и эффектных приемов журналистского интервью. Экспликация этих приемов и обучение им будущих «акул пера» представляются вполне оправданными для формирования профессиональной компетенции журналиста.

Разумеется, как и большинство коммуникативных техник, речевая провокация имеет «творческий» характер, и список тактик является открытым. В то же время нельзя не заметить типичные приемы, реализующие указанную коммуникативную стратегию. Их универсальность и повторяемость определяется, на наш взгляд, комплексом стандартных когнитивных операций и психологических стимулов, лежащих в основе воздействия на сознание собеседника. Современное публичное интервью нередко представляет своего рода коммуникативное насилие, осуществляемое мирным путем в целях повышения интереса читателя к публикациям в СМИ.

Л и т е р а т у р а

Арутюнова 1990 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Вып. 3. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

Баранов, Крейдлин 1992 — А. Н. Б а р а н о в, Г. Е. К р е й д л и н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. 1992. № 2.

Борисова 2001 — И. Н. Б о р и с о в а. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Вайнрих 1987 — Х. В а й н р и х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44—87.

Винокур 1993 — Т. Г. Винокур. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

Дементьев 2000 — В. В. Дементьев. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.

Зарецкая 1998 — Е. Н. Зарецкая. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 1998.

Иссерс 1999 — О. С. Иссерс. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

Левин 1974 — Ю. И. Левин. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и авторского перевода. М., 1974. Вып. 4. С. 108—117.

Муратов 2003 — С. А. Муратов. Телевизионное общение в кадре и за кадром. М., 2003.

Норман 1994 — Б. Ю. Норман. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

Обухова 2008 — Я. Обухова. Провоцируй и удивляй // Рекламные технологии. № 5 (82). 2008. С. 14—17.

Ожегов, Шведова 1997 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Плотникова 2007 — О. А. Плотникова. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Омск, 2007.

Почепцов 2001 — Г. Г. Почепцов. Коммуникативные технологии XX века. М., 2001. С. 11—34.

Совр. сл. иностр. сл. 2003 — Современный словарь иностранных слов. М., 2003.

Степанов 2003 — В. Н. Степанов. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики // Московский лингвистический журн. Т. 6. № 2. М., 2003. С. 157—180.

Хундснушер 1998 — Ф. Хундснушер. Основы, развитие и перспективы анализа диалога // ВЯ. 1998. № 2. С. 38.

Шостак 2002 — М. И. Шостак. Репортер: профессионализм и этика. М., 2002.

В. В. ШАПОВАЛ

**РАЗВИТИЕ ГНЕЗДА НЕСТАНДАРТНЫХ ДЕРИВАТОВ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *ДНЕВНИК*
(*лытдыбр* ‘интернет дневник’ и т. п.) в 2001—2008 гг.**

Распространение слова *лытдыбр* ‘Интернет дневник’ и его производных в блогосфере в период 2001—2008 гг. рассматривается как весьма информативный словообразовательный эксперимент.

До последнего времени у нас не было достаточно мощных инструментов, чтобы проследить, как протекало или протекает в реальном времени развитие словообразовательного гнезда. Понятно, что на этот процесс накладывают свои ограничения потребность в более или менее детализированных номинациях. В то же время существует и какой-то набор правил игры, задаваемых формально, самой деривативной системой. Естественно ожидать, что производные второго порядка обычно возникают после и на основе производных первого порядка, и т. д. Например, слово *фермерство* начинает употребляться после широкого усвоения слова *ферма* и (усвоения или образования?) производного *фермер* [Добродомов, Шаповал 2007: 98—99]. Детально наблюдать этапы формирования словообразовательного гнезда всегда было непросто. Особенно много сил требовала фиксация первого употребления производного слова. При этом ничто не гарантировало от досадных упущений, поскольку работа с большими массивами текстов всегда сопряжена с угрозой пропусков и ошибок.

Интернет дает возможность ускорить многие рутинные операции, что позволяет получить довольно точные данные по поводу появления тех или иных слов (последовательностей букв) в текстах Интернета. Для лексикологии это открывает новые возможности, потому что для неологизма, зачастую еще не отраженного в словарях и не имеющего длительной истории в бумажных текстах, поиск в сети позволяет воссоздать хронологию весьма репрезентативного массива употреблений без существенных пропусков.

Существительное *лытдыбр* ‘Интернет дневник’, нестандартным образом произведенное от слова *дневник*, интересно тем, что оно не имеет сетевой истории. Уникальность ситуации состоит и в том, что документированы практически все шаги возникновения слова и его многочисленных производных. Его появление отмечено в дневнике филолога из Тарту Ро-

мана Лейбова: «*lytdybr, говоря латиницей*» (r_1, 2001-05-24)¹, «1-го июля мы видим два *lytdybr'a*, а за ними ещё один, но уже по-русски — “лытдыбр”». Детально этот этап истории нового слова рассматривает в своем журнале А. Воробей (avva, 2002-03-22). Существенным представляется уточнение: ошибочная запись *lytdybr* вместо *дневник*, разумеется, могла возникать и раньше, но формально о появлении нового слова свидетельствует попытка игровой переоценки ординарной ошибки и осознанного использования ее уже как особой лексемы².

Чтение (кириллическая транслитерация) записи латиницей *lytdybr* не соотносится вполне ни с одним из славянских языков, имеющим письменность на основе латинского алфавита. Это, скорее, чтение по правилам одной из распространенных транслитераций русской кириллицы.

Похожее переключение графического кода встречалось и в прошлом. Смешение латинского и русского алфавитов когда-то породило семинарское слово *чепуха* [рэн'икса], т. е. читаемая «по-латински» *чепуха*. И название фирмы «*Puma*» («*Пума*») в шутку читается как имя *Puma* [Никитина 2003: 599—600]. Однако сегодня массовое знакомство на практике с соотношением двух раскладок (латинской и кириллической) на компьютерной клавиатуре порождает и новый тип ошибок. Раньше нам в голову не приходило, что латинская буква *A* — это (в определенном смысле) русская *Ф*. Такое равенство обусловлено тем, что для их «создания» мы нажимаем пальцем на одну и ту же клавишу. Эта новая и массовая практика перехода от визуального отождествления пар букв (по начертанию, напр.: латинское *E* и русское *Е*) к их объединению в пары по «месту нажатия» и создает возможность для игровой переоценки подобных ошибок. Так, слово *постскриптум* в русской письменной речи Интернета часто обозначается как «ЗЫ», т. е. «PS», напечатанное в русском регистре [Никитина 2003: 240—241]. Симметрично и вслед за словом *дневник*, хотя и без такого успеха, переоблачается в латиницу и слово *ночник* (т. е. ‘Интернет дневник, написанный ночью’): *ujxybr* (i-crust, 2005-10-31) и др.³

¹ Далее отсылки к Интернет дневникам будут даваться таким образом: ник пользователя, дата поста (0000-00-00).

² Критерий осознанного использования ошибки (уже как приема) остается основным при интерпретации таких явлений. Например, перед новым 2009 годом реклама программы автоматического выбора кириллицы/латиницы *Punto switcher* намеренно использовала фразу «С Новым годом!», напечатанную в ошибочном регистре «С *Yjdsy ujljv!*» Та же надпись в латинице в тот же период возникала и под пальцами многих авторов новогодних поздравлений, забывавших переключать раскладку, но уже как ординарная ошибка.

³ Однако трудности чтения слова *ночник-ujxybr* (ы'йксы'бр?) и, возможно, осмысления полученного результата приводят к тому, что эта находка остается не слишком популярной: в Интернете нет и 10 примеров употребления. При этом большая их часть приходится на блог *test_na_trzvst*, в котором встречается и подобная же попытка использования слова *вечерник* (т. е. ‘Интернет дневник, напи-

Дальнейшее развитие событий вокруг слова *лытдыбр* можно рассматривать как удачный лингвистический эксперимент весьма впечатляющего масштаба, поскольку в него уже были вовлечены тысячи говорящих и пишущих по-русски. Наличие большого количества примеров (просмотрено более 3500) в Интернете позволяет реконструировать динамику развития словообразовательного гнезда за 7,5 лет, сравнить каждое производное по числу употреблений и датам фиксации. Понятно, что если какой-то журнал был закрыт для доступа посторонних или уничтожен, то это сказалось на полноте картины (хотя и эти употребления учитывались в статистике). Но в целом процесс можно было реконструировать, при желании — даже с точностью до минуты. Такая полнота и детализация выборки остается пока недостижимой для исторической лексикологии.

Целью просмотра было разделить такие случаи, как *они дыбрят* и *группа дыбрят*, прилагательное *дыброватый (пост)* и существительное *дыброватое* и т. п. При просмотре материала не учитывались явные опечатки (например, клавиатурные *лфдыбр*, *дыюр*) или однократная перестановка букв (*дыыр*, 2007-08-25). Не рассматривались и латинские транслитерации типа *techno-dybr*. Отсеивались квазиоднокоренные, паронимы, омонимы, напр.: также возникшее в 2001 году название фантастического животного (*дыбра — это животное в дебрях тундры*), не учитывались производные имена собственные (Ники блогеров *Дыбра* и *Дыбр*, переосмысление придуманного имени человека *Дыбр Дыбрович Дыбров* как названия собственно *дыбра*, 2008-08-13), блогерские находки: *встал на дыбры* ‘встал на дыбы’ (2007-10-29), многократное *шерсть дыбером*, *шерсть стоит дыбриком* ‘шерсть дыбом’ и т. п. Трудно отделить игру слов и опечатки в написании *дыбрьй день*. Если была выставлена дата из будущего, то истинная дата определялась по комментариям. Фиксировалась уже представленная кое-где многозначность. Напр.: *лытдыбризм* ‘склонность писать в Интернет дневнике’, *лытдыбризмы* ‘формулировки, характерные для него’. Но проводить во всех случаях различия в рамках регулярной многозначности между более общим значением ‘Интернет дневник’ и частным ‘всякая отдельная запись в *лытдыбре* [далее ‘пост’]’ не представлялось возможным. Игнорировались и субъективные коннотативные компоненты толкования, например: для кого-то *дыбрить* значит ‘писать плохой дневник’, а для кого-то значение нейтрально. Эти тонкости не могли быть учтены. Результат анализа представлен далее в виде ряда списков.

Говоря в терминах исторического словообразования, при возникновении слова *дневник* первый деривативный шаг (а не два шага: *день — дневной — дневник*) состоял в калькировании франц. *journal* русскими средствами [Фасмер, I: 518]. При этом слово семантически производится от *день* (франц. *jour*), а формально — от основы прилагательного *дневной*, которое

санный вечером’) в совсем нечитаемом виде *dxthybr*. Однако эти новшества остаются периферийными авторскими окказионализмами.

отмечено в русских текстах с 1217 г. [Сл.р.яз. XI—XVII, 4: 250—251] и рассматривается как древнее производное от глагольной основы [ЭССЯ, 5: 212]. Наряду с французским в качестве иноязычного образца для кальки *дневник* можно указать и латинское *diarium* ‘дневник’, представленное в русском языке XVIII века: *диариум* (1700 г.) и *диариуш* (1705 г.) [Сл.р.яз. XVIII: 125]. Собственно русское *дневник* фиксируется несколько позднее: ‘журнал (периодическое издание)’ (1783 г.), ‘частный дневник’ (1803 г.) [Сл.р.яз. XVIII: 146]. Но здесь надо иметь в виду, что для этого периода нет пока репрезентативных выборок.

Словообразовательное гнездо нестандартных дериватов слова *дневник*

Итак, если взять слово *дневник* за исходную точку для последующих трансформаций, то слово *лытдыбр* возникает следующим образом:

- 1) *дневник* ‘подневные записи одного лица или коллектива’ (Яндекс показывает 112 000 000 страниц⁴ [602 тыс.] / (Гугл — 48 500 000);
- 2) *lytdybr* ‘Интернет дневник’, «*lytdybr, говоря латиницей*» [слово *дневник* напечатано в латинском регистре], (Яндекс — 220 000 [96]) / (Гугл — 354 000) 2001-05-24;
- 3) *лытдыбр* ‘Интернет дневник’, «слово “лытдыбр” автор преподнес себе на день рождения (2.07), сам того, не желая» (r_1, 2002-03-25) [lytdybr передано кириллицей], (629 000 [1302]) / (296 000) 2001-07-01.

Неологизм *лытдыбр*, в свою очередь, с самого начала своего существования проявляет значительную словообразовательную активность. Прежде всего обращает на себя внимание варьирование самого слова, создающее в числе других средств высокий уровень экспрессии письменного общения в Интернете и подчеркивающее его неформальный импровизационный характер⁵. При этом только самый ‘старый’ и самый употребительный вариант *лытыбр* имеет собственные производные (они даны в таблице со сдвигом):

⁴ Эти количественные показатели (декабря 2008 г.) следует воспринимать как некоторую динамическую условность. Не входя в малоинтересные технические детали, сошлюсь на Артемия Котова (РГГУ), который рекомендует филологам, использующим статистику Интернета, альтернативно набирать в поисковике, например, не только «дневник», но и двойное «дневник дневник». В апреле 2009 г. первый запрос дает 129 млн. страниц, а второй — (более реальные) 602 тыс. страниц. Второй результат дается полужирным в квадратных скобках.

⁵ Здесь трудно удержаться от аналогии с вариативностью слова в уголовном жаргоне, на которую обратил внимание Д. С. Лихачев в статье 1933 г. «Черты первобытного примитивизма воровской речи»: «Плодовитость воровской речи напоминает плодовитость рыб» [Лихачев 1992: 72]. Однако думается, что все дело в данном случае в игровом настрое на экспрессивную трансформацию, освежающую восприятие слова, делающую его неожиданным по оформлению, хотя и узнаваемым.

Трансформации слова ЛЫТДЫБР 'Интернет дневник'⁶

вариант	число примеров	дата
лыты́бр 'пост' [отражение произношения с прогрессивным оглушением в группе лы[тт]ыбр?], «за такой лыты́бр для тебя ничего не жалко»	432 [см. 200] ⁷	≈2001-11-11
лыты́брить 'писать пост', «лыты́брю помаленьку, не без мату» [аналогия: ты́брить?]	3	2006-05-23
фо́то -лыты́бр 'пост с фотографиями', «Это называется фото-лыты́бр»	1	2007-08-13
лытды́р 'пост' [популярная метатеза в лыты́бр?] + «Лытдыр-бла-бла-бла, как грица»	196 1	2002-04-15 ≈2004-09-23
лыды́бр 'пост' [отражение произношения с регрессивным озвончением в группе лы[дд]ыбр?], «Осенний лыды́бр» + лыды́бр 'пост' [с подчеркнуто неверным ударением]	120 1	2002-11-10 2006-12-26
лытды́бер ¹ (р. п. лытды́бра) 'пост' [произношение с дополнительным гласным по аналогии с кали́б[ъ]р, изю́б[ъ]р и проч.] + лытды́берь [архаизация написания]	27 3	2003-10-05 2002-01-07
лытытды́р 'пост' [с наложением англ. «Let it be»], «лытыты́бр или как там это называется»	20	2004-09-16
лытды́бар (р. п. лытды́бара) 'пост' [произношение с дополнительным гласным по аналогии с кали́б[ъ]р, зуб[ъ]р], «"лытды́бары" (за правописание не ручаюсь)»	13	2005-05-11
лытды́бе́р 'пост' [перенос ударения по аналогии с агентами на -ёр], «Ну это типа лытды́бе́р был»	2	2007-12-03

Любопытно, что варианты, выстроенные в таблице по времени первой фиксации, удивительным образом оказываются выстроенными и по количеству употреблений. Чем «старше» слово, тем больше примеров его употребления. Эта закономерность подтверждается с удивительной четкостью. И она заслуживает внимания, поскольку были учтены даже те примеры, которые впоследствии были уничтожены авторами постов.

⁶ Далее используется следующая схема описания слова: а) слово прямым шрифтом (место ударения определяется по косвенным признакам, **полужирным** выделяется словообразовательный формант, морфологическая характеристика дается на основе имеющихся контекстов) [другие пояснения частного характера даны в квадратных скобках]; б) 'толкование'; в) факультативно: «*пример употребления*»; г) количество контекстов: **13**; д) дата самой ранней фиксации: 0000-00-00.

⁷ Это значит, что было просмотрено 200 примеров из 432.

Производные первого порядка от слова ЛЫТДЫБР. Аффикация

производное	число примеров	дата
лытдыбрик 'Интернет дневничок', «лытдыбрики про несчастную любовь» + лытдыбрикь [архаизация написания]	172 1	2002-09-10 2008-05-30
лытдыбристый 'присущий лытдыбру', «Дыбр лытдыбристый»	20	2003-08-25
лытдыбровый 'присущий лытдыбру', «лытдыбровый пост»	≈ 310 [см. 200]	≈2005-03-04
лытдыбрятинна 'содержание поста', «Вечная проблема с этими темами для лытдыбратины»	54	2005-03-27
лытдыбризм 'склонность писать посты', «приступ лытдыбризма» + лытдыбризмы 'формулировки, характерные для поста'	12 1	≈2005-09-13 2007-12-21
лытдыбрист 'автор постов'	28	2005-09-19
лытдыбрянин 'автор постов', «группа лытдыбрян»	1	2007-08-14
(лыт)дыбрый день [с наложением добрый день], 'приветствие в лытдыбре'	1	2008-03-06
лытдыбер ² (р. п. лытдыбера) 'автор постов' [возможно, упрощение суффиксального агента *лытдыбер], «лытдыберы будут исправно писать буквы»; «не царское это дело — на всяких лытдыберов реагировать»	2	2007-12-03

В этой группе производных зависимость между «старшинством» слова и количеством примеров его употребления проявилась не столь «аккуратно». Рискнем предположить, что одной из причин может быть то, что в таблице собраны производные разных частей речи. Объект слишком неоднороден. Кроме того, явно нарушает картину прилагательное *лытдыбровый*, то есть производное слово, имеющее точную структурную параллель в гнезде слова *дневник* (*дневниковый*).

Скорее к аффикации также следует отнести единичные и поздние случаи морфологического варьирования уже обсуждавшегося выше варианта *лытыбрь*:

лытыбрь 'пост', «это не лытыбрь», **1**, 2006-06-26;

лытыбрия 'пост', «Лытыбрия пишется так беспорядочно», **2**, 2007-10-07;

лытыбра 'пост', «л. музыкально-литературная», **1**, 2008-11-30.

Также следует обратить внимание на полное отсутствие префиксальных производных от именной основы *лытдыбр*. Этот факт можно объяснить и малой продуктивностью префиксации от именных основ, но можно связать с тем, что по народноэтимологической мысли блогерской массы левая сочетаемость квазиосновы *дыбр* блокирована формантом *лыт-*, о чем речь ниже. Правда, это не мешает присоединению слева основ к субстантиву *лытдыбровое*.

Производные непервого порядка от слова ЛЫТДЫБР

Среди производных второго порядка лидируют субстантивированные прилагательные, выступающие в качестве заголовков отдельных дневниковых записей:

производное	число примеров	дата
лытдыбровое ' <i>пост</i> ', «Лытдыбровое-2»	≈270	≈2003-04-02
лытдыбристое ' <i>пост</i> ', «лытдыбристое [+3]»	16	2005-01-03
фото лытдыбрист 'тот, кто помещает фотографии в <i>пост</i> '	1	2007-01-26
лытдыбристка 'автор <i>постов</i> (женского пола)', «как истинная л.»	4	2006-02-21

Кроме субстантивированного названия поста *лытдыбровое*, все остальные производные второго порядка малоупотребительны. От существительного *лытдыбровое* (фиксируемого намного ранее самого прилагательного *лытдыбровый*) на более позднем этапе путем сложения основ образуется большое количество однотипных производных третьего порядка — заголовков, уточняющих содержание конкретной дневниковой записи (расположены по времени первой фиксации).

утренне-лытдыбровое '*утренний пост*', 2, 2007-01-31;

рабоче-лытдыбровое '*рабочий пост*', 3, 2007-03-15;

эмоционально-лытдыбровое '*пост* эмоциональный', 2, 2007-03-19;

садово-лытдыбровое '*пост* о саде', 1, 2007-05-20;

вечерне-лытдыбровое '*вечерний пост*', 1, 2007-05-28;

романтично-лытдыбровое '*романтический пост*', 1, 2007-10-12;

научно-лытдыбровое '*пост* о науке', 1, 2007-10-31;

котово-лытдыбровое '*пост* о коте', 1, 2008-01-08;

контуперно-лытдыбровое '*пост* о компьютере' [*контупер* — искаженное *компьютер*], 1, 2008-09-15;

каррентно-лытдыбровое '*текущий пост*' [англ. *current*], 1, 2008-11-26.

При этом уточняющая часть в постпозиции встречается только один раз: **лытдыброво-размышлятельное** '*пост*-размышление', 1, 2008-12-10.

У нас не возникает сомнений по поводу того, что от чего произведено в паре *лытдыбр* → *дыбр*. Однако небезынтересно и то, что уже в закреплении слова *лытдыбр* заметную роль сыграла, думается, новая «смысловая» членимость⁸. Если взять для сравнения, например, слово *ghbdtu* (привет), также часто печатаемое по ошибке в латинском регистре, как подсказала

⁸ Старая членимость (исторически: *дн-ев-н-ик*) никогда не осознавалась как актуальная для **лы-тд-ы-бр*. Отрыв от слова *дневник* проявляется и в возможности сочетаний типа *дневной дыбр* (2006-12-25), и в том, что от параллельных образований типа *дневник-ов-ый* = *лытдыбр-ов-ый* очень скоро осуществляется переход к новым и вполне оригинальным: *лытдыбр-ист-ый* ≠ **дневник-ист-ый*.

Ж. Ю. Московцева, то становятся явными достоинства слова *lytdybr*. Оно состоит из двух произносимых слогов, первый из которых, вероятно, многими воспринимается как искаженное *лит-* ‘литературный’. Признаки сближения с рядом аббревиатур типа *литфонд*, *литкружок*, *литчасть* фиксируются уже на первом году жизни слова, а вариант написания *лит-дыбр* оказывается к тому же весьма употребительным: *литдыбр* ‘Интернет дневник или пост’ [сближение с *лит*(ература)], «*ЛИТдыбр*», 600, ≈2002-03-09.

Производные первого порядка от слова ЛЫТДЫБР. Новое членение

Откровенное написание с дефисом встречается не слишком часто: *лыт-дыбр* ‘Интернет дневник или отдельный *пост*’, 1, 2007-06-15. Однако существует ряд весомых признаков нового членения слова *лыт|дыбр*.

производное	число примеров	дата
<i>вет-лыт-дыбр</i> ‘ <i>пост</i> о ветеринарных проблемах’ [дефис после <i>лыт</i> указывает на новый морфемный шов]	1	2004-05-20
<i>лыт-бля-дыбр</i> ‘ <i>пост</i> слабовоспитанного блогера’ [про-ницаемость указывает на новый морфемный шов]	1	2007-06-07
+ <i>лытблядыбр</i> ‘то же’	3	2007-09-04
<i>лыт-мысле-дыбр</i> ‘ <i>пост</i> с мыслями’	1	2008-01-23
<i>лыт-боян-дыбр</i> ‘содержательно вторичный <i>пост</i> ’	1	2008-09-30

К этим случаям примыкают: *лытр-дыбр* ‘Интернет дневник или *пост*’, 1, 2007-08-07; *лытер-дыбер* ‘пост’, 1, 2007-12-28. Видимо, случаи трансформации в порядке рифмовки, вызванной сближением с *лытр*. Несомненно, это также примеры, где активно и своеобразно проявляет себя новый морфемный шов.

О том же свидетельствуют и другие признаки новой членимости, например, прямое раскрытие понимания смысла первой части *лыт-*: «*дыбр литературный*» (2008-12-02). А также различные перестановки частей, которые свидетельствуют об их превращении в самостоятельные слова: «*лыт, изви-няюсь, дыбр*» (2006-12-20); «*дыбр, который лыт*» (2008-02-25); *дыбр лыт* (2008-11-14) и мн. др. Превращение одного слова в два в порядке реаббревиации — это также феномен словообразования, и в нашем случае даже не столь условный по семантическому наполнению, как, например, *гаунттиче-ская вахта* — истинно армейское раскрытие псевдоаббревиатуры *гаунтвах-та*. Однако сочетание из двух-трех слов проследить по Интернету слож-нее, так что ограничимся фиксацией самого процесса и этими примерами.

Народноэтимологическое ощущение от неологизма полнее всех выразил один из блогеров: «Вообще, *лытдыбр* — это очень правильное слово. Удач-ный симбиоз латинского и иврита. Ибо “*лыт*” — видимо, сокращение от ро-манского “*лытература*”, а “*дыбр*” — от еврейского “*дыбер*”, что значит “го-ворыл”» (*wolfichek*, 2005-07-04). Из этого мнения несомненно следует, что его автор также уверен в производности части *лыт-* от слова *литература*.

Таким образом, усечение *дыбр* и его варианты возникают на прочной базе народной этимологии в результате удаления уточнения *лыт-*, якобы очевидного и якобы означающего 'литературный'. На долю остатка *-дыбр* естественным образом приходится значение 'дневник'.

ДЫБР 'Интернет дневник или отдельный *пост*', «**дыбр**. В субботу каталась на карусельках», (227 тыс.) [**≈3486**, см. **200**], *≈2002-04-15*; обыгрывание созвучия с междометием холода или отвращения: *дыбр-дыбр-бр-бр...*, *2005-12-15*; архаизация написания: «*дыбрь, дыбрь, дыбрь...*, *2006-02-01*.

Трансформации слова ДЫБР 'Интернет дневник'

производное	число примеров	дата
дыбер 'пост' [ср. <i>лытдыбер1</i>], « <i>Дыбер вечерний</i> »	27	<i>2005-01-03</i>
дыбра 'пост', « <i>очередная дыбра</i> »	>2	<i>≈2006-12-14</i>

К сожалению, второе слово трудно автоматически отделить от слова *дыбр*. Во всяком случае, такой морфологический вариант существует, хотя его употребительность не слишком велика. Любопытно, что по варьированию слово *дыбр* очень заметно уступает слову *лытдыбр*. Видимо, основная причина в том, что краткое односложное слово представляет немного возможностей для формального варьирования. Отмечено также одно производное от *дыбер*: **дыбер-дыбричек** 'пост небольшой', **1**, *2007-04-07*.

Производные первого порядка от слова ДЫБР. Аффикация

производное	число примеров	дата
дыбрёнок 'друг по «Живому журналу», « <i>Дыбрыта на пляже</i> »	1	<i>2003-07-06</i>
+ 'небольшой <i>пост</i> ', « <i>Какой же это дыбр? Так, дыбрёнок :)</i> »	2	<i>≈2006-11-23</i>
+ 'подруга по «Живому журналу», « <i>дыбрёнок ты мой ненаглядный!</i> »	2	<i>≈2007-07-07</i>
дыбрик 'пост небольшой'	135	<i>2003-12-10</i>
дыбрый (день, вечер и проч.) 'приветствие в <i>лытдыбре</i> ', « <i>всем дыбрый вечер!</i> »	54	<i>≈2004-07-21</i>
дыбрости 'новости в <i>постах</i> ', « <i>дыбрости короткой строкой</i> »	5	<i>2006-10-05</i>
дыброватый 'присущий <i>лытдыбру</i> ', « <i>дыброватый пост</i> »	2	<i>2007-05-13</i>
дыбрить 'писать <i>пост</i> ', « <i>Люди часто дыбрят</i> »	53	<i>2007-05-28</i>
дыбрный 'присущий <i>лытдыбру</i> '	6	<i>2007-09-20</i>
дыбрес 'пост', « <i>дыбрес у тебя тоже джентельменский</i> »	4	<i>2007-10-08</i>

Аффиксальные производные первого порядка от *дыбр* не вполне подтверждают замеченную выше закономерность: чем «старше» слово, тем больше контекстов. Для них характерны скорее скачки употребительности для отдельных производных: *дыбрик*, *дыбрый*, *дыбрить*.

Немногочисленные аффиксальные производные второго порядка также пока не позволяют обнаружить устойчивых корреляций.

Производные второго порядка от слова ДЫБР. Аффиксация

производное	число примеров	дата
дыброватое 'пост', «дыброватое. Поток сознания»	17	2005-08-27
дыбрность 'качество поста', «про дыбрность»	0/1 ⁹	2006-03-31
дыброватость 'пост', «Дыброватости. По дороге на работу увидел картинку»	3	2006-05-23
дыбрное 'пост', «Дыбрное, прошловыходное»	15	2007-02-12
дыбрястое 'пост', «дыбрястое от дыбренка»	3	2007-07-07

Отметим также один производный глагол, представленный в совершенном виде с приставкой *за-*: *задыбробжить* 'утомить *лытдыбром*', «дыбром *задыброжена*», 1, 2007-12-14.

Производные первого порядка от слова ДЫБР. Основосложение

Вариативность написания с дефисом и без него не является существенной: тот или иной способ написания некодифицированных слов выбирается в зависимости от желания подчеркнуть внутреннюю структуру слова. По этой причине оба варианта оформления сложных слов рассматриваются вместе.

производное	число примеров	дата
кинодыбр 'пост о кино', «Кинодыбр ещё маленький»	35	2002-09-05
фотодыбр 'пост с фотографиями'	123	≈2004-02-02
фото-дыбр 'пост с фотографиями'	38	≈2007-01-08
рабдыбр 'пост рабочий'	18	2005-08-18
психодыбр 'пост о психологии'	2	2006-03-12
аниме-дыбр 'пост о мультфильмах'	1	2008-08-23
сукодыбр 'пост о собаке', «сделали моей сабачьке вынужденную операцию»	1	2008-08-25
стресс-блиц-дыбр 'пост о сенсационном событии'	2	2008-08-27
хеликс-дыбр 'пост о том, как «нарисовать "архимедову" спираль»'	1	2008-09-18

⁹ Обнаружено только поисковиком Google.

Среди дериватов первого порядка с неначальным *дыбр* наиболее употребительными в соответствии с интересами аудитории оказываются *фотодыбр* и *кинодыбр*. Эта группа производных также лишь до некоторой степени подтверждает замеченную выше закономерность: чем «старше» слово, тем больше контекстов.

Путем наложения основ образовано также единственное производное с *дыбр-* в качестве первой части: *дыбр-о-матик* ‘*пост* математика?’, 1, 2008-02-01.

Производные второго порядка от слова ДЫБР. Основосложение

производное	число примеров	дата
кинодыбрик ‘небольшой <i>пост</i> о кино’	1	2005-05-09
френдо-дыбрик ‘ <i>пост</i> о друзьях по «Живому журналу»’	1	2007-04-07
пост-дыбрик ‘ <i>пост</i> небольшой’, « <i>небольших постов-дыбриков</i> »	1	2008-07-27
+ постдыбрик ‘небольшой <i>пост</i> ’	1	2008-08-04

Производные третьего порядка от слова ДЫБР. Основосложение

Считая, что от *дыбр* было образовано прилагательное, затем субстантивированное, имеем и несколько свежих производных третьего порядка.

производное	число примеров	дата
рабоче-дыбрное ‘ <i>пост</i> рабочий’	2	2007-07-05
дык-дыбрное ‘в некотором смысле <i>пост</i> ’	1	2007-07-10
полу-дыбрное ‘в некотором смысле <i>пост</i> ’	1	2008-04-13

Таким образом, и в этом случае, как и в производных от *лытдыбровое*, заметно преобладание сложных слов с варьирующейся препозитивной частью.

Понятно, что в случае с общеизвестным словом (*дневник*) счет идет на сотни тысяч фиксаций в Интернете, а в случае с *лытдыбр* — всего лишь на тысячи контекстов. Но и такая употребительность слова *лытдыбр* за 7,5 лет оказывается достаточной, чтобы в сотни раз превысить употребительность почти любого его собственного производного. Обычно же его производное представлено в Интернете в единичных контекстах¹⁰. Сравним с достаточно тривиальными парами производящих и производных:

¹⁰ Вместе с тем проявляется известная избирательность, поэтому далеко не все потенциальные производные представлены в Интернете (напр., нет слов *фотолытдыбристка*, *лытдыбранка*).

- 2:1 (*лытдыбр* [1301] — *лытдыбровый* [≈580]);
 6:1 (*хитрый* [25 тыс.] — *хитрость* [3991]);
 25:1 (*вода* [401 тыс.] — *водный* [16 тыс.]);
 26:1 (*дыбр* [≈3486] — *дыбрик* [135]);
 27:1 (*стол* [220 тыс.] — *столик* [7972]);
 70:1 (*лытдыбр* [1301] — *лытдыбрик* [172]);
 5000:1 (*дневник* [601 тыс.] — *дневниковый* [121]).

Как видим, употребительность производных по сравнению с производными колеблется в широких пределах. Но эти характеристики для отдельных производных от искусственных неологизмов *лытдыбр* и *дыбр* все-таки приближаются к характеристикам обычных слов.

Важно было учесть и критерии окказиональности, т. е. посмотреть, сколько человек использовало то или иное новообразование. Для единичных употреблений это очевидно. Наиболее информативной характеристикой по количеству употребивших слово оказывается для производных, представленных 10—30 раз, именно в этом промежутке особенно трудно различать авторские изыски и более или менее усвоенные разными людьми новообразования. Все рассмотренные случаи указывают на то, что новое производное довольно быстро подхватывается (если подхватывается), и число пользователей приближается к числу фиксаций, то есть каждый из них употребляет слово в среднем 1—2 раза.

Если представить итоги анализа в виде таблицы (с. 117), то станут очевидными некоторые общие тенденции в развитии словообразовательных гнезд слов *лытдыбр* и *дыбр*.

Во-первых, это относительно слабая словообразовательная продуктивность в целом довольно многочисленных вариантов, используемых главным образом ради их собственной экспрессивности. Во-вторых, это четко проявившееся при аффиксации запаздывание в развитии производных второго порядка и пока полное отсутствие производных третьего порядка. В-третьих, это относительно высокая употребительность нескольких стандартных типов основосложения. Картина большого разнообразия производных складывается в основном за счет активной эксплуатации всего лишь нескольких «проверенных» моделей словообразования. Единичные образования непопулярных типов следует, видимо, рассматривать как тупиковые попытки расширить эту базу. Количество словоупотреблений в том и другом случаях отличается разительно.

Разумеется, история этого нового слова не остановилась после 7,5 лет его существования¹¹, но в настоящий момент мы видим заметные различия между производными, возникающими на разных шагах деривации, и незна-

¹¹ Конец 2008 и начало 2009 г. принесли несколько случайных находок. Тем более интересно, что все они однотипны: *квардыбр* ‘*пост* о съемной квартире’, 2008-12-23; *телефотодыбр* ‘*пост* с фотографиями’, 2008-03-02; *Тель-Дыбр* ‘*пост* из Тель-Авива’, 2007-06-23 (ранее не учитывался).

Производящее	Производное		
	1-го порядка	2-го п.	3-го порядка
<i>ЛЫТДЫБР</i> 1 [1302]	<i>Аффиксация</i>		
	9 [602]	3 [290]	0
	<i>Основосложение</i>		
	Тип <i>лыт-боян-ды́бр</i> 3 [6]	0	+ <i>лытдыбровое</i> 10 [13]
	Тип <i>вет-лыт-ды́бр</i> 1 [1]	0	<i>лытдыброво+</i> 1 [1]
Варианты 7 [815]	5 [8]	0	0
Из них: <i>лыты́бр</i>	<i>Аффиксация</i> : 4 [7]		0
	<i>Основосложение</i> : 1 [1]		0
<i>ДЫБР</i> 1 [3486]	<i>Аффиксация</i>		
	8 [264]	8 [40]	0
	<i>Основосложение</i>		
	Тип <i>фото-ды́бр</i> 8 [221]	4 [4]	3 [4]
	Тип <i>ды́бр-о-матик</i> 1 [1]	0	0
Варианты 2 [29]	1 [1]	0	0
Из них: <i>ды́бер</i>	<i>Основосложение</i> : 1 [1]		0

значительные пики в употребительности отдельных производных на фоне довольно ровной зависимости числа употреблений от «возраста» конкретного производного.

Представленный материал предполагает и много иных направлений интерпретации. В принципе возможно и изучение самой динамики прироста словоупотреблений по времени от момента первой фиксации. Пока было решено ограничиться датой первой фиксации и общим количеством контекстов. Также любопытным может оказаться изучение удельной частоты различных грамматических форм слова, поскольку в достаточно ритуализованном жанре Интернет дневника типовые контексты играют большую роль, а семантика производных в заметной мере зависит от них.

Л и т е р а т у р а

Добродомов, Шаповал 2007 — И. Г. Добродомов, В. В. Шаповал. Как выглядела пушкинская ферма // Филология в пространстве культуры. Донецк, 2007. С. 96—112.

Лихачев 1992 — Д. С. Лихачев. Статьи разных лет. Тверь, 1992.

Никитина 2003 — Т. Г. Никитина. Молодежный сленг. Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3 000 фразеологизмов. М., 2003.

Сл.р.яз. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Сл.р.яз. XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. Л., 1991.

Фасмер — I/IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986—1987.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5. М., 1978.

Т. В. ШАЛАЕВА

**ВЫТЕКАЮТ ИЗ КОЛОСА ЗЕРНА,
ИЛИ К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *ТОКЪ ‘ГУМНО’**

Земледельческая терминология, обширнейшая группа праславянской лексики, вновь и вновь становится предметом этимологических исследований (из работ последних лет — [Трубачев 2003: 182—188, 231—235; Куркина 2000; 2006; Witczak 2003]).

Ученые не обошли вниманием и славянское название части крестьянской усадьбы, где осуществлялись первичная обработка и хранение зерновых культур (хлебных злаков, льна, конопли и т. д.). Наибольшее распространение у славян получили два обозначения этого места — **gumno* и **tokъ*. Эти термины часто употребляются как синонимы, но изначально они относились к разным реалиям. Гумно — это комплекс сооружений, куда сжатые снопы привозили с поля, где их складывали в скирды, при необходимости сушили в овине, обмолачивали и где потом хранилось зерно и солома. Ток же представлял собой часть гумна — ровную площадку, на которой молотили и веяли [Нидерле 2004: 288; Максимов 1985: 115—116; Шенников 2004: 92—93; Никифоровский 1895: 268—276].

Поскольку названия гумна по большей части связаны с различными техниками молотьбы, то представляется целесообразным остановиться на них. С древности существовало два основных способа отделения зерен от колоса: обивание снопов руками или при помощи цепов и топтание лошадьми или волами [Нидерле 2004: 351; СД, 2: 288]. При обмолоте с использованием скота его выпускали на площадку с разложенными там снопами, чтобы животные топтали их. Ср. у Гомера:

Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
Быстро стираются класы мычащих волов под ногами...
(Илиада XX, 495—496) (пер. Н. Гнедича)

При молотьбе вручную снопы могли бить о землю или о специальное приспособление, что, вероятно, наряду с применением скота является наиболее архаичной техникой. Ср., например, такое описание: «обмолачивали рожь особым образом, в отличие от яровых — без применения цепов: взяв в руки ржаной сноп, били («стебали») им о специальное приспособление

типа скамейки» [Лобкова 2000: 23]. Другой способ — околачивание разложенных на току снопов цепами, или молотилами — орудиями, состоявшими из длинной рукоятки и закрепленной на ее конце с помощью ремешка палки меньшего размера [Максимов 1985: 117—118; Никифоровский 1895: 278—280]. Ср. свидетельства письменных памятников: *На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла*. Сл. о п. Иг., 36. *Хлѣбъ молотятъ цепами зерна выбивая или коньми топчютъ, но цепами лутчая молотба бываетъ того дѣя, что всякое зерно из мякины выпадаетъ*. Назиратель, 472. XVI в. [СлРЯ XI—XVII вв., 9: 252].

Традиционно происхождение терминов **gumьno* и **tokь* связывают с молотьбой при помощи домашнего скота: **gumьno* считают результатом сложения корней **gu-* (и.-е. **gou-*) ‘скот’ (отсюда же праслав. **gov-ędo*) и **тъn-* (**mẽti*) ‘мять’ [ЭССЯ, 7: 175]; **tokь* возводят к глаголу **tekti* в его первоначальном значении ‘быстро двигаться’, при этом имеется в виду движение животных, бегающих по приготовленной для этого площадке [Фасмер, 4: 70; Machek 1957: 531]. Э. Френкель соотносит лит. *tākas* ‘гумно’ со слав. **tokь* ‘бег, течение’, ‘гумно’, **točiti* ‘бежать, совершать быстрое движение’, др.-инд. *taka-*, новоперс. *tak* ‘бег’, тох. В *cake* ‘река’ без объяснения мотивов этой связи [Fraenkel: 1052].

Но уже давно исследователи высказывают сомнения о возможности сложения типа **gumьno* в индоевропейских языках и предлагают рассматривать его как исконно славянское отглагольное образование с суффиксом **-ьno* [Откупщиков 2001: 42—44; Schuster-Šewc, V: 360—361; Варбот 1999]. В частности, Ж. Ж. Варбот обосновала обширным славянским материалом гипотезу о производности **gumьno* от праславянского глагола **gumati* ‘давить, бить, толочь’ с мотивацией выбивания зерна ручным способом [Варбот 1999: 616].

Что касается происхождения **tokь*, то языковой материал также заставляет пересмотреть семантическую часть его старого толкования и отказаться от «животноводческой» первичной мотивации. Существенным аргументом против общепринятой версии, думаю, является отсутствие в славянских языках других лексем, производных от **tekti* ‘бежать’ и связанных с обозначением домашнего скота или молотьбы, так что в этом смысле **tokь* выглядит изолированно. С другой стороны, сомнительно развитие конкретного значения ‘место для молотьбы’ из общего ‘быстро двигаться’ без промежуточных звеньев, которые, во всяком случае, пока не найдены. При этом лит. *tākas* и лтш. *taka, taks* ‘дорожка’ [ЕСУМ, 5: 577—578] и словен. *tekaljšče* ‘дорога, по которой бегают’ [Куркина 1971: 97] не могут быть признаны таковыми с достаточным основанием.

Кажется, можно предложить новую мотивацию связи **tokь* с **tekti*, **točiti*. По-видимому, ее стоит выводить из другого значения этого глагола — ‘сыпать(ся)’. Оно широко распространено в рассматриваемом этимологическом гнезде и, в частности, нередко выступает в более узком вари-

анте — ‘сыпаться (о зерне)’: ср. др.-русск. *расточити* (*рос-*) ‘рассыпать’ (*Жъню, идеже не сѣяхъ, и събираю, юдуже не расточихъ.* (Матф. XXV, 26) Остр. ев., 150. 1057 г. *И ѿдучи дорогою тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ стереч[ѣ] и береч[ѣ] накрепко, ржи... на перегрузукахъ и на павузкахъ не р о с т о ч и т [ѣ].* Нижегород. а., № 12. 1662 г.) [СлРЯ XI—XVII вв., 22: 98], ст.-русск. *выточить* ‘высыпать’ (*Да они же провертя анбар напар[ѣ]ю против дву засѣковъ и в ы т о ч и л и ржи по смѣте сто шестьдесят четвертеи.* А.Свир.м., № 350, сст. 1. 1672 г.) [СлРЯ XI—XVII вв., 3: 267], русск. *вытекатъ* ‘ронять зерно, осыпаться (о хлебе на корню)’ (*Вытечет, вытечет за ночь Вся наша матушка рожь.* Н. Некрасов «Мороз, Красный нос») [БАС, 3: 606], диал. южн., тамб. *точить* ‘сыпать, просыпать’ (*Не точки пшено-то — Не просыпай наземь*) [Даль, 4: 422], укр. *текти* ‘сыпаться (о хлебе на корню)’ [СУМ 10: 59], блр. *точыцьца* ‘сыпаться исподволь’ [Носович 1870: 638], *протачывацьца* то же (*Пишеницы много проточилось из мешка*) [Там же: 531], польск. *wytoczyć* ‘высыпать (зерно)’ [Warszcz., 7: 1081], чешск. диал. *proso teče* ‘зерно выпадает’ [Bartoš 1905—1906, 2: 441], с.-хорв. *rasteći se* ‘рассыпаться’ [RHSJ: 56, 283]. Отсюда — русск. *точок* ‘куча зерна’ (*Зярно ссыпаница ф тач’ок*) [Сл. Одесщины, 2: 224]. А что такое ток, как не ровное место, куда высыпается и где лежит рассыпанное зерно? О прямой связи глагола **tekti* и его производных с обозначением молотьбы свидетельствует следующий материал: русск. диал. терск. *отачивать* ‘обмолачивать кукурузу руками’ [СРНГ, 24: 111], *поточить* ‘очистить от стручьев фасоль’ [Казачи-некрасовцы: 224], откуда вост.-забайкал. *оточка* ‘остатки после обмолота зерна’ [СРНГ, 24: 264], словац. диал. *тоč* ‘молотый корм из зерна’ [Matejčík 1975: 116]. Мотивом для номинации здесь, вероятно, послужило отделение зерен и их осыпание во время молотьбы. То же первичное значение (‘высыпание’ и ‘рассыпание’), но связанное с другим сыпучим веществом, и тот же корень представлены в русск. арх. *потόки* ‘деревянный сплошной пол в солеварне для просушки и хранения соли’ [СРНГ, 30: 288—289]. Похожее семантическое развитие наблюдаем и в балтийских языках: лит. *kluonas*, лтш. *klons* ‘гумно, ток’ — из лит. *kloti*, лтш. *klāt* ‘разбрасывать, рассыпать’ [Buck 1988: 510].

Возможным косвенным подтверждением именно такой мотивации для слав. **tokъ* представляется приводимый О. Н. Трубачевым по «Словарию уездного череповецкого говора» М. К. Герасимова глагол *цепить* ‘сыпать’ [Трубачев 1971: 47]. Его можно рассматривать как производное от *цеп* аналогично *молотить* от *молот* с исходным значением ‘работать цепом, молотить’ (ср. чешск. *serovat* ‘молотить цепом’ [Fabián 2009: 9]), из которого впоследствии возникло ‘сыпать’, в результате осмысления осыпания зерен как главного элемента молотьбы. Выпадение зерна из колоса на току также акцентируется и в записанной В. И. Далем загадке: *Потатú потаты, такатú такаты — а ячки ворохом несутся* (цеп, молотьба) [Даль, 4: 579].

В этом контексте представляются важными грамматические характеристики рассматриваемых лексем. Если высказанное предположение верно,

то **tokъ* является производным от **točiti*, каузатива к **tekti*, в значении ‘заставлять сыпаться’, что и происходит с зерном во время молотбы. И в данном случае не имеет значения, какие именно средства при этом используются — ручной труд, домашний скот, технические приспособления.

Важно, что в славянских языках у **tokъ* и аналогичных ему по структуре производных от **tekti*, **točiti*, кроме ‘площадка для молотбы’, есть и другие значения, связанные с обработкой зерна: чеш. *tok* ‘сито’ [Machek 1957: 531], польск. диал. *przetak* ‘деревянное сито’ [Kucala 1957: 114], с.-хорв. диал. *pròtāk* ‘редкое решето, через которое просеивают зерно’ [RHSJ: 52, 447], болг. диал. *npòmak* ‘сито’ [Хитов 1979: 310], *npòmok* то же [Божкова 1962: 264]. Все они считаются производными от глагола **točiti* (**protočiti*, **pertočiti*) ‘веять зерно в сите, совершая им вращательные движения’ из первоначального ‘вертеть, крутить’ (ср. чеш. *točiti* то же, словц. *točiť*) [Machek 1957: 531; Boryś 2005: 494; ЕСУМ, 5: 611]. О. Н. Трубочев объединяет значения ‘быстро двигаться’ и ‘вертеть’, говоря о с.-хорв. диал. *точак* ‘гончарный круг’: праслав. **točьkъ* — деминутив от **tokъ*, «обозначающего быстрое, обычно вращательное движение» [Трубочев 1966: 185]. По-видимому, тем не менее, стоит разделять термины гончарного производства и обработки металлических изделий (ср. **točiti* ‘делать острым’, **točidlo* ‘точило’) и названия, относящиеся к молотбе и веянию зерновых культур. Известно, что две последние процедуры следовали друг за другом и производились на одном и том же месте: стоя на току против ветра, обмоложенное зерно подбрасывали на лопате, описывая ею дугу. Ср. у Гомера:

Так, как с широкого веяла, сыпась по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерна гороха,
Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет...

(Илиада XIII, 588—589) (пер. Н. Гнедича).

Легкий мусор при этом отлетал в сторону, а тяжелое спелое зерно падало рядом. Зерна среднего качества, перемешанные с мусором, провеивали еще раз, используя сито, или грохот [Максимов 1985: 120].

Если согласиться с общепринятыми этимологиями **tokъ* ‘часть гумна’ и ‘сито, решето’, то приходится признать разные мотивации для слов, производных от одного глагола и называющих неразрывно связанные процессы. Думается, что В. Махек был прав, указывая на возможную связь **točiti* ‘веять’ и **točiti* ‘сыпать’: он комментирует значение чеш. *vytočit* (зерно ситом) так: «чтобы вытекло чистое зерно, чтобы мусор остался» [Machek 1968: 638]. На их идентичность обращают внимание и авторы «Словаря сербского и хорватского языка», толкуя глагол *protòčiti* как ‘просеять’, но отмечая при этом, что и сеять, и точить значат ‘сыпать что-либо из чего-либо’ [RHSJ: 52, 459]. Вероятно, в данном случае значение ‘веять’ появилось из значения ‘сыпать’ — зерно н а с ы п а ю т в сито и часть зерна в ы с ы п а е т с я вон. Закономерным здесь оказывается русск. диал. моск. *помók* ‘весь процесс молотбы и веяния (от начала до конца)’ [СРНГ, 30: 287]. На

общий источник значений ‘место для молотьбы’ и ‘сито’ косвенно указывает близость структуры польск. диал. *przetak* ‘деревянное сито’ и укр. *перетічок* ‘ток’ [ЕСУМ, 5: 577—578] — от праслав. **pertočiti*.

Продолжения праслав. **tokъ* в славянских языках обозначают также сосуды для хранения и перемещения сыпучих веществ: польск. *tok* ‘колода для сыпучих веществ, выдолбленная в продолговатом куске дерева’, ‘корыто для поения скота и лошадей или для засыпания им корма’ [Warscz., 7: 76], *toczek* ‘лоток для кормления коня в дороге’ [Maciejewski 1969: 89], сюда же, по-видимому, относится польск. диал. *tok* ‘корыто из досок’ [Там же: 119].

Следует обратить особое внимание на первое в этой группе значение ‘продолговатая колода для сыпучих веществ, выдолбленная из цельного куска дерева’ — описываемый таким образом предмет напоминает ступу, или толчею, в которой провеянные зерна толкли пестом, тем самым очищая от шелухи [Воронина 2004: 112—113; Шангина 2003: 131—132]. Если польское *tok* обозначает именно ее, то можно утверждать, что использование этого термина распространяется на описание всей процедуры обработки хлебных злаков, а не только молотьбы. О возможном продолжении этого терминологического ряда в гнезде **tekti* свидетельствует русск. тамб. *тэчка* ‘всякое отверстие, устраиваемое на мельнице для сыпки хлеба на жернов или из-под жернова’ [Опыт: 228]. Наличие у **tokъ* приводимых значений, связанных с использованием (или обработкой) зерна после молотьбы, можно рассматривать как еще одно подтверждение производности **tokъ* ‘место для молотьбы’ от **tekti*, **točiti* ‘сыпать(ся)’.

Если сопоставить три разбираемых значения **tokъ* — ‘площадка для молотьбы’, ‘сито’ и ‘емкость для сыпучих веществ’, то можно выделить общий для них компонент ‘поверхность на которую сыпется и на которой находится зерно’, что, вероятно, и являлось первоначальным значением.

Источники и литература

БАС — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1—7. М., 2004—2007.

Божкова — З. Б о ж к о в а. Принос към речника на софийския речник // Българска диалектология: Проучвания и материли. Кн. 1. София, 1962. С. 241—274.

Варбот 1999 — Ж. Ж. В а р б о т. Вокруг славянского гумна // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 614—618.

Воронина 2004 — Т. А. В о р о н и н а. Зерновые в повседневной, праздничной и обрядовой жизни русских // Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки. М., 2004. С. 101—138.

Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., репринт. Т. 1—4. М., 1995.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Складенко, О. Б. Ткаченко и др. Т. 1—4. Київ, 1982—2003.

Казак-некрасовцы — О. К. Сердюкова. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

Куркина 1971 — Л. В. Куркина. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // *Этимология*. 1968. М., 1971. С. 92—105.

Куркина 2000 — Л. В. Куркина. Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // *Балто-славянские исследования*. 1998—1999: Сб. науч. трудов. М., 2000. С. 8—23.

Куркина 2006 — Л. В. Куркина. Славянские термины земледелия в контексте индоевропейских связей // *Studia etymologica Brunensia* 3. Praha, 2006.

Лобкова 2000 — Г. Лобкова. Древности Псковской земли: жатвенная обрядность. Обряды, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.

Максимов 1985 — С. В. Максимов. Куль хлеба. М., 1985.

Нидерле 2004 — Л. Нидерле. Славянские древности / Пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хозановой. М., 2004.

Никифоровский 1895 — Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описания предметов обиходности: Этнографические данные / Сост. Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1895.

Носович 1870 — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.

Откупщиков 2001 — Ю. В. Откупщиков. Из истории праславянского словообразования (рус. *звено, лоно, брашно, гумно, вено*) // Ю. В. Откупщиков. Очерки по этимологии. СПб., 2001.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1—4. М., 1995—2009.

Сл. Одесщины — Словарь русских говоров Одесщины / Отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. Т. 1, 2. Одесса, 2000—2001.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1—6), Ф. П. Филин (т. 8—10), Д. Н. Шмелев (т. 11—14), Г. А. Богатова (т. 15—26), В. Б. Крысько (т. 27—28). Т. 1—28. М., 1975—2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф. П. Филин (вып. 1—24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25—41). Т. 1—41. М.; Л., 1965—2007.

СУМ — Словник української мови. Т. 1—11. Київ, 1970—1980.

Трубачев 1966 — О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

Трубачев 1971 — О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология*. 1968. М., 1971. С. 24—67.

Трубачев 2003 — О. Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 2003.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1—4. 4-е изд., стереотип. М., 2003.

Хитов 1979 — Х. Хитов. Речник на говор на с. Радовене, Врачанско // *Българска диалектология: Проучвания и материли*. Кн. 9. София, 1979. С. 223—342.

Шангина 2003 — И. И. Шангина. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб., 2003.

Шенников 2004 — А. А. Шенников. История строительной культуры русских крестьян (Европейская Россия, XI — нач. XX вв.). СПб., 2004.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), А. Ф. Журавлева (вып. 32—34). Вып. 1—34. М., 1974—2008.

- Bartoš 1905—1906 — F. B a r t o š. Dialektický slovník moravský. T. 1. Praha, 1905—1906.
- Boryś 2005 — W. B o r y ś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Buck 1988 — C. D. B u c k. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago; London, 1988.
- Fabián 2009 — J. F a b i á n. SLOvník nespisovneho jazyka valaského. 2009.
- Fraenkel — E. F r a e n k e l. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Heidelberg; Göttingen, 1955—1965.
- Kucała 1957 — M. K u c a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Machek 1957 — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Machek 1968 — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Maciejewski 1969 — J. M a c i e j e w s k i. Słownik chełmińsko-dobrzyński. Toruń, 1969.
- Matejčík 1975 — J. M a t e j č í k. Lexika Novohkadu: vecný slovník. Banská Bystrica, 1975.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Zagreb, 1880—1976. Sv. I—XXIII.
- Schuster-Šewc — H. S c h u s t e r - Š e w c. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. Bd. I—V. Bautzen, 1978—1996.
- Warsz. — J. K a r ł o w i c z, A. K r y Ń s k i, W. N i e d ź w i e d z k i. Słownik języka polskiego. T. 1—8. W—wa, 1900—1927 (= 1952—1953)
- Witczak 2003 — K. W i t c z a k. Indoeuropejskie nazwy zbóż. Łódź, 2003.

К. А. МАКСИМОВИЧ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ В МОРАВСКОМ «НОМОКАНОНЕ МЕФОДИЯ»

На всех этапах развития русской литературы ее состав постоянно пополнялся переводами. Церковнославянские памятники, переведенные с греческого и латыни, а позднее и переводы с новых европейских языков оказывали значительное влияние на формирование литературно-языковой нормы. Наличие большого числа генетических церковнославянизмов в современном русском языке и слабая изученность многих аспектов развития древнерусского языка заставляет лингвистов вновь и вновь обращаться к ранним этапам литературно-языковой истории. В современной палеославистике особенно важное значение традиционно придается исследованию языка кирилло-мефодиевской эпохи, поскольку именно из нее ведет свое начало первый литературный язык славян. Соответственно, лингвистическое изучение сохранившихся от этой эпохи памятников позволяет, пусть не во всех подробностях, но по крайней мере в существенных чертах, реконструировать исходную систему норм церковнославянского языка, на базе которой в пределах *Slavia Orthodoxa* формировались литературные нормы отдельных славянских языков, включая русский.

В церковнославянских памятниках, переведенных с греческого и латыни, среди многочисленных феноменов перевода легче всего выделяются (и в силу этого лучше всего изучены) заимствования и кальки. Существуют многочисленные исследования по лексическому и синтаксическому калькированию и заимствованиям в славянском тексте евангелий, Псалтыри, гимнографических сочинениях, богословских памятниках, хрониках, житиях и т. д. Однако по неясным причинам практически отсутствуют лингвистические исследования славянских юридических переводов с греческого. Целью настоящей статьи является заполнение этой лакуны в отношении древнейшего славянского канонического сборника — так называемого «Номоканона Мефодия».

Моравский номоканон или «Номоканон Мефодия» (далее НМ) представляет собой перевод византийского сборника канонов, известного в науке под названием «Собрание в 50 титулах» Константинопольского патриарха Иоанна Схоластика (565—577). После Е. Е. Голубинского [Голу-

бинский 1901: 645—648] научная традиция единогласно приписывает авторство моравского Номоканона Мефодию. В самом деле, согласно главе 15 паннонского Жития Мефодия, последний перевел с греческого языка некий «Номоканон». По совокупности исторических, текстологических и языковых данных можно считать, что именно этот перевод дошел до нашего времени в составе двух русских кормчих, которые хранятся в Отделе рукописей РГБ. Речь идет об Устюжской кормчей XIII—XIV вв. (РГБ, ф. 250 (Рум.), № 230) [СК XI—XIII: 374, № 476] и Иоасафовской кормчей XVI в. (РГБ, Фунд. 54).

Версии НМ в Иоасафовской и Устюжской кормчих (далее, соответственно, J и U) различаются (иногда весьма существенно). Поэтому для установления первичных чтений необходимо проводить критику текста. Прежде всего сюда относится сличение перевода с греческим оригиналом, причем сличаться должен не только основной текст в издании [Benešević 1937], но и приведенные там же многочисленные варианты по греческим рукописям. Работа по сличению греческих вариантов и выбору чтений, наиболее близких к переводу, была проведена Й. Вашицей в его издании НМ [Vašica, Nom], что делает последнее абсолютно необходимым для изучения феноменов перевода, и прежде всего кáлек.

Кальки (*calques*, *Lehnprägungen*) делятся на *лексические*, *синтаксические* и *фразеологические* (последние можно рассматривать как комбинацию лексической и синтаксической кальки). *Лексические* кальки подразделяются, в свою очередь, на *словообразовательные* (*структурные*, *словообразовательно-семантические*), *морфологические* и *семантические*¹.

Словообразовательной (*структурной*) *калькой* (*real structural calque*, *Lehnübersetzung*, *Lehnbildung*) называется точное воспроизведение словообразовательной структуры слова исходного языка средствами переводящего языка. В чистом виде словообразовательные кальки практически не встречаются, поскольку вместе с морфемной структурой иноязычного слова они усваивают и его семантику. Такие кальки принято называть *словообразовательно-семантическими*. Выделение словообразовательно-семантических кáлек в НМ сопряжено с рядом трудностей, поскольку отправным пунктом и критерием для такого выделения служит *чуждость* исследуемой лексики системе (позднепра)славянского языка. Однако лексическая система славянского языка в эпоху моравских переводов известна нам лишь приблизительно — отсюда при отнесении тех или иных конст-

¹ В различных европейских традициях для обозначения кáлек используется различная терминология, которая до сих пор не приведена к единообразию, ср. классические работы [Unbegaun 1932; Schumann 1958; Molnár 1985]. По этой причине мы используем терминологию, принятую (или разрабатываемую) в российской филологической науке, ср. [Копыленко 1973; Ефремов 1974; Чернышева 1983; 1984; Максимович 1995; 2004: 49—51; 2006а].

рукций к калькам неизбежно возникает некоторый элемент исследовательского субъективизма. Так например, можно ли считать строгой структурно-семантической калькой гл. *исправитиса* (290.3)², структурно повторяющий греч. *διορθόωμαι* ‘исправляться, исправиться’? Славянский глагол можно считать калькой лишь в том случае, если мы можем уверенно констатировать отсутствие этого глагола в не книжном (пра)славянском языке. Однако такой уверенности нет, поскольку глагол *исправитиса* не противоречит бытовому узусу и построен по всем правилам праславянского словообразования. Значит, нет никаких оснований считать его калькой. То же можно сказать о передаче греч. *ἐπιπίπτω* ‘впадать’ посредством слав. *въпадати* (267.15 (J)) или греч. *ἐπιμερίζω* посредством слав. *раздѣляти* (352.1). В дальнейшем мы рассматриваем в качестве структурных калек лишь такие образования, копирующие морфемную структуру оригинала, принадлежность которых праславянскому обиходному узусу и языку чрезвычайно маловероятна, поскольку они отражают понятия иной, высокоразвитой административной и юридической культуры³. Такие кальки возникают в результате словотворчества и представляют собой языковые *неологизмы*. Таким образом, для выделения калек мы используем формальный (словообразовательный) критерий в качестве второстепенного, а главным критерием считаем совокупность семантических и прагматических данных, характеризующих функционирование той или иной лексемы в рамках византийской и славянской терминологических систем.

Морфологическая калька — это воспроизведение при переводе второстепенного элемента слова, чуждого переводящему языку. Отличие не строгой словообразовательной и морфологической кальки от структурной состоит в том, что структура оригинала воспроизводится не полностью, а ограничивается лишь одной морфемой (ср. примеры ниже).

Семантической калькой (*semantical calque*, *Lehnbedeutung*) называется перенос лексического значения с термина оригинала на обиходное слово переводящего языка. Следовательно, семантическое калькирование состоит в приписывании славянскому слову исконно не свойственного ему значения.

² Здесь и далее цитаты из НМ приводятся по изданию [Vašica, Nom] (ссылки делаются на страницу и строку).

³ В этом состоит коренное отличие нашего подхода от методологии Н. Мольнара, который считает кальками любые, даже весьма поверхностные соответствия славянских лексем греческим — ср. *авление* (*ἡ ἀνάδειξις* — «real structural calque») (Р. 71—72), *вездъныйъ* (*ἄνδρος* — «real structural calque») (Р. 78), *възмѣстити* (*χωρῶ* — то же) (Р. 114), *въскръсновение* (*ἡ ἔγερσις* — то же) (Р. 117) и мн. др. С нашей точки зрения эти образования нельзя считать структурными кальками, поскольку они не отражают структуру исходных греческих лексем, не говоря уже о том, что многие из этих слов (*авление*, *възмѣстити* и др.) наверняка восходят к праславянскому языковому состоянию.

Лексическое калькирование в терминологии публичного покаяния

Типичными лексическими кальками являются термины НМ, обозначающие ступени публичного покаяния, принятые в ранневизантийской Церкви — «плачущие» (*προσκλαίωντες*), «слушающие» (*ἀκροάμενοι*), «припадающие» (*ὑποπίπτουτες*) и «стоящие с верными» (*συνιστάμενοι*) [Максимович 1995: 12—13].

I ступень — «плачущие»:

προσκλαίω 'взывать с плачем; зд. каяться в разряде «плачущих» — семантическая калька плакатиса (333.10; 335.3; 338.13; 343.15; 348.25); описательный эквивалент плакатиса *вънъ* (339.12); структурно-семантическая калька *прѣдплакатиса* [J, приди- U] (348.7);

προσκλαυσις 'пребывание в первом разряде кающихся, «плачущих» — семантическая калька (обобщающий перевод) плакатиса (335.21);

II ступень — «слушающие (Евангелие)»:

ἀκροάομαι 'слушать, зд. слушать Евангелие, т. е. каяться в разряде «слушающих», второй ступени публичного покаяния' — семантическая калька (обобщающий перевод) *послоушати* (321.12; 321.19; 339.13; 343.15; 348.25);

ἀκροάμενος — семантическая калька (обобщающий перевод) *послоушникъ* (332.22), *послоушаа* (298.5; 321.21; 335.9; 335.22; 338.13; 348.8; 348.13);

ἀκροάσις 'покаяние второй ступени' — семантическая калька (обобщающий перевод) *послоушание* (316.1; 316.8).

III ступень — «припадающие»:

ὑποπίπτω 'проходить третью степень публичного покаяния («припадающие») — обобщающий эквивалент *поститиса* (315.23), структурно-семантическая калька *подъпадаати* (332.23; 338.14; 339.14; 343.16; 347.1; 348.9; 348.14), структурно-семантическая калька *подъпасти* (347.12), семантическая калька *припадаати* (335.23);

ὑπόπτωσις 'покаяние в третьем разряде — «припадающих» — словообразовательно-семантическая калька *подъпадание* (347.5; 347.8; 348.2; 349.1), семантическая калька *припадание* (334.9);

IV ступень — «стоящие с верными»:

συνιστάμαι 'стоять вместе (с кем-л.); зд. о четвертом разряде кающихся, «стоящих с верными» — семантическая калька *стоати* (*съ*) (335.13; 339.14); описательный эквивалент *стоати съ вѣрными* (336.1 [J, гръшьными†⁴ U]; 338.15; 348.9; 348.14);

σύστασις 'стояние вместе; зд. покаяние в 4-м разряде кающихся' — семантическая калька *стояние* (348.3).

Ниже приведены примеры иных калькированных образований, распределенные по указанным группам.

⁴ Испорченные в рукописи чтения здесь и далее помечены крестом.

- Словообразовательные (словообразовательно-семантические) кальки. В НМ удалось идентифицировать следующие кальки этого типа:
- ἀδελφομιξία* ‘связь между братом и сестрой’ — братосмѣсьне (345.7);
ἀκόλαστος ‘безудержный, необузданный’ — неοὔτομιμξии (319.3) (ср. томити — κολλάζω);
ἀναδέχομαι ‘брать на себя’ — възспримати (250.11);
ἀναισχυντέω ‘вести себя бесстыдно’ — вестοὔδѣствовати (293.10);
ἀνάφορα ‘анафора, освящение Св. Даров’ — възношение (260.22);
ἀντιλέγω ‘противоречить’; *ἀντιλέγων* — прѣвкоглаголивзи (355.22);
ἀντιλοιδωρέω ‘бранить в ответ’ — възклеветати (283.5);
ἀπαγορεύω ‘запретить, запрещать’ — отрѣци (268.11; 290.24 [J, рѣци U]; 326.5);
βασιλεύω ‘быть императором’ — цѣсарѣствовати (251.17; 283.5; 292.21), цѣрѣвати (285.25 прим. (J));
βρεφοκτονία ‘искусственный аборт, вытравление плода’ — дѣтσοὔбнѣствне [J, дѣтсоὔбнѣство U] (258.19);
δευτερεύω ‘занимать второе место, быть вторым’ — възторовати [U] вѣроровати†] (244.3)⁵;
διαστροφή ‘соблазн, заблуждение’ — развращение (360.15; 360.22);
δίγαμος ‘двоеженец’ — дѣвбвращьнзи (328.22);
δικαίω ‘считать справедливым, зд. постановлять’ — оправдѣдати [U, оправити† J] (281.20), оправдѣдати (330.14; 354.22);
δυσαιποσιπάστως ‘неотступно’ — неотгвѣржьнѣнѣв (355.15);
εἰδωλόθυτον ‘жертвенная снедь’ — идоложѣртвѣно (258.9), идоложѣренина (307.9);
ἐξευρίσκω ‘уяснять, уяснить; понимать, понять’ — изобрѣсти (318.4);
ἐξομολογέομαι ‘исповедать(ся)’ — исповѣдати [J, сa add. U] (345.7);
ἐπιμένω ‘упорствовать’ — прѣвзвѣвати (293.9; 360.8);
ἐπινοέω ‘придумывать (в дополнение к чему-л.)’ — примѣшляти (282.1);
εὐχαριστία ‘Причастие’ — добродѣрѣствне (253.9; 295.29), благодарѣствне (296.7), благодарение (296.13);
θεοσέβεια ‘благочестие’ — богочѣствне (311.23; 312.4; 312.6; 315.7), ср. благочѣствне (256.4);
θεοσεβής ‘благочестивый’ — богочѣствнзи [J, благочѣствнзи U] (360.5);
θεοφιλής: *~τατος* ‘боголюбивейший (об императоре)’ — боголюбнзи (280.3);
καρποφορία ‘жертва плодов в церковь’ — плодonoснѣ, плѣд- (260.12; 350.14; 350.21);
κρεωφαγία ‘употребление мяса’ — масоѣднение (255.3);
ξενοδοχεῖον ‘странноприимный дом’ — страннoприимнѣтнѣ (290.20);
ὁμόνοια ‘согласие, единодушие’ — ѣдиномѣслнѣ (264.13);

⁵ Искажение слова в русских списках произошло вследствие неясности этого буквалистского эквивалента.

- παρὰβαίνω* ‘нарушать, нарушить (правило, заповедь)’ — прѣстоупати (257.2; 314.4; 321.7), прѣстоупити (330.20; 333.8);
παριστάμενον ‘существо дела’ — прѣстоѹщеѹ (276.9);
περιέχω ‘гласить, содержать норму (о законе)’ — обзѣдржати (271.19);
περιόδευτής ‘приходящий священник (для маленьких местечек)’ — обзѣдржаникъ (248.5), обзѣдржатель (272.21);
προδιμολογέομαι ‘заранее заявить’ — прѣждѣисповѣдати (319.12);
προμνηστεύομαι ‘ранее, прежде обручать’ — прѣждѣевоуручити (340.10);
πρόνοια ‘промышление, забота’ — промзшлениѹ (314.9);
προσκλαίω ‘взывать с плачем; зѣ. каяться в разряде «плачущих»’ — прѣдиплакатиса [J, приди- U] (348.7);
προτάτω ‘поставить впереди’ — прѣждѣоучинити (244.10);
προτίθεμαι ‘намереваться’ — прѣдзложити [прѣдзлежати† UJ] (344.1);
συμφώνως ‘единогласно’ — сзгласьно (285.18);
συνείδησις ‘совесть’ — сзвѣсть (306.13);
συνείσακτος (var. *ἐπίσακτος*) ‘сожительница’ — соупроуга (254.11); ~ *γυνή* — соупроуга сзвзводьница [сзвѣдьница† U, свѣденица† J]⁶ (303.2–3);
συνιστάω ‘основывать, создавать (монастырь)’ — сзѣтавлати (256.13; 313.13);
συστατικός ‘рекомендательный (о письме)’ — сзѣтавнзни (252.18; 292.22);
τυμβώρυξ, τυμβώρυχος ‘грабитель могил’ — грѣвокопатѣль (347.19), грѣвокрадатѣль [J, грѣвокопатѣль U] (260.2), грѣворзѣна (прич. наст. вр.) (348.6);
ὑπερβαίνω ‘превысить’ — прѣвити (347.16);
ὑποπίπτω ‘проходить третью степень публичного покаяния («припадающие»)’ — подзпадати (332.23; 338.14; 339.14; 343.16; 347.1; 348.9; 348.14), подзпасти (347.12);
ὑπόπτωσις ‘покаяние в третьем разряде — «припадающих»’ — подзпаданиѹ (347.5; 347.8; 348.2; 349.1);
φιλανθρωπία ‘гуманность (по отношению к кому-л.)’ — чловѣколюбнѹ (347.4);
φιλάνθρωπος ‘человеколюбивый’ — чловѣколюбнзни [J, чловѣколюбнѣ U] (316.11);
φιλόσοφος — плзтолюбнзни (320.27)⁷;
ψευδομάρτυς ‘лжесвидетель’ — лзжесзвѣдѣтель (325.24).

Итак, в обширном тексте НМ мы установили 85 контекстов с 52 словообразовательно-семантическими кальками. В среднем одно употребление кальки приходится примерно на 0,5 листа Устюжской рукописи (НМ занимает в ней 43 листа с оборотами). Поскольку на каждой странице Ус-

⁶ Не зафиксировано Вашицей, хотя отмечено в [Срезневский 1899: 32]; ср. [Keipert 1988: 250].

⁷ Инверсия членов сложного слова при переводе отмечается как одна из важных черт кирилло-мефодиевской переводческой техники [Voß 2001: 52—53; Максимович 2003: 66].

тужского списка 27 строк (на листе, соответственно, 54), то при средней норме словоупотреблений 3,5 на строку получаем на лист 190 словоупотреблений, из которых 50 % составят 95. Следовательно, в НМ одна структурная калька приходится примерно на 95 словоупотреблений, а все контексты НМ, в которых использованы структурные кальки, составляют чуть более 1 % от всех словоупотреблений памятника. Иными словами, доля искусственных (калькированных) образований в НМ настолько мала, что нисколько не затрудняет понимание текста даже не очень сведущим читателем. Именно малый процент калькированных конструкций служит критерием соблюдения в том или ином памятнике *принципа ясности*. Следование этому принципу является характернейшей чертой древнейших славянских переводов, прежде всего кирилло-мефодиевских⁸.

Нестрогие словообразовательные кальки. Под нестрогой словообразовательной калькой (по Шуману, *Lehnübertragung*) мы будем понимать воспроизведение при переводе не всех, а лишь одного из элементов исходного слова. Нестрогих словообразовательных калек в НМ удалось обнаружить всего 6, они распределены по 10 контекстам, ср.:

- ἀκίλουθον* ‘логическое умозаключение, силлогизм’ — послѣдѣство (318.4);
ἀσχολία ‘дело, занятие’ — оупражнение (358.9);
δίγαμος ‘двоеженец’ — дѣвоженьнзи (254.13), дѣвоженьникъ (316.24);
 дѣвоженьць (317.21);
ἐνορία ‘церковный приход’ — прѣдѣлъ (246.12);
ἐπίορκος ‘клятвопреступник’ — клатвопрѣстоупникъ (260.6; 347.20; 348.11)⁹;
φθόριον ‘абортивное средство’ — тлѣние (337.8).

Морфологические кальки. Морфологические кальки в НМ представлены следующими контекстами (калькированные морфемы подчеркнуты):

- ἀκοινωνητος* ‘отлученный от церковного общения’ — вепричастънзи (360.7), непричастънзи (252.2);
ἐκκλήριτος ‘отлученный от Церкви’ — отриновенънзи (279.11);
γίνομαι ‘происходить’; *γινόμενον* ‘происходящее’ — взываетеюи (296.18; 308.24; 341.5; 341.8). Форма пассивного причастия от глагола состояния

⁸ Разумеется, на ясность текста влияют не только структурные кальки, но и кальки семантические, синтаксические и др. С другой стороны, текст, не имеющий калек, не обязательно должен быть кристально ясным. Признавая некоторую субъективность критерия *ясности* текста, примем в качестве рабочей гипотезы, что перевод, насыщенный кальками, будет в целом менее ясным для носителя языка, чем перевод, избегающий калек. Эта гипотеза вполне подтверждается на опыте сравнения в рамках одного жанра хотя бы перевода Древнеболгарского номоканона с переводом НМ. Первый из них, в котором кальки встречаются буквально в каждой строке, страдает буквализмом и, как следствие, неясностью и темнотой смысла.

⁹ Пример аналогичной кальки имеется также в древнерусском переводе XII в. «Пандектов» Никона Черногорца: *законпрѣстоупникъ* [Максимович 1998: 260.4; 295.3], *законпрѣстоупнзи* [там же: 295.3] (*παράνομος*).

взывать может объясняться только отложительной (пассивной) формой греческого глагола *ῥίνομαι*¹⁰. Аналогичный случай морфологического калькирования встретился в Мариинском евангелии [Гавранек 1963: 75], в «Шестоднев» Иоанна Экзарха [Максимович 2006б: 124] и в Успенском сборнике XII—XIII вв. [Крысько 2006: 417]¹¹.

Еще один (правда, не вполне однозначный) случай морфологического калькирования пассива встретился в Вас. Вел. 19: греческое выражение с пассивной формой причастия *κατὰ τὸ σιωπῶμενον* ‘по умолчанию, само собой’ от глагола *σιωπάω* ‘молчать’ переведено по *мълчимомоу* (320.21). В Древнеболгарском номоканоне по версии «Ефремовской кормчей (далее ЕК) кальки нет, ср.: *мълчаниимъ* (483.4). В отличие от предыдущего примера с интранзитивом *взывать*, в данном случае калька вполне соответствует правилам пассивной конверсии в славянском синтаксисе, поскольку пассивное прич. *мълчимзи* образовано от гл. *мълчати* в транзитивном значении ‘умалчивать о чем-л.’ [Сл XI—XIV, V: 56—57]. Эту форму можно было бы и не рассматривать в качестве кальки, если бы не точное воспроизведение фразовой структуры при переводе греческого выражения *κατὰ τὸ σιωπῶμενον*¹².

Греческая форма *plurale tantum ἀγίασματα* ‘Св. Дары’ передана в НМ также формой мн. ч. *свѣтаѣ* (335.1), *свѣтъинаѣхъ* (мест. п. мн. ч.) (338.12). Ср. также *ἄγια* ‘то же’ — *свѣтаѣ* (336.2). В содержательном отношении эти случаи можно рассматривать также как семантические кальки.

Фразеологические кальки. Рассмотренный выше случай калькирования греческой фразы *κατὰ τὸ σιωπῶμενον* ‘по умолчанию, само собой’ выражением по *мълчимомоу* (320.21) может рассматриваться как *фразеологическая калька*, т. е. точное воспроизведение при переводе иноязычного речевого оборота (по Шуману, *Lehnwendung*). Другой пример фразеологического калькирования — передача греческого выражения *κατὰ ταῦτόν* ‘одновременно’ слав. по *томъж(д)е* (290.9).

Семантические кальки. Семантические кальки в НМ относительно редки. Почти все они воспроизводят реалии и отношения, так или иначе связанные с христианским культом, ср.:

ἀγάπη ‘любовь; *зд.* агапа, благотворительный званый ужин верующих в ранней Церкви’ — *лювзы* (308.21);

ἀγίασματα ‘Св. Дары’ — *свѣтаѣ* (335.1), *свѣтъина* (338.12) и др. (см. выше);

ἀναπαύομαι ‘отдыхать; *зд.* умирать’ — *почити* (271.22);

¹⁰ В Древнеболгарском номоканоне («Ефремовской кормчей» XII в.) это выражение переведено иначе: *взываютъи* [Бенешевич 1907: 247.5]. В дальнейшем ссылки на «Ефремовскую кормчую» даются по этому изданию.

¹¹ Другие примеры образования пассивных причастий от интранзитивных глаголов см. в [Гавранек 1963: 65, 75; Крысько 2006: 417—418].

¹² Подобные конструкции характеризуются как кальки и в работе Б. Гавранка [Гавранек 1963: 65].

- διακοιχόν 'хранилище церковной утвари, ризница' — диаконство (301.3)¹³;
- διοίκησις 'управление, исполнение административных обязанностей' — строение (246.6; 263.5; 280.21); 'административный округ, диоцез' — строение (262.5; 263.2);
- διώχω 'преследовать; зд. стремиться достичь' — гонити (281.16);
- ἐκπίπτω 'отпасть; зд. лишиться' — испасти (278.5), отпасти (265.7; 290.26; 317.14 [J, отпасти U]; 320.31; 321.5; 340.19)¹⁴;
- ἐκτίθωμι 'изложить; зд. составить, издать' — изложити (245.11);
- ἐκφέρω 'вынести; зд. произнести (приговор)' — изнести (286.22);
- ἐμπίπτω 'впадать; зд. приключаться, возникать' — възпадати (J) (357.6)
- ἔξοδος 'уход; зд. кончина, смерть' — исходаъ (250.1; 347.17);
- ζώνη 'пояс, как знак воинского чина; зд. чин' — поясъ (315.18);
- ἰσχὺς 'сила; зд. действительность, действенность, юридическая сила' — крѣпость (279.17);
- κοίμησις 'засыпание; зд. смерть, кончина' — оцъзпение (271.22);
- κρατέω 'держатъ; зд. соблюдать' — държати (354.22); ср. κρατέομαι 'соблюдаться, иметь силу (о законе)' — държимоуъ взгити (289.12);
- προσκολλάομαι 'прилепляться; зд. перен. общаться, вступать в связь' — прилѣплатиса (257.16);
- συγκατάθεσις 'складывание; зд. договоренность, согласие' — съложение [U, слошание егг. J] (289.20);
- συντίθεμαι 'складываться; зд. договариваться, договориться' — сълагатиса (247.26);
- συγχέω 'смешивать; зд. вносить смуту, раздор' — рѣзмѣшати (262.8; 288.28);
- τέλειος 'совершенный; зд. легитимный (о соборе под председательством митрополита)' — съвършенъин (275.24; 276.9; 309.24; 331.6);
- ὑπομνήσχομαι 'вспоминаться; зд. подвергаться вразумлению' — възпоминатиса (290.3), възпоминати (293.6);
- φθόριον 'абортивное средство' — исказа (258.19);
- φυλακτήριον 'амулет, оберег' — хранитѣва (334.15)¹⁵;

¹³ Этот случай можно также интерпретировать как нестрогое заимствование — ср. общность корня в славянской и греческой лексемах.

¹⁴ Эту и следующие лексемы мы считаем именно семантическими, а не структурными кальками, поскольку префиксальные сложения испасти, отпасти, изложити, изнести, възпадати и другие, сами по себе, разумеется, были хорошо известны в позднепраславянский период. По этой причине они не могут претендовать на статус неологизмов в книжном славянском языке.

¹⁵ Термин хранитѣва образован от гл. хранити малопродуктивным суффиксом действия *-iva* [Ефимова 2006: 176] и может считаться праславянским образованием со значением 'хранение' — ср. молитѣва, битѣва, клѣтѣва, жрѣтѣва и т. п. В значении 'амулет' это явно семантическая калька с греч. φυλακτήριον 'оберег', поскольку в других контекстах употребляется грецизм φυλακτήριον (ср. ниже) и, следовательно, в НМ нет термина со значением 'амулет', который бы не возводился так или иначе к греческим образцам. В ЕК здесь также семантическая калька съхранение (274.14).

φιλάττω ‘хранить; зд. соблюдать’ — хранити (262.13; 263.4);

χώρα ‘место; зд. возможность’ — место (286.18).

Итак, во всем обширном тексте НМ встретились лишь 24 семантические кальки в 42 контекстах.

Спорные случаи лексического калькирования. В некоторых случаях тип кальки в НМ определить затруднительно, поскольку контексты допускают различные толкования семантики, от которых, в свою очередь, зависит отнесение соответствующих эквивалентов к тому или иному типу калек. Так, греч. καθέζομαι ‘сидеть; зд. находиться, пребывать’ переведено в НМ как съѣдѣти — съѣдѣти въ поповѣтъѣ (279.6)¹⁶. Можно ли рассматривать такой перевод как семантическую кальку? Согласно нашей методике, это возможно лишь в том случае, если значение ‘находиться, пребывать’ у слова съѣдѣти в праславянском языке не реконструируется. Однако это едва ли справедливо — о праславянском характере семантики ‘находиться, пребывать (в каком-либо месте или состоянии)’ свидетельствуют не только такие современные сочетания, как *сидеть в девках*, *сидеть в тюрьме*, но и многочисленные древне- и старорусские (нецерковнославянские) контексты типа: *сидѣти въ домахъ*, *сидѣти в осаде*, *а по дебри тои сѣдѣла села* (Хождение игумена Даниила, 1113 г. по сп. 1496 г.), *земля сидитъ за горами* (Посольство Брехова, 1612 г.), *сидят кабаки в Кабарде* (Астраханские акты, 1651 г.) и т. п. [Сл XI—XVII, 24: 127]; ср. [ССУМ II: 332] (контексты с 1322 г.). Сюда же относятся современные употребления: *рыба в садке сидит* [Даль IV: 149]; *хутор сидит над Доном* [СРНГ 37: 287—288] и т. п.

Аналогично следует оценивать и другой сложный случай — перевод греч. κεφαλή ‘глава; зд. руководитель’ эквивалентом глава (264.7). Древнерусские и староукраинские контексты со словом *голова*, *головный* (*головной*) в значении ‘начальник’, ‘главный’ [Сл XI—XIV, II: 349; Сл XI—XVII, 4: 63—64, 65—66; ССУМ I: 249], русский диалектный материал [СРНГ 6: 298, 310; Даль I: 906], а также типологические данные других языков (лат. *caput*, чеш. *hlava*, *hlavni* (но *во главе* — *v čele!*), словац. *hlava*, *hlavný*, польск. *głowa*, *główny*, англ. *head*, нем. (*Ober*)*Haupt* и даже араб. *pa’uc* ‘начальник’ от *pa’c* ‘голова’) показывают, что в НМ это употребление нельзя считать калькой, поскольку оно с наибольшей вероятностью возводится к праславянскому языковому состоянию.

Синтаксические кальки

Под *синтаксической калькой* (*syntactical calque*, *Lehnsyntax*) мы будем понимать точное воспроизведение в переводе синтаксических структур ис-

¹⁶ Такой же эквивалент использован в ЕК (235.28).

ходного языка, отсутствующих в языке переводящем (специально о природе синтаксической кальки см.: [Максимович 2006б: 122—124]).

Синтаксическое калькирование в ранних славянских переводах кирилло-мефодиевской эпохи встречается довольно редко, поскольку использование чуждых славянскому языку конструкций, калькированных с греческого оригинала, могло бы затруднить понимание священных текстов славянской паствой и клиром. Иными словами, последовательно проводимое синтаксическое калькирование противоречило бы центральному для кирилло-мефодиевской техники перевода (и для любых переводов «миссионерского»¹⁷ типа) принципу ясности и ориентации на выразительные ресурсы переводящего языка. Поэтому еще в 1963 г. корифей чешской славистики Й. Курц выдвинул программный тезис: «К разбору синтаксических средств старославянских переводов надо подходить прежде всего с точки зрения самого славянского языка, ...но никак не с точки зрения подлинников» [Курц 1963: 10]¹⁸. Разумеется, Курц не возражал против изучения калек в принципе, он лишь считал эту задачу второстепенной по сравнению с изучением собственно славянского синтаксиса (ср. оговорку — «прежде всего»). Нам, однако, представляется, что без предварительного изучения синтаксических калек с греческого и латыни собственно славянские грамматические особенности выделить невозможно. Поэтому акцент в формулировке задачи следует поставить иначе: прежде всего надо установить все случаи калькирования греческих оригиналов, после чего, отсеяв кальки, можно приступать к реконструкции собственно славянского синтаксиса.

В НМ синтаксические кальки, как и лексические, употребляются очень ограниченно. Ниже приведены контексты с примерами (калькированные обороты подчеркнуты).

Кальки греческих инфинитивных конструкций. Гангр. 5: Аще кто оучитъ храма г(о)с(подь)на небрегома възити и възвѣщающа въ немь събираниа, да воудеть проклѣтъ (354.2—5). Греч.: *Εἴ τις διδάσκει τὸν οἶκον τοῦ θεοῦ ἐκκαταφρόνητον εἶναι καὶ τὰς ἐν αὐτῷ συναξείας, ἀνάθεμα ἔστω.*

В этом примере воспроизводится чуждая славянскому языку греческая конструкция *accusativus cum infinitivo* (отметим использование ВП = РП в сочетании *храма г(о)с(подь)на небрегома* с неодушевленным именем)¹⁹. В ЕК

¹⁷ Идея о «миссионерском» (максимально понятном для народа) характере языка первых переводов высказана еще В. Вавржинком [Vavřínek 1978: 268] и поддержана Е. М. Верещагиным [Верещагин 1996: 317], дополнительные аргументы приведены в статье [Максимович 2001: 232, 236—238].

¹⁸ Симптоматично, что в полном соответствии с этим программным тезисом Курца фундаментальный пятитомный компендиум старославянского синтаксиса Р. Вечерки [Večerka 1989; 1993; 1996; 2002; 2003] вообще не содержит главы о синтаксических кальках, автор ограничивается лишь отрывочными наблюдениями.

¹⁹ Функция ВП = РП отражает архаичные языковые отношения, восходящие к индоевропейскому языковому состоянию с противопоставлением «активного» па-

также калька — обычный ВП (= ИП) с инфинитивом (в квадратных скобках помещены посторонние вставки): Аще кзѣто оучити домъ бжии [и] оудовьпрѣвидѣнъ взѣти [начинають]... (246.1—2). В «Пандектах» Никона Черногорца (далее ПНЧ) дательный с инфинитивом: Иже кто оучити домоу бжню . прѣвѣидѣноу взѣти... [Максимович 1998: 249.5—6].

Еще один пример кальки асс. с. inf. нами обнаружен в тексте Эфес. 3: овьщенъ же вселеньскомоу свороу сзмоудрѣствоующю [вм. смоудрѣствоующа] али нзѣнъ ли по семь клирикъ... повелѣваемъ не повиноватис(а) [J, повиноваса † U] (в греч.: τοὺς... σιμφορονουτας... κληρικοὺς ... κελεύομεν μηδ' ὀλωσ ὑποκεισθαι) (330.15—23). В ПНЧ канон пропущен. В ЕК греческий асс. с. inf. передан конструкцией дательный с инфинитивом: сзмоудрѣствоующѣмъ причѣтъни-комъ . повелѣваемъ ... ничимъже повинномъ взѣти... (104.16—22).

К. Гадерка рассматривает славянскую конструкцию дательный с инфинитивом как «собственное средство» старославянского языка, возникшее под влиянием «иноязычного импульса» [Haderka 1964: 531]. Однако приведенный им большой материал славянских рукописей позволяет объяснить эту конструкцию из собственно славянского языкового развития. Так, согласно убедительной гипотезе Гадерки, первоначально дат. п. в этой конструкции зависел от глагола, требующего косвенного дополнения в дат. п. (тип повелѣти, вѣрвати и т. п.). Как пишет сам автор, «конструкция дат. с инф. возникла из тех оборотов, в которых дополнение управляющего глагола в дательном падеже является субъектом действия, называемого инфинитивом» [Там же: 513]. В первоначальной конструкции, состоящей из дат. п. косвенного объекта при сказуемом и предикативного инфинитива (повели ми отъвѣрѣци са — Лук. IX.61), связь между объектом и сказуемым постепенно трансформировалась в связь объекта в дат. п. и инфинитива, т. е. в особый оборот dat. с. inf. (тремя жъзыкы есть бъ повелѣвъ книгамъ взѣти — Храбр). Подобная синтаксическая эволюция не предполагает обязательного «иноязычного импульса», тем более что ее следы отмечены в живых западнославянских языках [Там же]; ср. [Максимович 2006б: 123].

Винительный итеративный. Под термином *винительный итеративный* понимается абсолютное употребление порядковых числительных-прилагательных в форме винительного падежа в функции обстоятельства образа действия для обозначения повторяющихся событий [Максимович 2004: 51—52]. Эта конструкция, воспроизводящая греческий *accusativus adverbialis*, дважды встретилась в мифодиевском «Законе судном людем» [Там же]²⁰. В НМ удалось обнаружить три надежных контекста с винительным итера-

дежа субъекта «неактивному» падежу объекта (инактиву) — подробнее см. [Крысько 2006: 175—179] (с литературой).

²⁰ Особый случай винительного итеративного представляет передача в Древнеболгарском номоканоне («Ефремовской кормчей») греч. *ἐκάστοτε* ‘каждый раз’ местоименной формой вин. п. кожьдо (1.16).

тивным, ср. Апост. 74: *Аще ли званъ не придетъ, да зовоуть и второѣ* (*δεύτερον* ‘повторно’) (284.17; то же в ЕК (78.2), в ПНЧ канон отсутствует).

Ант. 5: *второѣ зовоучю его* (*δεύτερον* ‘повторно’) (295.16; в ЕК то же (255.9), в ПНЧ канон отсутствует).

Апост. 74: *аще ли и тако не послушашаѣтъ [U, слоушашѣ J], да зовоуть третиѣ* (*τρίτον* ‘в третий раз’) (284.20; то же в ЕК (78.5)).

Спорный случай обстоятельственного винительного представляет собой перевод греческого адвербиализованного сочетания в форме род. п. (!) *τοῦ λοιποῦ* ‘впредь’ славянским эквивалентом прочеи (265.4). Дело осложняется не только тем, что передача греческого РП славянским ВП не может считаться калькой. Сложность состоит прежде всего в том, что в НМ данное употребление встретилось в каноне Халк. 12, который почти полностью заимствован из Древнеболгарского номоканона. Следовательно, у нас нет текстологических оснований считать эту конструкцию исконно принадлежащей тексту НМ.

Калька греческого родительного части (genitivus partitivus). Tit. XLVI: Περί τοῦ μὴ δεῖν ἀφαιρεῖσθαι τι τῶν ἐκκλησιαστικῶν — *Ако не достоинъ възимати ч(ь)со ц(ь)рк(ь)вынѣхъ* (260.11 = 349.17).

Ант. 4: *Аще которзи ип(и)с(ко)пз сънмомъ изверженъ... ти дързнетъ створити что слоужьвѣ* (*τολμήσειεν τι πράξει τῆς λειτουργίας*) (286.10—14). В ДБН — *дѣяти что ѿ слоужьвѣ* (вместо *ѿ слоужьвѣ?*) (254.19—20); в ПНЧ канон отсутствует.

Халк. 10: *Дързающимъ же ... дѣяти что н(зи)нѣ отреченѣхъ* [J, *что от нзинѣ реченѣхъ* U] (*τι τῶν νῦν ἀπηγορευμένων*) (290.22—25); то же в ЕК (117.25—26). В ПНЧ канон отсутствует.

Калькирование греческого глагольного управления. Халк. 24: оброченъна имъ вещи да хранатъс(а) мандъгиревн (*φυλάττεσθαι τῇ μοναστηρίῳ*) (314.16—17). Калькируется управление греческого глагола с дательным принадлежностью ‘сохраняться за кем-л., в собственности кого-л.’. В ЕК перевод иной: *тѣмъ да са хранатъ* (123.15). В ПНЧ канон опущен.

Кальки предложных конструкций. Греч. ἔρχομαι εἰς τινα ‘доходить до кого-л. (об известии)’ — прити *въ ны* (*εἰς ἡμᾶς*) (264.17; 356.18; 357.13). Из указанных контекстов НМ два (264.17 и 357.13) заимствованы из канонов Халк. 12 и 19 по версии Древнеболгарского номоканона — иными словами, эти кальки не восходят к архетипу НМ.

Калька греческой конструкции ἔστι δὲ ὅτε καὶ ‘бывает, что и’. Халк. 23: *есть же тако и — ѣсти дѣ ѿте* (вар. *ѣти каѣ*) (292.29). То же в ЕК (122.26). В ПНЧ канон опущен.

Калька греческой конструкции οὐ μόν, ἀλλὰ καὶ ‘не только (это), но и...; более того’. Халк. 4: *не то же нъ и — оу мѣн, алла каѣ* (313.10). В ЕК также калька — *не се же тѣкмо нъ и* (114.7). Отметим в обоих случаях любопытные опыты перевода греческой ограничительной частицы *μόν* — то же (НМ), *се же тѣкмо* (ДБН). В ПНЧ канон переведен лишь частично, указанный пассаж ввиду его сложности при переводе опущен.

Калька греческой конструкции *πλὴν εἰ μὴ* ‘кроме (тех случаев), когда’.

Оглавление титула 3: ραζвъѣ аще не (246.17).

Вас. Вел. 19: ραζвъѣ аще не [J, ραζвъѣ аще и U] (320.19) — в ЕК: *обаче не аще* (483.2), в ПНЧ нет.

Оглавление титула 27: ραζвъѣ не (254.12).

Оглавление титула 28: ραζвъѣ тѣкмо (254.18).

Оглавление титула 31: ραζвъѣ (255.23).

Оглавление титула 28/27: ραζвъѣ аще [J, от. U] (304). Последние 4 случая отклоняются от оригинала и не могут считаться кальками (они приведены нами только ради полноты картины).

Калька греческого одиночного отрицания. Апост. 73: *μηδείς... σφετερίζεσθω* — *никтоже да* [U, не add. J] *взъзмлетъ* [так в ркп.] (350.8). Близкое к оригиналу чтение U следует считать исконным, в J позднейшая правка по норме славянского языка (двойное отрицание).

Калька условного периода с частицей *ἄν*. Вас. Вел. 18: *Исповѣданиа же тѣгда расматраемъ, отнелѣже аще въздрастъ* [вздрастъ † U, въздрастъ † J]²¹ и словесное свершение имать (319.16—19). В греческом: *Τὰς δὲ ὁμολογίας τότε ἐγκρίνομεν, ἂν οὐπερ ἄν ἡ ἡλικία τῆν τοῦ λόγου συμπλήρωσιν ἔχη* ‘К исповеди же мы допускаем с того возраста, когда завершится взросление ума’. Субъект греческого придаточного при переводе был изменен (соответственно, структура фразы в оригинале и в переводе разнится), однако условная частица *ἄν* в составе конструкции *modus futuralis* была переведена, получив славянский эквивалент *аще*. Это решение выглядит излишне буквалистским, поскольку пара коррелятов *тѣгда* — *отнелѣже* и без того выражает условие, отнесенное в будущее. Как ни удивительно, но отличающаяся излишним буквализмом Ефремовская кормчая в данном случае демонстрирует более удачный перевод частицы *ἄν* эквивалентом *оубо*: *Исповѣданиа же тѣгда извираемъ, отнелѣже оубо въздрастъ съконьчание слова имать* (482.9—12). В ПНЧ канон отсутствует.

Калькирование греческого условно-относительного придаточного с частицей *ἄν*. Оглавление титула 4: *да имать власть (епископ) оставити а* [J, и ег. U] (т. е. свои вещи) *имъже аще* [J, от. U] *хощеть* (*οἷς ἄν βούλοιτο*) (247.4). При этом греческая частица *ἄν* была воспринята как условный союз ‘если’ (отсюда перевод *аще*), хотя в данном контексте этой функции у *ἄν* нет.

Спорные случаи синтаксического калькирования. Синтаксическое калькирование в НМ демонстрирует параллелизм с лексическим в отношении некоторых сложных случаев. Очевидно, что синтаксические кальки уверенно определяются только там, где можно говорить о заимствовании чуждой славянскому языку греческой синтаксической конструкции. Однако обнаружилось по меньшей мере одно явление (представленное двумя контекстами), которое не поддается однозначной интерпретации. Речь идет об использовании РП при числительных-наречиях, ср.:

²¹ Вашица реконструирует чтение *вздрастъ*, но испорченные формы *вздрастъ* (*воздрастъ*) свидетельствуют скорее о наличии в архетипе дублета ж. р. *вздрастъ*.

Апост. 37: *δις τοῦ ἐνιαυτοῦ* — двашдзы кожеждо лѣта [UJ] (357.2). В ЕК несколько иначе — дзвашьдзы лѣта (69.24).

Халк. 19: *δις τοῦ ἐνιαυτοῦ* — дваждзы кожеждо лѣта [U, на коеждо лѣто J] (357.20). В ЕК, как и в Апост. 37, иначе — дзвашьдзы лѣта (121.17). В ПНЧ оба канона отсутствуют.

На первый взгляд эти конструкции выглядят кальками с греческого, однако с точки зрения славянского синтаксиса они могут быть интерпретированы как разновидность родительного времени [Спринчак 1960: 135; Борковский, Кузнецов 1963: 428—429]. В этом случае придется рассматривать данные выражения как самостоятельные, вне связи форм род. п. с числительным-наречием. В отличие от НМ, форму ЕК дзвашьдзы лѣта следует однозначно расценить как кальку, поскольку славянский темпоральный родительный непременно требует при себе определения (ср. третьего дне, того лѣта, тояже зими и т. п.), которое в ЕК отсутствует. Таким образом, отсутствующее определение сигнализирует о чуждости этой конструкции славянскому синтаксису.

Избегание синтаксических калек. Наблюдения над переводческой техникой НМ показывают, что несмотря на отдельные случаи синтаксического калькирования, главной тенденцией памятника все же является избегание калек. В самом деле, наиболее употребительная инфинитивная конструкция греческого синтаксиса, отсутствующая в славянском — *accusativus cum infinitivo* — в НМ калькируется лишь дважды (см. выше). Чрезвычайно употребительный в греческом литературном языке субстантивированный инфинитив не калькируется совсем. Так же обстоит дело с многими другими синтаксическими явлениями греческого оригинала, к которым переводчик регулярно подыскивал славянские эквиваленты. Ниже приведены некоторые примеры того, как переводчик трактовал сложные случаи с чуждыми славянскому языку синтаксическими конструкциями.

Передача греческого винительного отношения (*accusativus relationis*). Апост. 57: *τὰς βλάβεις πεπληγμένους* ‘букв. поврежденный относительно ног’ — врьдѣнь ногъ имъи (309.4)²². В ЕК исконно славянская конструкция с *творительным отношением* [Борковский, Кузнецов 1963: 437—438]: ногамъ врьдѣнь (74.13).

Передача греческого родительного части (*genitivus partitivus*). Наряду с рассмотренным выше случаем калькирования греческого *genitivus partitivus* (оглавление титула 46)²³, в НМ имеется и противоположный пример, в котором греческий беспредложный родительный переводится исконно

²² Другие случаи избегания калек при переводе греческого *acc. relationis* отмечены в работе [Крысько 2006: 113, 180] (по материалам новгородских миней 1095—1097 гг.).

²³ *Περὶ τοῦ μὴ δεῖν ἀφαιρεῖσθαι τι τῶν ἐκκλησιαστικῶν* — ꙗко не достоить взимати ч(ь)ко ц(ь)рк(ь)вьнзихъ (260.11 = 349.17).

славянской конструкцией с предлогом *отъ*, ср. Ант. 1: *аще кто отъ ип(и)с(ко)пѣ ли отъ поповѣ ли отъ дьяконѣ... дързнуть... — εἰ δὲ τις τῶν... ἐπισκόπων ἢ πρεσβυτέρων ἢ διακόνων... τολμήσειεν...* (360.12—13).

Передача греческой конструкции πλὴν εἰ μὴ 'кроме (тех случаев), когда'. Эта конструкция дважды калькировалась (246.17; 320.19 — см. выше) и 4 раза переводилась более свободно, в духе славянского синтаксиса, ср.: *развѣ не* (254.12), *развѣ тѣкмо* (254.18), *развѣ* (255.23), *развѣ аще* [J, от. U] (304).

Рассмотренный в работе материал позволяет сформулировать ряд выводов, характеризующих примененную в НМ технику перевода.

1) Наличие калек в тексте НМ характеризует влияние греческого языка на язык памятника. В работе впервые сформулирован критерий выделения наиболее типичной разновидности лексических калек — структурно-семантических (иначе: словообразовательно-семантических). Согласно предложенной нами методике, для корректного вычленения таких калек недостаточно констатировать поверхностное сходство словообразовательной (морфемной) структуры славянского слова с его греческим образцом. Более важным критерием является основанный на реконструкции вывод об отсутствии той или иной «калькированной» модели в праславянской бытовой или культурной лексике. С этой точки зрения, например, слав. *изнѣсти* или *отпасти*, даже если они буквально повторяют греческие приставочные глаголы *ἐκφέρω* и *ἐκπίπτω*, не являются кальками с греческого (в противном случае такими кальками надо было бы признать, например, и нем. *aus-tragen* и *abfallen*, что неприемлемо). В исследовании было установлено, что количество строгих структурных (структурно-семантических) калек в НМ относительно невелико (чуть более 1 процента всех словоупотреблений памятника) и существенно не влияет на удобопонятность перевода. Принцип ясности остается в силе. Кроме строгих словообразовательных калек, в НМ употребляются и другие их типы — *нестрогие словообразовательные* кальки, *морфологические*, *семантические* и *фразеологические* кальки. Рассмотрены также немногочисленные *синтаксические* кальки и случаи, когда переводчик избегает таких калек, если они могут привести к неудобопонятности перевода (речь идет о таких отсутствующих в славянском греческих конструкциях как *accusativus cum infinitivo*, *accusativus relationis* и некоторых других).

2) Число лексических калек в НМ довольно велико, однако их обилие не следует переоценивать по следующим причинам. Как следует из приведенных цитат, подавляющее большинство таких калек носит не системный, а лишь окказиональный характер, поскольку они представлены единичными контекстами. Во многих случаях структурные кальки представляют собой не более чем синонимические варианты к другим, некалькированным словам. Следовательно, в лексической системе НМ кальки играют лишь маргинальную роль, служа вспомогательным средством терминообразования и лексического варьирования.

3) Чаще всего словообразовательно-семантическому калькированию подвергаются слова с первым формантом *εὐ-* и префиксальные сложения с *ἐκ-* (*ἐξ-*), *παρά-*, *περί-*, *πρό-*, *σύν-*, *ὑπερ-*.

4) Важнейшим следствием словообразовательно-семантического и морфологического калькирования является появление в языке новых терминов — неологизмов, ср.: *гроборъзна* (348.6) (греч. *τιμωρία*, *τιμωριάρχος* ‘грабитель могил’), *объходьникъ* (248.5), *объходитель* (272.21) (греч. *περιουσιτής* ‘приходящий священник’), *прѣстоуаще* (276.9) (греч. *παριστάμενον* ‘существо дела’), *странноприятие* (290.20) (греч. *ξενοδοχεῖον* ‘странноприимный дом’) и мн. др.

5) В результате семантического калькирования в языке появляются новые лексемы (новые значения у обиходных слов). Случаи семантического калькирования в НМ немногочисленны.

6) Отказ от систематического калькирования греческих терминов и синтаксических конструкций вводит НМ в группу так называемых «миссионерских» переводов (В. Вавжинек, Е. М. Верещагин), предназначенных для просвещения лишь недавно обращенных в христианство народов. Для таких переводов характерно последовательное проведение *принципа ясности* (Е. М. Верещагин).

Л и т е р а т у р а

Бенешевич 1907 — В. Н. Бенешевич. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. Вып. 1—3. СПб., 1906—1907 [репринт: Leipzig, 1974].

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Верещагин 1996 — Е. М. Верещагин. Кирилл и Мефодий как создатели первого литературного языка славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 306—319.

Гавранек 1963 — Б. Гавранек. Залог (*genera verbi*) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 15—100.

Голубинский 1901 — Е. [Е]. Голубинский. История русской Церкви. Т. I. Период первый. Киевский или домонгольский. Первая половина тома. 2-е изд. М., 1901 [переизд.: Slavistic Printings and Reprintings, 117/1. The Hague; Paris, 1969].

Даль I—IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1998.

Ефимова 2006 — В. С. Ефимова. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.

Ефремов 1974 — Л. П. Ефремов. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974.

Копыленко 1973 — М. М. Копыленко. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский Временник. Т. 34. 1973. С. 141—150.

Крысько 2006 — В. Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997 (переизд. с исправлениями и дополнениями — 2006).

Курц 1963 — Й. Курц. Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка // Исследования по синтаксису старославянского языка: Сб. статей. Прага, 1963. С. 5—14.

Максимович 1995 — К. А. Максимович. Византийская практика публичного покаяния в Древней Руси: терминология и проблемы рецепции // *Russica Romana*. Т. I. 1995. С. 7—24.

Максимович 1998 — К. А. Максимович. «Пандекты» Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.

Максимович 2001 — К. А. Максимович. К оценке вклада Кирилла и Мефодия в создание общеславянского книжно-письменного языка // *Palaeoslavica*. Vol. IX. 2001. С. 222—239.

Максимович 2003 — К. А. Максимович. Служебная майская минея как памятник древнеболгарского книжного языка (к новейшему изданию Путятиной минеи XI в.) // *Славяноведение*. 2003. № 6. С. 62—70.

Максимович 2004 — К. А. Максимович. **ЗАКОНЪ СОУДЪНЫИ ЛЮДЪМЪ**. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

Максимович 2006а — К. А. Максимович. Техника ранних славянских переводов с латыни (на материале пенитенциала «Заповеди святых отец») // *Byzantinoslavica*. Т. LXIV. 2006. С. 125—152.

Максимович 2006б — К. А. Максимович. Трансформации неличных конструкций византийского «Шестоднева» в переводе Иоанна экзарха Болгарского (Опыт количественного описания) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 113—128.

СК XI—XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

Сл XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—VIII. М., 1988—2008.

Сл XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.

Спринчак 1960 — Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). М., 1960.

Срезневский 1899 — И. И. Срезневский. Обзорение древних русских списков Кормчей книги // Сб. ОРЯС Имп. АН. Т. 65, № 2. СПб., 1899.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1—41. Л./СПб., 1965—2007.

ССУМ I—II — Словник староукраїнської мови. Т. I—II. Київ, 1977—1978.

Чернышева 1983 — М. И. Чернышева. О соотношении славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» и ее греческого текста (на материале портретной лексики) // Труды ОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 222—228.

Чернышева 1984 — М. И. Чернышева. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // ВЯ. № 2. 1984. С. 122—129.

Benešević 1937 — Ioannis Scholastici Synagoga L titulorum ceteraque eiusdem opera iuridica. / Ed. V. Benešević. Т. I. München, 1937.

Haderka 1964 — K. Haderka. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом в старославянских и церковнославянских памятниках // *Slavia*. Roč. XXXIII. 1964. С. 505—533.

Keipert 1988 — H. Keipert. Doppelübersetzung und Figura etymologica im metho-dianischen «Nomokanon» // E. G. Farrugia et al. (eds.). *Christianity among the Slavs*.

The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Roma, 1988. S. 245—259 [= *Orientalia Christiana Analecta*, 231].

Molnár 1985 — N. Molnár. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A theoretical examination of calque phenomena in the texts of the archaic Old Slavic gospel codices. Budapest, 1985.

Schumann 1958 — K. Schumann. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin; Wiesbaden, 1958.

Unbegaun 1932 — B. O. Unbegaun. Le calque dans les langues slaves littéraires // *Revue des études slaves*. T. XII. 1932.

Vašica, Nom — J. Vašica. Nomokánon // *Magnae Moraviae Fontes Historici*. IV. Brno, 1971. S. 205—363.

Vavřínek 1978 — V. Vavřínek. The Introduction of the Slavonic Liturgy and the Byzantine Missionary Policy // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert* / Hrsg. von V. Vavřínek. Praha, 1978. S. 255—281.

Večerka 1989 — R. Večerka (unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher). Alt-kirchenslavische (altbulgarische) Syntax. I. Die lineare Satzorganisation. Freiburg i. Br., 1989 [= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*. T. XXVII].

Večerka 1993 — R. Večerka (unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher). Alt-kirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. Freiburg i. Br., 1993 [= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*. T. XXXIV (XXVII, 2)].

Večerka 1996 — R. Večerka (unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher). Alt-kirchenslavische (altbulgarische) Syntax. III. Die Satztypen: der einfache Satz. Freiburg i. Br., 1996 [= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*. T. XXXVI (XXVII, 3)].

Večerka 2002 — R. Večerka (unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher). Alt-kirchenslavische (altbulgarische) Syntax. IV. Die Satztypen: der zusammengesetzte Satz. Freiburg i. Br., 2002 [= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*. T. XLVI (XXVII, 4)].

Večerka 2003 — R. Večerka (unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher). Alt-kirchenslavische (altbulgarische) Syntax. V. Registerband. Freiburg i. Br., 2003 [= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*. T. XLVI (XXVII, 5)].

Voß 2001 — Chr. Voß. Die altbulgarische Übersetzungstechnik in der frühen Symeonschen Epoche. Zu vier (angeblichen) Patristikübersetzungen Konstantins von Preslav // *Palaeobulgarica*. 2001. XXV, 4. S. 49—63.

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

**«СОГЛАСОВАНИЕ ВРЕМЕН»
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
(к вопросу о формировании относительного употребления времен
и косвенной речи в русском языке)**

0. В отличие от языков с классическим согласованием времен, в русском языке (как и в других славянских) в косвенной речи представлено относительное употребление временных форм: при передаче чужой речи (а также мысли, чувства, восприятия, т. е. любой установки) с помощью придаточного изъяснительного время в придаточном предложении определяется с точки зрения субъекта этой установки, т. е. того, чью мысль передает говорящий: *Он говорил, что уезжает; Я увидел, что идет дождь; Он обещал, что будет писать; Князь Андрей не только узнал, что он умрет, но он чувствовал, что он умирает, что он уже умер наполовину* (Л. Толстой) [Пешковский 1938: 431; Бондарко 1971: 113—115; Падучева 1996: 292—293, 337—340 и др., примеры из названных работ]. Значения временных форм интерпретируются относительно настоящего момента субъекта установки — в терминологии Е. В. Падучевой, синтаксически (синтаксический режим интерпретации времени) [Падучева 1996: 292—293, 340]. При этом все действительские отсылки заменяются на анафорические, т. е. ориентированы не на субъекта цитируемой речи в 1-м и 2-м лице, а на говорящего (повествователя) в 3-м лице — в соответствии с нормальными правилами перевода прямой речи в косвенную, действующими в языках с согласованием времен [Там же: 340—341]. Эту непоследовательность в оформлении косвенной речи в русском языке — относительную, т. е. синтаксическую интерпретацию временных форм при нарративной интерпретации форм лица и других компонентов контекста — считают свидетельством неразвитости разграничения прямой и косвенной речи («...разграничение прямой и косвенной речи находится у нас на самой ранней стадии развития») [Пешковский 1938: 432]¹; «Относительное употребление времен

¹ А. М. Пешковский обращал внимание на то, что даже «те единственные признаки косвенной речи» (замена действительских отсылок) в русской разговорной речи, причем и литературной, «часто не выдерживаются, так что косвенная речь смешивается с прямой» (примеры типа: *Звонит, что ах, не можете ли прие-*

в русском языке, т. е. отсутствие согласования времен, есть свидетельство слаборазвитого гипотаксиса» [Падучева 1996: 293]).

Относительное употребление времен в придаточных изъяснительных представлено уже в раннедревнерусских текстах, поэтому вряд ли в нем можно видеть только начальную стадию формирования косвенной речи, как предполагал А. М. Пешковский. Так же устроены соответствующие структуры и в других славянских языках — Ю. С. Маслов даже назвал это «славянским согласованием времен» (в противоположность «западноевропейскому») [Маслов 1984/2004: 238]. По-видимому, синтаксическая интерпретация времени в изъяснительных конструкциях складывается очень рано, скорее всего — еще в дописьменную эпоху. Однако тексты ранних древнерусских летописей дают интересный материал, проливающий свет на то, каков был механизм формирования нашего специфического «согласования времен» при передаче чужой установки.

Наиболее показательные данные по проблеме формирования относительного употребления времен в изъяснительных конструкциях дает Киевская летопись XII в. (КЛ). Этот факт сам по себе значим: Киевская летопись наиболее архаична по языку и в то же время не отличается книжностью; как показал А. А. Зализняк, прямая речь Киевской летописи более всех других ранних восточнославянских памятников близка по синтаксису берестяным грамотам, т. е. отражает некнижный древнерусский язык XII в. [Зализняк 2008а: 55, 67; 2008: 23—24, 84 и др.].

Косвенная речь в летописном тексте: союзные средства, дейктические и анафорические отсылки, опорные предикаты главной части

1. В КЛ изъяснительные конструкции с синтаксическим «согласованием времен» достаточно употребительны: зафиксировано более 160 случаев таких структур, из них более 120 с союзом *ажже*, около 20 случаев — с союзом *аже*, более 10 — с союзом *яко*, 4 случая с *како* и единичные случаи с местоименными словами *ижже*, *котории*, *где*.

Надо сказать, что распространенное представление о неформальности в языке древнерусских памятников косвенной речи и о свободном введении прямой речи с помощью изъяснительного союза не совсем точно. «Союзное введение прямой речи» возможно только для некоторых союзов, и это уже отмечалось исследователями [Преображенская 1991: 101—103, ср. 141]. Так, все исследователи отмечают употребление при вводе чужой речи союза *яко* без всяких изменений грамматических признаков прямой речи (конструкции типа: *И нача помышляти, яко избью всю братью свою*

хать...я больна) [Пешковский 1938: 431], — объясняется это, по его мнению, тем, что у нас еще не «выработаны формы косвенной речи» [Там же].

и *приму власть Русьскую един* ПВЛ, Лавр., л. 47 об.) [Булаховский 1950: 354; Борковский, Кузнецов 1965: 525; Преображенская 1991: 102—103 и др.] — М. Н. Преображенская даже рассматривает *яко* в контекстах с чужой речью как чисто формальное средство, маркирующее начало прямой речи и не несущее никаких других нагрузок [Там же]. В сходной роли в более поздних некнижных текстах отмечают употребление союза *что* [Булаховский 1950: 354]. Напротив, союз *оже* в роли такого маркера начала чужой речи, не требующего ее перестройки, не отмечался [Преображенская 1991: 141]. Данные КЛ подтверждают различие функций этих союзов, при этом вносят уточнения в их распределение.

Подчеркнем, что все названные случаи изъяснительных конструкций в КЛ — это конструкции с относительным употреблением времен и заменой дейктических отсылок на анафорические. Подавляющее большинство из них составляют конструкции с союзом *оже*, который выступает в КЛ как вполне регулярное средство введения косвенной речи. В роли маркера начала прямой речи, не требующего ее перестройки, союз *оже* в КЛ не употребляется.

Ср. типичные примеры изъяснительных конструкций с *оже* — временные формы в придаточном интерпретируются относительно момента восприятия (речи, мысли) персонажа, формы 1–2 лица заменены на анафорическое 3-е лицо: *И оувѣдавъ Изяславъ оже на нь хотѣть ратью поити про Ивана Юрославъ Мьстиславъ Володимиръ Андрѣви и посла къ брату Стославу Чернигову* (1159 г., л. 178 об.; *на нь* — на Изяслава); *И пожалишаси велми Ростиславичи оже ихъ лишаетъ Руською земли а брату своему Михалкови даеть Киевъ* (1174 г., л. 202 об.; *ихъ* — Ростиславичей, жалобу которых передает придаточное изъяснительное); *Игореви же башеть не любо. оже ему тако молвѣть дружина* (1185 г., л. 223); *Гюрги же то слышавъ оже ѿреклася ему Володимиръ (и) Изяславъ.и поиде ѿтуду на Бѣлувѣжю на Старую* (1149 г., л. 137 об.; *ѿреклася ему* — ‘отреклись от него’, т. е. от Гюргия); *И приде Стославу вѣсть.оже Изяславъ Мьстиславичъ пришелъ и городъ его взалъ* (1146 г., л. 123; *его* — принадлежащий Святославу) и др. (см. также примеры ниже, 2.2.).

Таким образом, будучи достаточно регулярным средством введения чужой установки в летописное повествование, союз *оже* вводит ее как косвенную речь — с ориентацией времени на настоящий момент персонажа и с перестройкой отсылок. Характерные признаки изъяснительных конструкций, известные нам в современном русском языке, в этих древнерусских конструкциях с союзом *оже* уже представлены.

Лишь в единичных случаях наблюдается нарушение в отсылках — некий «сбой» режима внутри косвенной речи, ср. контекст: *И не любяхоуть сего. Слговичи. браѣя Всеволожа.и поропташа на нь. оже любовь имѣть съ Мьстиславичи съ шюръями своими. а с нашими ворогы и осажальса ими около.а намъ на безголове и безъмѣтье.и собѣ. И тако молвахоуть емоу братья и доко(у)чивахоуть емоу поити ратью на*

Мьсти//славичи (1142 г., л. 115 об. — 116) — глагольные формы здесь стоят в правильном для синтаксического режима 3-м лице, однако 1-е лицо местоимений *нашими*, *намъ* указывает на речевой режим — перед нами известная в древнерусских не книжных текстах и проникающая в летописи смена ролевой структуры текста и режима его интерпретации в пределах небольшого фрагмента [Гиппиус 2004: 190—192], «скачки» из одного режима в другой. Показательно, что после этой косвенной речи летописец вводит фразу *И тако молвахоуть емоу братья*, характерную для отсылки к прямой речи, — к концу чужой речи автор, кажется, перешел к восприятию ее как прямой.

Еще в одном контексте формы лица глагола не требуют перестройки, а личное местоимение и пространственная отсылка даны дейктически — с позиции персонажа: *Володимеръ же то видѣвъ оже Киане бѣжати а сѣмо Чернии Клобуци за ны бдутъ и ре^ч...* (1150 г., л. 146; *сѣмо* ‘сюда’ — с позиции Владимира, так же как *за ны* ‘за нами’). Либо этот пример надо считать единственным в КЛ (из 120) случаем введения союзом *оже* прямой речи, либо — что кажется более вероятным — аналогично предыдущему, т. е. как «сбой» режима внутри косвенной речи (обратим внимание на характерный для косвенной речи окружающий контекст: *видѣвъ оже... и* + аорист — см. ниже, 2.2).

Отмеченные нарушения отсылок скорее являются для КЛ погрешностью, чем нормой. Абсолютное большинство изъяснительных конструкций с *оже* подобных отклонений не имеет.

Встречающиеся в КЛ в той же роли союзы *аже*, *яко* и *како* могут оформлять вводимую чужую установку и как косвенную речь, и как прямую.

Союз *аже* (*ажь*) употребляется в изъяснительных конструкциях в КЛ значительно реже, чем *оже*, причем все примеры сосредоточены в поздней части летописи (записи 70—90-х гг. XII в.). Ср. употребления, аналогичные приведенным выше примерам с *оже*: *Слышавъ же Романъ. аже Всеволодъ взалъ волость подъ нимъ оу Рюрика а Торцькыи далъ опать шюриноу его под нимъ. Романъ же поча слатиса к ѿтю своему жалоуяса про волость...* (1195 г., л. 236 об.; *под нимъ* — под Романом, т. е. находившуюся во владении Романа область Всеволод взял (получил) от Рюрика, тестя Романа, к которому Роман потом и обращается с претензиями); *Слышавъ же Рюрикъ. аже ис Полоного ехавше воевали волость брата его Двдоу и сна его Ростиславлю.и того дѣла хотѣ ити на зятя своего* (1196 г., л. 239 об.; *его* — Рюрика, т. е. воспринимающего персонажа) и др.

Интересно, что в том же рассказе о распре между князьями под 1195 г. встречается употребление *аже* при введении прямой речи — с сохранением форм 1—2 лица: *Рюрикъ же посла к Романови повѣдаа ему.аже Всеволодъ просить подъ тобою волости. а жалоується на мене про тебе* (1195 г., л. 236) — здесь *аже* оказывается таким же «пустым» маркером начала чужой речи, не объединяющим ее в единый текст с вводящим предложением, как, по данным исследователей, союз *яко* (см. выше).

Союз *яко*, преимущественно книжный², встречается в КЛ при введении чужой речи еще реже, при этом в большинстве случаев он вводит придаточное изъяснительное, трансформированное по типу косвенной речи, а не прямое высказывание персонажа. Ср. контексты косвенной речи, аналогичные приведенным выше контекстам с *оже* и *аже*: *И бы^с ему вѣсть, яко не дождали Половци соньма его. ѡхалѣ воевать* (X., П. — *воевати*) и *воюють* (1172 г., л. 198 об.); *Романъ же поча слатиса к ѡтцю своему жалоуаса про волость мнѣвъ яко же смолвиса со Всеволодомъ ѡяль оу него волость.сна своего дѣла* (1195 г., л. 236 об.) и др. — *его, оу него* в этих контекстах отсылает к субъекту установки, время в придаточном ориентировано относительно его настоящего момента.

Тот же союз встречается и при введении прямой речи — с сохранением речевого режима, ср.: *Изяславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Вячьславу рекуча ако* (X., П. — *яко*) *то са суть воротили поѣдемы* (1 лицо) *по нихъ* (1151 г., л. 156 об.).

Оба эти типа употребления представлены в КЛ и для редко встречающегося в роли средства введения чужой речи союза *како*. Ср. при введении косвенной речи: *Изяславъ же пришедь къ Киеву и посла къ брату своему Ростиславу Смоленьску и повѣда ему како са с королемъ видилъ въ здоровьи и како бѣ пособилъ има побѣдити Володимира Галичского и въ здоровьи бѣ привель опять в Русскую землю* (1152 г., л. 164; *има* — говорящему персонажу (Изяславу) совместно с угорским королем).

Ср. *како* при введении прямой речи без изменения дейктических отсылок — правда, это прямая речь внутри прямой речи (пространного послания Вячеслава и Изяслава угорскому королю), но синтаксическая структура остается той же, что мы обсуждали выше: <следует длинный текст с заверениями в верности и просьбой оказать помощь, в котором авторы послания (Вячеслав и Изяслав) последовательно называются в 1 лице дв. ч.) ...ны^н же брате сеѣ весны помози на.дажъ будѣвѣ сеѣ весны вѣ порозна.а вѣ будѣвѣ съ своими полкы тобѣ в помочь.паки ли са ты ѿ ѡря оуправиши.а ты буди намъ (X., П. — *нама*, что, видимо, первично) *помощни(к) а все ти скажуть твои мужи. и братъ твои Мьстиславъ како ны бѣ помогль и паки како са по на^с яла Руская земля вса* (1151 г., л. 152 об.) — ‘ты будь нам (двоим) помощник, и скажут тебе твои люди и брат твой Мстислав, что «Нам (мн. ч.) Бог помог» и еще что «За нами (мн. ч.) пошла вся Русская земля»’ — 1 лицо мн., а не дв. числа местоимений *ны, по насъ* подтверждают переход к прямой речи «мужей» угорского короля.

В единичных примерах в конструкциях типа косвенной речи встречаются союзные слова, ср.: *И бы^с сѣца зла и биша^с ѿ полудне до вечера.и бѣ*

² Союз *яко* характерен прежде всего для церковнославянского языка, однако, как показали данные не книжных берестяных грамот XII в., «этот союз в какой-то части древненовгородских говоров существовал» [Зализняк 2004: 252]; ср. также приводимые исследователями примеры с *яко*, вводящим прямую речь, из «Русской правды» [Булаховский 1950: 354; Борковский, Кузнецов 1965: 525].

межи ими сматение.и не видахуть (X., П. — вѣдяху) *которици суть побѣдили* (1153 г., л. 168) и др.

Таким образом, в КЛ уже достаточно широко представлены изъяснительные конструкции типа косвенной речи с синтаксическим режимом интерпретации времени и заменой форм 1—2 лица на 3 лицо, свидетельствующей об объединении чужой речи и вводящего текста повествователя в единое высказывание. Для конструкций с союзом *оже* косвенную речь можно считать в основном сложившейся. Конструкции с союзами *ажже*, *яко* и *како* демонстрируют колебания, показывающие, что требование замены дейктических отсылок при введении этих союзов еще не было обязательным, хотя конструкции с преобразованием уже преобладали. Именно эта операция, и только она, превращала текст прямой речи в часть единого высказывания с косвенной речью — употребление временных форм изменений не требовало, т. к. оставалось ориентированным на время персонажа.

Обратим также внимание на то, при каких **предикатах главной части** выступают изъяснительные конструкции типа косвенной речи. Чаще всего это ментальные и перцептивные глаголы и существительное *вѣсть* — см. примеры выше конструкций типа *слышавъ, оже (ажже)... пришли; слыша, оже... идетъ; оувѣдавъ, оже на нь хотать поити; приде (бысть) ему вѣсть, оже... идетъ на нь* и под., ср. также: *Володимеръ же то видѣвъ оже Киане бѣжати...* (1150 г., л. 146); *Мьстиславъ же оуразумѣвъ оже извѣтомъ оу него проситъ...* (1170 г., л. 194) и под.; ср. также при модальных предикатах: *Игореви же блъшетъ не любо.оже ему тако молвати* (1185 г., л. 223); *Всеволодъ же не хота того.оже са бра^{тн}а съвъкоупила* (1142 г., л. 115 об.) и др.

Однако нередко встречаются изъяснительные конструкции и при глаголах речи, т. е. косвенная речь в узком смысле слова, ср.: *повѣдаша ему.оже король оуже идетъ на нь* (1150 г., л. 147 об.); *приѣха къ ѿцу своему и повѣдѣ оже Половци прочь пошли* (1154 г., л. 169 об.); *То же слышавъ Оуглѣбъ.прибѣже ко кнзю Изаславоу и сказа емоу.оже его ѿстоупили кнзи Черниговьскии и цѣловали на нь хр^тъ* (1147 г., л. 126 об.) и др., см. также приведенные выше примеры: *И пожалишаси велми Ростиславичи оже ихъ лишаетъ Руськои земли...* (1174 г., л. 202 об.) и др.

При тех же самых предикатах в КЛ встречается и прямая речь, ср.: *и повѣдаша ему. вѣа ти (2 лицо) Вячеслава бѣ поаль* (1154 г., л. 170); *И бы^т ему вѣсть. Братъ ти (2 лицо) оумерлъ Вячеславъ.а Ростиславъ побѣженъ. а Изаславъ Дѣдвчъ сѣдитъ Киевѣ* (1154 г., л. 171—171 об.).

Однако такая вариативность возможна не при любом глаголе. В целом при глаголах речи значительно чаще встречается прямая речь, а основной глагол речи (*рече, рекоша, река* и т. д.), как и книжный *глаголати*, вообще не зафиксированы в конструкциях косвенной речи. При глаголах же восприятия-получения знания и существительном *вѣсть* решительно преобладает «косвенная» передача содержания соответствующего сообщения, а при глаголах *слышати* и *видѣти* ‘слышать / видеть / узнать’ ее оформле-

ние по типу прямой речи не отмечено совсем. Возможно, именно при словах последней группы изъяснительные конструкции оформились раньше всего. Напротив, при глаголах речи в эпоху создания КЛ косвенная речь менее употребительна, чем прямая, и возможна только для глаголов с семантикой 'рассказать', 'сообщить' (*повѣдати, съказати* и др.), но не для глаголов с семантикой 'сказать'. Как мы видим, КЛ отражает состояние грамматической системы, когда сфера употребления изъяснительных конструкций типа косвенной речи была уже, чем в современном русском языке, и не охватывала структур с основными семантически первичными глаголами речи типа 'сказать'³. По-видимому, в эту эпоху шел процесс распространения данных структур на новые семантические типы слов, обозначающих установку персонажа. На глаголы речи они, видимо, распространяются под влиянием конструкций с глаголами типа 'узнать' (с 'узнать' переносится на 'сообщить, рассказать', а уже впоследствии на 'сказать').

Режимы интерпретации текста и временные формы

2. Особенно интересные данные относительно механизма выработки грамматических особенностей косвенной речи, представляемые КЛ, связаны с употреблением временных форм. Современный русский язык, утративший сложную систему прошедших времен, не дает возможности пронаблюдать те различия, которые сохраняет ранняя летопись.

Как мы уже видели, в тексте летописи представлены все три режима интерпретации времени: 1) речевой — в прямой речи персонажей (независимо от того, вводилась ли она бессоюзно или изъяснительным союзом); 2) нарративный — в повествовании летописца; 3) синтаксический — в косвенной речи (в широком смысле, т. е. в изъяснительных конструкциях, передающих чужую установку). Для этих режимов в летописи XII в. характерен разный набор временных форм — архаичная КЛ эти различия очень хорошо выявляет.

Рассмотрим сначала системы временных форм, представленные в прямой речи персонажей КЛ, с одной стороны, и в авторском повествовании летописца — с другой. В сфере прошедших времен эти два основных режима интерпретации значений времени достаточно четко противопоставлены.

2.1. В прямой речи персонажей в КЛ обычно употребляются **презенс**⁴, **перфект** и **«русский» плюсквамперфект**; случаи употребления аориста и

³ Ср. списки семантических примитивов А. Вежбицкой, в число которых входит 'сказать' (см. об этом [Апресян 1995: 476]).

⁴ В сфере не прошедшего времени отмечается также употребление структуры перфектной группы «буду + -л» (так наз. «будущего сложного II», или «предположительного наклонения» [Зализняк 2004: 177]), например: *Да аче стрьи придетъ на та Дюрги понѣ ты са с людми оутвердитъ будещи* (1154 г., л. 170 об.) и др.

книжного плюсквамперфекта единичны и скорее являются отклонением от нормы данного памятника.

Употребление презенса (обоих видов — в значении настоящего или будущего времени) в интересующем нас аспекте комментария не требует. Перфект, имеющий в речевом режиме, как правило, перфектное значение, часто употребляется в одних контекстах с презенсом, ср. типичные контексты: *Стрѣи ти оумерлъ а по Гдга ти послали а дру//жина ти по городомъ далече а князѣи сѣдѣтъ въ изумѣни с дѣтми а товара множество оу нека а поѣди вборзѣ Гдгъ ти ѣще не вѣхалъ а по своеи воли възмѣши р(а)дѣ с нимъ* (1165 г., л. 186 об. — 187) — обратим внимание на характерный для речевого режима не книжный синтаксис с введением каждой новой предикативной единицы союзом *а*, на формы 2-го лица глаголов (в том числе в императиве) и местоимений, дейктические частицы; *Ты брате к намъ крѣтъ целовалъ на Романовѣ раду тако же нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ в Киевѣ дажѣ стоиши в томъ раду то ты намъ братъ пакы ли поминаеши давныа тажа которыи былѣ при Ростиславѣ то стоупилъ еси раду мы са в то не дамы* (1190 г., л. 232); *Мы пошли до Киева... намъ ли иноѣ рати искати//то не можемъ оуже са есмы изнемоглѣ* (1185 г., л. 225 об. — 226) и др.

Формы 3 лица перфекта в абсолютном большинстве случаев связки не имеют — как, по данным берестяных грамот, в живом языке этого времени [Зализняк 2004: 179—180]. В формах 1—2 лица связка перфекта выполняет функцию показателя лица и опускается при наличии местоимения (см. приведенные примеры). В летописи, правда, — в отличие от берестяных грамот — возможно и сохранение связки 1—2 лица в контексте с местоимением (структуры типа: *Вы есте нарекли ма во своемъ племени во Володимерѣ старѣишаго* 1195 г., л. 236); вопрос о том, является ли «это отличие от берестяных грамот чисто стилистическим или диалектным, требует дополнительного изучения» [Зализняк 2004: 179], см. также [Шевелева 2002: 60] — в более поздних летописях такие построения сохраняются уже только как принадлежность традиции [Шевелева 2006: 225; 2008: 221].

Аорист в прямой речи в КЛ встречается редко. Надо сказать, что вообще употребление славянского аориста в речевом режиме, где он, как правило, приобретает перфектное значение, всегда было возможно: как показывают уже древнейшие славянские тексты, этот «индефинитный» претерит изначально допускал употребление в прямой речи (или авторских перформативных и под. высказываниях, ориентированных на момент речи говорящего) и под влиянием соответствующего контекста мог получать перфектное значение. Такие употребления хорошо известны в старосла-

Конструкции *имамъ, хочу, начну* с инфинитивом (так наз. «будущее сложное I») тоже представлены, однако они не специфичны для непрошедшего времени и речевого режима, поскольку в тех же значениях возможны и в претеритных формах в нарративе, см. [Борковский, Кузнецов 1965: 277; Юрьева 2006].

вянских памятниках, ср., например, евангельские контексты: **въ вѣрѣма оно оуслышавъ иродъ тетрархъ слоухъ нсвъ.і рече отрокомъ своимъ. съ естъ иоанъ крѣстителъ. тѣ вѣскресе отъ мрѣтвухъ. і сего ради силы дѣжитъ са о немъ** (Мар.Ев., Мф. XIV); **се вльсви отъ вѣстокъ придж въ ерѣлмъ глжще. кѣде естъ рожды са црѣ иудѣискъ. видѣхомъ во звѣздж его на вѣстоцѣ и придохомъ поклонитъ са емоу** (Савв.кн., Мф. II); ср. в Притче о блудном сыне: **въставъ идж къ оцю моемоу і рекж емоу. ѡче съгрѣшихъ на нѣво і прѣдъ твоиж. юже нѣсмъ достоинъ нарешти са снѣ твоі** (Зогр.Ев., Лк. XV) и др. — во всех этих контекстах прямой речи, задающих ориентацию на момент речи персонажа, аорист имеет явно перфектное значение, обозначая действие, результат которого налицо в момент речи. В старославянских текстах нередко наблюдается колебание перфекта/аориста в сходных контекстных условиях, ср. **отроковница нѣстъ оумрѣла нѣ съпитъ** (Мк. V, 39) — **дѣшти твоѣ оумрѣтъ** (Мк. V, 35) и под., см. об этом [Вайан 1952: 381—382; Кузнецов 1961: 83—84], что позволило исследователям говорить о факультативности выбора между аористом и перфектом в подобных контекстах (А. Вайан) и о стилистических различиях между ними (П. С. Кузнецов) — семантические различия здесь очень тонки и связаны с тем, имеем ли мы дело с основным грамматическим значением формы (перфект) или с «наведенным» от контекста (аорист). Такие отношения славянских перфекта и аориста, видимо, характеризовали систему прошедших времен уже в позднепраславянскую эпоху и отражены в старославянском языке. Подобная ситуация представлена и в современном болгарском языке, сохранившем сложную систему прошедших времен, см. [Маслов 1959: 282; 1984/2004: 62]

На это обстоятельство важно специально обратить внимание в связи с широко распространенным представлением, что употребление аориста в контекстах перфектности, встречающееся в восточнославянских памятниках, есть нарушение грамматической правильности и тем самым отражает утрату аориста в живом языке восточных славян, см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 330—331; Успенский 2002: 216—217] и др. Рассматриваемые обычно контексты с аористом в перфектном значении типа перформативных формул грамот: *Се азъ князь Гѣлександръ и снѣ мои Дмитрии... и съ всѣми новгородци докончахомъ миръ с посломъ нѣмѣцкымъ...* (Новг.грам. 1262—1263 гг.) и под. — или из летописей вроде диалога Ольги с древлянами из ПВЛ под 945 г.: *...и возва е Гѣльга к собѣ.[и ре^ч имъ.] Добри гостѣе придоша. И рѣша деревляне. Придохомъ княгине* и далее (Лавр., л. 15) — в действительности совершенно аналогичны приведенным выше контекстам из старославянских памятников, которые вряд ли можно заподозрить в грамматической неправильности употребления форм прошедшего времени. Прав был П. С. Кузнецов, когда писал, что перфектность выражалась в ранних славянских текстах особой формой лишь тогда, «когда говорящий специально фиксирует на ней внимание», — без такого специального подчеркивания нормально использование аориста [Кузнецов 1953:

233]. Подобное употребление аориста в восточнославянских памятниках ни ч е г о не говорит о статусе этой формы в живом древнерусском языке.

В ПВЛ такое употребление аориста в прямой речи представлено широко, в более поздних летописях — реже, с разной степенью частотности. В КЛ, как мы уже сказали, аорист в речевом режиме встречается редко, хотя отдельные подобные примеры есть, ср.: *Тоу же к нимъ и сторожеви приѣхаша...и рекоша приѣхавше видихомса с ратными. ратници ваши соз (sic!) доспѣхомъ ѣздати. да или поѣдете борзо или возворотиса* (X., П. — *възворотимся*) *домовъ. како не наше есть верема* (1185 г., л. 223 об.) — употребление аориста *видихомъ* с перфектным значением здесь аналогично приведенным контекстам из старославянских текстов (ср. *видѣхомъ бо звѣздаж его на въстоцѣ* Мф. II) и из ПВЛ. Однако для КЛ XII в. такое употребление нетипично — очевидно, в связи с высокой степенью близости прямой речи персонажей к живому языку своего времени (см. выше), где простые претериты, по всей видимости, уже отсутствовали в разговорном употреблении, уж во всяком случае — в речевом режиме.

С тем же связано употребление в прямой речи в КЛ «русского», а не книжного плюсквамперфекта. «Русский» плюсквамперфект типа *быль* + -л- и церковнославянский типа *бѣ* (*баше*) + -л- оказываются в КЛ распределенными прежде всего по сферам (режимам) употребления: некнижная форма представлена преимущественно в прямой речи персонажей (14 случаев в прямой речи: 3 случая в нарративе), книжная — в абсолютном большинстве случаев в летописном нарративе (на более чем 260 случаев книжного плюсквамперфекта только в 4-х он употреблен в прямой речи), см. подробнее [Шевелева 2007: 232—246]. Чаще всего «русский» плюсквамперфект имеет значение отмененного или недостигнутого результата — антирезультативное, развивающееся из исконного смещенно-перфектного значения в контексте противопоставления последующему положению дел [Там же]. В прямой речи потребность в использовании плюсквамперфекта обычно и возникает тогда, когда необходимо противопоставить положение дел в прошлом изменившейся ситуации в момент речи, поэтому именно в речевом режиме для плюсквамперфекта характерно развитие антирезультативного значения, см. [Маслов 1959: 281; 1987/2004: 442; Шевелева 2007: 217—218, 243—246], ср. примеры из КЛ: *...а оуже брате кде есме были доумали поити на стрѣя своего. то оуже тамо не ходи. но поиди сѣмо ко мнѣ* (1147 г., л. 127 об.); *Се прислалъ са еси к нама. а се нама далъ та былъ бѣ и волость твою по твои винѣ. нынѣ же ти гнѣва ѿдаевѣ и волости подѣ тобою не ѿимаевѣ* (1152 г., л. 163) и под., см. подробнее [Шевелева 2007: 243—245].

В единичных случаях употребления книжного плюсквамперфекта в прямой речи он тоже получает антирезультативное значение, развитию которого благоприятствует речевой режим, ср. с приведенными выше контекстами с некнижной формой: *По сем же посла Стославъ по Дѣдвѣ Смоленскоу река. рекли бахомъ поити на Половци и лѣтовати на Донѣ. нынѣ же*

Половци се побѣдилѣ Игоря и брата его (с)снѣмъ. а поеди брате постережи землѣ Роуско(и)ѣ (1185 г., л. 225 об.) и др., см. [Шевелева 2007: 239—240]⁵.

Различие в употребительности нового («русского») и исконного (церковнославянского) плюсквамперфекта в прямой речи связано не с семантикой, а с распределением их по типам режима (речевой режим — «русская» некнижная форма, нарративный — церковнославянская книжная), и это распределение, как и в случае с аористом/перфектом, обусловлено близостью прямой речи в КЛ живому разговорному употреблению.

2.2. В повествовании летописца — нарративном режиме — в КЛ в нормальном случае употребляются **аорист, имперфект и книжный плюсквамперфект**; в единичных случаях встречается употребление перфекта 3 лица (без связи) и «русского» плюсквамперфекта.

Употребление простых претеритов в летописном нарративе представлено многочисленными примерами и не требует специального комментария в интересующем нас аспекте. Аорист и несколько реже встречающийся в силу специфики своей семантики имперфект являются в КЛ важнейшим признаком режима авторского повествования (см. также ниже, 2.3.).

Перфект (без связи) в нарративе — в роли уже универсального *-л-претерита* — отмечен в КЛ лишь несколькими примерами в записях конца XII в. (80—90-х гг.). В 4-х случаях здесь перфект используется в аористном значении, причем во всех это форма *даль*, очень частотная в летописи в нормальных для перфекта контекстах перфектности и, кроме того, практически формульная в деловых документах этого времени, — все это могло способствовать закреплению прошедшего времени глагола *дати* именно в данной форме и выходу ее за пределы прямой речи в нарратив. К тому же во всех этих контекстах могли сработать и дополнительные факторы, «наводящие» употребление *-л-претерита*. Так, в рассказе о примирении Рюрика со Всеволодом под 1195 г. перфект *даль* в нарративе следует непосредственно после прямой речи, где все глаголы стоят в перфекте, — летописец здесь «забывает переключиться» в нарратив, допуская «сбой» в выборе необходимой для этого режима временной формы: *Рюрикъ же сдоума с братьею и моужи своими и посла ко Всеволодоу река емоу. Ажь брате жаловался на мене про волость.которыя же еси просилъ и даль Рюрикъ Всеволодоу .ѣ. городовъ Торцькыи Корсунъ Бѣоуслаль. Треполь. Каневъ и оутвердишиа крѣтмомъ.чѣтнымъ на всеи любви своеи. и да (X., П. списки — да!) Всеволодъ Торцькыи зяти своему Ростиславоу Рюриковичю.а в иныи горьды (sic) посла посадникы своя (1195 г., л. 236 об.)* — обратим внимание, что все последующие глагольные формы того же авторского повествования — уже правильные для нарратива аористы, однако

⁵ Проблема семантики обеих форм плюсквамперфекта и их употребления в КЛ и СЛ специально посвящены работы [Шевелева 2007; 2008].

в X. и П. списках и во втором случае с этим глаголом читается *дал*, так что исконное чтение КЛ здесь остается неясным.

В рассказе о последних распоряжениях смоленского князя Давида нарративный фрагмент с формой *далъ* оказывается в окружении молитвенных обращений князя, представляющих речевой режим, а непосредственно предшествует этому фрагменту выдержанное в агиографической стилистике сообщение летописца о решении благочестивого князя и его княгини принять постриг — переход после него к «обычному» летописному повествованию тоже, видимо, способствовал «сбою» в выборе нужной для нарратива временной формы: *...И не лиши бѣ хотѣнїа его. но причте и ко избраньному своему стадоу. в ликъ мнишьскїи. сподобленъ же бывъ ѿ Творца своего англѣкого чиноу и радовашеся дѣшею и тѣломъ. и видивше же княгини его приимши мнискїи чинъ и пострижеся и сама княгини его Дѣвѣ же столь свои далъ снѡвцю своему Мъстиславоу Романовичю. а снѡ своего Костантина в Роусь посла братоу своему Рюрикови на роуцѣ. а самого несоши больна соуца в монастырь къ стѡма мѣнкоу Борисуу и Глѣбоу на Смдыноу. и вшедъ в манастирь въздѣвъ роуцѣ свои на нѡ. молашеся глѣ...* (1197 г., л. 241 об. — 242).

В рассказе о распре между Рюриком и Святославом перфект *не далъ* также следует после прямой речи, а кроме того он мог пониматься здесь и в перфектном значении, поскольку относится к подлежащему *бѣ* (результаты деяний Всевышнего могли мыслиться как существующие в настоящем): *Како еси послалъ снѡ своего ко королеви. а со мною не спрошавсѣ. состоупилсѣ еси радоу. и бывши распрѣ мнозѣ. но преблгыи бѣ не далъ радости дѣяволу. но снидошасѣ крѣтньмъ цѣлованиемъ* (1189 г., л. 230).

Еще в одном контексте перфект *далъ* с аористным значением выступает в нормальном нарративе, однако в предыдущей фразе в «симметричной» нашему предложению с *далъ* конструкции с *же*, вводящей уточняющую информацию, представлен перфект *нести бывала* в значении отсутствия существования когда бы то ни было в прошлом вплоть до настоящего момента, соотнесенный с моментом речи повествователя (о формах типа *нѣсть / не бывала* см. ниже), который мог спровоцировать появление перфекта и в последующем нарративе: *Створи же Рюрикъ Ростиславоу велми силноу свадбоу. ака же несть бывала в Роуси. и быша на свадбѣ кнзи мнози за .к. кнзѣи. сносѣ же свои далъ мнози дары и городъ Брагинь. такова же свата и с болры ѡпусти ко Всеволодоу в Соуждаль с великою чѣтью* (1187 г., л. 229).

Лишь в одном случае представлена -л-форма в аористном значении не от глагола *дати*, однако это чтение вряд ли принадлежит первоначальному тексту КЛ, поскольку имеется только в Ипат. списке, а в X. и П. списках в соответствии с ним читается синтаксически более уместное в данном контексте причастие: *И приде Володимерь ко королеви. король же поималъ* (X., П. списки — *пое^н*) *Володимера и со всеми поиде к Галичю* (1188 г., л. 229 об.).

Как мы видим, немногочисленные употребления *-л-*претерита в аористном значении в нарративе являются некоторым нарушением нормального для КЛ распределения временных форм и, как правило, объясняются специальными обстоятельствами. КЛ в этом отношении очень архаична — архаичнее, например, чем СЛ за тот же XII в., где перфект в аористном употреблении все же представлен бóльшим числом примеров (11 случаев [Шевелева 2002: 58], о перфекте в СЛ см. также [Кузнецов 1959: 218; Кленин 1993]).

Специально надо остановиться на формах перфекта типа *нѣсть / не бывала*, встречающихся в КЛ в летописном повествовании, см. приведенный выше контекст под 1187 г. С тем же значением ‘никогда — вплоть до настоящего времени — не имело место существование данного факта’ встречается в КЛ и форма без связки *не бывала(-ло)* — и в прямой речи персонажей, и, как в приведенном выше случае со связкой, в авторском повествовании, ср.: *Брате. намъ с тобою не бывало николиже лиха* (1195 г., л. 237 об.); *И на тоу осень бы^ѣ зима зла велми. такоиже в нашоу память не бывала* (X., П. — *не бывало*) *николиже* (1187 г., л. 227 об.); *И бы^ѣ скорбь и тоу//га люта. какоже николиже не бывала во всемъ Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверскомѣ* (1185 г., л. 225—225 об.) и др. — обратим внимание на указывающие на соотнесенность с моментом речи говорящего дейктически ориентированные обстоятельства *николиже, в нашоу память*.

В сходных контекстах в КЛ может употребляться и неитеративная форма бытийного глагола *не былъ (-о, -а)*, ср.: *И бы^ѣ морь в кони^ѣ въ вси^ѣ вои^ѣ его какоже не былъ николиже* (1154 г., л. 168 об.); *Том же лѣ^{тѣ} погорѣ Ростовъ и цркви вси.и сборнаа дивнаа великаа цркви стоа бца якоа же не было николиже ни будеть* (1161 г., л. 183) и др. — в последнем примере особенно показательна форма *ни будеть*, указывающая на ориентацию непосредственно на момент речи говорящего. Различия в семантике *не было* и *не бывало* связаны со спецификой значения итеративности в контексте отрицания⁶ — в обоих случаях эти формы перфекта глаголов *быти* и *бывати* употребляются в контексте непосредственной соотнесенности с моментом речи говорящего, т. е. не в собственно нарративном режиме и не в противоречии с исконным перфектным значением формы. Специфика временного значения таких форм типа *не бывала* (*нѣсть бывала*), *не было николиже* требует специального обсуждения, поскольку перфектность здесь оказывается «углубленной» в своем первом временном плане неограниченно далеко, т. е. фактически включает в себя плюсквамперфектность (ср. традиционную трактовку подобных форм на *-ивал* как давнопрошед-

⁶ См. об этом у Б. А. Успенского: «Поскольку в итеративной форме подчеркнут составной характер соответствующего действия, сочетание отрицательной частицы с такого рода формой усиливает отрицание: подчеркивается именно, что ни один из моментов, составляющих данное действие, не имел места» [Успенский 1993: 124]. Соответственно, итеративная форма сама выражает семантический компонент ‘никогда’, для простой же формы он задается контекстом.

шего времени — см. об этом: [Кузнецов 1953: 261—267; 1959: 265; Успенский 1993: 118—126 и др.]⁷. Сейчас нам важно констатировать, что употребление этих форм перфекта (со связкой или без нее) в летописном повествовании не является отклонением от установленной для КЛ закономерности не употреблять перфект в нарративе, поскольку данный тип контекста собственно нарративный режим не представляет.

Помимо аориста и имперфекта, в нарративном режиме в КЛ регулярно употребляется книжный плюсквамперфект. Как уже отмечалось в [Шевелева 2007: 232—234], плюсквамперфект в КЛ не является, вопреки распространенному мнению, факультативно используемой формой — он употребляется вполне последовательно для выражения смещенно-перфектного значения в контекстах возврата к более ранним событиям, актуальным для времени основного повествования. Потребность в выражении этого значения и использовании плюсквамперфекта возникала обычно тогда, когда надо было дать некоторую поясняющую информацию относительно положения дел в описываемый момент летописного времени — отсюда возврат к более раннему событию (событиям), это положение обусловившему. На основной линии повествования при этом локализуется результат более раннего действия, синхронизированный с действием (-ями) основной цепи событий, само же сообщение об этом более раннем событии представляет временной регресс, см. подробнее [Шевелева 2008: 229—231]. Ср. характерные примеры: *Въ то же веремѣ Издаславъ посла Киеву къ брату своему Володимеру. того бо блшеть оставилъ Издаславъ в Киевѣ. и къ митрополиту Климови и къ Лазореви тысласкому. и ре^т имъ...* (1147 г., л. 127 об.) — обратим внимание, как предложение с плюсквамперфектом, поясняющее, почему Владимир находился к моменту описываемых событий в Киеве, «вклинивается» в ряд однородных дополнений-адресатов главного предложения; *Кназем же Роускимъ нѣлзѣ бѣ ѣхати по ни^х оуже борзо. сполонилса блшеть Днѣпръ* (1187 г., л. 227); *Тоу же к нимъ и сторожеви приѣхаша. ихже бахуть послалѣ языка ловить* (1185 г., л. 223 об.) и др.

В случаях, когда в контексте содержится указание на аннулированность или недостижимость результата обозначенного плюсквамперфектом действия, книжный плюсквамперфект получает антирезультативное значение — антирезультативность здесь задается, как и в прямой речи (см. выше), контекстом противопоставления последующему положению дел, ср.: *...и много дѣшъ отполонилса. иже бахуть взяли Половци* (1160 г., л. 180 об.); *Том же лѣ^т ходи Рогъволодъ с Полтчаны на Рославнаго Глѣбовича къ Мѣньску послалѣ же блше Ростиславъ ис Киева по//мочь Рогъволоду съ Жирославомъ съ Нажировиче^т. х. а ты померше голодомъ* (1160 г., л. 180 об. — 181) и др., см. подробнее [Шевелева 2007: 237—239].

⁷ Аналогичных итеративных образований от других глаголов, как и соответствующего употребления неитеративных форм, в КЛ не зафиксировано.

Важно специально подчеркнуть, что плюсквамперфект не является в обсуждаемом нами смысле относительным временем: точка отсчета времени здесь никуда не перемещается, а остается на позиции повествователя, и именно повествователь-летописец остается «хозяином» этого времени, с позиции повествователя осуществляется регресс к более ранним событиям, его потребностями организации изложения фактов в их истории вызвано использование плюсквамперфекта. Это не относительное употребление времени в смысле интерпретации его значения относительно настоящего момента персонажа — плюсквамперфект интерпретируется в нарративном режиме. В синтаксическом режиме интерпретации текста плюсквамперфект в КЛ не употребляется (см. ниже, 3.).

В редких случаях в нарративе употребляется в КЛ «русский» плюсквамперфект. Как уже говорилось (2.1.), его преимущественная связь с прямой речью обусловлена, очевидно, книжным характером формы и близостью прямой речи КЛ разговорному употреблению. В менее архаичной СЛ и тем более в поздних летописях «русский» плюсквамперфект все чаще используется в нарративном режиме, см. [Шевелева 2007: 243—246; 2009].

Имеющиеся в КЛ три случая употребления «русского» плюсквамперфекта в летописном нарративе представляют те же значения, что мы видели у книжного плюсквамперфекта. Ср.: *И се слышавъ Всеволодь не поустѣ сна своего Стослава ни моужии новгородьскихъ. уже то бы* (в X. и П. списках явно первичное чтение *был*) *привель к собѣ* (1140 г., л. 114) — ‘которых он привел’, и к моменту времени основной линии повествования они были с ним — смещенно-перфектное значение⁸; *В се же лѣто посла Всеволодь Стополка в Новъгородъ. шюрина своего. смолваса с Новъгородьци. которыхъ то былъ приаль и поаша и Новгородци и сѣде... на столѣ* (1142 г., л. 114 об.) — ‘договорившись с новгородцами, которые были им ранее задержаны’ (а впоследствии, как показано в [Петрухин, Сичинава 2008: 238], отпущены) — антитезуальное значение.

Для нарратива КЛ «русский» плюсквамперфект так же нехарактерен, как перфект (-л-претерит), и так же является некоторым отклонением от нормального для этой архаичной летописи распределения временных форм.

2.3. Обратимся к употреблению временных форм в **косвенной речи** — **синтаксическом режиме** интерпретации времени. В КЛ в изъяснительных придаточных употребляются **презенс** (при передаче не прошедшего с точки зрения субъекта установки действия) и **перфект** (при передаче прошедше-

⁸ В работах П. В. Петрухина и Д. В. Сичинавы отрицается наличие у «нового» славянского плюсквамперфекта, в том числе восточнославянского, результативного значения [Петрухин, Сичинава 2006; 2008]. Обсуждению и критике представленной в названных работах концепции посвящены работы [Шевелева 2007; 2008] (в особенности последняя, явившаяся ответом на статью [Петрухин, Сичинава 2008]).

го с точки зрения субъекта установки действия). Обратим внимание, что формой прошедшего времени в синтаксическом режиме является именно перфект — чаще без связки, реже со связкой, но именно перфект. Лишь в крайне редких примерах отмечается употребление аориста — эти примеры являются таким же спорадическим отклонением от характерного для КЛ распределения временных форм, как единичные случаи аориста в прямой речи персонажей (см. выше). Других форм прошедшего времени в косвенной речи в КЛ не зафиксировано.

Рассмотрим ситуацию более подробно.

Как уже говорилось, чаще всего косвенная речь вводится в КЛ союзом *оже* — более 120 примеров. Из них около 50 случаев — контексты, где глагол передаваемой установки стоит в презенсе, более 60 случаев — в перфекте, только 8 случаев представляют употребление аориста, причем практически все они объясняются специальными обстоятельствами.

Ср. характерные примеры относительного употребления презенса в изъяснительных придаточных: *Половци же слышавъше. оже идоуть на нѣ князи Роустии. бѣжаша за Днѣпръ* (1187 г., л. 227); *Ростиславъ же оувѣдавъ. оже СДлезь велми болить. нача слати къ СДлови вела ему миритисѣ* (1167 г., л. 188); *И пожалишаси велми Ростилавичи. оже ихъ лишають Руською земли. а брату своему Михалкови дають Киевъ* (1174 г., л. 202 об.); *И быѣ вѣсть Половцеѣмъ Коцѣна ѿ Гаврилкова ѿ Иславича. оже идоуть на нѣ кнзи Русьстии и побѣгоша* (1170 г., л. 192 об.) и под., см. также примеры выше (1.).

Таким же относительным употреблением презенса являются, по существу, примеры с нулевой связкой настоящего времени, ср.: *Стославъ же... оуслыша оже СДлезь оуже оу Черниговѣ. и начаста слати межси собою ладачисѣ ѿ волостеѣ* (1165 г., л. 187); ср. с нулевой связкой при страдательном причастии прошедшего времени — «пассивном перфекте»: *Стославъ же оувѣдавъ. оже СДбловъ взѣта. и Вѣтичѣ заѣта. и нача искасти товара Изѣславлихъ бояръ* (1159 г., л. 179 об.); *Тогда же Изѣславу приде вѣсть къ Киеву. оже снѣ его побѣженъ. а Оугре избити* (1151 г., л. 159 об.) и др.

Ср. контексты с перфектом — в значении прошедшего с точки зрения субъекта установки действия: *Изѣславъ же слышавъ. оже пришли на стрѣя его ратью. и побѣха вборзѣ с полкомъ своимъ къ Переѣславлю* (1142 г., л. 115); *Половци же видивше. оже выѣхала к нимъ помощь. и поидоша прочь ѿ города* (1154 г., л. 169 об.); *Стославъ же Ростиславичъ ѿпровадѣ Половци приѣха къ ѿцю своему и повѣдѣ. оже Половци прочь пошли* (1154 г., л. 169 об.); *И приде вѣсть к Володимироу Дѣввичю оже Игорѣ оубили* (1147 г., л. 130); *Быѣ же вѣсть Стославу. оже Всеволодича и СДлезь снѣ его сложишисѣ любовью съ Изѣславомъ. и велми быѣ печаленъ ѿ томъ* (1161 г., л. 183 об.) и др., см. также примеры выше (1.); ср. показательный контекст, где при переносе того же буквально повторяемого сообщения из нарратива в косвенную речь аорист *приде* заменяется на пер-

фект *пришель*: *И приде Дюрги къ брату Вячеславу в Пересопницу. приде же ко Изаславу вѣсть оже Дюрги пришель къ брату своему Вячеславу* (1149 г., л. 140 об.).

Ср. единичные случаи перфекта со связкой в тех же контекстных условиях, но с эллипсисом подлежащего при перфекте, что способствовало употреблению связки (о связке 3 лица в летописях см. [Зализняк 2004: 179—180]): *яко возворотиса Стославъ и бы^т оу Новагорода Свѣрьскаго и слыша о брати своеи. оже или суть на Половци оутавишеса его. и не любо бы^т емоу* (1185 г., л. 225).

Нередко, как и в прямой речи (см. 2.1.), в изъяснительных придаточных перфект и презенс употребляются в пределах одного контекста, ср: *Слышавъ же!! Рюрикъ. оже Стославъ же привель к собѣ Половцѣ в помощь. и лежать со Игоремъ по Долобьскоу. и посла Мьстислава Володимерича с Черными Клобуки* (1180 г., л. 218 об.); *В то же верема приде вѣсть к Вячеславу и ко Изаславу. оже Володимеръ Галичьскыи воротильса в Гали^та Андрѣи Гюргеви^т и Володимеръ Андрѣеви^ттуда вѣдета* (1151 г., л. 152) и др.

Во всех подобных контекстах типа косвенной речи время определяется относительно момента речи (восприятия и т. д.) персонажа — как в прямой речи. Как мы видим, и временные формы здесь употребляются те же, что в прямой речи. Перфект, абсолютно доминирующий при обозначении прошедшего действия в прямой речи (см. выше), точно так же доминирует и здесь. Как и в речевом режиме, перфект обычно выражает перфектное значение — см. приведенные контексты с перфектом и презенсом, с «пассивным перфектом» типа *оувѣдавъ оже взята*, а также остальные: непосредственная ориентация на настоящий момент говорящего (воспринимающего) персонажа — точно так же, как непосредственная ориентация на момент речи говорящего в речевом режиме, — наиболее благоприятна для реализации перфектного значения, поскольку результат прошедшего действия оказывается непосредственно соотношенным с настоящим моментом персонажа-субъекта установки (ср. в приведенных контекстах: *слышавъ оже пришли...*, *видивше оже выѣхала к ним...*, *повѣдѣ оже Половци прочь пошли* и т. д. — результат прошедшего действия налицо в момент речи или восприятия персонажа).

Даже в случае рассказа персонажа о нескольких последовательных событиях (что в принципе нехарактерно для перфекта) перфектность в таких контекстах не утрачивается полностью, а лишь ослабляется, предстает в акциональном варианте [Маслов 1984/2004: 54—55], ср.: *И пригна посоль ѿ Мьстислава ѿ Изаславича. ис Переяславля. къ Ростиславу и къ Стославу. и повѣда има оже рать пригнала к Переяславлю. и стрѣлялися с ними. Ростиславъ же то слышавъ. и посла сѣна своего Стослава въ Переяславль* (1154 г., л. 169 об.) — значимость рассказанных послом Мстислава событий для момента сообщения (и его восприятия) очевидна: сложившаяся на этот момент ситуация, ставшая известной Ростиславу, определяет его последующие действия.

Контекст косвенной речи так же благоприятен для реализации перфектного значения, как и контекст прямой речи. Синтаксический режим интерпретации времени, как мы видим, оказывается отличающимся от речевого только точкой отсчета — все остальные параметры практически тождественны. И временные формы, употребляемые в КЛ в косвенной речи, не отличаются от временных форм прямой речи.

Характерный для нарративного режима аорист в таких контекстах обычно становится знаком перехода от синтаксического режима косвенной речи к нарративному режиму авторского повествования, сигналом возвращения в нарратив — ср. приведенные выше примеры. Наиболее типичная для контекстов с косвенной речью (в широком смысле) структура: задающий установку глагол в форме причастия прош. времени или в аористе (реже) или существительное *вѣсть* + *оже* + косвенная речь — глагол в перфекте или в презенсе + аорист, указывающий на возвращение в нарратив, т. е. модель типа «*слышавъ оже приши... (и) поѣха*» — см. приведенные примеры.

Показательно, что в ряде случаев именно переход к аористу оказывается главным указанием на переключение в нарративный режим, поскольку формы числа и лица глаголов в авторском повествовании и в косвенной речи совпадают, а анафорические местоимения могут быть омонимичны или отсутствуют, ср.: *Рюрикъ же слышавъ.оже Стославъ бѣжалъ за Днѣпръ. и вѣѣха въ Киевѣ* (1180 г., л. 216 об.) — на то, что фрагмент *и вѣѣха въ Киевѣ* представляет уже авторское повествование и относится к Рюрику, а не к Святославу, указывает только форма аориста *вѣѣха* в противоположность перфекту *бѣжалъ* в составе придаточного изъяснительного; *Кнзи же оувѣдавше.оже Половци побѣгли и лишившеся женъ своихъ и возъ своихъ.и поѣхаша вборзѣ по ни^x* (1170 г., л. 192 об.) — как и в предыдущем случае, только переход к аористу *и поѣхаша* здесь становится знаком возвращения из синтаксического режима в нарративный — и, соответственно, действие аориста трактуется как относящееся уже не к половцам, как перфекта *побѣгли* в косвенной речи, а к «князем» (обратим внимание, что союз *и* здесь вводил и предшествующие синтагмы в составе придаточного изъяснительного, поэтому *и* перед *поѣхаша* никакой информации о смене режима не дает — об этом сигнализирует только использование аориста).

Такие примеры можно продолжить.

Как мы видим, переход после косвенной речи к аористу оказывается в летописном тексте важным знаком конца придаточного изъяснительного и смены режима, он отмечает границу высказывания, интерпретируемого синтаксически, т. е. выполняет кроме всего прочего роль указателя на то, что в современном русском письменном тексте обозначается пунктуационными средствами. В древнерусском летописном тексте это указание на синтаксическое членение следовало из указания на режим интерпретации соответствующего фрагмента текста, и информацию об этом давал выбор формы прошедшего времени.

Случаи отклонения от этой нормы и употребления аориста в косвенной речи, как уже говорилось, единичны — надежных примеров такого рода в КЛ даже меньше, чем употреблений аориста в прямой речи.

Из имеющихся 8-ми контекстов с аористом в изъяснительном придаточном в двух случаях в Х. и П. списках представлено «правильное» чтение без аориста — скорее всего, оно и было первичным, ср.: *И ту бы ему вѣсть. ѡже Изаславъ Дѣдвичъ и Романъ Ростиславличъ оубѣхаста* («буквы ст переделаны, кажется, из других», при этом в Х. и П. списках — *въехали* [Ипат.: 439]) в *Черниговъ* (1151 г., л. 159) — исконным здесь могло быть чтение с перфектом дв. ч. -ла (менее вероятно мн. ч. -ли с согласованием по смыслу 'войска Изяслава и Романа'); *Володимиръ же оубѣдавъ ѡже Мьстиславу явлена бы дума его. и приѣха ѡправливатсѧ* (1169 г., л. 191) — в Х. и П. списках *бы* опущено, скорее всего, оно является вторичной вставкой Ипат. списка, т. к. наличие связки в прошедшем времени при страдательном причастии с перфектным значением для синтаксического режима интерпретации ненормально (ср. выше примеры без связки): с позиции воспринимающего персонажа время здесь должно быть настоящим.

В двух случаях мы имеем дело, видимо, со «сбоем» режима: происходит непреднамеренное, очевидно, переключение из косвенной речи в авторский нарратив внутри высказывания, ср.: *И ту приде ему вѣсть ѿ сна ѿ Мьстислава ѡже ѡбъ ему помогъ Половци побѣдити на Оуглѣ и на Самарѣ. и полонъ много възлъ. самѣхъ прогна. вежѣ и поима конѣ ихъ и скоты и зая и множество дѣшъ крѣтъяныхъ ѿполони. и възворотиша в Переяславль хвала ба ѡ такоуѣ помочи а ѿполоненыа ѿпусти в роженіе свое* (1152 г., л. 165 об.) — после двух форм перфекта в составе придаточного изъяснительного при слове *вѣсть* автор незаметно переходит к повествованию об этих событиях со своей позиции (ср. о немаркированных переходах от нарратива к прямой речи и других проявлениях коммуникативной неоднородности текста в ранних летописях [Гиппиус 2004: 190—192], ср. также выше (1.) о случаях подобного перехода из косвенной речи в прямую); аналогичен следующий контекст с аористом после двух форм презенса в косвенной речи, где повествователь, очевидно, «сбивается» на свой нарратив: *И бы вѣсть Стославу. ѡже Изаславъ бродитсѧ чересъ Десну. и Половци воюють и сѣлце стго Спса зажгоша* (1160 г., л. 181 об.).

В одном контексте придаточная конструкция с *оже* не представляет, видимо, синтаксического режима интерпретации — очевидно, из-за того, что изъяснительное значение здесь совмещено с причинным: *Братѧ же вси пожаловаша на Мьстислава ѡже оутаивсѧ ихъ пусти в наворопъ сѣдельники своѣ и кощѣ. ночь заложивсѧ ѡтаи. и срѣце ихъ не бѣ право с нимъ* (1170 г., л. 193).

Только три контекста с аористом в косвенной речи можно считать надежными:

Изаславу же приде вѣсть. ѡже Володимиръ // Галичьскыи и Андрѣи Дюргевичъ и Володимиръ Андрѣевичъ придоша къ Дорогобоужю с силою

великою и праватьса чересь Гориноу (1150 г., л. 149—149 об.) — возможно, употребление аориста здесь вызвано последовательностью обозначенных аористом и следующим за ним презенсом действий, т. е. актуализацией акционального компонента значения формы прошедшего времени (в момент получения Изяславом сообщения объединенные силы князей уже переправлялись через Гориноу, а не находились у Дорогобужа);

Ту бы ему вѣсть.оже Вячьславъ и Изяславъ и Ростиславъ побѣдили суть Гюрга и Половци его избиша (1151 г., л. 159) — синонимическое использование перфекта со связкой и аориста в одном ряду здесь может быть связано с риторическими задачами — обе формы книжные, контекст отсылает к известным стереотипам описания воинских побед;

Тогда же и послаша слы своя в Галичь и Володимерю повѣдающе свою любовь.и оже оѣ съвъкупи хрѣтъ чѣтьныи (1159 г., л. 178 об.) — придаточное изъяснительное оже оѣ съвъкупи здесь однородно с именной группой свою любовь — вероятно, эта особенность синтаксической структуры в сочетании с формульностью оѣ съвъкупи способствовали тому, что придаточное не воспринимается как косвенная речь и получает с точки зрения выбора временной формы другое оформление.

Таким образом, единичные случаи аориста в косвенной речи являются отклонением от нормального для КЛ распределения временных форм — как и единичные случаи аориста в прямой речи или перфекта в нарративе.

Изъяснительные конструкции с другими, менее частотными, союзными средствами показывают такую же картину.

В косвенной речи, вводимой союзом аже, употребляются только перфект и презенс; аорист является таким же знаком переключения в нарратив, как в нормальном случае в контекстах с оже, ср.: Слышав же Всеволодъ.аже прислалъ Стославъ сна своего помагана зати своему.и позва и к собѣ (1180 г., л. 216); Се же слышавъ Рюрикъ ажь Романъ ѣстоупилъса ко Гѣлговичемъ и поводить Юрослава на старѣишинство.и поча Рюрикъ до(у)мати с братьею своею и с моужи своима (1195 г., л. 236 об.); И тоу изымаша сторожа Половѣцкыя и вземше оу нихъ вѣсть.аже Половци бнища вдалѣ лежать и стада. по сеи сторонѣ Днѣпра по Роускои и ѣхаша чересь ночь и оудариха на росвѣтѣ на нихъ (1193 г., л. 234 об.; ѣхаша и оудариха — это уже рассказ о действиях русских князей, а не полученное ими сообщение о половцах) и др., см. также примеры выше (1.).

В косвенной речи с книжным союзом яко основное распределение то же самое — здесь употребляется перфект и презенс, ср.: И быѣ ему вѣсть.яко не дождади Половѣци соньма его. ѣхалѣ воевать (X., П. — воевати) и воюють (1172 г., л. 198 об.); Приде блжньи епѣ Новгородьскыи Нифонтѣ. жда митрополита Константина изъ Црѣгорода блшетъ бо ему вѣсть.яко оуже пошелъ естъ митрополитѣ. и постиже и болѣзнъ. болѣвшю бо ему .ѣт. бни и тако оусне с миромъ мѣца априла въ .ѣт. днь (1156 г., л. 173 об.) — перфект пошелъ естъ в составе косвенной речи относится к митрополиту Царьградскому Константину, аорист же постиже и

указывает на переход к повествованию о новгородском архиепископе Нифонте ('постигла его', т. е. Нифонта, а уже не митрополита, о котором только что говорилось) — как и в рассмотренных выше контекстах с *оже* и *аже*, только переход к аористу указывает здесь на возвращение в нарратив и позволяет правильно понять смысл текста.

Среди изъяснительных конструкций с союзом *яко* есть один случай нарушения распределения временных форм — употребление аориста в синтаксическом режиме: *Вачьславъ же съ Изасловом оугадавши. яко же рѣкы са оустановишиа. и посла Изаславъ къ брату своему Ростиславу Смоленьску* (1152 г., л. 165). Может быть, появление аориста здесь вызвано стереотипностью фрагмента *рѣкы са оустановишиа*, в готовом виде перенесенного из нарратива в косвенную речь. Возможно, нарушение связано и с большей книжностью контекстов с *яко* и определенной неустойчивостью их структуры⁹.

Показателен контекст с *яко*, где на переход из косвенной речи в нарратив указывает книжный плюсквамперфект: *Ростиславъ же приде к полкомъ Галичскимъ в малѣ дружинѣ. и не свѣды льсти (и)хъ. мнѣвъ яко же са емоу обѣщатѣ оузрѣвши полкъ его ѿстоупити ѿ королевича. блшеть же и во его полкоу неколко моужь Галичкыхъ приѣхало* (1189 г., л. 239 об.) — со слов *блшеть же* происходит переключение в режим авторского повествования. Этот контекст замечательно демонстрирует различие между относительным употреблением перфекта — в синтаксическом режиме и плюсквамперфекта — в нарративном: само введение книжного плюсквамперфекта становится здесь указанием, как это часто происходит при использовании аориста, на возвращение в нарративный режим.

В конструкциях косвенной речи с союзом *яко*, относительными местоимениями и наречиями *иже*, *котории*, *къдѣ* в КЛ употребляются только перфект или презенс (см. примеры выше, 1.) — отклонений от общего правила не наблюдается.

Как мы видим, основное правило распределения временных форм в зависимости от режима интерпретации текста выдерживается в КЛ довольно последовательно. Достаточно последовательно в косвенной речи употребляются временные формы, нехарактерные для нарративного режима, однако свойственные также режиму речевому: презенс в сфере непрошедшего действия и перфект в сфере прошедшего действия. По набору временных форм косвенная речь отличается от прямой только непредставленностью в ней «русского» плюсквамперфекта, однако это вполне может объясняться

⁹ Еще одним отклонением от нормального распределения временных форм является случай употребления в изъяснительной конструкции с *яко* причастия на *-въ* — контекст в целом очень книжный: *...и возвратиса ко своимъ. мнѣвъ яко оуже побѣдивъ Сѹлга. а не вѣды свои побѣженныхъ.и твора своа въѣха въ ратныа. и познавшие Полчане каша и* (1195 г., л. 238 об.) — аорист при этом здесь употреблен «правильно», т. е. при переходе в нарратив.

крайней редкостью потребности в выражении соответствующего значения при передаче чужой установки (ср. нетипичность для современного русского языка структур типа «X знал, что Y *пошел было, но вернулся*» и под. с соотношением нескольких временных планов в изъяснительной конструкции). В остальном временные формы косвенной речи в КЛ совпадают с временными формами прямой речи.

Это совпадение с прямой речью указывает на производность синтаксического режима интерпретации времени от речевого: на то, что время в передающем чужую установку придаточном определяется с точки зрения субъекта этой установки, в летописи XII в. указывает не только презенс, но и перфект. Наше «относительное употребление времен» в придаточных изъяснительных изначально было полным сохранением временных форм, свойственных речевому режиму. Формирование синтаксического режима «косвенной речи» состояло, как мы видим, в замене дейктических отсылок после изъяснительного союза: для основного союза *оже* эта замена была в XII в. почти последовательной, для остальных — еще не обязательной, но этим преобразование и исчерпывалось — временных форм оно не затрагивало. Время оставалось ориентированным на настоящий момент персонажа, чем и определялся выбор временных форм.

Тождество временных форм прямой и косвенной речи в летописном тексте XII в., различающем разные формы прошедшего времени, показывает, как близка была косвенная речь к прямой, на базе которой она формировалась.

«Относительное» употребление перфекта вне косвенной речи

3. Итак, перфект в КЛ в нормальном случае употребляется в речевом режиме и в синтаксическом, по ориентации времени на настоящий момент персонажа не отличающемся от речевого. Перфект в изъяснительных придаточных не выражает предпрошедшего и не синонимичен плюсквамперфекту, в таких конструкциях практически не представленному.

3.1. КЛ хорошо показывает различие в употреблении плюсквамперфекта как временной формы нарратива, обозначающей возврат к более ранним событиям с позиции повествователя-летописца, и перфекта как формы прямой или косвенной речи персонажа.

Выше уже обсуждался контекст под 1189 г., в котором плюсквамперфект сигнализирует о переключении из синтаксического режима в нарративный. В КЛ есть и другие показательные примеры, где перфект и плюсквамперфект оказываются рядом, при этом плюсквамперфект принадлежит авторскому повествованию, а перфект — косвенной речи; ср.: *Стослав же оувѣда оже хотѣть ему дати полкъ Ростиславичи. и побѣже Стославъ чересь Днѣпръ. оустыа Лыбеди. и потопо^т людье мнози. переже же того послать блше в Половѣцѣ. Половци же слышавше оже Стославъ выбѣлъ ис Кыева. приѣхавше к Торцькому много людии поимаша (1177 г.,*

л. 213 об.) — события летописного нарратива здесь представлены цепочкой аористов и одной формой плюсквамперфекта — при регрессе к более раннему временному плану, дважды в эту цепочку включается «косвенная речь»: первый раз с формой презенса *хотать*, указывающей на настоящее время с точки зрения ее «хозяина» — Святослава, второй — с формой перфекта *выбѣль*, «хозяином» которого являются действующие в этом рассказе половцы. Обратим внимание, что перфект здесь, в отличие от плюсквамперфекта, не выражает летописный регресс и обозначенное им действие не является предшествующим относительно основных событий нарративной цепочки, поскольку оно этим событиям не принадлежит, — время здесь существует «в другом измерении», определяется относительно другой точки отсчета. Подобные примеры можно продолжить.

Надежных случаев употребления плюсквамперфекта в косвенной речи в КЛ нет — есть два контекста, в которых, видимо, имеет место «сбой» в нарративный режим — аналогично тому, как мы видели в единичных случаях с аористом (см. 2.3.). В одном из этих контекстов плюсквамперфекта, возможно, в исконном чтении и не было: *Бы же Стославоу* (X., П. — *вѣсть*) *оже пришедь на^т Изаславъ Дѣдвичь похваливъса. и перебралъ дружиноу оу бра^ти и безъ возъ пришедь бѣ* (X., П. — *пришедь бо*) *на конихъ* (1146 г., л. 123 об.) — читался ли здесь исконно перфект или плюсквамперфект, в любом случае, очевидно, заключительная часть контекста представляла переключение в нарративный режим — на это указывает и частица *бо* при перфекте, характерная для авторского повествования.

Во втором контексте «сбой» в выборе формы связан, видимо, со сложностью конструкции с придаточным изъяснительным, зависящим от другого придаточного изъяснительного (что для летописи нехарактерно): *Се же слышавъ Рюрикъ ѿ пословъ Всеволожихъ оже жалуютъ на ны* (X., П. — *на нь*) *про волость. аже далъ баше волость лѣвшною зати своему Романови Мьстиславличю. Рюрикъ же поча доумати с моужи своими* (1195 г., л. 236) — в этой нетипичной конструкции летописец, видимо, либо переключился в нарративный режим и сообщил основания недовольства Всеволода «от себя», либо просто нарушил обычное распределение форм, не справившись со сложным построением¹⁰.

С другой стороны, употребление перфекта в контекстах нарративного регресса для КЛ также нехарактерно. Единичные случаи такого рода являются отклонением от нормального распределения временных форм — как единичные случаи перфекта в аористном значении в нарративе (см. выше, 2.2.).

¹⁰ Показательно, что чуть ниже в том же рассказе о конфликте и последующем примирении Всеволода с Рюриком обнаруживается еще один «сбой» в распределении временных форм: под влиянием предшествующей прямой речи перфект проникает в нарратив (см. выше, с. 154) — рядом с одним нарушением, как это часто бывает, оказывается другое.

В четырех контекстах перфект встречается в относительных (определятельных) придаточных, ср.: *И в то верема примчаша к нима Половчина дикого емше оу Переяславлѣ идѣже сѧ стрѣлали*, и начаста прашатѣ ѿ котораго есте становища поѣхали (1148 г., л. 138) — перфект в определятельной конструкции здесь обозначает действие, предшествующее данному моменту событий нарративной цепочки ('взяв (половчина) в плен у Переяславлѣ, где у них — до этого — была перестрелка'), т. е. фактически употребляется в позиции, нормальной в КЛ для плюсквамперфекта; *И бы^т радость велика ѿ роженъи его и дасть ему оцъ его Лучинъ городъ в(ь) нѣмже родисѧ*, и поставиша на томъ мѣстѣ цркъвь стго Михаила. где сѧ родилъ (1173 г., л. 201 об.) — в этом рассказе о рождении у Рюрика сына Ростислава перфект тоже выступает в позиции плюсквамперфекта, причем в той же позиции в абсолютно синонимичной относительной конструкции сначала употреблен аорист (ср.: *городъ в(ь) нѣмже родисѧ // на томъ мѣстѣ... где сѧ родилъ*); дважды перфект употреблен в типичной для плюсквамперфекта устойчивой формуле типа *юже бѣ создалъ*, см. [Шевелева 2007: 234]: *...и положенъ бы^т оу х^вы цркви въ Муромѣ юже самъ создалъ* (1174 г., л. 205 об.); *Положиша и въ стѣѣ Бѣи Володимѣрѣ. юже цркъвь оучинилъ ѿцъ его Андрѣи* (1173 г., л. 201 об. — эта запись читается на том же листе, что и приведенная выше *где сѧ родилъ*) — ср. с плюсквамперфектом: *и положиша въ цркви стго Михаила юже бѣ самъ создалъ* (1113 г., л. 102 об.); *...и положиша и бра^та въ цркви стюю мчнку юже бѣ създалъ ѿцъ его Дюрги* (1159 г., л. 176 об.) и под.

Столько же в КЛ примеров ретроспективного употребления перфекта в других конструкциях — тоже в позиции, характерной для плюсквамперфекта: *И вда Юрополкъ Олговичемъ ѿчину свою. чего и хотѣли* (1136 г., л. 111) — регресс в присоединительной конструкции (ср. такой же регресс в пояснительной конструкции с *бо* в более ранней записи того же Ипат. списка (ПВЛ): *...и положенъ бы^т во Переяславлѣ оу цркви стго Михаила. ту бо оцъ ему далъ столь выведы и и-Смоленска* (1114 г., л. 104)); *В то же время взидоста княжича два и съ Црагорода. заточени били* (X., П. — *были*) Мстиславомъ великымъ княземъ Киевьскимъ, зане не бахуть его воли и не слышахоуть его (1140 г., л. 112 об.) — далее следует довольно пространный рассказ о том, за что и как княжичи были наказаны Мстиславом и высланы в Царьград, весь представляющий собой регресс и завершающийся фразой *Мы же на преднее възвратимсѧ*.

В одном контексте перфект обозначает действие того же временного плана, что и предшествующий ему плюсквамперфект, — видимо, сфера действия связки *баше* здесь распространилась и на временное придаточное, указывающее на синхронность этих событий: *Изаславъ же приде с полкы своими Киевоу. Вячеславъ же баше переже вшелъ въ Киевъ. како же бра^та его пошелъ ѿноу^т сторону* (1150 г., л. 144) — 'Вячеслав же до этого вошел в Киев, когда брат его направился в этом направлении'.

Все эти отклонения от нормального для КЛ употребления перфекта являются употреблением в позиции книжного плюсквамперфекта — боль-

шинство из приведенных контекстов (за исключением последнего) типичны для плюсквамперфекта (см. примеры выше, см. также [Шевелева 2007]). Такое «относительное употребление» в нарративе — в контекстах возврата к предшествующим основной линии движения времени событиям — не является «относительным» в обсуждаемом нами смысле, как и плюсквамперфектное значение вообще (см. выше, 2.2.). Режим интерпретации таких контекстов остается нарративным.

Количество таких употреблений перфекта в плюсквамперфектном значении в КЛ сопоставимо с числом других отклонений от основного распределения времен — во всех случаях оно менее 10.

Возможно, эти отклонения и проникновение перфекта в сферу плюсквамперфектного значения связаны с тенденцией к расширению употребления перфекта в летописном тексте и проникновению его в нарратив — под влиянием эволюции перфекта в живом языке, но для КЛ эта тенденция только намечается. При этом механизм проникновения перфекта в ретроспективные контексты в нарративе может быть связан с еще одним важным обстоятельством.

3.2. Важно обратить внимание на то, что в других летописях XII—XIII вв. — НПЛ и СЛ — употребление перфекта в функции предпрошедшего нарративного времени встречается значительно чаще, чем в КЛ. Особенно часто встречается перфект в придаточных определительных. По данным П. В. Петрухина [Петрухин 2004], в НПЛ большинство случаев употребления перфекта в нарративе в ретроспективных контекстах — это придаточные определительные, ср. примеры типа: *...и послаша по Гюргю по кнѣза Суждалю, и не иде, нѣ посла снѣ свои Ростисла⁶, оже то и пре^{жс} быль* (1141 г., л. 22); *То^с лѣ^м иде кнѣзь Михаилъ къ Гюргю поима съ собою мужи новгородскыа править товаровъ, что поималъ на Тържску и по своеи волости (1225 г., л. 101); *...а полочанъ пустиша, которыхъ изымали с кнѣземъ ихъ, а миръ взяша* (1263 г., л. 140 об.) и др. [Петрухин 2004: 79—86].*

В таких контекстах перфект употребляется фактически как грамматический синоним плюсквамперфекта [Зализняк 2004: 175] (ср. приводимые А. А. Зализняком примеры из НПЛ плюсквамперфекта в аналогичных конструкциях: *и призваша и-Суждала Соудилоу, Нежату, Страшка, оже бѣхоу бѣжали из Новагорода* (1141 г.) и др. [Там же]).

Среди приводимых П. В. Петрухиным примеров перфекта в ретроспективных контекстах есть и другие типичные для плюсквамперфекта конструкции, например с причинно-пояснительным *бо*: *Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода мирить Кыланъ съ Черниговъци и приде не успевъ ництоже, сидно бо възмала са вса земля русскаа* (1135 г., л. 16) и др.

Примеров изъяснительных конструкций — абсолютно доминирующих в КЛ — в НПЛ немного, здесь они никак не преобладают, ср.: *И оучювъ Гюрги, оже въмале шли, и посла кнѣза Берладьскаго съ вои* (1149 г., л. 26—26 об.); *и не положи того въ гнѣвъ, оже не пошьли по немъ* (1226 г., л. 102) [Петрухин 2004: 78, 83].

Совершенно очевидно, что «относительное» употребление перфекта в НПЛ принципиально отличается от его употребления в КЛ: здесь он не связан с синтаксическим режимом интерпретации текста; то, что в КЛ было отклонением от нормы, в НПЛ является нормой.

СЛ в данном отношении занимает положение между КЛ и НПЛ, но ближе к КЛ: число употреблений перфекта в придаточных изъяснительных в СЛ ненамного превышает число употреблений в контекстах регресса в нарративе (17:12). Ср. контексты косвенной речи: *Оуслышавъ же Романъ (и) Игорьъ и Володимиръ ѡже воротилисѧ ѡпять и бра^т ихъ шелъ Володимерю на свѣтъ ко Всеволоду Юргевичю идоша ко граду* (СЛ, 1186 г., л. 136); *Всеволодъ же Гюргевичъ слышавъ ѡ Перююри. ѡже тако створи^ль. хоташе послати по не^т и нати юго* (СЛ, 1187 г., л. 137) — здесь на возвращение в нарратив указывает имперфект, как в предыдущем контексте и в большинстве случаев из КЛ (см. выше) — аорист; *Бы^т имъ вѣсть ѡже вышелъ изъ Рязани Романъ Игоревичъ с полко^т и бьетсѧ с лоденики оу Слгова* (СЛ, 1207 г., л. 146 об.); ср. в рассказе о землетрясении во Владимире: *...въ цркви сборнѣи стѣна Бѣа в Володигри потрясѣ земля и цркы и трапеза... и лю^юю мно^о изумѣша^а и мнахутсѧ та^к яко голова обила коего их* (СЛ, 1230 г., л. 157) и др.

С другой стороны, в СЛ встречается употребление перфекта в плюсквамперфектных контекстах; в большинстве своем это придаточные определительные, ср. в типичной для плюсквамперфекта формуле: *Тое же осени сиѣна бы^т цркы Ржѣтво Стое Бѣи. юже создалъ великий князь Всеволодъ* (СЛ, 1197 г., л. 140); *И положиша и оу Стое Бѣи в Володимери. юже црквь оучинилъ вѣѣ юго кня^з Андрѣи* (СЛ, 1173 г., л. 123) и др.; ср. другие случаи определительных придаточных: *и сгорѣ цркы та всѧ ѡ верха и до землѣ и иконы, что не стѣгли вымчати* (СЛ, 1211 г., л. 148 об.); *А мордва вбѣгоша в лѣсы своя в тверди. а кто не вбѣгълъ тѣѣ избиша* (СЛ, 1227 г., л. 155 об.); *Никто же бо ѡ бояръ кто юму служилъ и хлѣбъ юго ѣлъ и чашю пилъ и дары ималъ. тотъ никак^о оу иногю княза можаше быти* (СЛ, 1237 г., л. 163) и др.

Помимо придаточных определительных, в СЛ есть случаи ретроспективного употребления перфекта и в других конструкциях — тоже, как правило, характерных для плюсквамперфекта, ср. в конструкции с пояснительным *бо*: *Се же бы^т за наши грѣхы слышаном бо пре^т трии лѣ^т бывшею знаменю Новгородѣ всѣ^т людемъ видѣшимъ. в тре^т бо црквахъ Новгородскихъ плакала на тре^т икона^а стѣна Бѣа* (СЛ, 1169 г., л. 121 об. — 122); ср. в придаточном причины с *зане*: *Сим же полко^т нѣлзѣ баше битисѧ с ними тѣсноты ради. зане болота пришла ноли (Р., А. — оли) подъ горы* (СЛ, 1141 г., л. 103 об.) — в КЛ та же запись читается с плюсквамперфектом: *Симъ же баше полкомъ нѣлзѣ битисѧ с ними тѣсноты ради. зане блху болота пришли по оли на подъ горы* (КЛ, л. 116 об.) (о значении плюсквамперфекта здесь см. [Шевелева 2007: 236; 2008: 228]).

СЛ, как мы видим, отражает расширение употребления перфекта сравнительно с КЛ и проникновение его в позицию плюсквамперфекта — здесь

это уже не отклонение от нормального распределения временных форм, как было в КЛ. Напомним, что и в аористном значении в нарративе перфект (-л-претерит) в СЛ встречается чаще, чем в КЛ (см. выше).

Сопоставление рассмотренных данных по «относительному» употреблению перфекта в КЛ, СЛ и НПЛ позволяет предположить, что наиболее архаичная система отражена в КЛ. Перфект в КЛ употребляется в прямой речи и в не отличающейся от нее в отношении ориентации времени косвенной речи. Распространение перфекта за пределы придаточных изъяснительных на другие типы зависимых предложений представляет собой качественный сдвиг в характере его использования — переход к совсем иному «относительному» употреблению — обозначению предшествования относительно момента действия главного предложения при сохранении нарративной точки отсчета времени. Этот сдвиг мог произойти в результате переосмысления, реинтерпретации условий употребления перфекта в летописном тексте, являющейся, как показал В. М. Живов, основным механизмом изменения письменного узуса в книжной традиции средневековой Руси [Живов 2004: 47, 77—78]: в качестве главного признака изъяснительных структур стала восприниматься синтаксическая конструкция с придаточным предложением — вне зависимости от режима интерпретации времени в ней. В результате употребление перфекта переносится из придаточных изъяснительных на другие типы придаточных предложений, особенно регулярно на придаточные определительные — возможно, в силу наибольшего формального сходства с изъяснительными (присловный характер придаточной части, последовательная постановка союзного средства в начале зависимого предложения, чего не скажешь, например, о конструкциях с *бо*). Действие подобного механизма реинтерпретации, принципиально не отличающегося от механизма развития устного узуса и имеющего вполне системный характер [Там же], наблюдалось и в других звеньях грамматической системы книжного языка (ср. данные А. Тимберлейка об эволюции имперфекта с аугментом в текстах гибридного регистра [Тимберлейк 1997; Живов 2004: 47, 78]). Начало проникновения перфекта, уже ставшего в живом языке универсальным претеритом, в аористные контексты летописного повествования способствовало этому процессу распространения перфекта на плюсквамперфектные контексты и закреплению в них.

В КЛ, как мы видели, указанная тенденция только намечается. СЛ уже вполне явно отражает действие процесса реинтерпретации условий употребления перфекта. В НПЛ этот процесс зашел так далеко, что первоначальный тип употребления перфекта стал периферийным, а вторичный — в контекстах нарративного регресса — основным¹¹.

¹¹ В работе [Петрухин 2004] предлагается видеть некоторое распределение нарративных функций ретроспективного перфекта и плюсквамперфекта в НПЛ: по мнению автора, перфект передает уже известную информацию, а плюсквамперфект вводит новую для читателя. Такое распределение могло сложиться вторично:

Более продвинутая ситуация с употреблением перфекта в СЛ сравнительно с КЛ вполне объяснима несколько более поздним временем составления СЛ и менее архаичным характером ее языка, прослеживающимся и в других аспектах (см. выше, см. также [Шевелева 2007: 234, 246—247 и др.]). Вопрос состоит в том, почему НПЛ так кардинально отлична от КЛ, хотя по времени сопоставима с обеими летописями и, как и архаичная КЛ, достаточно не книжна по синтаксису. Проблема эта еще требует исследования, однако можно предположить, что причины лежат в области диалектных различий тех систем, с которыми связаны КЛ и НПЛ, — южно-русской и северо-западной. Более продвинутая картина употребления перфекта в НПЛ и утрата его связи с исконным контекстом передачи чужой установки может быть косвенным свидетельством более продвинутого состояния системы форм прошедшего времени в новгородской диалектной зоне XII—XIII вв. сравнительно с остальной частью древнерусской территории. Такое предположение не кажется невероятным, поскольку известны и некоторые другие факты, указывающие на возможность названных различий (ср. различия в употреблении связки перфекта — см. выше, 2.1., ср. также большую характерность для южнорусских памятников архаичного имперфекта совершенного вида [Зализняк 2008а: 98—99]). Более раннее завершение процесса превращения перфекта в универсальное прошедшее могло способствовать и более ранней реинтерпретации его употребления в зависимых предложениях в летописной традиции.

Показательно, что в южнославянских языках, сохранивших сложную систему временных форм, в придаточных изъяснительных при передаче предшествующего действия используется обычно перфект. По описанию Ю. С. Маслова, в болгарском языке (где возможно как «славянское» согласование времен, так и «западноевропейское») в предикатах, зависящих от «глаголов идеальной деятельности», при «славянском» согласовании времен предшествование чаще всего выражается перфектом [Маслов

после утверждения перфекта в плюсквамперфектных контекстах нарративного регресса функции этих форм могли как-то распределиться — возможно, наибольшая частотность плюсквамперфекта в пояснительных конструкциях (чаще всего с *бо*), обычно вводящих новую информацию, способствовала приписыванию ему такой функции как наиболее типичной. Однако исконно для плюсквамперфекта вполне регулярным было употребление в придаточных определительных и других контекстах, передающих «известную» информацию, — см. выше примеры КЛ, см. также [Шевелева 2007]. При этом большинство ретроспективных контекстов с перфектом из НПЛ и СЛ имеют практически точные соответствия с плюсквамперфектом в древнерусских летописях, прежде всего в КЛ (см. примеры выше), — вряд ли им изначально было свойственно какое-то особое значение «известности», отличное от значения плюсквамперфекта в тех же контекстах. Более вероятно предполагать распространение перфекта под действием механизма реинтерпретации на контексты, в которых исконно употреблялся плюсквамперфект, и утверждение в этих контекстах — даже если эти формы получили на какой-то период некоторое распределение, — а в дальнейшем вытеснение последнего.

1984/2004: 238] — как в рассмотренной нами КЛ¹²; в сербо-хорватском же функции перфекта более разнообразны и среди наиболее регулярных называют как употребление при глаголах «идеальной деятельности» (в изъяснительных придаточных), так и для обозначения регресса в нарративе — в последнем случае перфект может варьироваться с плюсквамперфектом [Там же: 246—247]. Описываемая Ю. С. Масловым ситуация в южнославянских языках очень похожа на то, что мы видели в древнерусских летописях, при этом КЛ ближе к «славянскому» согласованию времен в болгарском, а НПЛ — к сербо-хорватскому, продвигающемуся сейчас, как известно, по пути перестройки системы прошедших времен.

Русские летописи позднего периода — XV—XVI вв. — различия в употреблении форм прошедшего времени в зависимости от режима интерпретации текста полностью нивелируют: перфект — универсальное *-л-* прошедшее — здесь уже может употребляться в любом режиме — и в авторском нарративе, и в прямой речи, и в косвенной. Как и в современном русском языке, морфологическим проявлением отличия синтаксического режима интерпретации времени от нарративного остаются в косвенной речи только формы непершедшего времени.

Наше «относительное употребление времен» в изъяснительных придаточных принципиально отличается от классического согласования времен тем, что оно полностью сохраняло время прямой речи — ориентацию его на персонажа и, как следствие этого, тот же набор временных форм. Сложившись на основе минимального преобразования прямой речи, касающегося только замены дейктических отсылок, наша косвенная речь таковой и осталась — последующее развитие было связано с распространением данной структуры на новые группы глаголов, обозначающих установку персонажа, главное — на первичные глаголы говорения (т. е. с формированием косвенной речи в узком смысле слова), сама же синтаксическая структура осталась без изменения — дальше этой «начальной стадии» (см. выше [Пешковский 1938: 432]) развитие не пошло.

Литература, источники

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

¹² В болгарском языке перфект (без связки в 3 лице) употребляется также в составе пересказывательного наклонения (*Той получил писмо* 'Он, мол, получил письмо' и под.), однако к проблеме «славянского согласования времен» в придаточных изъяснительных пересказывательное наклонение не имеет отношения [Маслов 1984/2004: 241; 2005: 82—83 и др.]; кроме того, «пересказывательное наклонение — молодая категория, сформировавшаяся тогда, когда в большинстве славянских языков имперфект и аорист были уже давно утрачены» [Маслов 1984/ 2004: 302].

- Бондарко 1971 — А. В. Б о н д а р к о. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Булаховский 1950 — Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.
- Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 183—232.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк 2008а — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908 (Репринт: М., 1998).
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- Кленин 1993 — Е. К l e n i n. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // American Contribution to the Eleventh International Congress of Slavists. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus, 1993. P. 330—343.
- Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.
- Кузнецов 1959 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Кузнецов 1961 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3. Лаврентьевская летопись. Л., 1926—1928 (Репринт: М., 1997).
- Маслов 1959 — Ю. С. М а с л о в. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке: (Значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157—312.
- Маслов 1984/2004 — Ю. С. М а с л о в. Очерки по аспектологии // Ю. С. М а с л о в. Избранные труды. М., 2004. С. 21—302.
- Маслов 1987/2004 — Ю. С. М а с л о в. Перфектность // Ю. С. М а с л о в. Избранные труды. М., 2004. С. 426—444.
- Маслов 2005 — Ю. С. М а с л о в. Болгарский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 69—102.
- НПЛ — Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Ипат.).
- Петрухин 2004 — П. В. П е т р у х и н. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. № 28. 2004. С. 73—107.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (15). 2008. С. 224—258.

Пешковский 1938 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Преображенская 1991 — М. Н. Преображенская. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI—XVII вв. (Сложноподчиненное предложение). М., 1991.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Тимберлейк 1997 — А. Тимберлейк. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // ВЯ. № 5. 1997. С. 66—86.

Успенский 1993 — Б. А. Успенский. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 118—134.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55—72.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в Псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. осв. № 2 (14). 2007. С. 214—252.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Рус. яз. в науч. осв. № 2 (16). 2008. С. 217—245.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. Плюсквамперфект в памятниках XV—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (17). 2009. С. 5—43.

Юрьева 2006 — И. С. Юрьева. Конструкции *имамь, хоцю, начьноу* с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I», в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2006. № 5. С. 30—42.

И. И. МАКЕЕВА

«СКАЗАНИЕ О ЧЕРНОРИЗСКОМ ЧИНЕ»
КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО:
К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ

Литературное наследие Кирилла Туровского, древнерусского писателя XII в., насчитывает несколько Слов, получивших наибольшую известность, молитвы и три притчи: «Сказание о черноризском чине», «Повесть о беспечном царе и мудром советнике» и «Притча о душе и теле» [Словарь книжников 1987: 218—219].

Среди притч Кирилла Туровского «Сказание о черноризском чине» занимает особое место: только это произведение, помимо сборников религиозно-нравственного содержания, вошло в состав русских Кормчих. Время его написания точно не известно; исследователями указывается дата до 1169 г., до 1182(3) г. или после 1182(3) г.¹

В самоназвании «Сказания» в русской письменности указывается его принадлежность Кириллу (епископу туровскому или мниху). Авторство Кирилла Туровского подтверждается всеми исследователями. В ранних списках произведение называется **КЮРИ^А ЕП^С ПА / ТОУРОВСКА. СКА/НИК^У ЧЕРНОРИЗЬ/ЧЬСТЪМЬ ЧИНОУ. Ѡ / ВЪТХА^Г ЗАКОНА. И НОВАГО ѠБРА^З / НОСѦЩА. А СЕГО ДѢЛЫ СЪВЪРШАЮЩА** (НК, л. 604а), **Күри^А еппа ска^Уньк ѡ чернечьстѣ^М чї Ѡ ве/тх^А зако^Н и нова^Г ѡно^Г бра^З ѡща а сего дѣлы свершена** (Чуд-20, л. 277в), а в более поздних — **прѣвнаго ѡца нашего кирила / мнїха**

¹ И. П. Еремин полагал, что «Сказание о черноризском чине» написано в монашеский период жизни Кирилла — до 1169 г., когда он стал туровским епископом [Еремин 1955: 347]. Еп. Евгений полагал, что три аскетических послания, в том числе «Сказание», написаны уже после того, как Кирилл Туровский оставил епископство, то есть после 1182(3) г. [Евгений 1880: LXIX]. Эта же дата на основании летописного упоминания уже другого туровского епископа Лаврентия считается годом смерти Кирилла: «Св. Кирилл в июле 1182 г. уже не управлял туровскою паствою, а жил на покое и, вероятно, вскоре после того скончался» [Филарет 1859: 55]. Поэтому время создания «Сказания» иногда указывается как до 1182 г. Содержание произведения и имеющиеся в нем правила ведения службы позволяют сомневаться в ранней дате написания и относить его к периоду, когда Кирилл уже был епископом или пребывал на покое.

сказаніе ѿ иноческо чїнѣ / ѿ ветхаго и новаго закона ѿного вѣра³ носѣща. а сего дѣлы съвершающа (Вол-504, л. 126 об.)².

Вхождение произведения в сборники или в Кормчие наряду с составом «Сказания» послужило основой для классификации списков, предпринятой И. П. Ереминым³. К первой группе он отнес списки, которые «обычно читаются в составе Кормчих книг».

Во вторую группу вошли тексты, встречающиеся в сборниках. «Списки первой и второй групп объединяются отсутствием заключительной главы сказания: в списках первой группы (Кормчих) сказание обрывается словами “также и игуменом с полицею служащим снимати манатку с плечо”; в списках второй группы — теми же словами, но дополненными примечанием: “подобает же и болшим и меншим игуменом с полицею служитьи и не просити того у епископа”» [Еремин 1955: 348].

В третью группу И. П. Еремин включил полный, с его точки зрения, список «Сказания». Таковой был известен исследователю только один — в сборнике ГПБ (ныне РНБ), собр. Толстого / ОСПК, Q.I.214 XVI в. В нем имеется заключительная глава «О аггельстѣм образѣ мнишьстѣм указ». В настоящее время известны и другие списки «Сказания о черноризском чине» аналогичного состава, также в составе сборников религиозно-нравственного содержания. Это Вол-504, Вол-492 и Вол-525 XVI в.⁴ и Епарх-345 конца XV в. В эти сборники, как и в Толст-214, вошли все три притчи Кирилла Туровского в следующем порядке: «Сказание о черноризском (об иноческом) чине», «Повесть о беспечном царе и мудром советнике» и «Притча о душе и теле». Объединение трех притч Кирилла Туровского в пределах одного сборника является, по-видимому, результатом целенаправленной работы русского книжника⁵. Такое объединение произошло не позднее

² В списках вместо прилагательного **черноризчѣскыи** (НК, л. 604а; Писк-39, л. 416; Толст-74, л. 363 об.) употреблено **черноризьскыи** (Рог-256), **чернечьскыи** (Чуд-20, л. 277в; Син-935, л. 1) или **иноческыи** (Толст-214, Вол-504, Вол-492, Вол-525, Епарх-345). По-разному именуют самого Кирилла Туровского: **епископъ тоуровьскыи** (в Кормчих и в списке БАН), **ѿца кирила тировьскаго** (Гр-784, л. 206), **Кѣри** ^а**кѣппа** (Чуд-20, л. 277в), **прѣгнаго ѿца нашего кирила / мниха** (Вол-504, л. 126 об. и остальные списки этой группы), **блженнаго кирила** (Син-935, л. 1). В Син-935 вообще изменена структура названия произведения: **слово блженнаго кирила. Пощеніе ѿ чернецьскомъ житїи**.

³ И. П. Еремин также опубликовал «Сказание» по списку Новгородской кормчей в ТОДРЛ [Еремин 1956: 354—360], а еще раньше это сделал К. Ф. Калайдович [Калайдович 1821: 102—106].

⁴ Вол-525 была датирована XVII в.; по уточненной датировке рукопись также отнесена к XVI в.

⁵ По две притчи вошло в рукописи XVI в., хранящиеся в ГИМ, собр. Барсова, № 1419 («Сказание об иноческом чине» и «Повесть о беспечном царе и мудром советнике») и РНБ, собр. Титова, № 522 («Притча о душе и теле» и «Повесть о беспечном царе и мудром советнике»). Два произведения — «Сказание об иноческом чине» и «Притча о душе и теле» — находятся в Чуд-20 XIV в.

конца XV в., если не ранее: именно этим временем датируется старший список редакции. Таким образом, третья (по Еремину) редакция «Сказания о черноризском чине» содержится по меньшей мере в пяти списках, и их количество потенциально может увеличиться. Близость текстов в сборниках из Епархиального собрания и из собраний Иосифо-Волоколамского монастыря и Толстого указывает на то, что они восходят к одному протографу, частично отредактированному.

По спискам, как уже сказано, варьируется окончание «Сказания». В Кормчих оно заканчивается одними и теми же словами **сѣнимати маноткоу съ плѣ^{тнѣ}** (НК, л. 611в), из чего можно сделать вывод о том, что именно в таком виде текст изначально вошел в Кормчие. Был ли список, положенный в основу «Сказания» в Кормчих, дефектным, как полагал Я. Н. Щапов [Щапов 1978: 194], или же по каким-то причинам произведение было сокращено, остается неясным.

В составе сборников «Сказание» может быть как короче, так и длиннее по сравнению с Кормчими. В Чуд-20, Пог-894, Соф-1474, Соф-1389, Пог-1584, Вол-504, Вол-492, Вол-525, Толст-214, Епарх-345 в конце есть добавочный фрагмент⁶. В КБ текст обрывается на середине фразы, что соответствует л. 611б Новгородской кормчей⁷. В Богд-690 и Син-935 «Сказание» завершается чуть дальше, словами *ада греховного* (см. НК, л. 611б 20). В сборниках из собрания БАН и Богд-41 находится только начало произведения, в Тр-784 — около его половины (см. НК, л. 608б 25): не вошла глава, повествующая о символическом толковании одежд ветхозаветных священников. Очевидно, что редакторы сборников достаточно вольно обращались с текстом, исключая, по их мнению, лишнее.

По поводу конечной части под названием «О аггельстѣм образѣ мнишьстѣм указ», которая есть в Вол-504, Вол-492, Вол-525, Епарх-345 и Толст-214, высказаны разные точки зрения. И. П. Еремин полагал, что она является заключительной главой «Сказания о черноризском чине». Ранее Н. В. Калачов считал ее отдельным сочинением. Говоря о «Сказании», он писал: «В связи с этою статьею находится сочинение под заглавием «о Ангельстѣм образѣ мнишьстѣм указъ», или «въпросъ, почему Ангельскій образъ носяще нарицаются мниси» [Калачов 1850: 22]⁸. К. И. Невоструев

⁶ **до** **пѣбае** **т** **же** **и** **малѣ** **и** **вѣ** **дикѣ** **коу** **нгоу** **менѣ** **с** **полицею** **/** **слоу** **жити** **и** **не** **просити** **того** **/** **оу** **еппа** **то** **во** **ѣ** **мнихѣ** **еппоу** **/** **же** **чюже** **а** **нгоу** **меномѣ** **свое** [по вар.] **/** **на** **платнѣ** **во** **чистѣ** **ѣ** **держѣ** **тса** **ѣфж** **а** **не** **по** **власти** **сана** **/** **а** **и** **сами** **вѣсте** **и** **не** **еппѣ** **/** **всѣ** **инокомѣ** **малѣю** **манѣ** **тню** **возлагае** **т** **на** **плещи** Вол-504 л. 136 об. В Чуд-20, Пог-894, Соф-1474, Соф-1389, Пог-1584 на этом текст заканчивается, в остальных списках далее следует «О аггельстѣм образѣ мнишьстѣм указ».

⁷ Конец текста приходится на середину страницы; после него следует другое произведение. То есть в этой рукописи «Сказание» по какой-то причине оборвано механически.

⁸ В один из сборников XVI в. собрания рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря как отдельная статья включена эта глава (не полностью), причем в са-

заключительной частью «Сказания» считал сочинение «**Ѡ подвиꙗѣ иночьскаго жиѡ. Не подобаѣтъ оубо истиннымъ инокамъ изъѣти оградѣ свои исхѡдити...**», которое следует за притчей Кирилла Туровского в Чуд-20 (л. 282а)⁹. В дальнейшем А. Н. Попов, описывавший Чуд-20, поддержал это предположение, основываясь на том, что у «Сказания» нет обычного заключения и оно обрывается «на словах «**малѡю манаткѣ въздаѣтъ на плещи**», даже без слова «аминь» [Попов 1889: 124—125]. И. П. Еремин к этой гипотезе отнесся отрицательно [Еремин 1955: 348]. Вопрос о принадлежности главы «Сказанию» оставался открытым, поэтому о необходимости дальнейшего изучения связи этой части с остальным произведением говорил Я. Н. Щапов, указывая, что характер данной связи остается неисследованным [Щапов 1978: 194]. Возможно, не позднее конца XV в. (этим временем датируется старший список из Епархиального собрания) объединены и отредактированы по меньшей мере три произведения (притчи) Кирилла Туровского (а возможно, также и Слова). Поэтому не исключено, что считающаяся заключительной глава «О аггельстѣм образѣ мнишьстѣм указ» также была подобрана редактором по тематике (или специально написана) и присоединена к сочинению Кирилла Туровского, у которого не хватало логического общепринятого заключения. Именно такая незавершенность была основным аргументом в пользу того, что часть текста отсутствует, и приводила к попыткам отыскать его концовку. Окончательный ответ на вопрос о принадлежности «О аггельстѣм образѣ мнишьстѣм указа» к «Сказанию о черноризском чине» может дать текстологическое изучение известных списков и исследование языка основной части произведения и этой главы.

В состав Кормчих, как показал Я. Н. Щапов, «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского включено на втором этапе создания сборника в 60—70-е годы XIII в., когда к уже отобраннным правилам и толкованиям, объединенным в одной рукописи с оглавлением в 70 главах, были присоединены добавочные статьи [Щапов 1978: 164]. В число дополнительных 25 статей, помещенных после последней, 70-ой главы Кормчей, вошло «Сказание о черноризском чине» [Срезневский 1897: 111]. Оно содержится в списках Кормчей Синодально-Варсонофьевской группы, в которой выделяются Варсонофьевско-Барсовская подгруппа и Синодально-Тихомировская подгруппа, включающая списки Синодального извода (сюда входит Новгородская кормчая) и Тихомировского (Псковского) извода.

Я. Н. Щапов пришел к выводу, что протограф северных списков был создан в 1280 г. во Владимирском княжестве. На следующем этапе разо-

моназвании она обозначена как часть произведения Кирилла Туровского: **Ѡ слова прѣпѣна Ѡца / наше кирида мниѡа / сказаѣ о иночьско чинѣ / Ѡ вѣхаго и нова закона / ѡ аггельстѣмъ шбра/зѣ мнишьстѣмъ** указъ Вол-530, л. 40.

⁹ Оно находится также в других сборниках, содержащих ту же редакцию «Сказания», что и Чуд-20, а именно в Соф-1389, Пог-1584.

шлись протографы Новгородской кормчей и Варсонофьевской кормчей XIV в. На заключительном, четвертом этапе появился собственно список Новгородской Синодальной кормчей (после 1283 г.)¹⁰ [Щапов 1962: 296—301].

В составе Кормчих списки «Сказания» Кирилла Туровского составляют четыре группы: а) список Новгородской кормчей (л. 604а—611в); б) списки Писк-39 и Толст-74, протограф которых восходит непосредственно к Новгородской кормчей, а в них самих представлена другая редакция, характеризующаяся последовательной заменой существительного **чърньць** и производного прилагательного на слово **мнихъ** и производное прилагательное¹¹; в) Рог-257, Ег-472, Ег-254, Ег-850, Овч-151, Пог-231, Пог-232, Пог-233, Пог-237, где текст механически разделен на две части, между которыми вклиниваются другие произведения¹²; г) Рог-256 и Рум-231. Три списка (Новгородская кормчая, Писк-39 и Толст-74) представляют собой особую — боковую — ветвь текста «Сказания» в русских Кормчих, поскольку имеющиеся в них и не совпадающие с остальными списками особые чтения позволяют предполагать, что в протографе Кормчей их не было¹³.

В составе сборников можно выделить следующие группы списков: а) Чуд-20, Пог-894, Пог-1584, Соф-1474, Соф-1389; б) Син-935 и Богд-690; в) Вол-504, Вол-492, Вол-525, Толст-214, Епарх-345, в которых представлена другая редакция «Сказания», характеризующаяся рядом лексических замен (**ради**, **иннокъ**, **иночьскыи**, **ранскага пища**, **лон**, **перемандъ** и др.) и главой «**Об аггелъстѣм образѣ мништѣм указъ**». Общее направление редактирования может быть определено как «русификация» текста, то есть включение в него лексики, употреблявшейся только или преимущественно

¹⁰ В литературе указываются разные даты создания памятника: 1280 г., 1282 г., 1284 г., а также 1284—1291 гг., см. [СДЯ 8: 35; Щапов 1962: 295—301]. О датировке 1280 г. см. [Каталог 1984: 207—210]. Я. Н. Щапов считает, что в 1280 г. появился протограф северных списков, а сама Новгородская кормчая была написана несколькими годами позднее.

¹¹ По Писк-39 это следующие позиции: л. 417.17, 418.12, 418 об.14, 419.20, 420.7, 421.5 и 20, 422.12, 422 об.18, 423.9.13.17 и 19, 423 об.9 и 18. Помимо особых чтений на родство Новгородской кормчей со списками Писк-39 и Толст-74 указывает название произведения: **и^з со^ф-ѣиски^х праві^и и^с харатенны^х веліко^у новагоро^д / кирила епіа тоуровскаго. сказа^нн^е ш черноричестѣмъ чиноу^у. ѿ / ветухаго закона и новаго. шного ш/браза носашце. а сего дѣлы не совершаю^т. Писк-39, л. 416; Кирилла епіа тоуровъ/скаго. сказаніе ш черъноризъчестѣ^м чинж. / ѿ вѣтухаго закона и новаго шного шбра^з / носашца а сего дѣлы не свѣршающа. Ис^з [так!] со/ѣиски^х праві^и. харатенны^х велико^у новагоро^д Толст-74, л. 363 об.**

¹² За первой частью, оканчивающейся словами **сѣдѣла^{на} воудеть скниа** (Рог-257, л. 583), следуют два послания (поучения) Василия Великого инокам и инокиням. После второй части «Сказания об иноческом чине» помещен «Чин, как погребать братио по уставу Студийскому». В свою очередь, данная группа списков подразделяется на несколько подгрупп.

¹³ Подробнее см. в статье [Макеева (в печати)].

в оригинальных русских памятниках. В Тр-784 включено «Сказание» в редакции Кормчих. Фрагмент произведения в списках БАН и Богд-41 слишком мал, но и он, по-видимому, восходит к Кормчим, насколько можно судить по некоторым характерным чтениям. Таким образом, в классификацию списков «Сказания» И. П. Еремина необходимо внести уточнение: целесообразно говорить о двух основных редакциях «Сказания»: редакции Кормчих и редакции сборников.

В составе Новгородской кормчей сохранился старший известный в настоящее время список «Сказания о черноризском чине» Кирилла Туровского. Следующие по времени сохранившиеся списки принадлежат к XIV в.: один находится в составе сборника Чуд-20, другой — в Варсонофьевской кормчей. Остальные известные списки Кормчих и сборников относятся к XVI и XVII столетиям. О. В. Творогов, основываясь на исследовании И. П. Еремина, указывает 29 списков «Сказания» начиная с XIII в. [Словарь книжников 1987: 218]. Однако количество их больше. К уже упомянутым сборникам из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря и Епарх-345 следует добавить несколько Кормчих (Рог-256, Рог-257, Овч-151, Ег-472, Ег-850, Ег-254).

Выделенные И. П. Ереминым три редакции «Сказания о черноризском чине» в действительности представляют собой две основные редакции, которые условно можно обозначить как редакция Кормчих и редакция сборников. Внутри них возможно выделение групп списков и подвидов основных редакций. Имеющиеся разночтения позволяют ставить вопрос о том, какая именно редакция или языковые явления внутри редакций отражают авторский текст и, следовательно, характеризуют русский литературный язык XII в., хотя в целом «Сказание» сохраняется на протяжении длительного времени (с конца XIII века по XVII столетие включительно) с небольшими изменениями.

В основу исследования целесообразно положить древнейший список «Сказания о черноризском чине» в составе Новгородской кормчей. Возможно, именно он в целом в наибольшей степени аутентичен авторскому тексту, хотя нередко бывает и противоположная ситуация, когда первоначальный вид произведения лучше сохраняется в каком-либо позднем списке.

«Сказание» в составе Новгородской кормчей сопоставляется с остальными Кормчими, что позволяет установить тот вид текста, в котором он вошел в состав Кормчей в конце 1270-х годов, то есть спустя примерно 100 лет после его написания. С другой стороны, сопоставление «Сказания» в Новгородской кормчей с текстами сборников показывает, что в русской письменности XIII—XIV вв. сочинение Кирилла Туровского уже существовало по меньшей мере в двух версиях, одна из которых имела продолжение в сборниках, а другая — в Кормчих. Сложнее ответить на вопрос, какая из версий ближе к авторскому тексту писателя. Для этого необходимо исследовать памятник с точки зрения лексического состава, морфологических особенностей и синтаксиса.

Поскольку базовым выбран список «Сказания» в составе Новгородской кормчей, он должен быть охарактеризован с точки зрения графико-орфографических и фонетических особенностей.

Писец¹⁴ использовал стандартный набор графем, за исключением, возможно, не встретившихся в данном отрезке рукописи **ѡ**, **ѣ**, **ѝ**, **ѡ**, **ѡ**. Позиционное распределение имели **ѡ**, употреблявшаяся после гласных и в начале слова (**шьствѡна** 605б, **ѡко** 606а), и **ѡ**, отмечаемая после мягких согласных (**дѣла** 604б, **испекѡшасѡ** 605б). В начале слова и в предлогах и приставках *о* и *отъ* писец использовал **ѡ** (**ѡ**, **ѡдѣжи** 606б, **ѡ закона**, **ѡгнь ѡкроужи** 606г), в остальных позициях — **о** (**сеѡ** 606в, **чѡтоѡ** 607б). Почти всегда писец пишет диграф **ѡѣ**; графема **ѣ** встречается редко, а употребление **ѣ** ограничено позицией конца строки (**ѡѣчениѡ** 606б, **риѡѣ** 609а, **сѡѣ** 608в, **пиѡѣ** 610б, **ѡѣ** 610г). Также в конце строки пишется **ѣ** при обычном **и**, не имеющем позиционных ограничений: **прѣ/ношениѣ** 604в, **ѡѣ** 606б, **мнѣ/си** 610г. В соответствии с [je] в начале слова и после гласных употребляется **ѣ** (**ѡѣ** 604г, **ѡѣ** 608в). Иногда полуовал этой графемы очень слабо закруглен и язычок едва выражен, так что она становится похожей на **и**¹⁵. Выносные буквы относительно немногочисленны и написаны под покрытием: в качестве таковых выступают **ѡ**, **ѡ**, **ѡ**, **ѡ**, **ѡ**, **ѡ** (**ѡѣ** 607г, **ѡѣ** 608а, **ѡѣ** 608б, **ѡѣ**, **ѡѣ** 608в, **ѡѣ**, **ѡѣ** 609а, **ѡѣ** 610а). На границе строки как выносные могут быть написаны и другие буквы, в том числе первая часть диграфа **ѡѣ** (**ѡѣ** 609в, **ѡѣ**, **ѡѣ** 611в).

Как и другие рукописи, написанные на новгородской территории, Новгородская кормчая, точнее, «Сказание о черноризском чине» в ее составе, характеризуется написанием **ѡ** вместо **ѡ** (**ѡѣ/нѡѣ** 606в, **ѡѣ** 610г), **ѡ** вместо **ѡ** (**ѡѣ** 611в, **ѡѣ** 604а) и **ѡ** вместо **ѡ** (**ѡѣ** 606в), что является, по-видимому, отражением бытовой орфографической системы¹⁶. Кроме того, есть примеры взаимозамены графем **ѡ/ѡ** (**ѡ ѡѣѡѣ** 604в — **ѡѣ** 608а, **ѡѣ** 605б, **ѡѣ**, **ѡѣ** 607а, **ѡѣ** 611а и др.). Написание **ѡ** вместо **ѡ** и наоборот (**ѡѣ/ѡѣ** 606б, возможно, сюда же **ѡѣ** 610б) свидетельствует о переходе [ě] в [и], единичные примеры которого в нов-

¹⁴ Рукопись написана несколькими писцами [Каталог 1984: 207]. Е. Ф. Карский считал, что писец был один [Карский 1930: 10]. Видимо, «Сказание» Кирилла Туровского и «Русская Правда» написаны одним писцом.

¹⁵ За счет такой графической особенности в Писк-39 и Толст-74, чей протограф восходит к Новгородской кормчей, появилось чтение **ѡѣѣ** (Писк-39, л. 422 об.20; Толст-74, л. 368.25) при начальном **ѡ/ѡ** в других местах этих списков и в остальных рукописях. Оно обусловлено непосредственно Новгородской кормчей (л. 610в 1), где буква **ѡ** в слове **ѡѣѣ** написана именно так, неразборчиво, и была прочитана как **ѡ**. В результате последующим переписчиком слово было прочитано как **ѡѣѣ** и в таком виде попало в протограф Писк-39 и Толст-74.

¹⁶ Подробно об этом см. [Янин, Зализняк 1986: 100—105; Зализняк 2002: 577—612].

городских берестяных грамотах фиксируются уже во второй половине XII — первой половине XIII века [Зализняк 2004: 26]. Немногочисленность приведенных выше примеров объясняется относительно небольшим объемом текста «Сказания»¹⁷.

Этимологические редуцированные **ѣ** и **ь** в основном сохраняются, хотя прослеживаются следующие тенденции их написания. В корне слов они могут быть сохранены, но чаще, кажется, отсутствуют (**псомъ**, **здѣ** 604б, **сдѣ** 604в, **птицамъ** 604б и 604в, **всѣхъ** 605б, **избранѣѣ** 606б, **мни** 607б и др.; ср. на границе строки: **вь/сего** 607в, **вь/сь** 609в). В суффиксах этимологические редуцированные чаще сохраняются (**неродѣствомъ** 604б, **неплодѣствомъ** 604в, **вшедѣше**, **познавѣши** 605а; но **порочно** 604в, **ноуѣжнѣѣ** 605б, **слѣшавша** 605в, **старца** 605г и др.). Приставки **сѣ-** и **вѣ-** нередко пишутся без редуцированного, тогда как в префиксе **вѣз-** (или воспринимаемом как таковой) **ѣ** обычно сохраняется (**вниман**, **смотри**, **слогъ** 604б, **вѣзвращеник** 604в, **сѣздати** 605б, **вѣсхотѣ** 606б, **вѣслѣдовати** 605г и др.).

Редуцированные сохраняются перед *р* и *л* в рефлексах праславянских сочетаний типа **тъг*: **търноваго** 606в, **държи** 607а, **жъртвоу** 609в и др. Как кажется, в «Сказании» с проясненным **ь** пишется корень *терп-*, хотя **потърпи** 606а; с редуцированным — корни *държ-*, *жъртв-* (но **жъртвоу** 604б), *мъртв-*, *първ-* и др. Корень *черн-* может быть написан с редуцированным и с гласным полного образования¹⁸. Старославянских написаний рефлексов праславянских сочетаний с плавным в «Сказании» не встретилось. Пример **първ/стомъ** 606б приходится на границу строки¹⁹.

Довольно последовательно проведена тенденция к написанию **ь** вместо **и** перед [j] (**точью**, **по вѣсприятѣн** 604г, **людѣк** 605а, **дѣавола** 605г, **житѣк** 606б, **соупротивѣкъмъ** 606в, **скинья** 607а, **хоудовѣрькъмъ**, **сыакши** 607б, **славостью** 608б, **вѣахоуѣтъ** 610в и др.).

В тексте представлены написания **иж него** 609а [ср. Зализняк 2004: 88—89] и **раздроуши** 606в с изменением *зр* > *здр*, отмечаемым довольно рано — в XI—XII вв. в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 2004:

¹⁷ На некоторые аналогичные написания в древнейшем списке Пространной редакции «Русской Правды» в составе той же Новгородской кормчей (л. 615в—627г) обратил внимание Е. Ф. Карский. Он привел примеры, с одной стороны, обычного смешения **ѣ/ѣ**; с другой стороны, написания **о смѣрдѣ** при **смърда**, **вѣѣль** при **вѣель** и др. [Карский 1930: 13]. На л. 627б первоначальное написание **вѣ торго** поздним почерком переправлено на **вѣ торговѣ**. В «Сказании» можно предположить **о** на месте **ѣ** в слове **оуѣткано**: **на пѣрсѣ/хъ же положи. пади / оуѣткано. и сѣ .ѣ. ка/менема кѣоуѣдъ** НК, л. 608г. Ср. в Изборнике Святослава 1073 г., л. 120 об.: **образъ же его пади истѣканъ бѣаше**.

¹⁸ Е. Ф. Карский особо отметил написание редуцированных «в сочетаниях с *р*» в «Русской Правде» [Карский 1930: 13].

¹⁹ Ср. в «Русской Правде» не в конце строки **ворѣтъноуѣю** 621б.

89] и позднее в книжных текстах²⁰. Примеры цоканья в «Сказании» в Новгородской кормчей не встретились²¹.

Новгородской диалектной чертой в этом списке «Сказания» является союз **ДАТИ**: **ЛОУЧЕ / НЪ КСТЬ ДАТИ ТЕЛЕ/СА НАША СЪ ПАДЪШИ/МИ ВЪ ПОУСТЪНИ / ПАДОУТЬ** НК, л. 608б. То же самое еще в двух Кормчих — Писк-39, л. 420 об. и Толст-74, л. 367 об., которые представляют собой другую редакцию «Сказания» и восходят (через общий протограф) непосредственно к Новгородской кормчей. В остальных списках «Сказания» в соответствующем месте — **ДА**. Древненовгородский диалектный союз **ДАТИ** «пустить», «чтобы» встречается в новгородских берестяных грамотах и в летописях [Зализняк 2004: 198—199]. Он появился в результате слияния **ДА** «пустить» и частицы **ТИ**, которые в XII в. еще могут быть разделены другими словами, а в XIV в. уже выступает единое **ДАТИ** и его вариант **ДАТЬ**. Очевидно, в протографе «Сказания» в Кормчей находился союз **ДА**.

В «Сказании о черноризском чине» Кирилла Туровского представлены два пласта лексики: встречающаяся во многих памятниках письменности начиная с XI—XII вв. и зафиксированная в данном произведении в составе Новгородской кормчей XIII в. и в его более поздних списках²².

Лексемы первой группы могут характеризовать редакции «Сказания». К таким словам относятся, например, существительные **ПЛѢНЪ** — **ПЛѢННИК**. Первое представлено в редакции Кормчих, в том числе в Новгородской кормчей: **ПОСА БѢ СНА СВОГО. / ИЗБАВИТИ ЧЛѢВЪ РОДЪ Ѡ ПЛѢНА ДЫАВО/ЛА** НК, л. 605в; второе встречается в редакции сборников. Оба слова достаточно рано фиксируются в церковнославянских памятниках письменности и имеют несколько значений, основное из которых — «плен» [СДЯ 6: 419, 422; СРЯ 15: 84, 85]. При этом у каждого существительного есть дополнительные коннотации: слово **ПЛѢНЪ** обозначает положение, состояние, то есть неволю, а **ПЛѢННИК** как отглагольное существительное — процесс, действие по глаголу **ПЛѢНИТИ**. Однако в письменности нет строго разграничения в употреблении слов в значении «плен». Поэтому в авторском тексте «Сказания» могло быть как **ПЛѢНЪ**, так и **ПЛѢННИК**.

Другой парой словоформ, характерных для разных редакций, являются причастия **РАСТЕРГАНЪ** и **РАСТЕРЗАНЪ**. Первое отмечено в Кормчих, в том

²⁰ Например, в написанном на новгородской территории «Сказании чудес Николая Мирликийского» в Хлуд-215 конца XIII в.: **ИЗДА РОУКОУ** л. 2, **ИЗДРАЗИ** л. 4 об., **ИЖ НЕГО** л. 14 [Макеева 2003].

²¹ Смешение **Ц / Ч** хорошо представлено в Новгородской кормчей в тексте «Русской Правды» [Карский 1930: 15]. В «Сказании» новгородские диалектные черты имеются в минимальном объеме и исчерпываются приведенными примерами. См. также далее о союзе **ДАТИ**.

²² Анализу лексики в Словах Кирилла Туровского посвящена статья Т. А. Алексеевой, в которой автор рассматривает имеющиеся в списках лексические разночтения, не ставя цель установить круг слов, находившихся в оригинальном авторском тексте. См. [Алексеева 1976].

числе в Новгородской кормчей: **к томоу не по/мъсли. аще и на ш/ноуѣрѣ растерганъ / воудеши** НК, л. 604г; **расторганъ** Рог-256, л. 645 об. Второе слово находится в редакции сборников (например, Чуд-20, л. 277г). Оба глагола употреблялись в памятниках церковнославянской и русской письменности и имели значение «разорвать, растерзать» [СРЯ 22: 87, 88]. Возможно, в оригинальном тексте Кирилла Туровского была словоформа **растерганъ**, однако доказательств в пользу его предпочтения пока нет. В списках Волоколамской группы представлено **разранъ** (Вол-504, л. 127 об.), которое характеризует, наряду с другими чтениями, именно данную редакцию.

По спискам сочинения Кирилла Туровского варьируются прилагательные **короставъ**, **краставъ**, **кравтовъ** и **коростовъ**, имевшие одно и то же значение «покрытый струпами, коростой» [СДЯ 4: 269, 288; СРЯ 7: 342; 8: 24]. Слова **краставъ** и **короставъ** засвидетельствованы в церковнославянской письменности уже в XI в. Лексемы **коростовъ** и **кравтовъ**, видимо, более поздние: первая фиксируется в памятниках с XVI в. (Назиратель и др.), вторая — в русском житии Александра Ошевенского 1566 г.²³ В «Сказании» слово употребляется два раза; в Новгородской кормчей оба раза использовано прилагательное **короставъ**: **да не бѣ/деши короставъ. и / хромъ. и слѣпъ** НК, л. 604б; **короставъ бѣвѣ / твореникмъ грѣху/вѣ** НК, л. 604в. По спискам Кормчих во втором примере сохраняется то же самое слово, в первом только в Рог-256 появилось **коростово** (о роде имен прилагательных см. далее). Следовательно, в протографе Кормчих оба раза использовано **короставъ**. В сборниках картина более сложная. В первом примере в большинстве списков зафиксировано прилагательное **краставъ** (иначе КБ, л. 367 **кравтовъ** и Вол-492 **кравтово**), во втором — **короставъ** (Чуд-20, л. 277; Богд-690, л. 5 об.; КБ, л. 367 об.), **короставъ** (Син-935, л. 1), **краставо** (Вол-504 и остальные списки этой группы). Ср. Пог-894, л. 313 **кравтавъ** и **кѣраствавъ**. Если исключить слова с поздней фиксацией, то можно предположить, что в протографе редакции сборников в первой позиции стояло прилагательное **краставъ**, во второй — **короставъ**, не зафиксированное в словарях **кравтавъ** или **краствавъ**, что кажется более вероятным. При определении слова, которое могло быть в архетипе сочинения Кирилла Туровского в данном и в приведенных выше случаях, когда одинаково возможно употребление любой лексемы из двух или более засвидетельствованных в списках, необходимо привлечь дополнительные данные, а именно общую характеристику каждого списка с точки зрения лексического состава и синтаксического строя.

В «Сказании о черноризском чине» в составе Новгородской кормчей имеются лексемы, которые: а) по данным исторических словарей отмечены только в этом памятнике; б) засвидетельствованы только в данном источнике в одном из значений; в) ранняя фиксация слова или значения в

²³ В [Указатель 2001] Ж.Ал.Ош. датируется 1567 годом.

письменности приходится именно на «Сказание». К числу таких слов принадлежат: **адьскыи, велерѣчникъ, вѣкоусть, замѣсити, заплата, заоушеник, изведеник, исплосты, келаревъ, кожныи, кроуничьныи, коуста, къдманъ, левгитанинъ, манатъка, манотъка, новоплодик, наглавныи, неостатик, обедь, ометъ, оноуца, особьныи, платище, плетьць, плѣшь, подирь, пошивати, престоупьныи, преводьнѣ, провадатиса, раньнѣ, сало, сиклъ, стихарь, стриженик, съготовати, сълогъ**²⁴. В число этих слов входят имена существительные, обозначающие реалии русской жизни того времени (**къдманъ, оноуца**) и одежды ветхозаветных священников (**подирь, стихарь, ометъ**) и их части (**обедь**)²⁵. В «Сказании об иноческом чине» Кирилла Туровского одна из глав содержит символическое толкование одежд ветхозаветных священников, о которых идет речь в 28 главе библейской книги Исход: «Вот одежды, которые должны они сделать: наперник, ефод, верхняя риза, хитон стяжной, кидар и пояс» (Исх. 28, 4)²⁶.

Только в «Сказании о черноризском чине» засвидетельствованы слова:

— **наглавныи** «такой, который надевается на голову, головной»: **кидаръ же наглавныи/и оушывъ. се же кестъ / сто дѣа ѡсѣнениа** НК, л. 609а. В «Словаре древнерусского языка» приведена эта же, причем единственная цитата [СДЯ 5: 133]; в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» слово отсутствует;

— **новоплодик** «праздник сбора урожая (плодов)»: **заоушеник же никрѣ/искаго новоплодыа по шразоу адамѡва ѿ дрѣва вѣзбра/ненаго вкоуса** НК, л. 611а. В «Словаре древнерусского языка» это существительное засвидетельствовано только у Кирилла Туровского [СДЯ 5: 423]; в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» слово отсутствует;

— **неостатик** «продолжение»: **лоуче / ны кестъ да ти теле/са наша съ падъши/ми въ поустыни / падоутъ. нежели не/встатикѣмъ грѣхъ / творениа. къ кюпъ/тъскимъ вѣзбра/стимъса [так!] стрѣтемъ** НК, л. 608б. В «Словаре древнерусского языка» и в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» слово засвидетельствовано только в «Сказании» Кирилла Туровского [СДЯ 5: 315; СРЯ 11: 201];

— **кроуничьныи** в словосочетании **кроуничьнага моука** «крупчатка»: **съготованѣ / вѣвши жьртвѣ. / и кроуничьныи моуцѣ. ѿ князь приносимѣ. съ дрѣвангы/мь масломь. и чты/мь саломь** НК, л. 608в. В «Словаре древнерусского языка» и в «Словаре русского языка XI—XVII вв.»

²⁴ Можно добавить также предложно-падежную конструкцию в роли наречия **до поздьнаго** «допоздна». Прилагательное **поздъныи** фиксируется с XI в., а данная конструкция отмечается в «Сказании» Кирилла Туровского и в более поздних источниках [СДЯ 6: 571; СРЯ 16: 113].

²⁵ Помимо этих слов в «Сказании» упомянуты также **кфоудъ** и **кидарь**.

²⁶ Верхняя риза — это **подирь** Кирилла Туровского, хитон (длинная нижняя одежда) — **стихарь**, кидар (головное украшение в виде чалмы из виссона, которым обвивалась голова) — **кидарь**, ефод (короткая одежда) — **кфоудъ**.

слово засвидетельствовано только в «Сказании» Кирилла Туровского [СДЯ 5: 43; СРЯ 8: 87];

— **пробадаѣтисѧ** «быть пронзенным, проткнутым»: **пробадаѣтъ въ рѣвѣра** НК, л. 611а. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» засвидетельствован только глагол **пробадаѣти**, который фиксируется уже в служебных минах 1096 г. [СРЯ 20: 96]. В «Словаре древнерусского языка» приведен только один — именно этот — пример из «Сказания» [СДЯ 8: 674];

— **плетьць** «четыреугольный плат с изображением креста, орудий страстей Господних, адамовой головы и проч., который монахи носили под одеждой; аналав, параманд»: **се же и мнихоу/мъ аналави преда/но носити. рекъше / плетьць** НК, л. 610б. Эта же фиксация слова приведена в обоих словарях [СДЯ 6: 426; СРЯ 15: 91];

— **манатѣтка** и **манотѣтка** «мантия (монашеская)»: **аще ли / боудеть мнихоу кпѣть/мъ подоваѣтъ кмоу / снимати манаткоу. / кгда с полицею слоу/житъ** НК, л. 611б; **такоже и игу/меномъ с полицею / слоужащимъ. стъни/мати манотку съ плѣ^{чю}** НК, л. 611в; **по / семоу шбразоу чьрнь/цю малага манѣтка / да не на пьрсъхъ ни / на лица. нъ за плечи/ма ветхын законъ / държитъ** НК, л. 610в. В «Словаре древнерусского языка» оба слова засвидетельствованы только в «Сказании об иноческом чине» [СДЯ 5: 503, 505]. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» они не включены. В «Сказании» присутствуют и два других слова того же происхождения — **манатѣя** и **манотѣя**, которые в русской письменности были гораздо более употребительными и фиксируются примерно с того же времени [СДЯ 4: 503, 505; СРЯ 9: 26]. Существительное **мантѣя**, которое фиксируется с XI в. (Синайский патерик), в Новгородской кормчей не отмечено; см. [СРЯ 9: 28]. Оно восходит к греч. *μάντιον, μαντίον* «плащ». М. Фасмер предполагает такой порядок появления слов: дренирусс. **манѣтѣя**, **манѣтка**, откуда **манотѣя**, **манотка**, затем **манатѣя** [Фасмер 2: 567]. П. Я. Черных рассуждает иначе: мантия > манатѣя: манатѣя: манотѣя: манонтия, манѣтка > манотка [Черных 1: 509, 506—507]. Он отмечает «неустойчивость» значения, точнее, его неопределенность: «мантия», «плащ» и «короткий плащ», «покрывало», «одеяло», «покров», «одежда», «подобие покрывала, шали или наплечного платка». По-видимому, конкретные реализации общего значения «то, что накидывается, накидка» были довольно многочисленны.

По спискам «Сказания» представлено свободное варьирование слов, причем встречается **манатѣтка**, которая отмечена в Новгородской кормчей, и **мантѣя**, отсутствовавшая в этом памятнике²⁷. Форма **манотѣтка/манѣтѣтка** не подтверждается другими списками. Вместо них используются ма-

²⁷ Слово **мантѣя** отмечено в одном и том же месте в сборнике Вол-504 и в Кормчих Рог-257, Ег-472, Ег-254, Ег-850, Овч-151 и др. при **манатѣя** в НК, л. 609а. Все рассматриваемые списки, включая Новгородскую кормчую, но кроме группы Волоколамских списков, по употреблению этих слов совпадают только в одном месте — соответствующем НК, л. 611б, где употреблено **манаткоу**.

натѣка и один раз (в Рум) **манатенка**. В списках Волоколамской группы, где представлена другая редакция текста, в двух местах появляются существительные **перемандѣ** и **перемандѣ**, причем последнее зафиксировано только в «Сказании»²⁸. Ср. существительные **переманатка**, **параман(д)ѣ**, **парамантѣ**, **парамандѣ**, **парамандна** и др., которые известны именно в оригинальных русских памятниках письменности [СРЯ 14: 258, 151—152].

Только в «Сказании о черноризском чине» Кирилла Туровского засвидетельствованы следующие значения слов:

— **исполости** «выпасть, вылезти (о волосах)»: **възложиша въпре/снѣки на главы / своа. и тако ѿ сѣца / испекошася. испо/лзѣшемъ власомъ / и въша на всѣхъ / плѣши** НК, л. 605б; см. [СДЯ 4: 78; СРЯ 6: 279];

— **престоупныи** «нарушающий закон, запрет; преступный»: **поди/рь же ксть престоу/пнѣи адамовъ грѣ/хъ** НК, л. 608г; ср. [СРЯ 19: 62], где зафиксировано субстантивированное прилагательное **престоупное** «риторический прием “гипербатон”, состоящий в перестановке слов или частей фразы из начала в конец» из Изборника Святослава 1073 г. В «Словаре древнерусского языка» при значении «нарушающий, преступающий установления, клятвы» приведен пример из Лаврентьевской летописи, список которой датируется 1377 г. [СДЯ 8: 302];

— **особыни** «особенный, необычный»: **Аще ли прилѣпиши/са акн къ авиронь/скоу/моу сън/моу. къ / мироу/щемъ тѣло / своѣ мнихомъ. и ри/зѣи измѣняющихъ. / и извѣтомъ праздь/ника. особною тра/пезоу съ пивомъ тво/раца** НК, л. 607г; см. [СДЯ 6: 176; СРЯ 13: 125—126];

— **въкоусѣ** «уксус»: **въ/коушають зѣлчъ съ / вкоусомъ** НК, л. 611а. В «Словаре древнерусского языка» данное значение представлено только у Кирилла Туровского; в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» оно отсутствует [СДЯ 2: 155; СРЯ 2: 204]. Значение «уксус» могло развиваться на основе семантики «качество, свойство пищи» как конкретная реализация «характерный вкус укуса» > «уксус». Однако все же есть некоторые сомнения в правомерности выделения значения, поскольку в «Сказании» Кирилла Туровского чуть ранее слово **въкоусѣ** употреблено в первый раз, и, может быть, второй раз оно написано под влиянием предыдущего; ср.: **за/оушеник же икрѣ/искаго ново/плодь/а по вбразоу адамъ/ва ѿ дрѣва възвѣра/ненаго вкоуса. въ/коушають зѣлчъ съ / вкоусомъ** НК, л. 611а. В списках «Сказания» в составе сборников **въкоусѣ** «уксус» может сохраняться (Чуд-20, Пог-894 и другие списки группы), а может быть заменено частотными существительными **оукоусѣ** (Син-935, л. 7 об.) и **оцѣтъ** (Вол-504, л. 135 об. и остальные списки этой группы) в том же значении;

— **обеде** «витая цепочка, которой наперник крепился к ефоду(?)»:
вбеде же си въз/ложи златѣ. се же / ксть ноужнок из ра/а изведеник. акѣ / скотоу оуздами по/вързѣши. на пѣрѣ/хъ же положи НК, л. 608г; ср. [СДЯ 5: 471; СРЯ 12: 28]. В списке «Сказания» в Новгородской кормчей

²⁸ См. [СРЯ 14: 258]. Датировка списка XIV в. указана ошибочно.

оно зафиксировано также в формах **обьдь** (608в) и **овидь** (610б 20). Употребление слова ограничено определенным контекстом и несколькими памятниками письменности: библейской книгой Судей (8, 21) в разных списках, где оно означает надеваемый на шею домашних животных разомкнутый металлический обруч (греч. τοὺς μίσιχους); сюда же **оведь** [СРЯ 12: 28, 221]. То же значение **оведь** имеет в Книге 12 малых пророков [Срезневский 2: 500]. В сборнике XV в. слово значит «свод, полукруг», то есть так или иначе в его семантике присутствует обозначение круга или полукружия. Ср. семантически более сложное и частотное существительное **ободъ**, употреблявшееся в церковнославянской и русской письменности, включая деловые памятники [СРЯ 12: 112—113]²⁹. В значении «витая цепочка...», которое слово **оведь** имеет в «Сказании о черноризском чине» Кирилла Туровского, семантики круга или полукружия нет. Возможно, в основе номинации здесь лежит понятие ‘витой’: «и [сделай] две цепочки из чистого золота, витыми сделай их работой плетеною, и прикрепи витые цепочки к гнездам [на нарамниках их спереди]» (Исх. 28, 14). Ср. параллель, которую приводит Кирилл Туровский, когда соотносит одежды ветхозаветных священников с монашеским одеянием: **введи же / соуть приводнѣ на / црьскѣи санѣ. ведо/ша бо юго къ пилатѣ / связана глше распѣни и. како сиц себе црѣ / творить... тѣ бо /на свожмь саноу си/та ввиди носаше спл/ють се же и мнихо/мѣ аналави преда/но носити. рекѣше / плетьцѣ НК, л. 610б.**

Ранняя фиксация слов или значений в «Сказании» в Новгородской кормчей отмечена для большинства из приведенного выше списка лексем. Следует учитывать определенную условность датировок, поскольку, во-первых, нередко слова фиксируются в источниках, написанных или переведенных в XI или XII столетиях, но сохранившихся в списках XV—XVI вв.; во-вторых, в более древних памятниках фиксируется производное слово. Ярким примером является существительное **плѣшь**, которое находится в списке Новгородской кормчей и было в оригинальном тексте Кирилла Туровского (**дондеже на главѣ / ти плѣшь боудеть НК, л. 606а**), а также отмечено И. И. Срезневским в списке XV—XVI вв. Книги 12 малых пророков, возводимом к 1047 г. [Срезневский 2: 978]. Производное прилагательное **плѣшивъ** есть в переводных Чудесах Николая Мирликийского в Торжественнике в составе Златоустрия XII в. Очевидно, что первая фиксация в словарях существительного **плѣшь** и других приведенных ниже слов именно в «Сказании» Кирилла Туровского отчасти является случайной. Кроме того, некоторые лексемы известны по памятникам старославянского языка. В данном случае важным является использование этого круга слов именно в оригинальном литературном произведении древнерусского писа-

²⁹ Ср. также аналогичные с точки зрения морфологической структуры **ободъ** «граница» как то, что обведено [СРЯ 12: 225] и **овводъ** «обведенная вокруг чего-либо кайма, ободок», «межа, граница» и др. [СРЯ 12: 17].

теля XII в., что характеризует язык Кирилла Туровского (см. приводимые лексические замены в поздних списках) и — шире — язык древнерусской литературы того времени в целом.

— **сѣлогъ** «соединение, сложение»: **познан со/вѣ въ .б.ю кѣстѣствѣ / имоуща слогъ по ве/тхѣоу/моу законоу / жертвоу со/вѣ ство/рилъ кѣтъ** НК л. 604б; см. [СРЯ 25:108];

— **раннѣ** «имеющий телесные повреждения»: **да не бѣ/деши короста/вѣ. и / хромѣ. и слѣпѣ. и ра/ннѣ. си бо вси пове/ржени бѣ/вѣють / порока дѣла псомѣ / и птицамѣ на снѣ/дѣ** НК, л. 604б; см. [СРЯ 21: 273]. В других списках «Сказания» в составе сборников вместо этого прилагательного стоит **косъ**, **коусо** или **класно**: **да не бѣди / краставѣ и хромѣ. и слѣпѣ и кось** Чуд-20, л. 277г, то же в Пог-894, л. 313 и в других списках группы; **да не боу^{ди} краставо. и хромо. и слѣпо. и класно** Вол-504, л. 127 (и остальные списки этой группы); **краставо и хромо и слѣпо и кѣсо** Син-935, л. 1; **краставо: и хромо и слѣпо и кѣсо** Богд-690, л. 505 об. Ср. в сборниках, где находится редакция Кормчих: **коростово и хромо, и слѣпо, и ранено** Тр-784, л. 20б; **короставо, и хромо и слѣпо, и ранно** БАН, л. 396 об. В связи с этим возникает два вопроса: какое именно прилагательное использовал Кирилл Туровский, а какое является вторичным, и какой была первоначальная форма — мужского рода или среднего. В других списках Кормчей (за исключением Писк-39 и Толст-74, которые следуют за Новгородской кормчей) употреблены формы среднего рода: **короставо и хромо и слѣпо. и ранно** Рум-231, л. 359; Пог-256, л. 645; Пог-257, л. 581; в Ег-472, л. 434в; Ег-254, л. 520; Ег-850, л. 800; Овч-151, л. 464 об. **раннѣ** вместо **ранно**. Далее в тексте чередуются формы среднего и мужского рода с преобладанием последних: **короставѣ бѣ/вѣ / твореникъмѣ грѣхо/вѣ. хромѣ же приле/жаникъмѣ житни/скихѣ вещи. слѣ/пѣ же неплодѣство/мѣ жива; да не боуди / порочно расоужени/къмѣ твонхѣ мѣ/слии** НК, л. 604в. Возможно, в протографе Кормчей была форма среднего рода **короставо и хромо и слѣпо. и ранно**, которая по аналогии с последующими формами в Новгородской кормчей была заменена прилагательными в мужском роде.

Из четырех прилагательных, имеющих в этом фрагменте, по спискам варьируется только одно: в редакции Кормчих это слово **раннѣ**, в редакции сборников — лексемы **коусѣ** (**коусо**), **класнѣ** (**класно**) или **косъ**. В этом фрагменте «Сказания» Кирилл Туровский имел в виду стихи 21—22 главы 22 библейской книги Левит: «...жертва должна быть без порока... животного слепого, или поврежденного, или уродливого, или больного, или коростового, или паршивого, таких не приносите господу». Этот пассаж нередко встречается в русской письменности, при этом в разных текстах используется прилагательное **класнѣ** «увечный, имеющий физический недостаток» или **коусѣ** «куцый, с отрубленным хвостом»: **ни приведи на жьртвоу вьвчате порочна... или класьна, или слѣпа, или крастава** (Пандекты Антиоха XII—XIII вв., 156) [Срезневский 2: 1225]; **ни приведи на жьртвоу вьвчате порочна и кърна. или класьна. или слѣпа. или кра-**

става (Сб Тр XII—XIII вв.) [СДЯ 4: 22]; **ре(ч) г(с)ь... да помючтъ овча свершено. ни слѣпо ни хромо. ни корно ни коусо** (Варс. Корм. XIV в., л. 256г) [СДЯ 4: 341]; **овчатѣ порочьна ли кърна или куса** (Пандекты Антиоха, сп. XV в.); видимо, то же самое слово было в Пандектах Антиоха XI в. [СРЯ 8: 146].

Прилагательное **косъ** в русской письменности по сравнению с **клосьнь** и **коусъ** фиксируется позднее — с XV в. Значение «имеющий физический недостаток» представлено в русских источниках начиная с XVI в. [СРЯ 7: 365—366]. Употребление слова в списке «Сказания» XIV в. может быть недоразумением (**косъ** < **коусъ** при пропуске части диграфа), тем более что в Чуд-20 имеются явные вторичные чтения, иногда представляющие собой порчу. Однако не исключено, что в Чуд-20 встретилась более ранняя фиксация слова **косъ**, причем не в первичном, а в производном значении³⁰. Тем не менее едва ли это прилагательное было в авторском тексте Кирилла Туровского.

Прилагательное **коусъ** ограничено в своем использовании приведенными выше контекстами. Традиция употребления лексемы **клосьнь** в памятниках церковнославянской и русской (оно известно по летописям) письменности была более широкой и продолжительной. По-видимому, в той редакции «Сказания о черноризском чине», которая содержится в пяти известных сейчас списках (Вол-504, Вол-492, Вол-525, Толст-214, Епарх-345) и появилась, возможно, в XV столетии, прилагательным **клосьнь** заменено первоначальное **коусъ**. Такая замена объяснима: Кирилл Туровский говорит о том, что тот, кто стал монахом, принес себя в жертву, как приносили агнцев в жертву Богу; и монаху следует быть без физических изъянов, как и жертвенным животным. Таким образом, стих 22 главы 22 книги Левит отнесен не только к приносимому в жертву животному, но и к человеку. А прилагательное **коусъ** имело узкое значение «куцый, с отрубленным хвостом»³¹. Поэтому в протографе Кормчей оно было заменено нейтральным **раньнь**, а в редакции в составе Вол-504, Вол-492, Вол-525, Толст-214 и Епарх-345 — семантически более широким и более употребительным **клосьнь** в той же форме среднего рода, которая была в авторском тексте. Косвенным доказательством того, что в Волоколамской группе списков была произведена замена, могут служить остальные новые чтения: **перемандь** вместо **малага манатъька**, **перемандъ** вместо **манатъька**, **ранскыя пицца** вместо **ранскыя жижни**, **шлон** (вариант **лон**) вместо **сало**, **оцьтъ** вместо **въькоусъ** и др.;

— **оноуча** «онуча, кусок плотной материи, навертываемый на ногу при ношении лаптей»: **лице и на ш/ноучѣ растерганъ / боудеши** НК, л. 604г; см.

³⁰ О другой особенности Чуд-20 и остальных списков группы — конструкции **ѷ смрти сѷща** — см. далее.

³¹ Слово восходит к праслав. **kъsъ(jь)*, русск.-церковнослав. **коусын**, русск. *куцый* «короткий, обрубленный (о хвосте); малорослый, короткий» [ЭССЯ 12: 67—68].

[СДЯ 6:130; СРЯ 12: 377]. Важно, что во всех списках «Сказания» засвидетельствовано древнерусское слово **оноуѣча** при отмечаемом в других источниках **оноуѣща**;

— **замѣсити** «замесить»: **и кости же нисифо/вѣ въземъше и/зидоша. замеше/но же тѣсто неса/хоу. понеже нѣ да/ша имъ испечи** НК, л. 605б; см. [СДЯ 3: 327; СРЯ 6: 279]; Впрочем, расхождение в фиксации этого слова очень мало: в «Словаре древнерусского языка» приведены фрагменты из Рязанской кормчей 1284 г.;

— **келаревъ** «принадлежащий келарю»: **нетроудь/нѣи хлѣвъ. тако / маноу ѿ келаревоу / роукоу приема / питаиса** НК л. 606а; см. [СДЯ 4: 208; СРЯ 7: 109];

— **пошивати** «зашивать время от времени»: **ризѣ же / не славнѣи и макъ/кѣи любн. на (вместо но) растуѣща. сирѣчь многѣ/ми пошиваѣа зап/латами** НК, л. 606а. В «Словарь древнерусского языка» глагол не включен. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приведена одна фиксация слова из приходо-расходных книг 1574 г. [СРЯ 18: 84];

— **заплата** «заплата, заплата»: **ризѣ же / не славнѣи и макъ/кѣи любн. на (вместо но) растуѣща. сирѣчь многѣ/ми пошиваѣа зап/латами** НК, л. 606а; см. [СДЯ 3: 334; СРЯ 5: 267];

— **сало** «жир, сало»: **сѣготованѣ / бѣвши жьртвѣ. /и кроупичнѣи моу/цѣ. ѿ князь прино/симѣ. сѣ дрѣванѣи/мъ масломъ. и чѣтѣи/мъ саломъ** НК, л. 608в; см. [СРЯ 23: 25]. В списках «Сказания» существительное **сало** сохраняется, за исключением Волоколамской группы, где употребленное в первый и третий раз слово остается (см. приведенный выше пример и **въ масла мѣсто / слъзѣ въ сала мѣсто // въздыханіе ѿ срца** НК, л. 609г—610а), причем в последний раз оно написано по затертому. Во втором случае (**за сало по лани/тама быахоу** НК, л. 609г) **сало** заменено существительным **шлон** в Вол-504 (л. 133 об.) и **лон** в Вол-525;

— **сикль** «сикль, древнееврейская мера веса, денежная единица и серебряная или золотая монета весом в 14,55 г»: **сѣготованѣ / бѣвши жьртвѣ. /и кроупичнѣи моу/цѣ. ѿ князь прино/симѣ. сѣ дрѣванѣи/мъ масломъ. и чѣтѣи/мъ саломъ. по сиклу / стмоу. сирѣчь по вѣ/соу правды бѣна** НК, л. 608в; см. [СРЯ 24: 132];

— **левгитанинъ** «левит, священнослужитель»: **икрѣи рѣ и левгитанинѣ. схода поутѣ/мъ и видѣвъ рана/ми болаща. не мо//гѣи кго ицѣлнги / мимонде** НК, л. 609б-в; см. [СДЯ 4: 393]. Это существительное и лексема **левгитъ** выступают как словообразовательная пара, причем более употребительным в церковнославянских памятниках было слово **левгитъ**. В «Словарь русского языка XI—XVII вв.» существительное **левгитанинъ** не включено, а в «Словаре древнерусского языка» приведена его фиксация в Хронике Георгия Амартола, перевод которой датируется XI столетием, а старший список — первой половиной XIV вв.;

— **изведенник** «изгнание, удаление»: **се же / ксть ноужнок из ра/та изведенник** НК, л. 608г; см. [СДЯ 3: 468; СРЯ 6: 108];

— **заоушеник** «удар по щеке, пощечина»: **заоушеник же нкрѣ/нскаго новоплоды/а по образоу адам/ва ѿ дрѣва възвѣра/ненаго воуѣса** НК, л. 611а; см. [СДЯ 3: 355; СРЯ 5: 331]. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приведена одна цитата из Новгородской V летописи;

— **къдманъ** «род верхней шерстяной(?) одежды»: **то же и чь/рньчь. къдманъ. по / съвлечении своего / вола** НК, л. 610а; см. [СДЯ 4: 349; СРЯ 7: 217]. Если в древнерусском языке слово известно только по «Сказанию» Кирилла Туровского, то в более позднюю эпоху (XVII в.) оно встречается в деловых документах со сдвигом в значении. **Кодманъ** обозначает шерстяную ткань и верхнюю женскую одежду из нее. Это «женская накидка из понитка, как широчайшая рубаха, но без проема для головы, мешок с рукавами; накидывается как есть, вдвое, на спину, в ненастье на голову, а рукава спускаются по плечам вперед» [Даль 2: 1994]. В. И. Даль указывает территориальное распространение слова *кодман* «суконный, особенно синий, женский шушун» в Рязанской и Тульской губерниях. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приведены данные из воронежских источников XVII в. В Волоколамской группе списков «Сказания» **къдманъ** поясняется через слово **котыга**: **мнишьскїи кома. сїрѣ котыга** Вол-504, л. 134 об. Существительное **котыга** «верхняя одежда типа хитона» хорошо засвидетельствовано в памятниках церковнославянской и русской письменности с XII—XIII вв. [СДЯ 4: 277; СРЯ 7: 386].

Слово **къдманъ** обычно считают заимствованием из венг. *ködmen, ködmön* «крестьянская меховая куртка». М. Фасмер приводит также уйг. *kädim* «одежда» [Фасмер 2: 275].

— **платище** «покрывало, повязка в виде куска ткани»: **тѣ/гда закрьвѣтше пла/тищемъ лице кго / быахоутъ и глице** НК, л. 610в; см. [СДЯ 6: 415; СРЯ 15: 77];

— **велерѣчник** «многоречивость»: **не ревнѣи моуже/мъ ве-страха бїа / живоущимъ въ ма/настѣри. точною w / чрѣвѣ и wdѣжи мѣ/слащемъ. и вѣлери/чкѣмъ гордащеса** НК, л. 606б; см. [СДЯ 1: 380; СРЯ 2: 60];

— **стриженник** «подстригание волос при совершении церковного обряда»: **нѣ и собе / и стрижениа главѣ / твоякѣ възпомани** НК, л. 606в; см. [СРЯ 28: 167]. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» самая ранняя фиксация слова — из Стоглава 1551 г. в списке XVII в. Более употребительным было существительное **постриженник**, которое обозначало не только сам постриг, посвящение в монашество (с XII—XIII вв.), но и то же самое подстригание волос при совершении церковного обряда и место принятия пострига; см. [СРЯ 17: 258—259];

— **адьскыи** «адский»: **аще во и стоудѣ си / творимъ по всѣ дѣ/ни кающеса частѣ/хъ сѣгрѣшении нѣ / и тѣхъ адьскихъ / пристаवникъ не / постражемъ мѣ/нии** НК, л. 608б; см. [СДЯ 1: 75; СРЯ 1: 22]. Слово часто встречается в церковнославянской и русской письменности, еще ранее оно отмечено в памятниках старославянского языка [ССЯ 1: 17];

— **стихарь** «священная одежда ветхозаветных священников»: **стихарь оубо / ѿ багра. по шобразу / смоковныхъ ли/стѣ. имже съшивъ / прекръты собе адамъ** НК, л. 608г; см. [СРЯ 28: 66];

— **подирь** «длинная, в виде саккоса, одежда ветхозаветных священников»: **подирь же ксть престоу/пнѣи адамовъ грѣ/хъ** НК, л. 608г; см. [СДЯ 6: 531; СРЯ 15: 263]. В «Словаре древнерусского языка» приведена фиксация слова в Хронике Георгия Амартола, перевод которой датируется XI столетием, а старший список — первой половиной XIV вв.;

— **съготовати** «приготовить»: **съготованѣ / бѣвши жьртвѣ. / и кроупичнѣи моу/цѣ. ѿ князь прино/симѣ. съ дрѣванѣ/мь масломь. и чѣтѣ/мь саломь** НК, л. 608в; см. [СРЯ 23: 237];

— **ометь** «обшивка, опушка; подол»: **ометь же ксть. ада/мѣ. иже съ вѣсотты / ранскѣа жизни. / въ пренсподнии а/да сниде мракъ** НК, л. 609а; см. [СДЯ 6: 124; СРЯ 12: 367];

— **коуста** «прядь, клоч (волос)»: **за кидарь / же кгда поведоша / и на распатик. въ/зложиша тѣрновъ / вѣньць на главоу к//го. се же ксть мниху / малѣхъ власть коу/ста** НК, л. 610в-г. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» слово отсутствует; в «Словаре древнерусского языка» приведены три фиксации слова: две из «Сказания» Кирилла Туровского по Новгородской кормчей и по Варсонофьевской кормчей XIV в., третья — из Златой цепи конца XIV в. [СДЯ 4: 340—341]. Несмотря на такую малоупотребительность, в списках «Сказания» существительное **коуста** сохранялось. По-видимому, оно является однокоренным со словом **коустѣ**, которое считают родственным лит. *kuokštas* «куст, кустарник», *kuokšta* «пучок», «пук», «клок» [Фасмер 2: 432]. М. Фасмер отрицает сближение со словом **kupa*, а П. Я. Черных, напротив, связывает *куст* с **kupa*, возводя к **kupstь* с суффиксом *-st-* и упрощением согласных [Черных 1: 458]. О. Н. Трубачев предлагает другие соответствия; см. [ЭССЯ 13: 137—138];

— **преводнѣ** «иносказательно, образно»: **шведи же / соутѣ приводнѣ на / црьскѣи санѣ** НК, л. 610б; см. [СДЯ 8: 35; СРЯ 18: 156].

За исключением существительного **въкоусть** в позднем списке Син-935 и некоторых слов в рукописях Волоколамской группы остальные лексемы сохраняются, даже если традиция их употребления не была поддержана другими памятниками.

В исторических словарях не фиксируются имена собственные и производные от них. В «Сказании» есть фрагмент, в котором речь идет о Коре и его сообщниках — Дафане, Авироне, Авноне и еще 250 именитых людях, вступивших в заговор против Моисея и Аарона за первенство власти (Числ. XVI): **вестоудно на ико/нома и на келара на/падающа. аки корѣ/нии с дафаномъ на / монѣа и на арона** НК, л. 608а³². Слово **корѣнии** является

³² О том же самом идет речь в другом сочинении Кирилла Туровского — «Притче о душе и теле»: **того древа въкүсиша снѣве корѣквы. иже съ дафаномъ и авириномъ** Чуд-20, л. 291а.

производным от имени собственного **корѣи**, означая, видимо, «Корей и члены его семьи» или «Кореевы сообщники». Такое же чтение сохраняется в Писк-39, Толст-74, Рум-231, Рог-256, Рог-257: **на иконома и на келарѣ на-падающа. аки корѣини с дафаном на монѣста и на арона** (Писк-39, л. 420). В ряде списков Кормчей (Рог-257, Ег-472, Ег-254, Ег-850, Овч-151, Пог-231, Пог-232) в результате редакторской правки лексема **корѣини** была преобразована в три слова: имя собственное **корѣи** и местоимение **инѣи**, соединенные союзом. Новое чтение **корѣи и инѣи** хотя и верно, но семантически отличается. Списки позволяют предполагать, что в протографе редакции сборников также было слово **корѣини** или **коренини**: в Вол-525 в этом месте не понятое писцом **коренини**, в Вол-504, л. 131 об. выскоблены две буквы **ни** (**корее--ни**), в результате чего появилось **корени соущи с дафаном**^М, находящиеся также в Вол-492. Ср. **корени** в Син-935, л. 4 об. (**корени сѣще с дафаном**^М) и Богд-690, л. 10; **корѣи** в Чуд-20, л. 279г (**корѣи сѣщии с дафаномъ**), Пог-894, л. 315 и в других списках этой группы (как и в семи Кормчих), **корѣ** в КБ, л. 371 об. По-видимому, **корѣини** было в авторском тексте «Сказания».

В отличие от лексики, морфологические особенности «Сказания» в составе Новгородской кормчей лишь частично находят аналогии в остальных списках, в связи с чем можно предположить, что в протографе произведения некоторых из них не было. В поздних — XVI—XVII вв. — списках встречаются инновации в системе падежных флексий имен существительных, замена одних форм другими из-за непонимания уже не употреблявшихся конструкций³³; утрачены формы двойственного числа, представлены более поздние формы некоторых глаголов (**расмотрати, сътворати, провадатисѣ** вместо **расъматрати, сътварати, провадатисѣ**). Однако в отдельных случаях в поздних списках первоначальные чтения могут сохраняться и даже быть верными, в отличие от Новгородской кормчей.

У имен существительных в целом в «Сказании» в составе Новгородской кормчей сохраняются исконные флексии.

Существительные *-ѣ склонения, формы ед. ч.: Р. п. **до / манастѣрѣ** 604г, **до распатни** 606б, **вѣнца** 606в, **ѿ закона** 606г, **из рага** 608г; Д. п. **ѿцю** 608б, **икрѣю** 609в, **чѣрньцю** 610в, **мнихоу** 610г; Т. п. **твореникѣ** 604в, **пѣрстьомѣ** 606г, **гнѣвомѣ** 607а, **словомѣ** 607б, **сѣ пивомѣ** 607г, **подѣ грѣхомѣ** 609б, **дѣломѣ** 610б, **платищемѣ** 610в, **со вкуоусомѣ** 611а; М. п. **въ искоусѣ** 604б, **ѿ чрѣвѣ** 604в и 606б, **въ срѣци**, **по въ/спригати** 604г, **ѿ... ѿвѣтѣ** 604г-605а, **ѿ по/стриженни** 605а, **въ ма/настѣри** 606б, **въ скроу/шени** 607а, **въ / адѣ** 609б, **на лицѣ** 610в; Зв. п. **мнише** 604б, 607а, 609а, 611а, **мнише** 606в³⁴; мн. ч.: Р. п. **грѣхѣ** 608б, **чѣрньцѣ** 606г, **писани**

³³ Как пример можно привести дательный принадлежности: **въ/слѣдоущицѣ къ/моу терпению въ / ненок цѣтво въсе/анти** НК, л. 605в. Он сохраняется в Чуд-20, л. 278б; Пог-894, л. 314 и др. и в группе Волоколамских списков. В Богд-690, л. 7 и Син-935, л. 2 **ѿмѣ терпѣнїемѣ**.

³⁴ К формам звательного падежа следует отнести также написанные с выносной **вра**^Т 605г, 607в.

607в, приставьникъ, мѣнии 608б, ѿ князь 608в; Д. п. вѣсомъ 604б, власомъ, чернцемъ 605б, моуже/мъ 606б, оуче/никомъ 607а, мнихомъ 607г и 610б, стоудомъ 608а, левгитъмъ 609а; В. п. въ... ста/рицѣ 606г, на лица 607г, плетьцѣ 610б; Т. п. архи/крѣи 610в, икрѣи 611а; М. п.: ѿ чернцихъ 607а, ѿ грѣ/сѣхъ 607б; дв. ч.: Р. п. коленоу 608г, законоу 609в; В. п. на свои рами; Т. п. за плечима 610в; М. п. носать на рамоу 611б. Как видно из приведенных примеров, в винительном падеже мн. ч. в мягкой разновидности отмечена древнерусская (восточнославянская) флексия *-ѣ*. В творительном падеже ед. ч. представлено исконное окончание **ѡ-основ -омь* (в твердой разновидности) и *-емь* (в мягкой разновидности). В формах дательного падежа мн. ч. при исконных флексиях *-омь* и *-емь* у заимствования из греческого языка **ЛЕВГИТЪМЪ** засвидетельствовано окончание *-ъмь*, в котором нельзя исключить отмеченного выше отражения бытовой графической системы — написания **ѣ** вместо **о** (ср. **ЛЕВГІТОМЪ** Чуд-20, л. 280в). Еще одно заимствованное из греческого языка существительное **ИКРЕИ**, как и в других памятниках письменности, см. [Историческая грамматика 2000: 32], в той же форме имеет флексию твердой разновидности **ѡ-основ -омь*: **ИКРѢОМЪ** 609а.

У имен собственных, обозначающих лиц, и слова **БОГЪ** в дательном падеже ед. ч. отмечена флексия *-ови/-еви* наряду с окончанием *-у/ю*: **МОИСѢВИ** 605а — **МОИСѢЮ** 606г, **ІСВИ** 607в, **БВИ** 604б и г — **БЮ** 604в, 607в, 608б³⁵. Такие же флексии встретились у существительного **ГОСПОДЪ**, изначально принадлежавшего к **-ї* склонению и, видимо, уже перешедшего в **-ѡ* склонение: **ГВИ** 609г — **КЪ ГОУ** 607в.

В формах родительного падежа мн. ч. отмечены флексии *-овь* и *-евь*: **ПОГОНИЧЕВЪ** 605б, **ГРѢХОВЪ** 604в при **ГРѢХЪ** 608б. Существительные с подобными флексиями отмечаются в письменных источниках с XI в., а также известны по памятникам старославянского языка [Историческая грамматика 2000: 26—27, 32, 86 и след.; Иорданиди 1995: 184—186]. В новгородских берестяных грамотах формы типа **НОЖЕВЪ** встречаются в XII—XIII вв. [Зализняк 2004: 110—111]. Поскольку форма **ПОГОНИЧЕВЪ** сохраняется во всех списках, включая сборники, можно предполагать, что она была в архетипе произведения. Форма второго слова по спискам варьируется: в Чуд-20, Пог-894, Син-935, Богд-690, КБ имеем **ГРѢХЪ**, в Вол-504 и остальных списках этой группы — **ГРѢХОВЪ**. Поэтому о первоначальной форме судить трудно, но вполне вероятно, что в авторском тексте также употреблена словоформа **ГРѢХОВЪ**³⁶.

³⁵ «...окончание *-ови* характерно в основном для начала письменной истории др.-новг. диалекта; в дальнейшем его роль быстро падает и в XIII в. оно практически исчезает» [Зализняк 2004: 108].

³⁶ Систему именного склонения в произведениях Кирилла Туровского в целом, а не по спискам (что не дает адекватной картины) описала Л. В. Капорулина. У имен существительных **ѡ-основ* исследовательница отмечает флексию *-овь/-евь* в

В формах именительного и винительного падежей мн. ч. сохраняются исконные флексии *-и* и *-ы* соответственно: И. п.: **бѣзи**, **члци** 608а, **датрица/рси** и **пррци** 609б, **кнази** 609г, **вѣини**, **воини**, **мниси**, **мнї/си** 610г, **пррци**, **кппи** 611б; В. п. **на мннхты** 608а, **впре/снъки** 605б, **за грѣшнн/кты** 608б, **въ развоинн/кты** 609б и 611б, **грѣхты** 611б и 610г³⁷. Ср. у нечленных имен прилагательных мужского рода: И. п. **мьртви** 608а, **хви** 610г.

В формах ед. ч. имен существительных, обозначающих лиц, совпадают формы родительного и винительного падежей: **син себе црл / творить** 610б, **старца** 605г, **врага по/вѣдиши** 606в, **адама изведесть** 606г, **вврѣсти мѹ/жа** 607в, **на ико/нома** и **на келарл на/падающа** 608а³⁸.

Имена существительные **-ā* склонения, ед. ч.: Р. п. **свинни** 605а, **ѡть/мты** 606в, **сѣ горты** 606а, **главты** 606в, **вола** 610а; Д. п. **дши** 605а и 605г, **кѣ горѣ** 606а, **по воли** 606б, **жьртвѣ** 608в; В. п. **волю** 604г, **землю** 605а, **гороу** 606г; Т. п. **дшею** 604г, **женою** 605г, **чтою** 607в, **притчею** 609б; М. п. **въ... воли** 604в-г, **въ поустьини** 604б, 608б и 609а, **на главѣ** 606а, **ш... вдѣжи** 606б, **въ вде/жи** 610а, **въ чтотѣ** 606г; мн. ч.: Д. п. **птицамѣ** 604в; В. п. **на главты** 605б, **ризты** 606а; Т. п. **дшамн** 608а, **оуздами** 608г, **ранами** 609б; М. п. **ш... риза** 608в; дв. ч.: В. п. **на ш/ноуцѣ** 604г, **главѣ** 605г³⁹; Р. п. **ѡ келаревоу / роукоу** 606а, Д. п. **по лани/тама** 609г⁴⁰. Примеров взаимодей-

родительном падеже мн. ч., *-ove/-eve* в именительном падеже мн. ч., русское окончание *-ѣ*, церковнославянское *-л* и новое *-и* в формах винительного падежа мн. ч. мягкой разновидности [Капорулина 1991: 110].

³⁷ Не ясна форма винительного падежа мн. ч. заимствованного из греческого языка существительного **аналави** НК, л. 610б, сохраняющаяся во всех списках и, видимо, находившаяся в архетипе «Сказания». В «Словаре древнерусского языка» в именительном падеже ед. ч. оно имеет форму мужского рода **аналавѣ**, а в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» также женского рода **аналава** из другого произведения Кирилла Туровского в списке XVI в. [СДЯ 1: 85—86; СРЯ 1: 36]. Форму **аналави** можно трактовать как пример смещения форм именительного и винительного падежей мн. ч. (что менее вероятно на общем фоне сохранения исконных флексий) или как не засвидетельствованную в других памятниках форму с мягким конечным согласным, существовавшую в период морфологического освоения заимствования.

³⁸ Ср.: **дати имѣ бѣ** НК, л. 606г, а также в «Притче о душе и теле» Кирилла Туровского: **дша... прѣ бѣ приходитъ** Чуд-20, л. 292в.

³⁹ Употребление одного существительного в правильной форме дв. ч., а другого — в форме мн. ч. (**та .л.ѣ ѡ паоу//ла свои постриго/ста главѣ. и чернты / ѡ соукна створиета / си ризты** НК, л. 605в-г) представлено в ряде списков и было, видимо, в архетипе «Сказания». Ср. аналогичную ситуацию с глагольными формами: **азъ и ш/цѣ придевѣ. и вви/тель въ тобѣ ство/римѣ** НК, л. 607г.

⁴⁰ Л. В. Капорулина в целом для разных списков произведений Кирилла Туровского у **ā*-основ в родительном падеже ед. ч. мягкой разновидности отмечает окончания *-ѣ*, *-а* (из *-л*) и *-и*. Наиболее частотна флексия *-а*, наименее — *-ѣ* [Капорулина 1991: 110].

ствия твердой и мягкой разновидностей имен существительных **ǫ*-основ и **ǭ*-основ не отмечено⁴¹.

Имена существительные **-ї* склонения, ед. ч.: Р. п. *печали* 605г, *ѡ погнѣѣли* 606г; Т. п. *ѡгньмь* 607а, *ѡгнемь* 607б, *слабостью* 608б, *поутьмь* 609б; М. п. *при / пѣти* 609б; мн. ч.: И. п. *кости* 606а; Р. п. *вещи*, *мѣи/слии*, *дѣврини* 604в, *добродѣтели* 606а, *скорбни* 606в, *скрижали* 607б; Д. п. *стрѣмь* 608б; В. п. *кости* 605б, *вещи* 606а, *скрижали* 606а и 607а, *заповѣди* 606б; Т. п. *съ заповѣдми* 606б, *добродѣтелми* 607в; М. п. *ѡ ѡ/ѡ/ѡдѣхъ* 608в. Формы местного падежа мн. ч. *въ... скрижа/лѣхъ* 607б, *пѣрсьхъ* 608г, 609г при *пѣрсьхъ* 610в не показательны, поскольку здесь может быть мена *ѣ/ь*, которая встречается в рукописи. Колебание (или аналогия с соседней буквой) представлено во флексии (и в корне) винительного падежа существительного *ѡбѣдъ*: В. п. мн. ч. *ѡбѣдѣ* 608г и *ѡбѣди* 610б при *ѡбѣди* И. п. мн. ч. 610б⁴².

Существительные **-ї* склонения немногочисленны; ед. ч.: Р. п. *вещи/ноу* 606б; Д. п. *по чиноу* 609в; В. п. *сѣна* 605в; М. п. *ѡ... чиноу* 604а, *на свокмь саноу* 610б; мн. ч.: И. п. *сѣнѣ* 608а; В. п. *на сѣны* 608а. Существительное *миръ*, изначально принадлежавшее к этому склонению, встретилось в форме родительного падежа ед. ч. только с флексией *-а*: *из мира* 604а, *мира* 605г⁴³.

Существительные консонантного склонения представлены отдельными падежными формами; группа *-н*-основ: ед. ч.: Д. п. *по имени* 609а; Т. п. *племеньмь* 608в; группа *-с*-основ: ед. ч.: В. п. *тѣло* 607г; мн. ч.: И. п. *чюдеса* 606г, *телеса* 698б, *сло/веса* 607б при т. п. ед. ч. *словомь* 607б⁴⁴; В. п. *на нѣса* 607в и 611б; Т. п. *телесы* 608а; М. п. *на / нѣсѣхъ, на нѣхъ* 607а.

Существительные с основой на **-ї* представлены формой Р. п. *крѣѣ* 611а.

У имен прилагательных (и причастий) в «Сказании» в списке Новгородской кормчей отмечены стандартные флексии (Т. п. ед. ч. ср. р. *съ дрѣвѣнѣмь* 608в, М. п. ед. ч. м. р. *ѡ впадшимь* 609б, Д. п. ед. ч. ж. р. *съготованѣ* 608в, М. п. ед. ч. ж. р. *въ велицѣ* и *малѣ* 604в, *въ... ноужнѣи* 610а, И. п. мн. ч. ж. р. *иѡ/сифовы* 606а, В. п. мн. ч. ж. р. *иѡсифовы* 605б, Р. п. мн. ч. м. р. *смоковнѣхъ* 608г). В форме местного падежа ед. ч. м. р. *ѡ*

⁴¹ Ср. в ближайшем по времени Чуд-20, где при сохранении большинства приведенных выше падежных форм существительных отмечается *на онѣчи* л. 277г, *ѡ чернѣцѣ* л. 279г.

⁴² Ср. формы по спискам: *ѡбѣдѣ* НК, 608г — *обѣди* Чуд-20, л. 280 об., *ѡбѣди* Син-935, л. 5, *ѡбѣди* КБ; *ѡбѣди* НК, л. 610б — *обѣди* Чуд-20, л. 281а, *ѡбѣди* Син-935 и Богд-690, *ѡбѣди* НК, 610б — *обѣди* Чуд-20, л. 281а, *ѡбѣди* Син-935, л. 6 об, *обѣди* КБ, л. 371 об.

⁴³ Ср.: в Синодальном списке Новгородской первой летописи регулярно встречается форма *мира* [Зализняк 2004: 113].

⁴⁴ Существительное *слово* уже в ранний период в форме ед. ч. перешло в **ǫ*-склонение [Зализняк 2004: 117; Иорданиди 1995: 238—239].

скимномь 608в, находящейся в заголовке главы, во всех списках фиксируется флексия *-омь*, примеры которой в основной массе фиксируются с XIII в. [Историческая грамматика 2006: 249]. В творительном падеже ед. ч. м. и ср. р. представлена флексия *-емь*: **мнози гнѣвомь / бикьмь погивоша** 607а, **сло/веса въписана бѣ/ша бикьмь словомь** 607б. По-видимому, здесь имеет место сохранение исконного окончания **jǝ*-основ, см. [Там же: 56], возможно, отражающего морфологическую систему архетипа «Сказания»⁴⁵.

Другой особенностью списка Новгородской кормчей являются формы членных прилагательных дательного падежа ед. ч. м. р. на *-ому* (**по ве/тхѡумѡу закоумѡу** 604б, **къ авиронь/скоумѡу стьнѡу** 607г), которым в остальных списках соответствуют формы с флексией *-ому*, и нестяженная форма родительного падежа мн. ч. членного прилагательного **пррчьскы-нихъ** 610а. Нестяженные формы родительного падежа мн. ч. преобладали в древний период [Историческая грамматика 2006: 111]. Флексия дательного падежа ед. ч. *-ому* была стандартной в XI в., причем стяженные окончания несколько превосходили нестяженные [Там же: 101]. Она являлась принадлежностью живой восточнославянской речи еще в XII в. [Там же: 242]. По-видимому, эти формы могли находиться в протографе «Сказания» и сохранились в древнейшем списке произведения. В родительном падеже ед. ч. м. и ср. р. членных прилагательных отмечена флексия *-аго* (**мирьскаго** 60ба и др.), что также может свидетельствовать об ориентации списка на архетип. Флексия *-аго* в «Сказании» не встретилась, хотя количество примеров с этим окончанием в XIII в. по сравнению с предшествующим периодом в целом в памятниках письменности возрастает, и в «Русской Правде» в Новгородской кормчей такие формы представлены⁴⁶.

В «Сказании» наряду с церковнославянскими флексиями фиксируются древнерусские окончания в родительном падеже ед. ч. женского рода членных имен прилагательных: **ноу/жнѣгѣ работѣ** 605б, **житински/ѣ печали** 605г при **стѣпа трѣца** 607г, **грѣхо/внѣпа работѣ** 605г, **горѣ синан/скѣпа** 607б, **правдѣ бѣна** 608в, **ко/жнѣпа ризѣ** 608г, **ранскѣпа жизни** 609а, **въ кроупи/чнѣпа мѣсто моукѣ** 609г, **крѣтнѣпа / смрти** 610а; в винительном падеже мн.ч. мужского и женского рода, а также в форме местоимения **вѣсь**: **по всѣ / дѣи**, **по всѣ дѣ/ни** 608б, **искоуєснѣгѣ / ризѣ** 604а, **зе/мнѣпа чѣти и властѣ** 606б, **въ сѣце/нѣпа ризѣ** 608в, **въ избранѣгѣ ста/рцѣ** 606г, **за пороуєчнѣпа... люди** 611б. В остальных списках «Сказания» древнерусские флексии не встречаются. Установить, являются ли они принадлежностью архетипа или характеризуют список Новгородской кормчей, не представляется возможным.

Для местоимения **са** можно предполагать смешение форм родительного и винительного падежей, с одной стороны, и дательного и местного, с дру-

⁴⁵ Ср. в Чуд-20 и других списках: **гнѣвомь бѣнимь** 279б.

⁴⁶ Например, **бѣлгородьского, кыквьского** 620в и др. при **свободнааго** 621а и др. См. также [Карский 1930: 16].

гой: *познан со/бѣ* 604б, *живоу / жертвоу со/бѣ гви* / *приносить* 609г, *не поверзи со/бѣ / соупротивькъмь* 606в при всего себе *повь/рзи въ покореник* 604г, *не раслави себе* 606а, *прекры себе адамъ* 608г. Почти у всех косвенных форм местоимения *са* основа с *-о-*; основа с *-е-* встречается редко: *себе* 607в, 610б; ср. на *товѣ* 605а, *тобе ради* 606б, *въ товѣ* 607г. В ближайшем по времени списке «Сказания» — Чуд-20 — эти падежные формы местоимений, во-первых, различаются, во-вторых, доминирует основа с *-е-*.

Среди глагольных форм следует отметить презенс 2 л. ед. ч. *да не ѹмре/шь* 604г, имеющийся только в Новгородской кормчей. В новгородских берестяных грамотах формы на *-шь* отмечаются уже во второй половине XII в. [Зализняк 2004: 68].

В списке «Сказания» в Новгородской кормчей действительные причастия настоящего времени мужского рода ед. ч. именительного падежа имеют формы преимущественно с флексией *-а*: *жива*, *пекася* 604в, *мо/га* 605б, *неса* 606а, *мо//гын* 609б-в. В списках Кормчих они в основном сохраняются, хотя возможны замены. Например, в Ег-254, Ег-850 и Овч-151 вместо *неса* используется *несын*; в Писк-39 *жива* и *неса*. В сборниках картина иная. Причастие *жива* (наряду с более поздней формой *жива*) сохраняется почти во всех списках; среди других причастий преобладают формы на *-ы(и)*⁴⁷: Чуд-20, л. 277 *жива*, *пекинса*, л. 278б *могин*, л. 278г *несын*, л. 280в *могын*; Пог-894, л. 313 *живы*, *пекынса*, л. 313 об. *могы*, л. 316 *могы*; КБ л. 367 об. *жива*, *пекынса*, л. 368 *могы*, л. 369 *несы*, л. 373 *могы*; Син-935, л. 1 *жива*, *пекенса*, л. 2 об. *несы*, л. 5 *могы*; Вол-504 (и другие списки этой группы) л. 127 *жива*, *пекынса*, л. 128 *могы* (вариант *могын*), л. 129 об. *несы*, л. 133 об. *могын*. Таким образом, в протографе Кормчих употреблялись причастия с флексией *-а*, за исключением *могын*. В протографе сборников причастия имели флексию *-ы*, за исключением *жива*. Соотношение действительных причастий настоящего времени ед. ч. мужского и среднего рода с флексиями *-ы* и *-а* рассматривается по-разному. Одни исследователи считают формы на *-ы* старославянскими, формы на *-а* — древнерусскими. С точки зрения других ученых обе формы древнерусские, но имеют хронологическое распределение: причастия на *-а* являются более поздними образованиями. В древнерусской письменности в церковнославянских памятниках доминировали причастия с флексией *-ы*; в летописях их количество было незначительно; в деловых источниках они не употреблялись. Конкуренция форм на *-а* и *-ы* отмечается с XII в. [Кузьмина, Немченко 1982: 310]. Исходя из общей картины употребления форм на *-а* и на *-ы* в древне- и старорусской письменности и из чтений списков «Сказания» можно предположить, что в архетипе «Сказания» находилась форма *жива*, остальные причастия имели флексию *-ы*.

Старая форма действительного причастия прошедшего времени *оударни* (НК, л. 610в) с суффиксом *-*jь* (они были регулярными образова-

⁴⁷ Отсутствие формы в примерах означает пропуск или порчу в списке.

ниями от глаголов с основой инфинитива на *-и* и представлены в книжных текстах)⁴⁸ в большинстве списков заменена формой причастия с суффиксом *-въ оударивыи*. Первоначальной следует считать словоформу *оударни*.

Среди форм прошедшего времени глагола доминирует аорист, несколько раз отмечены перфект и плюсквамперфект. Для последнего следует указать *вкρούжи/лъ тѣ бѣ* 607б12, где используется форма имперфективного аориста *бѣ* вспомогательного глагола *быти*, сохраняющаяся в некоторых поздних списках. Возможно, в «Сказании» есть форма перфекта без связи, которая присутствует во всех списках при ином порядке слов: *тѣ же неродьст/вомъ собе принестъ / здѣ блюди впасно / да не бѣсомъ поко//ище сдѣ бѣвъ и дію / свою гевньскимъ / повържешн птица/мъ* НК, л. 604б-в. Предпочтительным кажется понимание формы как перфекта, хотя не исключено, что это причастие. По-видимому, обе такие формы — плюсквамперфекта и предполагаемого перфекта — были в архетипе произведения.

На основе поздних списков должны быть скорректированы две глагольные формы в Новгородской кормчей. Во-первых, следует изменить лицо глагола — с 3 на 2, поскольку в этих фрагментах автор обращается непосредственно к адресату: *и познан со/бѣ въ .б.ю кстьствѣ / имоуща слогъ по ве/тхуоумоу законоу жертвоу совѣ створилъ ксть* НК, л. 604б, *свѣща ли ксть токмо до црвны/хъ двѣри въ своѣ/и воли боуди* НК, л. 604в-г. Во-вторых, в архетипе, скорее всего, была не форма *боудешн*, встречающаяся во всех списках Кормчих (*да не бѣ/дешн короставъ. и / хромъ...* НК, л. 604б), а *боуди*, которая находится в сборниках (Чуд-20, л. 277г; Пог-894, л. 313; КБ, л. 367; Син-935, л. 1; Богд-690, л. 5; Вол-504, л. 127 и остальные списки этой группы). Конструкция *да+императив* встречается в «Сказании»: *да не скρούши* НК, л. 607б.

Еще одна глагольная форма, являющаяся правильным чтением, сохранилась только в списках «Сказания» в составе сборников. В Новгородской кормчей употреблено слово *прежъ*: *томуу прежъ себе / акы халевъ ісви* НК, л. 607в. В написании конечного *ь* можно видеть отражение новгородской бытовой орфографической системы, см. [Зализняк 2002]. Ср.: *томъ прежъ себе акн халевъ ісви* Писк-39, л. 419 об. Во всех списках «Сказания» в составе Кормчих сохраняется схожее чтение. По-видимому, воспроизведено понятие как предлог (?) ошибочное чтение протографа Кормчих *прежъ* с пропуском слога, появившееся на месте глагольной формы — императива *предажъ*. Ср. *предан же себе* в Чуд-20, л. 279в; *предажъ себе* в Пог-894, л. 315; *предан себе* в Вол-504, л. 131 об. и других списках этой группы. В Син-935 (л. 4) и Богд-690 (л. 9 об.) переделка: *вѣ предасл*.

В Новгородской кормчей есть чтение, восходящее к форме будущего I времени и обозначающее действие в ближайшем будущем: *и старца же и бола/щаго оуже оумьрт/вити хотѣща* 605г. Ошибочным является глагол *оумьртвити*, который стоит вместо *оумрети*, находящегося в остальных

⁴⁸ См. [Кузьмина, Немченко1982: 295].

списках Кормчих, кроме Писк-39 и Толст-74⁴⁹; см., например, **Ѹмѣрти хотѣща** Рог-256, л. 646 об. В сборниках в этом месте употреблена другая конструкция: **волащаго оуже Ѹ смѣрти сѹща** Чуд-20, л. 278в; Пог-894, л. 314 и другие списки этой группы, КБ, л. 369; **волащаго. оуже и прѣ смѣрти соѹща** Вол-504, л. 129 (а также остальные списки группы), Син-935, л. 2 об.; Богд-690, л. 7 об. По данным КДРС и Картотеки СДЯ предложно-падежная конструкция **при смѣрти (быти)** довольно часто встречается в письменности и фиксируется уже в XII в. (Ефремовская Кормчая, л. 210 об): **въ тои волѣзни при смѣрти бывши** (Пролог 1383 г., л. 100 об.); **а хто при смерти напишетъ дѹховнѹю** (Судебник Феод. Ив., 48). Вторая чуть менее употребительная конструкция — **къ смѣрти (быти)**: **оуже сѹщю к смѣрти** (Палея 1406 г., л. 25г); **еже быти иноци въ животѣ ихъ или паки къ смерти** (АЮБ 1, 63, XV—XVI вв). Реже фиксируется **влизъ смерти** (Пандекты Никона Черногорца, л. 176б и др.). Ср.: **се хоцетъ ми быти смерть Ярослава Гвятополчича** (Моск. летоп., 47). В КДРС и Картотеке СДЯ предложно-падежная конструкция **оу смѣрти (быти)** не зафиксирована и пока остается известной только по «Сказанию» Кирилла Туровского в Чуд-20 и в остальных списках этой группы, являясь их особым чтением. Установить вероятное чтение авторского текста «Сказания» среди нескольких представленных по спискам вариантов трудно. Возможно, это была известная по Кормчим конструкция **оумѣрти хотѣща**.

С морфологическими особенностями «Сказания» в Новгородской кормчей связаны два пассажа с нарушением согласования⁵⁰. Первый фрагмент: **и не ревнѹи моуже/мъ ве-страха бѣи / живѹщимъ въ ма/настѣри. точью ѡ / чрѣвѣ и вдѣжи мѣи/слащемъ. и вѣлери/чкъмъ гордащесѧ / сварѣи же и оукори/зныи всѣмъ ве-щи/ноу кидѹщемъ. зѣ/мнѣиѧ чти и властѣи / ѡ совѣѣ въсхитаю/ща** НК, л. 606б. Из пяти действительных причастий настоящего времени, которые должны быть согласованы с существительным **моуже/мъ**, форму дательного падежа имеют три словоформы. Из двух оставшихся одна может быть интерпретирована как форма именительного падежа мн. ч. мужского рода (**гордащесѧ**), вторая допускает несколько интерпретаций (**въсхитаю/ща**). Чтения списков не проясняют картины. Формы причастий в дательном падеже сохраняются, а две другие словоформы варьируются: **гордащасѧ, въсхитающи, восхитающе**. Очевидно, отсутствие согласования появилось рано — в списке, который лег в основу редакций Кормчих и сборников. Схожая ситуация представлена во втором фрагменте, где количество форм причастий больше: **Аще ли прилѣпиши/сѧ аки къ авиронь/скоумоу сънмоу. къ / милоѹющемъ тѣло / свок мнѹхомъ. и ри/зѣи измѣнѹющиѹхъ. / и извѣтомъ прѣздѣ/ника. особноѹю**

⁴⁹ Писк-39, л. 418: **и старца^ж и волащаго Ѹже оумертѣвити хотѣща^Г** (хотѣща Толст-74, л. 365).

⁵⁰ Единичные ошибочные падежные формы Новгородской кормчей при соответствующих верных чтениях в списках не рассматриваются.

тра/пезоу съ пивомъ тво/раща. и тамо на лица събираюущася. и / до по-
здънаго прѣбѣ/вающа. и ищюща на/дъ старѣишиньствъ/вѣи взати свою
во/лю. а не ба ради ни ѡ / ползѣ съвѣтѣ тво/раща. гаростънъи // дѣржа-
ща соупроутѣ. / и вестоудно на нко/нома и на келара на/падающа НК,
л. 607г—608а. В списках наряду с такой же словоформой *измѣняющихъ*
(Вол-504, л. 131 об.) встречается *измѣняющимъ* (Чуд-20, л. 279г; Пог-
894, л. 315; Син-935, л. 4 об.). Остальные причастия в Чуд-20 отмечены в
таких же формах, что и в Новгородской кормчей; в других списках они мо-
гут иметь флексии *-и* или *-е*.

Понимание третьего фрагмента не столь однозначно. Пассаж в Новго-
родской кормчей (совпадающий с остальными списками Кормчих) *се ксть
аронь / стихарь. за адамовъ / смоковнъи листъ / ѡдѣвникъ* л. 610а в сбор-
никах читается иначе: *се ксть аронь стихарь. за адамово смоковныхъ
листъ* (вар. *листовъ, листвѣи*) *ѡдѣвникъ* (вар. *ѡдѣваніе*) (Чуд-20, л. 281а;
Пог-894, л. 316; Син-935, л. 6 об.; Богд-690, л. 13; Вол-504, л. 134 об.). Чте-
ние редакции сборников может быть понято только как «вместо Адамова
одеяния из смоковых листьев». В Новгородской кормчей при условии,
что в *адамовъ* на конце слова имеется написание *ѣ* вместо *о*, этот пассаж
интерпретируется как «вместо смокового листа, одеяния Адамова», но
это не вполне согласуется с порядком слов в древнерусском тексте. Опре-
делить исходное чтение в этой ситуации сложно. Возможно, прояснить
что-либо удастся при анализе синтаксических особенностей «Сказания».

Таким образом, «Сказание о черноризском чине» в составе Новгород-
ской кормчей с точки зрения лексической в целом близко к авторскому
тексту Кирилла Туровского, хотя отдельные чтения обусловлены, скорее
всего, редакторской правкой и появились на стадии включения произведе-
ния в Кормчую. Морфологические особенности отчасти характеризуют ар-
хетип «Сказания», отчасти — его список в Новгородской кормчей. Окон-
чательный вывод о близости к авторскому тексту редакции сборников или
редакции Кормчих может быть сделан после изучения синтаксических
особенностей Новгородской кормчей, поскольку предварительные наблю-
дения показывают, что имеются различия в порядке слов между редакци-
ми Кормчих и сборников.

Л и т е р а т у р а

Алексеева 1976 — Т. А. Алексеева. «Слова» Кирилла Туровского как ис-
точник по исторической лексикологии // Источники по истории русского языка.
М., 1976. С. 80—90.

Даль — В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1994.

Евгений 1880 — Евгений, епископ Туровский и Минский. Творения святого
отца нашего Кирилла, епископа Туровского. Киев, 1880.

Еремин 1955 — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 11. Л., 1955. С. 342—367.

Еремин 1956 — И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. Л., 1956. С. 354—361.

Зализняк 2002 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусская графика со смешением ъ-о и ъ-е // А. А. З а л и з н я к. «Русское именное словоизменение» с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 577—612.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Иорданиди 1995 — С. И. И о р д а н и д и. Существительное // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995. С. 170—294.

Историческая грамматика 2000 — Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1: С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Множественное число именного склонения. М., 2000.

Историческая грамматика 2006 — Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3: А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Прилагательные. М., 2006.

Калайдович 1821 — К. Ф. К а л а й д о в и ч. Памятники российской словесности XII в. М., 1821.

Калачов 1850 — Н. В. К а л а ч о в. О значении кормчей в системе древнего русского права. М., 1850.

Капорулина 1991 — Л. В. К а п о р у л и н а. Морфология существительного (в языке произведений Кирилла Туровского) // Древнерусский язык домонгольской поры. Л., 1991. С. 106—120.

Карский 1930 — Е. К а р с к и й. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.

Каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982. С. 280—411.

Макеева 2003 — И. И. М а к е е в а. «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2002—2003). М., 2003. С. 228—310.

Макеева (в печати) — И. И. М а к е е в а. «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих» в сборнике «Лингвистическое источниковедение (2006—2008)» (в печати).

Попов 1889 — Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, бывшим секретарем имп. ОИИДР при Московском университете: Сборник Чудова монастыря № 20. Издал В. Щепкин // ЧОИДР. М., 1889. Кн. 3.

СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—8. М., 1988—2008.

Словарь книжников 1987 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987.

СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.

Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М., 1989.

Срезневский 1897 — И. И. С р е з н е в с к и й. Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897.

ССЯ — Словарь старославянского языка. Репринтное изд. Т. 1—4. СПб., 2006.

Указатель 2001 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Справочный выпуск. История картотеки. Авторский состав. Указатель источников. Словник (обратный). М., 2001.

Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Филарет 1859 — Филарет. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859.

Черных — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М., 1993.

Щапов 1962 — Я. Н. Щ а п о в. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей // Историко-археологический сборник. М., 1962.

Щапов 1978 — Я. Н. Щ а п о в. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI—XIII вв. М., 1978.

Янин, Зализняк 1986 — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—33. М., 1974—2007.

Рукописные источники

БАН — Сборник. Ркп. БАН, 21.4.9, 1460 г., л. 396—397 об.

Богд-41 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Богданова О. XVII. 41, XVII в., л. 259—259 об.

Богд-690 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Богданова, Ф. I. 690, XVII в., л. 5—14 об.

Вол-492 — Сборник. Ркп. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского мон-ря, № 492, XVI в., л. 11 об. — 25 об.

Вол-504 — Сборник. Ркп. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского мон-ря, № 504, XVI в., л. 126 об. — 138 об.

Вол-525 — Сборник. Ркп. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского мон-ря, № 525, XVII в., л. 145—158 об.

Вол-530 — Сборник. Ркп. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского мон-ря, № 530, XVI в., л. 40—43.

Ег-254 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 254, вторая половина XVI в., л. 520—522, 526 об. — 529 об.

Ег-472 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 472, начало XVI в., л. 434б—436б, 440б—443б.

Ег-850 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 850, вторая половина XVI в., л. 799 об. — 803 об., 810 об. — 816.

Епарх-345 — Сборник. Ркп. ГИМ, собр. Епархиальное, № 345, конец XV в., л. 20—30 об.

КБ — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 10/1087, 1446 г., л. 367—375 об.

НК — Новгородская кормчая. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 132, после 1283 г., л. 604а—611в.

Писк-39 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Пискарева, ф. 228, № 39, XVI в., л. 416—424.

Пог-231 — Кормчая. Ркп. РНБ, собр. Погодина, № 231, XVI в., л. 535—537 об., 542—546.

Пог-232 — Кормчая. Ркп. РНБ, собр. Погодина, № 232, конец XVI в., л. 227—229 об., 233 об. — 236.

- Пог-233 — Кормчая. Ркп. РНБ, собр. Погодина, № 233, XVII в., л. 736 об. — 738 об., 743—746.
- Пог-237 — Кормчая. Ркп. РНБ, собр. Погодина, № 237, XVII в., л. 831—833 об., 838—841 об.
- Пог-1584 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Погодина, № 1584, XVII—XVIII вв., л. 20—28.
- Овч-151 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 151, 1518 г., л. 464 об. — 466 об., 470 об. — 473 об.
- Пог-894 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Погодина, № 894, XVI в., л. 313—317.
- Рог-256 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 256, первая половина XVI в., л. 644 об. — 652.
- Рог-257 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 257, 1534 г., л. 581—583, 589—593.
- Рум-231 — Кормчая. Ркп. РГБ, собр. Румянцева, ф. 256, конец XV в., л. 359—363.
- Син-935 — Сборник. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 935, XVI в., л. 1—8.
- Соф-1389 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Софийское, № 1389, XVI в., л. 206 об. — 213.
- Соф-1474 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Софийское, № 1474, XVI—XVII вв., л. 266—274.
- Тр-784 — Сборник. Ркп. РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 784, XVI в., л. 206—212.
- Толст-74 — Кормчая. Ркп. РНБ, собр. Толстого, Ф.П.74, 1517 г., л. 363 об. — 370 об.
- Толст-214 — Сборник. Ркп. РНБ, собр. Толстого, Q.I.214 XVI в., л. 9—19 об.
- Хлуд-215 — Ркп. ГИМ, собр. Хлудова, № 215, конец XIII в.
- Чуд-20 — Сборник. Ркп. ГИМ, собр. Чудовское, № 20, XIV в., л. 277в—282а.

А. П. МАЙОРОВ

**ИЛЛЮСТРИРОВАНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ***

Практически ни один толковый словарь не обходится без иллюстративного материала, цели и задачи которого определяются типом словаря. В историческом словаре иллюстрация является обязательной для каждого вводимого в словарь слова, так как необходимо документальное подтверждение его бытования в языке соответствующего исторического периода [Проект СлРЯ XVIII: 123].

Для целей и задач регионального исторического словаря традиционно существенными являются наиболее полное раскрытие семантики слова и подтверждение его дефиниции, указание на хронологические рамки функционирования слова, характеристика его грамматических и стилистических особенностей. Задачи иллюстрирования в данном типе словаря могут пониматься шире и сводиться к тому, чтобы «представить реальное употребление слова в его связях с другими словами; продемонстрировать зафиксированные в письменности варианты слова; отметить ареал слова» и др. [Городилова 2000: 50—51].

Среди указанных первостепенных задач для регионального исторического словаря следует выделить, наверное, самую главную — это подтверждение дефиниции слова. Аксиомой лексикографии является то, что иллюстративный материал должен прежде всего быть информативным, подтверждать толкование лексического значения слова. Как подчеркивает Г. В. Судаков, «для читателя исторического словаря единственным и окончательным авторитетом является цитата, причем цитата семантически содержательная, демонстрирующая семантический, грамматический и фонетический потенциал слова» [Судаков 2005: 129]. Большинство же региональных исторических словарей не выдерживает принцип отбора иллюстративного материала, подтверждающего толкование лексического значения в словарной статье. Хотя особую значимость иллюстрации как элемента словарной статьи в историческом словаре ученые подчеркивали не раз, в региональной лексикографии нередки «случаи приписывания

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-04-62406а/Т).

слову семантики не на основе словарных иллюстраций, а с помощью источников, которые не названы для читателя, <...> а иллюстрации только фиксируют графический облик слова, его грамматические свойства и тенденцию к сочетаемости» [Судаков 2005: 134—135]. Иными словами, актуальность обращения к этой теме сохраняется¹.

Основной недостаток разработки словарных статей касается лексем с предметным значением. Как правило, лаконичный, скудный иллюстративный материал не раскрывает те свойства, признаки, качества реалии, которые названы в толковании лексического значения слова, обозначающего ее. Следует, впрочем, учитывать и объективные трудности, с которыми сталкиваются составители региональных исторических словарей. В своем большинстве основным источником лексикографического материала являются тексты деловой письменности, и исследователь языка исторического периода, довольствуясь тем материалом, который предоставляют ему письменные источники, сталкивается с ограничениями в информативности иллюстративного материала объективного характера. Предметно-бытовые слова обычно встречаются в деловых текстах определенных жанров — описях, регистрах, челобитных и т. п. В этом случае описание денотативных свойств реалии в силу ее известности в текстах приводится крайне редко². Например, у слова *тюкавка* в забайкальских памятниках представлены однотипные контексты, из которых неясно, что это за предмет:

Вознесенская варница в ней <...> четыре тюкавки [ГАИО: ф. 121, 1750]. — За отнятое им усильством у братского <...> луковъ самострелных топор тюкавку сайдакъ кожаной пилу коня [НАРБ: ф. 20, 1785].

В таких случаях лексикографы обычно прибегают к трем способам компенсации слабой доказательной силы контекстов: 1) при наличии какого-то иного источника (лексикографического труда, специального научного исследования), содержащего определенную характеристику семантики толкуемого слова, и отсутствии ее в иллюстративном материале может даваться ссылка на этот источник (ср. богатую систему ссылок в [ИСВЗ]); 2) если контекст не позволяет сделать достаточно полное и точное описание реалии, то используется общеродовая характеристика в толковании значения слова; 3) если контекст иллюстрации позволяет гипотетически вывести те или иные свойства денотата, но другими источниками они не

¹ Теоретические положения по данной теме в дальнейшем будут разрабатываться на языковом материале забайкальской деловой письменности XVIII в.

² Спорадические случаи метаязыкового описания, глоссирования лексических единиц в памятниках деловой письменности относятся к словам, которые, скорее всего, представляли собой диалектизмы в региональном узусе, и необходимость пояснения диалектных слов была связана с тем, что в процессе становления единых норм национального языка такие слова постепенно выходят из обихода региона (ср., например: лоб или *роскать* стрижень [ГАИО: ф. 482, 1755]; три *волка* желѣзных которыми лѣсь ворочають [ПЗДП: 107, 1764]).

подтверждаются, после толкования значения ставится знак вопроса. На практике ссылка на авторитетный источник осуществляется очень редко; как правило, толкование семантики берется из другого источника без указания на него. Характерен пример, приводимый в [Судаков 2005: 131], со словом *жагра*, толкование значения которого в [СлРЯ XI—XVII: вып. 5, 69] «запальник (трут, фитиль на палке для запала пороха и запальное отверстие в казенной части мушкета, пищали)» ввиду невыразительных цитат предполагается взятым из какого-то другого источника. Интересно, что это толкование при таких же скудных иллюстрациях «кочует» без ссылок по другим лексикографическим трудам:

ЖАГРА (ЖЯГРА) ... *Запальник (трут, фитиль на палке для запала пороха и запальное отверстие в казенной части мушкета, пищали).* — Пищали с жяграми [Сл. том.: 66]; **ЖАГРА** ... *Запальник на палке для запала пороха и запальное отверстие в пищали.* 164 *пищали* долгих и коротких з жагры (РСЧ: 2, 6 об.), 1677; Да *тритцать шесть пищалей жагры ручныя* (Ш: 2, 145), 1623 [Сл. перм.: вып. 2, 58].

Еще труднее согласиться с дефинициями толково-переводного характера, иллюстративный материал которых свидетельствует о наличии каких-либо черт, не учтенных в толковании лексического значения. Обычно в случае толкования лексического значения старинного слова посредством перевода на современный язык поневоле происходит экстраполяция понятийных признаков современного слова на содержание толкуемого слова. Так, в [ИСВЗ: 231] слово *есаул* толкуется как «помощник атамана в казачьем отряде (старший офицер после атамана)». В подтверждение данного толкования приводится следующий контекст: *И в тѣхъ родах зайсанов и шуленег и есаулов и улусных лутчих людей выслат в Нерчинскъ в самой скорости при себѣ* (10, 1726).

Слово *есаул* здесь находится в одном ряду со словами *зайсан* «родовой наследный старшина у монголов, бурят и калмыков» и *шуленга* «бурятский или эвенкийский князь, стоявший во главе рода или объединения нескольких улусов». Вряд ли при перечислении однородных явлений и наличии детерминанта места *и в тех родах* слово *есаул* может иметь приводимое составителями словаря значение, которое соотносится с должностью (или званием) в русском казачьем войске. В анализируемом примере *есаул* — это должностное лицо в родовом правлении у монголов и бурят. О том, что в иерархии управления родом *есаул* занимал определенное место, но на должностной лестнице находился ниже *зайсанов* и *шуленег*, свидетельствует следующий контекст:

— Собрат[ь] с нихъ иноверцовъ в презентъ денегъ гсдину ротмистру (<...> з зайсановъ по рублю с шуленегъ по пятидесяти копѣекъ съ ясауловъ по дватцати по пяти копѣекъ с рядовых по пяти копѣекъ с человека [Карт. Сл. заб.: ф. 634, 1742].

Отбор лингвистически информативного иллюстративного материала тесно связан с вопросом об источниковой базе исторического словаря. Для

составителя исторического словаря известный тезис о том, что язык как объект действительности ненаблюдаем и манифестируется только в речи, приобретает особый смысл. Историк языка имеет дело с текстами, из которых извлекается и реконструируется язык прошлых эпох, в отношении которого в языковой компетентности исследователя обнаруживаются определенные лакуны, порой невосполнимые. Безусловно, лексикограф опирается и должен опираться на общие закономерности функционирования языка как системы знаков, служащие базой для построения речевых высказываний. Однако с погружением в мир лексической семантики прошлых эпох не устраняется лакунарность этнокультурного и историко-культурного характера. Как правило, слово в региолекте реализуется в многообразных лексико-семантических вариантах, и ввиду сложной проблемы формирования в данную эпоху лексических норм подавляющее большинство слов может быть оценено только с точки зрения их реальной употребляемости в памятниках деловой письменности, т. е. узуально.

Составители региональных исторических словарей имеют дело с относительно ограниченным кругом источников. В отличие от словарей национального литературного языка, опирающихся на языковой материал произведений многообразных жанров художественной, научной и публицистической литературы, деловых текстов, в региональных исторических словарях описывается в основном словарный фонд деловой письменности³. При всем жанровом разнообразии документации того или иного исторического периода в текстах деловых бумаг прослеживается определенная тематика лексикона делового языка, стилистическая однородность словаря, преимущественное функционирование дело- и судопроизводственной терминологии, широкое применение разговорных слов в просительных и регистрационных документах и книжных слов — в распорядительных и отчетно-исполнительных. Характерна также своеобразная детерминированность деловой письменностью преимущественного употребления слова в каком-то одном определенном значении: так, глагол *свободить / свободить* во многих региональных узусах отмечается исключительно в значении «освободить из-под стражи, из заключения», причем его активное и широкое употребление в этом значении представлено в многочисленных примерах иллюстративного материала в [Сл. перм.; Сл. том.; Карт. Сл. заб.]. Вместе с тем очевидно, что семантика слова в национальном языке была шире, что косвенно отражается в тех же региональных памятниках: например, однокоренное образование *свободиться* отмечается в значении «избавиться от чего-л. нежелательного» [Сл. перм.; Карт. Сл. заб.].

³ Не исключается обращение к источникам других жанров. Так, при составлении «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» использовались тексты научно-публицистической литературы XVIII в., посвященной этнографическому описанию коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Особая ценность таких источников заключается в том, что они содержат метаязыковое описание экзотизмов.

Определяя критерии отбора источников и методы их обработки (сплошной, полный, выборочный приемы расписывания материала письменных источников), на наш взгляд, составители региональных словарей еще слабо учитывают типологические свойства памятников деловой письменности, их источниковедческие возможности. Если иметь в виду, что главная задача иллюстрирования состоит в подтверждении дефиниции, актуальным представляется использование дублирования текстовой информации в особых типах текстов деловой письменности — различных параллельных и вторичных текстах, сверхтекстах. Особенно насущной для региональной исторической лексикографии является разработка понятия сверхтекста в отношении комплекса судопроизводственных документов (следственных дел) [Голованова 2008: 136—199]. В следственном деле, рассматриваемом как сверхтекст, прослеживается тематическое единство его единиц (документов разной жанровой природы), выявляются разнообразные средства цельности и связности сверхтекста, средства его организации (единые субъект и объект действия, хронотоп и др.). При этом в его «составе» определенные виды документов выступают как вторичные тексты, которым свойственны интертекстуальность и, самое главное, преобразования текстов-источников — обобщение, свертывание/развертывание информации первичных текстов, в результате чего осуществляются синонимические замены на разных языковых уровнях.

Так, для любого забайкальского следственного дела XVIII в. характерно собрание разножанровых документов, начиная с челобитной, всевозможных рапортов, промеморий, указов, доездов и кончая экстрактом. Во всех них суть дела излагается, повторяясь под пером разных писцов, копиистов, канцеляристов, описываются одни и те же ситуации, связанные с преступным деянием. В этом случае нередко варьируются номинации одних и тех же реалий — предметов, их свойств, признаков, каких-либо явлений, событий и т. п., их характеристика в функционально-стилистическом плане в зависимости от официально-делового статуса документа.

Среди этих вариативных средств для лексикографа первостепенное значение имеют синонимические замены слов. Например, в экстракте одного следственного дела, где речь идет о краже или пропаже у свидетеля некоторых вещей, отмечается употребление слова *запас* с трудно толкуемым значением:

Мордовской ему Курбатову во первых об[ъ]явить что у него в генваре мсце з двора пропало хомутов пять да з запасомь четыре мешка [ПЗДП: 104, л. 72 об., 1769].

У слова *запас* в русском языке XVIII в. выявляется ряд значений — «действ. по гл. запасты—запасать; запасение чего-л.», «съестные и прочие припасы, заготовленные впрок», «излишек ткани, оставляемый при шитье (у швов, подгибов)...» и др. [СлРЯ XVIII: вып. 8, 46—47]. Приведенный выше контекст у слова *запас* настолько беден, что можно предположить

реализацию практически любого значения, выделяемого у него в [СлРЯ XVIII]. И тем не менее значение этого слова определяется благодаря следующему далее тексту вторичного допроса этого же свидетеля (средства синонимической замены подчеркнуты):

Мордовской же показаль пропажа у него была того ж 769 году мсца генваря числа не упомнить покрадено у него из саней неведомыми ворами пять хомутовъ да с приготовленным в отдачу в казну хлебомъ четырьми мешками [Там же].

Очевидно, что в выделенном словосочетании речь идет о том же денотате, который в одном случае обозначен словом *запас*, а в другом — словом *хлеб*.

Достаточно информативными представляются документы регистрационного характера (описи, реестры, приходо-расходные книги и т. п.). Одна и та же информация с некоторым варьированием может повторяться несколько раз в инвентаризационных описях. Например, в описи Троицкого Селенгинского монастыря 1733 г. встретилось слово *ветреница*, значение которого контекст установить не помогает:

Росход слудъ на оконницы и бѣлому желъзу в марте к часам на вѣтреницы двѣ полицы (*железа*) [НАРБ: ф. 262, оп. 1, 1733].

Следует заметить, что представленное в других словарях как многозначное или разделяемое на омонимы слово *ветреница* не содержит значения, которое бы объясняло его употребление в приведенном выше контексте (ср., например, выявленные в [СлРЯ XVIII] значения этого слова «растение анемон», «ветряная оспа», «легкомысленная женщина», «приспособление для очистки воздуха, вентилятор»). Между тем в описи этого же монастыря за 1735 г. встречается описание явно той же реалии — башенных часов, название атрибута которой — *ветреница* — заменено на слово *конпасс*:

в шатрѣ часы боевые желъзные с конпассом указателнымъ [НАРБ: ф. 262, 1735].

Учитывая определение *указательный*, можно установить значение слова *ветреница* как «флюгер на башенных часах».

Ценность иллюстративного материала намного возрастает в решении проблемы слов-гапаксов. С привлечением параллельных и вторичных текстов, содержащих повтор информации, прежде всего могут быть устранены всякие сомнения в реальности слова, несмотря на то, что в общем словаре русского языка такое слово не фиксируется. Более того, дублирование текстовой информации в описях может вообще прояснить семантику слова-гапакса⁴. Среди тех же инвентаризационных описей в описании недви-

⁴ Говоря об идентификации слов-гапаксов, нельзя не остановиться на проблеме чтения скорописных текстов деловой письменности XVIII в. Безусловно, актуаль-

жимого имущества Троицкого Селенгинского монастыря употребляется слово *паговый*:

При тѣхъ анбарахъ на отставкаѣ сушило бревенчатое сверху тесаное паговое [НАРБ: ф. 262, 1762]

Данное слово в известных исторических, этимологических, областных словарях не фиксируется. Однако семантика этого слова становится яснее благодаря контексту, дублирующему описание хозяйственных построек того же монастыря в описи 1763 г. В ней производится синонимическая замена слова *паговый* на слово *гнилой*:

при тѣхъ анбарахъ на отставке сушило бревенчѣтое сверху тесаное гни-
лое [НАРБ: ф. 262, 1763].

Таким образом, для характеристики семантики слова корпус текстов одной жанровой принадлежности может иметь исключительное значение. В лексикографической практике предлагается использовать подобные данные для обоснования толкуемого значения в случае отсутствия сведений из других лексикографических источников. В этом случае можно говорить о применении особого правила толкования лексического значения слова, который условно можно назвать принципом текстологического толкования. Данный принцип заключается в привлечении параллельных или вторичных текстов, в контексте которых определенная информация дублируется и одно и то же содержание передается синонимическими средствами, позволяющими более точно и полно описать лексическое значение слова с неопределенной семантикой или слова-гапакса. Иначе говоря, в словарной статье после толкования лексического значения и иллюстративной части

ными остаются вопросы неверного отождествления тех или иных выносных букв, совпадающих по своему начертанию, трудности интерпретации омографических написаний, возникающих в результате своеобразия индивидуальных почерков писцов, и т. п. Для рукописных памятников XVIII в. проблема словоделения не так актуальна, поскольку в этот период окончательно устанавливается раздельное написание знаменательных слов. Тем не менее определенные вопросы возникают при прочтении сочетания знаменательных слов со служебными (предлогами, союзами, частицами), некоторыми местоимениями, традиция слитного написания с которыми еще сохранялась. Помимо этого нельзя исключать ошибки самих писцов, часто имеющие место у той категории пишущих, которые слабо владели навыками правописания и нередко допускали не только опiski, но и разного рода окказиональные образования, искажение слов и словоформ.

Автор статьи, учитывая указанную проблему, проявлял сугубую осторожность в отношении слов-гапаксов при составлении словника и отборе словарного материала. Малейшие сомнения в верности прочитанного слова, предположительное чтение, допущение вариантов в прочтении того или иного слова заставляли исключать такие слова из словника. Отбору из слов-гапаксов в словарь подлежали только те, которые встречались в текстах профессиональных писцов и графический облик которых отличался аккуратностью, четкой и ясной прорисовкой букв.

добавляется фрагмент текста этого же или другого документа, в котором повторяется (дублируется) содержание иллюстративной части с употребленным вместо толкуемого слова синонимом. Тогда словарная статья примет следующий вид:

НЕВЕДОМОЙ (НЕВЪДОМОЙ), -ая, -ое; **неведом**, -а, -о. ... 2. *Не подлежащий чьему-л. ведению; неподсудный.* — Наместник иеромонах Антоний сюда не поехал и сказал что де он Нерчинской канцелярии неведомъ [НАРБ: ф. 262, 1755]. *⟨Ср. описание этого же эпизода в другом документе дела: но токмо онъ с нами не поехал и сказал что де онъ Нерчинской воевоцкой канцелярии неподсудень⟩.*

Как видим, с включением в словарную статью контекстов-дублетов, содержащих синонимические замены слова, достигается высокая степень достоверности толкования лексического значения слова.

Несколько иной случай представляет описание каких-либо свойств денотата в тексте, не имеющем прямого отношения к слову, связанному с этим денотатом. Как правило, исследователь-лексикограф ориентирован только на сбор материала, содержащего толкуемое слово, упуская при этом возможность характеристики в текстах обозначаемой реалии без употребления этого слова. Например, у слова *шитуха*, довольно употребительного в забайкальских памятниках, в многочисленных контекстах выявляется значение «кусок слюды, вставляемой в оконную раму», но в них нет никаких сведений о других характерных деталях этого артефакта, в частности о способе укрепления *шитухи* в оконной раме⁵:

В них оконницы слюдяные дѣланы з бѣлым желѣзом кромѣ сѣнных а в сѣнях шитухи [ГАИО: ф. 121, 1755]. — В сѣнях окно колодное ж в нем оконниц слюдяна шитуха [Там же]. — Внутри покоевъ ⟨...⟩ окошекъ — 12 окончинъ из слюды шитухи 12 [НАРБ: ф. 88, 1767]. — На окна слюды называемой шитухи на каждое по 1 ½ фунта [НАРБ: ф. 88, 1777].

Уточнить свойства обозначаемой реалии помогает другой контекст, в котором косвенно говорится о способе закрепления слюды в оконной раме:

да куплено к провиантъ камисарским покоям и х караулной избе слюды на окончины ⟨...⟩ на шитье окончинъ нитокъ на 10 копеекъ [НАРБ: ф. 88, 1770].

Данные сведения позволяют окончательно сформулировать дефиницию *шитухи* как «слюда, которая вставляется в оконную раму и закрепляется в ней пришиванием к мягкой обшивке рамы через проделанные по краям слюды отверстия». В целом же в словарную статью подобных слов в качестве надежного средства подтверждения дефиниции предлагается включать иллюстративный материал, характеризующий обозначаемую реалию без самого толкуемого слова.

⁵ Очевидно, что гвоздями к раме слюду не пришьешь; кроме того, внутренняя форма слова указывает на то, как она закрепляется.

Контексты подобного рода помогают выявить специфическое развитие семантики и формирование значения, не характерного для общенародного языка. Широко распространенное слово *лодочник* (*лодошник*) в русском языке XVIII в. известно только в одном значении — «гребец в лодке; тот, кто перевозит на лодке людей или грузы» [СлРЯ XVIII: вып. 11, 216]. Судя по словарю В. И. Даля, семантика слова в дальнейшей истории общенародного языка не подвергалась изменениям: значение слова, там отмечаемого, — «хозяин, гребец на лодке» [Даль: II, 262]. В забайкальском региолекте слово *лодошник* (*лотошник*), если принимать во внимание только контекст с этим словом, употребляется в аналогичном значении:

Выдано красноярцу лотошнику Марку наперед днгъ одинъ рубль (НАРБ: ф. 262, 1757).

Однако следующие затем фрагменты текста этого же документа с упоминанием того же персонажа заставляют скорректировать представление о том, кто назывался *лотошником* в Забайкалье изучаемого периода:

Выдано красноярцу Марку в уплату за лотку днгъ два рубли (...) ему ж Марку в задаток за другую лотку выдано днгъ сорокъ копеѣкъ (Там же).

Очевидно, что данное слово имело значение «мастер по изготовлению лодок».

Вернемся к вопросу о другом способе подтверждения толкования лексического значения в региональном историческом словаре — ссылке на другой источник. Как уже отмечалось выше, применение ссылки взаимосвязано с иллюстративным материалом. Ссылка на источник в региональном словаре оправдана только тогда, когда фиксируется слово, известное в других региолектах или общенародном языке, однако употребление слова в памятниках, отобранных в качестве источников для словаря, не раскрывает тех семантических признаков, которые выявляются у него в иных источниках. Например, в употреблении слова *репей* в забайкальских памятниках не выявляются характерные признаки денотата, позволяющие дать удовлетворительное толкование его значения. В то же время в [СлРЯ XI—XVII] описание семантики данного слова включает те признаки денотата, которые в забайкальских контекстах не представлены. Если же слово с подробным описанием денотатных свойств и других семантических признаков представлено в ряде исторических словарей (*репей*, например, с похожим толкованием значения отмечается и в [Сл. перм.]), предпочтение отдается первой лексикографической фиксации. Таким образом, словарная статья слова *репей* в историческом словаре Забайкалья будет выглядеть так:

РЕПЕЙ (РЪПЕЙ), -я, м. *Металлическая зубчатая чашечка, в которую вставлялся драгоценный камень* (СлРЯ XI—XVII: вып. 22, 145). — Даверху промѣж запанами пять репьев серебряныхъ с ѡскрами малинькими изумрудными и яхонтовыми [ПЗДП: 105, 1731]. — Образ Пресвѣтыя Бцы ж на вѣнцѣ въ рѣпяхъ поверху по концамъ семь камешковъ неболѣшихъ разныхъ цвѣтовъ варенцы [НАРБ: ф. 262, 1732].

К сожалению, при бедной информативности контекста ссылка не всегда выручает. Речь идет о разновидностях денотата или вообще о предметах, явлениях различных, но связанных с одним родом деятельности и имеющих одно и то же название. Такая многозначность связана, скорее всего, с территориальным варьированием слова в плане содержания. В частности, словом *каракуля* в [Даль: II, 90] и в [СРНГ: вып. 13, 72] называются инструменты солеваренного хозяйства различного устройства и разного предназначения⁶. Поскольку забайкальские документы не могут свидетельствовать в пользу ни одного из толкований, в словарной статье, соблюдая паритет, следует дать ссылки на оба словаря со знаком вопроса:

КАРАКУЛЯ, -и, ж. 1. *Солевар. Род ухвата для вытаскивания дров из солеварной печи(?)* (Даль: II, 90). *Кочерга, оканчивающаяся тремя зубцами для прочищения колосников в солеваренных печах(?)* (СРНГ: вып. 13, 72). — Багорь да каракуля жельзные четыре грѣбка [ГАИО: ф. 121, 1750]. — Вознесенская варница в ней цырѣнь новой на крюках жельзных четыре грѣбка каракуля [ГАИО: ф. 121, 1750].

Среди источников, содержащих необходимые сведения для семантической характеристики лексических единиц регионального словаря, приоритет отдается историческим словарям, трудам по исторической лексикологии и лексикографии; во вторую очередь — областным словарям и толковым словарям русского литературного языка. Такая последовательность в предпочтении историко-лингвистических трудов необходима для того, чтобы строго соблюсти принцип историзма в описании словарного состава региолекта соответствующего исторического периода. Между тем не стоит упускать из виду региональный аспект подобных лексикографических трудов. Сохранение бытования слова в современных говорах его ареала актуально для исследований по исторической диалектологии, истории русского языка в целом. Поэтому представляется важным давать ссылку на соответствующий областной словарь в словарной статье после ссылки на исторический источник, если слово сохранилось в современных русских говорах данного региона:

КУЛЕМА, -ы, ж. *Ловушка на мелкого зверя из жердей, досок и бревен* (СлРЯ XI—XVII: вып. 8, 114; СГСЗ: 231).

С другой стороны, если текстовой информации достаточно, чтобы понять о чем идет речь, то ссылка на источник не дается несмотря на относительную распространенность слова в русском языке данного периода. Например, следующий контекст употребления слова *лопоть* позволяет обойтись без подтверждения толкования значения «одежда» другим источником:

Из лопоти муской шуба китайная, нова, зипунь цветной двосторонной с подкладом (...) штаны цветные (...) из лопоти женской шуба крыта китай-

⁶ В исторических словарях слово *каракуля* с близкой семантикой не отмечается.

кой ⟨...⟩ юпка китайчета красна нелощена ⟨...⟩ рубаха пестреди александринской [ГАИО: ф. 783, оп. 1, 1785].

Обычно в иллюстративном материале приводятся две-три цитаты, отражающие наиболее раннюю и позднюю регистрации слова памятниками данного региона. Однако количество цитат в региональном словаре может быть увеличено, если приведенных примеров недостаточно для раскрытия значения слова, демонстрации особенностей сочетаемости слова, подтверждения всех его вариантов, отмеченных в заголовке словарной статьи и т. п. [Городилова 2000: 51]. Для регионального исторического словаря, одна из задач которого — показать взаимоотношения регионального узуса и нормы национального языка, актуальной является демонстрация в иллюстративном материале лексической сочетаемости. Ее своеобразие отчетливо проявляется в сочетаемости отвлеченных имен и глаголов. Как показано на примерах (*совершить преступление, но сделать шаг, совершить и сделать ошибку*), такая языковая сочетаемость обладает нормой и характеризуется как несвободная, ограниченная [Мельчук 1995: 9]. Капризы несвободной сочетаемости проявляются у глагола *делать / сделать* и в XVIII веке. В отличие от современного русского языка для регионального узуса Забайкалья нормальными были словосочетания *сделать воспрещение, делать притеснения, сделать упущение, сделать снаряд* в знач. «снарядить», *делать пособие* в знач. «оказывать помощь» и др. Безусловно, в иллюстрации невозможно дать все примеры сочетаемости подобных слов, однако наиболее типичные, предварительно сгруппировав, нужно показывать в обязательном порядке.

Иллюстративный материал иной раз может требовать фоновых историко-культурных комментариев, без которых соотнесение дефиниции с цитатами может вызвать вопросы. Недостаточность контекста бывает обусловлена не только ограничением объема словарной статьи, но и тем, что «за кадром» остаются определенные имплицитные смыслы лексической семантики. Показателен в этом плане пример со словом *бить*, которое в одном из забайкальских документов употребляется в следующем контексте:

Мещанинъ Михайло Елезовъ точно продал десять скотинных кожъ после Святой Паски в месоетъ кои имъ точно самим биты [НАРБ: ф. 88, 1794].

Толкование значения слова *бить* в этом случае допускает два варианта: либо «выделывать, обрабатывать посредством битья (о шкуре)», либо «получать в результате убоя животного (о шкуре)». Данный контекст взят из дела об эпидемии среди скота и запрете вывоза и продажи шкур павших животных из зараженных районов. Элементом пресуппозиции здесь является то, что *битые шкуры* в кожевенном производстве ценились больше, чем *падинные шкуры*, т. е. «шкуры павших животных», которые тоже могли использоваться в кожевенном деле. При этом в приведенном выше высказывании настойчиво подчеркивается, что проданы были шкуры, полученные в результате забоя собственного скота, а не шкуры больных жи-

вотных, за которыми во избежание опасности распространения эпидемии устанавливался контроль. Таким образом, привлечение историко-культурных данных в конечном счете дает возможность истолковать значение слова *бить* как «получать в результате убоя животного (о шкуре)». Чтобы исключить иное толкование употребления слова, в словарную статью, видимо, следует включать соответствующие историко-культурные комментарии.

Энциклопедическое толкование особенно востребовано тогда, когда региональные черты социокультурных явлений того периода выходят на первый план. Приведем пример словарной статьи с использованием историко-культурных комментариев одного из наиболее распространенных слов в региолектах Сибири:

ЯСАК, -а и -у, м. *Подать, которой облагались нерусские народы Сибири первоначально в виде меха, натуральных продуктов, домашних животных.* — Нерчинские де ясачные люди кочуют в степе ⟨...⟩ и им де без аманатства вѣрить нельзя, потому что де они ясаку не промышляют [ИСВЗ: 17, 1709]. — За восприятие святого крещения дана 3^х летняя льгота от платежа ясака и протчих податей новокрещенным Василью Лоншакову с товарищи [ГАЧО: ф. 10, 1774]. — А следующей за него ясак естли онъ в окладе состоять впредь до переписи взыскивать со всего роду [РГАДА: ф. 413, 1781]. *(В XVIII в. в связи с нерегулярным сбором ясака разрешалась также его уплата в виде денежных сборов. Освободиться от уплаты ясака или получить льготы могли разные категории инородцев (принявшие крещение, занимающиеся земледелием, состоящие на государственной службе и др.).*

Обращение к данным истории, культуры, этнографии в лексикографической практике известно. Можно вспомнить замечательные примеры с элементами энциклопедических данных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля; энциклопедические сведения активно используются в современных областных словарях, не говоря уже о специальных словарях, которые содержат информацию, относящуюся к общегуманитарным энциклопедическим знаниям. Однако в региональных исторических словарях использование энциклопедических данных практикуется еще достаточно слабо. Подобная разработка словарных статей, безусловно, требует от историка языка, составляющего региональный исторический словарь, огромных источниковедческих разысканий и исследований этнолингвистического, лингвокультурологического характера. Думается, усилия эти будут не напрасны.

Литература и источники

ГАИО — Государственный архив Иркутской области.

ГАЧО — Государственный архив Читинской области.

Голованова 2008 — О. И. Голованова. Тюменские следственные дела 1782—1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.

Городилова 2000 — Л. М. Г о р о д и л о в а. Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII века. Проект. Источники. Пробные словарные статьи. Хабаровск, 2000.

Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989—1991.

ИСВЗ — Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII—XVIII вв.) / Авторы-сост. Г. А. Христенко, Л. М. Любимова. Т. I. Чита, 2003.

Карт. Сл. заб. — Картотека «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье».

Мельчук 1995 — И. А. М е л ь ч у к. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.; Вена, 1995.

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия.

ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / Под ред. А. П. Майорова; Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.

Проект СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л.: Наука, 1977.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой; Сост. Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова и др. Новосибирск, 1999.

Сл. перм. — Словарь пермских памятников XVI — нач. XVIII века. Вып. 1—6. Пермь, 1993—2001.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—16. СПб., 1992—2006.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.

Сл. том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — нач. XVIII века / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой; Сост. В. В. Палагина, Л. А. Захарова, Г. Н. Старикова. Томск, 2002.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—40. СПб., 1965—2006.

Судаков 2005 — Г. В. С у д а к о в. Иллюстрации в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Мат-лы Всероссийской академической школы-семинара. СПб., 2005. С. 129—136.

ПОЛЕМИКА

С. К. ПОЖАРИЦКАЯ

О ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Создание «Толкового словаря русской разговорной речи» в том объеме, как он представлен в проекте Л. П. Крысина [Крысин 2008], — идея новаторская и потому заслуживающая внимательного изучения и оценки ее правомерности и целесообразности. Собственно говоря, «новаторской» является попытка авторов дать словарное описание не только лексики, словообразования и грамматических форм (что вполне традиционно), но и синтаксиса и фонетики. Новым является и объект описания — так, как его понимают авторы словаря: на вопрос «Что мы описываем?» Л. П. Крысин дает такой весьма неопределенный ответ: «Устную неподготовленную речь представителей интеллигенции второй половины XX — начала XXI века» (с. 111). Далее следует формулировка принципов, «относящихся как к описываемому объекту, так и к характеру разрабатываемого толкового словаря» (с. 111). Важнейшим из них, очевидно, следует считать «принцип дифференциальности» (что такое «принцип диффузности» — мне не удалось понять), диктующий критерии отбора материала для словаря. Оказывается, что «Критерием включения их (слов, «бесспорно принадлежащих разговорной разновидности литературного языка». — С. П.) в словарь служит употребительность в современной РР (разговорной речи. — С. П.)» (с. 112). Но такого критерия просто не может быть, поскольку употребительны в РР в первую очередь общерусские слова и синтаксические конструкции, а критерием отбора должна бы послужить, наоборот, **неупотребительность** слов и конструкций за пределами РР. Такой критерий на самом деле трудно реализовать в ситуации современной демократизации языка и диффузности его стилей, но думается, что дифференциальность может быть понята только так и не иначе.

Целесообразность единого (словарного) способа представления разных сторон или уровней языка далеко не очевидна, и представленный в статье проект словаря в этом не убеждает.

1. Что касается лексики и семантики — это, конечно, возможно при условии применения адекватного критерия отбора материала, а именно слов, действительно неуместных в речи, которая может служить антитезой «устной неподготовленной» — т. е., вероятно, «письменной подготовленной».

Естественно было бы при отборе таких слов воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет электронный Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

2. «Морфологически маркированные» слова, судя по тем примерам, которые приводятся в статье (*открывалка, врачиха, генеральша, сказануть, садануть, здоровенный, длиннючий, малюсенький*), если и маркированы, то не морфологически, а словообразовательно, и большинство использованных в них аффиксов (словообразовательных морфем) «разговорны» постольку, поскольку разговорной речи свойственна повышенная эмоциональность. Тем более нет оснований говорить о «разговорной морфологии» — статья на самом деле и не содержит реальных указаний на существование таковой.

В связи с субстантивами с суффиксом *-к-* (и не только) возникает такой общий вопрос: должно ли слово маркироваться как разговорное, если оно не имеет эквивалента в «неразговорном» стиле языка? Если *столовка, читалка* несомненно могут считаться разговорными эквивалентами слов *столовая* и *читальня* (или *читальный зал*), то *прослушка, правка, поправка, заявка, заглушка, заготовка, подготовка* и др., кажется, не имеют дублетов с нейтральной словообразовательной структурой. Можно говорить о высокой продуктивности суффикса *-к-* в разговорной речи, но некорректно говорить в связи с ним о «разговорной словообразовательной структуре» (с. 113), поскольку структуры с суффиксом *-к-* существуют не только в разговорной речи и весьма разнообразны относительно своих производящих основ и семантики. Можно ли определить, какие именно структуры являются специфически разговорными, или это вопрос случайности?

3. То, что названо «метонимическими смещениями значений» (типа *нарезку по сто тридцать пробейте, пожалуйста, в колбасы*), — это на самом деле эллипсис, который «командует» на всех уровнях устной речи. В данном случае — это эллиптированный способ выражения, замещающий словосочетание или даже предложение, когда «фокусируется» семантически главное слово в его основном значении. То же самое относится и к выражению *им еще воду не подвели*, и к частице *правильно*, замещающей выражение *правильно я сказал?*, где *правильно* в функции наречия являлось бы главным носителем смысла, а в ряде случаев, возможно, имеет место просто воспроизведение вывески: «Колбасы», «Инструменты», «Отоляринголог» и т. п. Можно ли здесь говорить о «метонимическом смещении значений»?

4. Целесообразность включения синтаксических конструкций представляется весьма сомнительной, и пробная словарная статья на глагол *ходить* не убеждает нас в обратном. Соположение с формой прошедшего времени глагола, «указывающего цель движения», можно понять и как результат пропуска союза: *ходили смотреть* или *ходили и смотрели*, и синтаксическая проблематика здесь вообще не просматривается. Может быть, в распоряжении авторов предполагаемого словаря есть более убедительные примеры? Привязка (разговорное?) синтаксической структуры к опреде-

ленной лексеме не кажется продуктивной; значительно более адекватный способ словарного описания синтаксиса, который мог бы послужить образцом и для представления особенностей разговорного синтаксиса, предложен в словаре Г. А. Золотовой [Золотова 1988].

5. Словарное представление фонетических разговорных вариантов слов представляется нам не только нецелесообразным и принципиально неправильным, но и практически вредным.

Прежде всего попытаемся ответить на вопрос: существует ли такой объект исследования — «фонетика разговорной речи»? Казалось бы — вопрос странный; можно ли в этом сомневаться? Но поставим его иначе: существует ли фонетика **неразговорной** речи? Таковая существует только в виде искусственных построений из эталонных образцов слов, примеры которых представлены в транскрипциях Р. И. Аванесова [Аванесов 1972] и о которых он сам написал следующее: «В настоящей книге не рассматривается вопрос о произношении связного текста: в ней речь идет лишь о произношении каждого **отдельного** слова в этом тексте, или, точнее, о произношении фонетического слова, т. е. самостоятельного (знаменательного) слова с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами (например, *на́ гору, на горé, не пойдёт ли, когда́ же*). Объем вопросов, рассматриваемых в этой книге, лучше всего уясняется следующим образом: представим себе написанный текст с поставленными ударениями; вопрос о том, как он должен произноситься в пределах каждого слова в указанном только что смысле, и является предметом настоящего пособия» [Аванесов 1972: 12].

Изучение же естественного, связного звучащего текста, осуществленное в работах о русской разговорной речи, на которые ссылается Л. П. Крысин (жаль, что среди них не упоминаются весьма важные работы С. В. Кодзасова [Кодзасов 1973] и петербургских фонетистов [Бондарко и др. 1974]), показало, что практически всем словам русского языка свойственна «динамическая неустойчивость», в силу которой меняется и звуковой состав слова, и его слоговая структура. Т. е. фактически можно давать «разговорный вариант» каждого слова и притом не один. Одновременно стало ясно, что нет такого произносительного стиля, который был бы лишен того, что принято считать элементами разговорности; т. е. не содержал бы слов, которые не подверглись эллипсису или трансформации звукового состава, продиктованного тенденцией уменьшения энтропии речи. Замечательным примером этому является фонограмма лекции о московском произношении Д. Н. Ушакова, которая, несмотря на ее жанр и совершенство исполнения, содержит все фонетические признаки «разговорности». Поэтому слово эллиптированное или изменившее свой звуковой состав под влиянием тенденции упрощения артикуляторных программ нельзя считать маркером разговорной речи. Применительно к фонетике следует говорить об **устной** речи как о единственном и цельном объекте ее изучения, не разделяя его на «разговорную» и какую-то еще (неизвестно,

какую) речь. Заметим, что когда в лингвистической литературе встречаются рассуждения о стилях речи, то в качестве примеров приводятся почти исключительно факты из области лексики.

Зрительное восприятие искаженного по сравнению с «эталоном» слова закрепляет его в сознании человека, каковым может оказаться, в том числе, и иностранец, изучающий русский язык (кстати, именно по этой причине школьная педагогика отвергает метод упражнения путем исправления неправильно написанных слов). Прочитав *грит, псят*, человек вправе посчитать такие варианты слов «разрешенными» и воспроизвести их в той фразовой позиции, где им не место, потому что на самом деле даже не претендующий на нормативность словарь является в каком-то смысле нормативным; даже запрещая, он как бы подтверждает существование слова; слово с запретительной пометой не исчезает из языка, а остается отдельным словом и продолжает в нем свою жизнь. Что уж говорить о словах без запретительных помет... А эллиптированные произносительные варианты — это не слова, а варианты одного слова; они не нуждаются ни в разрешении, ни в запрещении, и письменная фиксация им вообще противопоказана. Они производятся автоматически, и единственным критерием их «правильности» является бесконфликтность процесса коммуникации. Только переспрос или неправильное понимание собеседника укажут говорящему на чрезмерное искажение эталонного звукового состава слова. Я могу ведь сказать и так: *ја р' ты што з'д'элл? — а он гьт д'ис'т'йт'н н'ихрашо плуч'йлъс'*. Полагаю, что я не нарушила разговорных «норм», поскольку мой текст понятен собеседнику; и что из этого следует? Давать в словаре *р'* и *гьт* как разговорные варианты форм глагола *говорить*? И сюда же еще и *гварю*, и *грю*... Ах, критерии... где вы? А сколько вариантов привести для слова *действительно*? Недавно я записала «с телевизора» (речь государственного чиновника в ранге министра) слово [аш'л'ац] и опробовала его на студентах, только что прослушавших спецкурс «Фонетика русской разговорной речи». Некоторые с трудом опознали в нем слово «осуществляться»; один из студентов, прочитав транскрипцию и осознав скрывающееся за ней слово, сказал: «Какой ужас!». Потому что слово произнесенное и слово написанное — совсем не одно и то же; прочитав транскрипцию им же самим произнесенного слова, человек часто не верит написанному. Предъяви я это «слово» людям «не посвященным» — реакция была бы стопроцентно такой: «Коверкают язык! Нет такого слова в русском языке!». И были бы абсолютно правы. В русском языке такого слова нет; есть слово *осуществляться*, которое можно произнести по-разному, в том числе и так, и в контексте фразы «будут осуществляться мероприятия по...» [аш'л'ац] проходит никем не замеченным, потому что оно семантически пустое: суть дела в том, что «будут» «мероприятия». Прочитанное слово проходит через сознание и обретает тем самым сильную позицию, а это уже искажение действительности, которое годится только в качестве «языковой игры» вроде известного райкинского «Меняться бум?».

Можно ли сформулировать условия, при которых двухсложное слово из пяти звуков замещает свой пятисложный эквивалент из тринадцати звуков и при этом отождествляется со своим эталонным вариантом? Можно и нужно пытаться это сделать для тех, кто специально занимается изучением фонетических механизмов звучащей речи; но при этом едва ли можно достичь такой точности определения условий, при которой трансформированный звуковой состав слова был бы однозначно предсказуем. И уж во всяком случае не в наших силах сформулировать эти условия настолько точно и лаконично, чтобы это могло пойти на пользу тому, кто просто говорит. А главное — зачем предлагать что-то тому, кто в этом не нуждается, для кого речепроизводство является автоматическим процессом и у кого не возникнет «по ходу дела» вопрос, сказать ли ему *грит* или *гът* или еще как-то? Тормозить естественный поток речи? Пытаться его нормировать? Совет говорящему (в котором он тоже, впрочем, не нуждается) может быть один: произноси, как хочешь, лишь бы тебя поняли и не «осудили». Что же касается специалистов или интересующихся дилетантов, то им стоит рекомендовать другие источники знакомства с фонетикой устной речи.

Впрочем, есть некоторые слова, эллиптированный облик которых «освящен» воспроизведением их в орфоэпическом словаре под редакцией Р. И. Аванесова [Аванесов 1983] и других: я имею в виду *щас* (*сейчас*) и *тыща* (*тысяча*) с пометой «в разговорной речи возможно». Строго говоря, включения в словарь заслуживают только такие эллиптированные слова, которые получили в языке особый грамматический и/или лексический статус, как, например, частица *ишь*, «отпочковавшаяся» от глагольной формы *видишь*; однако высокая частотность слов, сформированность и закреплённость буквенного состава, однозначно отражающего их произношение, а главное, возможность употребления их в сильной фразовой позиции (ведь можно сказать: *да я ему тыщу раз говорила!* или *подожди, щас приду!*, но нельзя — *грю же тебе, подожди!*), вероятно, позволяют сделать для них исключение.

Кстати, приведенные в статье примеры содержат ошибки в транскрипции; например, [хó]ът] наряду с правильным [бú]ът].

В итоге приходится признать, что представленный в статье Л. П. Крысина проект «Толкового словаря русской разговорной речи» не содержит достаточно убедительных аргументов для того, чтобы признать целесообразным включение в него и синтаксиса, и фонетики. Кажется, все-таки не из всякого «сора» может расти словарь.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1972 — Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение М., 1972.

Аванесов 1983 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983 (и последующие издания).

Бондарко и др. 1974 — Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич. Стили произношения и типы произнесения // ВЯ. № 2. 1974.

Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Кодзасов 1973 — С. В. Кодзасов. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.

Крысин 2008 — Л. П. Крысин. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (постановка задачи) // Рус. яз. в науч. освещ. № 2 (16). 2008.

РЕЦЕНЗИИ

И. Б. Иткин. Русская морфонология.

М.: Гнозис, 2007. — 272 с.

Книга И. Б. Иткина является первым — после долгого перерыва — и наиболее полным на сегодняшний день описанием явлений, относящихся к области русской морфонологии, т. е. системы морфонологических чередований, порождающих морфемное варьирование. Описание непосредственно опирается как на классические работы Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, так и на исследования 1960—1980-х гг., принадлежащие Т. В. Бульгиной, Д. Ворту, А. К. Поливановой, С. М. Толстой, В. Г. Чургановой и др. авторам; тесно взаимодействуя с работами предшественников, И. Б. Иткин, однако, в ряде существенных аспектов идет дальше и предлагает более полную картину русской морфонологии, адекватную сегодняшнему уровню теоретической лингвистики. Кроме того, помимо описательной части книга содержит целый ряд интересных и четко сформулированных общетеоретических положений, относящихся к статусу морфонологии как лингвистической дисциплины и ее задачам. В предисловии, открывающем книгу, автор выходит за рамки узкой морфонологической проблематики и в яркой, полемически заостренной форме делится скептическими замечаниями по поводу двух наиболее авторитетных направлений современной теоретической лингвистики — генеративизма и функционализма¹.

¹ Приведем наиболее, как нам кажется, характерный пассаж из этой части: «Согласно общепринятым методологическим крите-

Собственно книга состоит из двух частей: «Теоретические проблемы морфонологии» и «Описание системы морфонологических чередований в современном русском языке».

В первой части автор проясняет, в каких отношениях находятся его взгляды на предмет морфонологии со взглядами предшественников, работавших, прежде всего, с русским материалом. Описываются три подхода к описанию морфонологических явлений: *аналитический* (представленный в традиционной русистике), *генеративный* (М. Халле и Т. М. Лайтнер) и *синтетический* (или *динамический*, представленный у Д. Ворта и Т. В. Бульгиной), с позиций которого и написана данная работа. Аналитический (также известный, как «таксономический») подход отвергается вследствие невозможности, опираясь только на наблюдаемые в синхронном срезе факты языка и не вводя глубинных представлений морфем, дать компактное и непротиворечивое описание даже самых тривиальных морфонологических процессов, различным образом реализующихся в различных классах морфем (ср., например, чередование

ириям, научное исследование не должно содержать ложных утверждений и логических кругов, а его результат должен быть новым, фальсифицируемым и воспроизводимым. Как кажется, авторы большинства современных теоретических работ, как из числа генеративистов, так и из числа функционалистов, полагают следование этим критериям совершенно излишним» (с. 14).

беглых гласных с нулем в русском или чередование твердых и мягких сонорных в ауслауте болгарских словоформ²). Генеративный подход (как использующий глубинное представление наряду с поверхностным), несмотря на отсутствие пространных работ, выполненных на русском материале, вызывает у автора несколько большее сочувствие, но апелляция к такому варианту глубинных представлений словоформ, как пресловутая НС-структура, для объяснения различий в их поверхностной структуре представляется автору методологически порочной. Так, Т. М. Лайтнер критикуется автором за то, что он объясняет переход $e \rightarrow 'o$ и его отсутствие в парах типа *звезда* ~ *звёздный* и *жена* ~ *женский* как различиями в их НС-структурах; см. подробнее известную полемику по этому вопросу в [Ворт 1971] и более ранней публикации самого И. Б. Иткина — [Иткин 1994]. В этом контексте синтетический подход представляется свободным от перечисленных ярких недостатков и более прозрачным с точки зрения ясности описания, требуя, среди прочего, «естественности» морфонологических правил.

«Синтезирующая» модель морфонологии, предлагаемая автором, во многом преемственна по отношению к модели «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука. В процессе синтеза словоформ происходит переход от *поморфемного* представления (в виде абстрактных именованных сущностей) к уровню *исходного морфонологического* представления. Словоформы на этом уровне преобразуются в соответствии с правилами

морфонологических чередований. Когда ни одно из правил применено быть не может, получающееся представление называется *терминальным*; оно является основой для перехода к фонологическому представлению, на котором действуют автоматические чередования, после действия которых представление также считается терминальным. Наконец, на последнем этапе применяются правила аллофонического варьирования, дающие реальную транскрипцию словоформы. И. Б. Иткин отстаивает упорядоченность правил морфонологических чередований.

И. Б. Иткин, вполне в соответствии с традицией, разграничивает автоматические и морфонологические чередования. Последние подробно рассматриваются с точки зрения их направленности. Автор приводит ряд критериев, помогающих установить порядок чередований (кроме классического «от многообразия к однообразию»). Относительно новым является установление порядка чередования значащей фонетической цепочки с нулем: автор предлагает устанавливать порядок от нуля к значащему элементу в том случае, когда этот элемент является эпентетическим, и обратный порядок — в остальных случаях. Попутно привлекается внимание к графической стороне языкового знака, важной не только для перехода к орфографическому представлению словоформ, но и для диахронии тех звуковых изменений, которые, как известно, не отражаются в современной орфографии (так, для адекватного морфонологического описания целесообразно учитывать такие распространенные ранее произносительные варианты, как, например, *Лёв* для имени *Лев* или [запр'ок] для формы *запряг*; другие многочисленные примеры см., напр., в [Панов 2002]). Тема эта поднимается, однако, только в контексте орфографической формы записи, по которой вы-

² Здесь критика автора обращена, в частности, на работу «Славянская морфонология» 1987 г., где факты болгарского и других славянских языков описываются как раз с точки зрения традиционного аналитического подхода.

ровнены исходные представления некоторых морфем.

Автором отвергается достаточно прочно вошедшее в научный обиход понятие *субморфа*. Критикуются нечеткие критерии морфонологической делимости и отсутствие эксплицитных правил членения текста на субморфы. С другой стороны, предполагается, что участвовать в морфонологических чередованиях могут не только морфемы, но и произвольные сегментные последовательности внутри них.

Разбирая взгляды Е. А. Земской, В. В. Лопатина и других исследователей на проблему выделения так называемых интерфейсов (в словах типа *орл-ов-ский*, *ялт-ин-ский*), автор утверждает, что они являются, по существу, тематическими морфемами (по аналогии с тематическими морфемами в глагольных основах *мечт-а-ть*, *люб-и-ть* и т. д.), обладая не смысловой, а структурной функцией. Некоторые элементы, однако, не подчиняются такой трактовке (суффикс *-ич-* в словах типа *драматический*), появляясь только перед определенными суффиксами. Предлагается считать их составными элементами сложных суффиксов, выступающих при определенном классе основ.

Явление супплетивизма трактуется по-разному при алломорфии корневых и служебных морфем: уникальная мена фонем в составе корня трактуется как супплетивизм, в составе аффикса — как чередование.

Последний из разбираемых теоретических вопросов — соотношение синхронии и диахронии при морфонологическом описании языка. Приводится ряд интересных примеров, рассматриваются параллели некоторых морфонологических явлений в других славянских языках. Отметим, что для соблюдения единообразия в исходном представлении тематических и атематических глаголов автор предлагает

изображать последние с тематическим гласным и атематической флексией (например, в виде $|зна + o + м|$ с последующим переходом $o + м$ в $-y$). Такая трактовка, однако, кажется нам несколько избыточной с точки зрения дальнейшего применения правил порождения словоформы.

Во втором, наиболее объемном, разделе книги рассматриваются конкретные морфонологические чередования в русском языке. Каждое чередование является предметом отдельной главы, содержащей краткий обзор имеющихся взглядов на проблему, эксплицитную текстовую формулировку правила и его символическую запись на весьма техническом метаязыке.

Первый параграф посвящен морфонологическим чередованиям на границе между предлогом (приставкой) и основой. Вводится правило для чередования $и \sim ы$ в анлауте корневых, префиксальных и клитических морфем, говоря о котором, автор, следуя Т. В. Булыгиной, предлагает различать эти сегменты на морфонологическом уровне, что не исключает их объединения на уровне фонологическом.

Дальнейшие главы посвящены чередованиям согласных на границе между основой и суффиксом. Рассматриваются чередования конечных согласных основы перед согласным суффикса, чередования, охватывающие и конечный согласный основы, и начальный согласный суффикса, чередования конечных согласных основы перед гласным суффикса. Чередования согласных в инфинитивах типа *стричь*, *печь* трактуются как «слияние частей двух морфем, сопровождающееся утратой морфемного шва» (т. е. как фузия; правда, сам термин «фузия» автором не используется). Отдельное место уделено классификации суффиксов по их палатализирующему воздействию на конечный согласный основы: сквозь призму этой классифи-

кации рассматриваются все морфонологические чередования внутри раздела. Среди этой группы чередований автор впервые выделяет чередование $k \sim t$, охватывающее корни *пуск-* ~ *пуст-*, *черк-* ~ *черт-* и др. Отверждение конечных согласных «мягких» основ перед несмягчающими суффиксами рассматривается как признак «освоенности» слова, а сохранение мягкости как признак чуждости. Само описание этого явления во многих чертах является новаторским.

Подробно рассматривается структура глагольных словоформ и морфонология глагола. Автор приводит собственную классификацию русских глаголов, основанную на соотношении тематических морфем в подпарадигмах инфинитива—прошедшего времени и настоящего—будущего времени, разбивая это множество на десять классов. Отвергается «школьное» («одноморфемное») выделение окончаний I и II спряжения—окончания всегда могут быть разбиты на две морфемы: собственно лично-числовой показатель и тематическую морфему. С этой точки зрения рассматривается ряд характерных для глаголов чередований. Отдельно описывается морфонологическое поведение и структура основ глаголов непродуктивных классов. Рассматриваются чередования гласных в глагольных корнях с «неустойчивым вокализмом», приводится классификация глагольных корней по типу данных чередований (и полные списки корней). Автору удается выделить ряд закономерностей в рамках «аблаутных» чередований, несмотря на идущую от Н. С. Трубецкого точку зрения, согласно которой они являются исключительно исторически обусловленными (при этом, однако, подчеркивая общую «неупорядоченность» этого фрагмента морфологической системы). Глаголы этой группы, имеющие корни с неслоговыми алло-

морфами, получают единообразное представление (C)CV`C (V` — беглый гласный). Далее всё множество рассматриваемых глаголов разбивается на два класса: содержащих гласный переднего ряда (беглый или нет) и содержащих гласный заднего ряда. При этом в приводимой модели аблаутных чередований существенно их направление: в частности, «морфонологически исходные» переднерядные гласные могут чередоваться с заднерядными, но обратное неверно: морфонологически исходные заднерядные гласные никаким чередованиям уже не подвергаются. Выделяются следующие ступени чередования: исходная, презентная и продленная. *Исходная* ступень (корневые морфемы {e`₂}, {e₂}, {e₁}, {o`}, {o}, {ы})³ выбирается в подпарадигме инфинитива — прош. вр. непроизводного глагола, *презентная* ({e} и {o}) — в формах презенса. Наиболее сложны правила образования *продленной* ступени⁴: {e`₂} и {o`}, за которыми следует одиночный согласный, переходят в {и} и {ы} соответственно перед ударными элементами |a| и |n + ov| (*забирать*, *помянуть*); {o} переходит в {ы} перед ударным |a|⁵ (*вдыхать*, *читать*, *взи-*

³ Для большей наглядности описания мы пользуемся здесь авторской нотацией: {V} — гласная морфема, {e₁} — e, не чередующаяся с `o, {e₂} — чередующаяся с `o.

⁴ Важно отметить, что в рамках морфонологической модели И. Б. Иткина каждому глаголу а priori приписана помета, свидетельствующая о том, вступает ли его корень в чередования такого рода или нет. Так, например, глагол *вдыхать* содержит такую помету, и к нему применяются описываемые правила чередований, а глаголы *мотать* или *глотать* — нет, хотя в остальном их исходное морфонологическое представление тождественно.

⁵ Исходное морфонологическое представление тематического гласного глаголов

рать); все гласные переходят в {а} перед безударным $|a|_1$ (*лазать, плавать*); {e₁} переходит в {и} перед $|e|_2$ ⁶, (*сидеть, висеть*)⁷; {e₂} (не в ну-глаголах) и {e₂} переходят в {о} (*возить, поить*); {e₂'} в ну-глаголах — в {e₁} (*лепить*); {e₁'} и {o' } перед *в* — в {а} (*плавит, славить*); {o' } (не перед *в*), {o} и {ы} — в {у} (*слушать* |слых + j + а + т'и|, *душить*). Соответственно, во всех других глаголах, не содержащих указанные морфемы, подобных чередований не происходит. Вообще, данная часть книги отличается некоторой неэксплицитностью формулировок и неясностью приводимых примеров⁸, а последние несколько правил, как легко заметить,

3—5 классов I спряжения (т. е. типа *писать, рисовать, врать*).

⁶ Исходное морфонологическое представление тематического гласного глаголов II спряжения 9-го класса (*звенеть, лететь*).

⁷ В книге вместо этой морфемы указана морфема {e₂'} (с. 160), что, однако, не соответствует языковой действительности (гласный в корнях типа *сид-, вис-* никогда не чередуется с нулем), поэтому мы позволили себе внести эту очевидную коррективу. Тем самым в качестве исходного представления этих корней выбираются варианты |сед| и |вес|, что само по себе нетривиально (и специально никак не оговаривается), но позволяет автору связать эти глагольные корни с такими именными лексемами, как *седло, весло* и т. п., которые в рамках представленной морфонологической модели образуются от этих глагольных корней. Не касаясь вопроса насколько законно применение таких преобразований при синхронном описании, заметим, что данный тип чередований описывается автором слишком сжато и неэксплицитно, что изрядно затрудняет понимание всего раздела.

⁸ Аналогичные претензии к другим частям рецензируемой книги содержатся также в недавней рецензии [Толстая 2009].

представляют наиболее дробную картину. Обширный раздел посвящен детальному описанию правил отглагольного словообразования.

Особый раздел отводится чередованиям, характерным для отдельных суффиксов и групп суффиксов. Едва ли не впервые приводятся исчерпывающие правила выпадения *и* в показателе инфинитива *-ти* и *е* в суффиксе страдательных причастий прошедшего времени. Автор отмечает, что существующие описания элизии *и* в показателе императива, выполненные А. А. Зализняком и Н. А. Еськовой во многом противоречивы, причиной чему является принципиальная неоднородность материала (императив у огромного числа глаголов образуется крайне редко, и исследователю приходится опираться почти исключительно на свою интуицию). Общее правило элизии: императивное *-и* сохраняется под ударением и выпадает без ударения, однако имеется множество исключений в обе стороны. Приводятся правила для трех групп глаголов, сохраняющих безударное *-и* (глаголы с консонантным кластером или *иц* в исходе основы; с приставкой *вы-*, производные от а. п. b и с; с исходом основы на одиночный согласный или *-ст* и ударением на третьем слоге от конца в I л. ед. ч.⁹), и единое правило для элизии *-и* в глаголах с ударной флексией I л. ед. ч. (*и* выпадает после *j* во всех глаголах, кроме глаголов на *-ить*). Особо отметим изычное описание нетривиального чередования беглого гласного с *а* в прилагательных с суффиксом *-ий* при исходе основы на *-к* (*кошка* ~ *кошачий*). Чередование *о* ~ *е* в глагольном суффиксе *-от* ~ *-ет* звукоизобразительных глаголов демонстрирует редчай-

⁹ Правила для этой группы оказываются наиболее условны: «точнее всего было бы сказать, что большинство таких форм образуется “неизвестно как”» (с. 200).

шую для русского языка тенденцию к «сингармонизму»: гласный *o* выступает в них после корневого *o*, гласный *e* — после корневого *e* (с некоторыми исключениями). Данный ряд морфонологических правил, видимо, также формулируется впервые.

От рассмотрения этих частных проблем естествен переход к чередованиям, характерным для всей системы современного русского языка: прежде всего речь идет, конечно, о чередовании беглых гласных с нулем. И. Б. Иткин, анализируя подходы к описанию этой группы чередований, принимает «автоматическую» трактовку правил сохранения/выпадения беглых гласных. Это подразумевает введение в неявном виде фонем, соответствующих беглым гласным (автор делает это, в частности, вслед за А. А. Зализняком).

Вслед за этим в отдельной главе рассматривается чередование *e* ~ *'o* и сопутствующие явления (это описание, опирающееся на ряд более ранних опубликованных работ автора, является, как можно полагать, самым полным и подробным из предлагавшихся в русистике). Оставшиеся несколько глав книги посвящены чередованиям, не нашедшим места в основной части книги: вставке эпентетического *j* для устранения зияния (*беле-*j*-ет*, *темне-*j*-ет* и т. д.), переходу *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи*, чередованию групп «гласный + носовой согласный» и *'a/u* (внутри корневых морфем¹⁰ — *притязать* ~ *претензия*, в

ауслaute корневых морфем — *бренчать* ~ *брякать*), немногочисленным реликтам третьей палатализации (*меркнуть* ~ *мерцать* и др.; отметим почти исчерпывающую полноту приводимых в книге списков подобных лексем). Последняя глава посвящена случаям гаплогогии, т. е. выпадению одной из двух идущих подряд одинаково или сходно звучащих последовательностей вида CV/VC, систематического описания которой для русского языка до сих пор не предпринималось. Автор делит рассматриваемые примеры на два типа: гаплогогия в композитах с соединительной гласной *-o/-e-* (*муравьед* < *муравь-Е-Ед*, *ароматерапия* < *аромАТ-О-Терапия*) и аналогичные случаи на границе основы и словообразовательного суффикса (*армянин* < *армЕН-Янин*, *Ярославич* < *ЯрослАВ-Ович*; выбор именно такого глубинно-морфонологического описания этих слов диктуется системными соображениями; альтернативой мог бы быть выбор в пользу алломорфии суффиксов, что явно хуже согласуется с общими принципами концепции И. Б. Иткина. Для этих случаев формулируется ряд нетривиальных правил, однако их формальная запись, к сожалению, не приводится.

Таким образом, книга И. Б. Иткина является единственной из доступных сейчас работ, где обобщается и систематизируется вся система морфонологических чередований в современном русском языке. Все утверждения в ней проиллюстрированы множеством нетривиальных примеров, виртуозно аргументирующих даже самые рискованные и спорные решения автора (некоторые из них мы отметили выше). Нельзя не оценить удивительную методологическую ясность предпринятого исследования, благодаря которой, собствен-

¹⁰ Примеры таких чередований с первого взгляда могут шокировать читателя, не привыкшего к последовательно синхронной концепции И. Б. Иткина. Так, в книге постулируется своего рода «алломорфия» (с. 247) между исконно русскими корнями с *'a* и *u* и их латинскими аналогами с *eH* и *oH*, ср. *труба* ~ *тромбон*, *притязать* ~ *претензия* и ряд других пар. При всей спорности подобных сближений отметим, что в рамках поня-

тийной системы И. Б. Иткина они вполне последовательны.

но, столь детальное и глубокое описание русской морфонологии оказалось возможно, а также выдающийся полемический темперамент автора, чья энергия и задор делают чтение этой довольно «технической» в целом работы захватывающим и увлекательным.

Л и т е р а т у р а

Ворт 1971 — Д. С. В о р т. Чередование гласных с нулем в словообразовании // Предварительные публикации проблемной

группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 18. М., 1971.

Иткин 1994 — И. Б. И т к и н. Еще раз о чередовании *e ~ o* в современном русском языке // ВЯ. 1994. № 1.

Панов 2002 — М. В. П а н о в. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. 2-е изд. М., 2002.

Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., 1987.

Толстая 2009 — С. М. Т о л с т а я. И. Б. Иткин. Русская морфонология // ВЯ. 2009. № 3.

К. М. Корчагин

Е. В. Перехвальская. «Русские пиджины».

СПб.: Алетейя, 2008. — 363 с.

Драматическая история изучения русских пиджинов в России напоминает историю изучения русских жаргонов: перерывы в исследованиях и тех, и других и возобновление интереса к ним четко связаны с поворотами политической истории страны.

Отечественные исследования бурно развивавшихся в России начала XX в. жаргонов были прерваны с конца 20-х годов вплоть до хрущевской оттепели в силу действовавшей в советском обществе тенденции в относительно благополучные и стабильные периоды его развития отказываться от признания существования каких-либо ненормативных явлений и, в частности, ненормативной лексики. В это время прекращают публиковаться словари жаргона, из словаря Даля изгоняется бранная и жаргонная лексика, введенная в него Бодуэном де Куртене, жаргонная лексика не допускается на страницы художественных произведений (см. об этом [Земская, Розина 1994: 96—100]). И ровно на этот срок прекращаются исследования пиджинов.

Интерес к описанию русских пиджинов возникает в России в XIX веке. Начиная с 1853 г., публикуется несколько лингвистических статей, посвященных описанию кяхтинского языка («торгового» языка, использовавшегося в приграничной Кяхте¹); одновременно появляются записи речи на различных пиджинах в художественной литературе. В 20-е — начале 30-х гг. выходит еще несколько работ — две статьи норвежского слависта О. Брока в Норвегии, а в России — статья С. Врубеля и отклик на нее китайца А. Г. Шпринцына. Эти статьи посвящены двум другим пиджинам: руссенорску (русско-норвежскому) и сибирскому (китайско-русскому), однако заметка А. Г. Шпринцына, появившаяся в 1932 г., становится последней публикацией по пиджинам в России; записи китайско-русского пиджина, собранные им в 20—30-е гг., уже не могут быть опубликованы. Следующая статья, посвященная русскому пи-

¹ Кяхта — город на границе Бурятии и Монголии в 234 км от Улан-Удэ.

джину, появляется за границей. Между тем в исследованиях пиджинов в России наступает долгий перерыв, который продлится вплоть до начала 60-х гг. Симптоматично, что одна из двух статей, с которых возобновилось их исследование — это статья того же Шпринцына. Ссылаясь на В. М. Алпатова, Е. В. Перехвальская объясняет этот перерыв в исследованиях пиджинов тем, что в условиях интенсивной русификации и прославления «великого и могучего русского языка» само обращение к исследованию ненормативных, в случае пиджинов сильно интерферированных, вариантов языка могло вызвать резко отрицательную реакцию власти [Алпатов 2000]. Не случайно О. Брока, имевшего звание иностранного члена-корреспондента АН СССР, в 1949 г. исключают из Академии «за его клеветническую и враждебную Советскому Союзу деятельность», и ссылаться на его материалы становится невозможным. После 1950 г. еще один фактор способствует отказу от обращения к исследованию пиджинов: в результате критики марровской концепции «языкового скрещения» закрывается тема языковых контактов.

Е. В. Перехвальская поставила перед собой цель, рассматривая различные варианты русских пиджинов, выявить их общую составляющую и описать инвариант, «идеальную» форму одного из русских пиджинов, сибирского. Между тем, при чтении ее книги, в которой подробно излагаются все перипетии судьбы исследования русских пиджинов, возникает ощущение, что Е. В. Перехвальской двигало еще одно желание, не сформулированное ею эксплицитно: собрав все существующие источники по русским пиджинам, заполнить лакуны в их изучении — словом, сделать все то, что не удалось исследователям 20—30-х гг.

Книга Е. В. Перехвальской состоит из двух частей: «Интерпретации» и «Материал». В Части I рассматриваются теоретические проблемы исследования пиджинов и описывается грамматика русских пиджинов. Часть II включает Корпус по русским пиджинам и Словарь сибирского пиджина.

В Главе 1 рассматривается соотношение пиджинов и других контактных языков, теории происхождения пиджинов и стадии их развития. Особенность этой главы состоит в том, что в ней рассмотрены все теории возникновения пиджинов и все понятия, так или иначе связанные с понятием пиджина: креольский язык, X-ированный язык, язык для иностранцев, интерязык и искусственный язык. Сопоставление их характеристик позволяет Е. В. Перехвальской четко определить место пиджина: пиджин — это редуцированный язык («идиом» в терминологии Е. В. Перехвальской), в отличие от креольского языка не имеющий коллектива своих носителей. Важная особенность пиджина заключается также в том, что на пиджине общаются обе стороны, а не одна, которой отвечают на обычном языке, как при использовании интерязыка.

Пиджины возникают, когда у двух или нескольких групп людей, имеющих целью договориться о чем-либо, нет общего языка. Обычно это происходит в ситуации обмена или торговли товарами или же при использовании подневольного труда. Чтобы объясниться, люди используют жесты, мимику и отдельные слова своих языков. Если ситуации общения повторяются, постепенно вырабатывается набор слов, понятный всем участникам общения, и правила их соединения, т. е. появляется звуковой язык. На какое-то краткое время в процессе пиджинизации возникает стадия, при которой люди пользуются так называемым «прагматическим кодом». На этой стадии язык редуциро-

ван до состояния «лексических обломков»; флективная морфология отсутствует; движение порядка слов возможно только от темы к реме; общение осуществляется с опорой на ситуацию. Прагматический код — исходная позиция эволюционного цикла любого языка ([Николаева 1984], цит. по [Перехвальская 2008: 48]), а в данном случае — цикла, который в течение относительно короткого времени проходит пиджин.

Обычно пиджин считается девиантным диалектом, который описывается как «ломаный», «испорченный», «искаженный» язык и не рассматривается как язык даже теми, кто на нем говорит. Е. В. Перехвальская показывает, что пиджин является не упрощенным вариантом языка, а результатом полной перестройки этого языка: после стадии «прагматического кода» он начинает строиться по иной модели, расширяется и превращается в нормальное средство коммуникации. Очень важно то, что говорящие на пиджине не стремятся выучить язык — им важно только само общение.

В Главе 2 рассказывается об истории изучения русских пиджинов, характеризуются материалы по русским пиджинам и обсуждается проблема их происхождения.

Рассматривая один из самых дискуссионных вопросов — вопрос о моноили полигенезе русских пиджинов, т. е. о том, произошли они из одного или нескольких разных источников, Е. В. Перехвальская становится на точку зрения И. Ш. Козинского, который был сторонником теории моногенеза, но вносит в нее некоторые коррективы. И. Ш. Козинский предполагал, что источником русских пиджинов мог быть некоторый «протопиджин», который образовался, возможно, еще в эпоху Золотой Орды в ходе общения русских с носителями алтайских или уральских языков. Е. В. Перехвальская считает, что можно гово-

рить не о распространении одного языка по всей территории общения, но о распространении центральных элементов русского пиджина, представлявших собой ограниченный набор слов и применимых к ним правил. Этот «ядерный компонент» пиджина распространялся купцами, сборщиками налогов и казаками, использовавшими его при общении с любыми инородцами независимо от их происхождения.

Е. В. Перехвальская исследовала ВСЕ источники материалов по русским пиджинам. Источником считался любой текст, содержащий цитацию из речи на пиджине, даже если эта цитация была длиной всего в одно слово.

Все записи русских пиджинов были разделены на группы по разным основаниям:

Записи, сделанные лингвистами в научных целях, и записи, сделанные литераторами с целью передачи особенностей речи персонажей.

Записи целых отрывков текста и записи отдельных слов или фразовых примеров.

Записи по памяти и расшифровка аудиозаписей.

Записи языка в живом употреблении и записи, сделанные у информантов-вспоминателей.

В книге приводится список основных источников по русским пиджинам, причем каждый источник, начиная с заметки о Иакинфа (Бичурина), опубликованной в 1831 г. в газете «Московский телеграф» и содержащей 15 фразовых примеров на кяхтинском языке (пиджине, использовавшемся в приграничной Кяхте, где была сосредоточена торговля с Китаем), и кончая аудиозаписями, сделанными Е. В. Перехвальской вместе с несколькими коллегами, получает краткую характеристику.

Очень интересно замечание Е. В. Перехвальской о том, что часто речь героев художественных произведений более

точно передает особенности речи на пиджине, чем записи лингвистов. Особенности передачи пиджина в художественной литературе заключаются в том, что тексты содержат много примеров живой диалогической речи, записанных писателями, жившими среди носителей пиджинов. В то же время, фиксация особенностей пиджинов в художественной литературе непоследовательна, и, кроме того, автор может только «задавать параметры речи», т. е. передавать особенности речи только в первых нескольких предложениях, а затем переходит на русский язык, фактически переводя речь персонажа, подразумевая, что ее языковые особенности сохраняются. Для русиста, не являющегося специалистом по пиджинам, откровением является то, что в произведениях С. Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука»), В. К. Арсеньева («Дерсу Узала»), А. А. Фадеева («Последний из удэге»), В. Я. Шишкова («Угрюмка»), в повести «Кавказский пленник» и рассказе «Набег» Л. Н. Толстого на протяжении всего текста достаточно точно передаются особенности речи на пиджине.

Интересна оценка достоверности изображения общения на пиджине в художественной литературе, которую дает Е. В. Перехвальская. Она считает, что изображение одностороннего общения на пиджине в романе В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» не соответствует действительности, в то время, как в романе Фадеева «Последний из удэге», общаясь с удэгейцами, многие русские переходят на пиджин, который очень точно передан в тексте.

Глава 3-я посвящена описанию грамматики русских пиджинов. Е. В. Перехвальская рассматривает две разные стадии развития пиджинов — редуцированный пиджин и расширенный пиджин. Лингвисту, не являющемуся специалистом по пиджинам, эта глава ин-

тересна тем, что быстро развивающийся пиджин позволяет проследить этапы развития, которые проходит любой язык в процессе своей эволюции.

На стадии редуцированного пиджина существует тенденция к формальному выделению частей речи; в первую очередь ее реализует глагол, получая исход на *-om*, *-i* и *-j*. В расширенных вариантах пиджина пополняется лексика и усложняется грамматика, причем именно глагол первым получает показатели, выражающие грамматические значения. Он начинает выражать глагольные категории аналитически, с помощью приглагольных показателей в постпозиции. Различия между редуцированным и расширенным вариантами пиджина четко прослеживаются в области служебных частей речи: в редуцированном варианте имеются только частицы и показатель отрицания; между тем в расширенном варианте появляются послелоги, а на следующей стадии развития — предлоги, которые сочетаются с неизменяемой формой существительных. Появление впоследствии у существительных падежных окончаний приближает пиджин к статусу особого диалекта русского языка.

Рассматривая систему местоимений в различных вариантах пиджина, Е. В. Перехвальская отмечает, что в пиджинах лучше всего представлены вопросительные местоимения, что естественно, так как они являются необходимой частью вопросительных предложений.

Характерная черта пиджинов — наличие слов с двойной этимологией и наличие дублетов как в области служебных, так и в области знаменательных слов. Объясняя причины этого явления, Е. В. Перехвальская ссылается на теорию «торга» С. Томасон: в ситуации контакта при отсутствии общего языка говорящие довольно быстро находят элементы, похожие по звуковой

форме и содержанию. В подтверждение идеи Е. В. Перехвальской о том, что пиджины позволяют увидеть общие закономерности развития языка, приведу некоторые факты из истории английского языка: в ходе контактов англосаксов со скандинавами (VIII—XI вв.) и норманнами (с XI в.) также появляются слова с двойной этимологией (например, совр. союзу *though* ‘хотя’ соответствует древнеанглийское слово, но его фонетическое развитие характерно для скандинавских языков; совр. *dream* ‘сон, мечта’ возводится к древнеанглийской форме, но значение у него скандинавское) и этимологические дублеты (например, англ. *shirt* ‘рубашка’ и сканд. *skirt* ‘юбка’; англ. *yard* ‘двор’ и *garden* ‘сад’, заимствованное из норманского диалекта французского языка) [Смирницкий 1965: 14—15].

Из-за отсутствия словоизменительных показателей в редуцированном пиджине значение актантов в предложении интерпретируется только исходя из их семантических ролей и синтаксических позиций, поэтому чтобы сделать текст более понятным, его членят на мини-ситуации, каждая из которых соответствует простому двухаргументному предложению. В расширенном пиджине появляются формальные показатели субъекта предложения и сирконстантов.

Е. В. Перехвальская поставила перед собой задачу выделить лексическое ядро сибирского пиджина. С этой целью она разработала особую методику. Был составлен словарь, в котором все варианты написания и произношения какого-либо слова были сведены к некоторому инварианту, представленному заглавным словом статьи. В качестве инварианта и, соответственно, заглавного слова был выбран русский этимон, т. е. слово русского языка, к которому гипотетически возводится данное слово. Это позволило свести воедино все

варианты слова и проследить его бытование в разных текстах и развитие его значения и формы. После заглавного слова фиксировались все источники, в которых встретилось данное слово. Затем указывалась частеречная принадлежность слова и для каждого значения слова приводилась его частотность. Такой способ подачи материала позволил прийти к целому ряду выводов о лексическом составе различных вариантов пиджина. Например, глагол *ходи* ‘ходить, приходить, ездить’ (абсолютная форма) встречается 25 раз в 6 источниках, что позволяет отнести его к лексическому ядру пиджина. Личные формы этого глагола встретились только в современных записях, что позволило сделать вывод об их появлении только во второй половине XX века и о том, что они никак не могут быть отнесены к лексическому ядру пиджина. Атрибут *красивый* зарегистрирован только в двух источниках, далеко отстоящих друг от друга по времени, поэтому они могут быть отнесены к словам, появившимся при расширении пиджина.

Сам словарь сибирского пиджина и корпус материалов по русским пиджинам составляют вторую часть книги.

В корпус материалов, помимо записей текстов и слов старых пиджинов, включены материалы по современному контактному языку, в формировании которых участвовал русский язык. Это финско-русский жаргон, возникший в пригороде Хельсинки, и «бокситский язык», возникший в Гвинее в результате контактов русских специалистов и местных жителей, использующих в качестве языка межэтнического общения французский язык. Эти материалы позволяют ясно увидеть, что старые пиджины имели принципиально иной источник, и в то же время выявить некоторые общие закономерности формирования и развития пиджинов.

Каждый материал, включенный в корпус, предваряется кратким вступлением, сообщающим об источнике и истории его изучения; за опубликованным материалом следует подробный комментарий.

Единственный недостаток книги Е. В. Перехвальской, который невозможно не отметить, — это отсутствие справочного аппарата, т. е. предметного и именного указателя. В исследовании, где каждая проблема погружается в очень широкий контекст, где сопоставляются все существующие точки зрения по каждому вопросу, указатели совершенно необходимы.

Естественно, что книга Е. В. Перехвальской обращена в первую очередь к специалистам по пиджинам и креольским языкам. Но не только. Описание пиджинов, позволяющее увидеть язык как живой, вечно меняющийся континуум, переходящий из одной стадии в другую в диахронии, существующий как ряд диалектов и вариантов в синхронии, за которым тем не менее стоит система и в котором прочитываются общие закономерности развития Языка (именно так, с большой буквы, пишет это слово Е. В. Перехвальская), инте-

ресно лингвисту любого направления. Нет сомнения и в том, что по этой увлекательной книге, написанной страстно влюбленной в свое дело исследовательницей, будет учиться не одно поколение студентов.

Литература

Алпатов 2000 — В. М. Алпатов. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.

Земская, Розина 1994 — Е. А. Земская, Р. И. Розина. О словаре современного русского жаргона // *Russistik Русистика*. Berlin, 1994. № 1/2.

Николаева 1984 — Т. М. Николаева. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции // *ВЯ*. 1984. № 3. С. 111—119.

Перехвальская 2008 — Е. В. Перехвальская. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. С. 48.

Смирницкий 1965 — А. И. Смирницкий. История английского языка. М., 1965.

Р. И. Розина

О. Е. Фролова. Мир, стоящий за текстом:

Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста.

М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 320 с.

Во введении к книге «Мир, стоящий за текстом» ее автор, О. Е. Фролова, формулирует вопрос, ответ на который призвано дать предпринимаемое исследование: «Начиная читать любое художественное произведение, мы пытаемся выяснить, какой мир стоит за текстом, и по мере погружения в него не только реконструируем его в своем сознании, но и понимаем, какими инструментами пользовался его автор. А существуют

ли закономерности, позволяющие определить границы этого мира “внутри текста” не только для авторских литературных произведений, но и для фольклорных текстов? (...) Свою цель автор видит в том, чтобы описать, какие ограничения и запреты в разных жанрах фольклора формируют образ действительности, прочно связанный в сознании человека с жанровыми рамками; а затем выяснить, как снимаются эти за-

преты в авторском тексте и какой мир рисует себе читатель при знакомстве с художественным произведением» (с. 5).

В поисках ответа на поставленные в книге вопросы автор изучает явление референции, выступая одновременно в нескольких ролях. Во-первых, это синтаксист, проанализировавший параметры и свойства референции, обеспечивающей связь высказывания с внеязыковой действительностью; во-вторых, это текстолог и жанровед, продемонстрировавший жанровую природу изучаемой категории; в-третьих, это лингвокультуролог и когнитивист, показавший антропоцентричность референции и организуемого ею текстового пространства; в-четвертых, это ономастиолог, исследовавший механизмы номинации, представленной в тексте именными группами. Можно сформулировать и другие пункты, охарактеризовав автора как фольклориста, ономаста, специалиста в области прагматики и логики etc., но, думается, многоаспектность исследования, результаты которого изложены в рецензируемой монографии, очевидна и без этого.

Монография построена так, что эти аспекты не складываются в некую пирамиду, но выступают в своем единстве как синтезированный механизм анализа текста. Автор четко фокусирует объект исследования и концептуально, не впадая в частности, проводит самые разные по своей организации текстовые феномены — пословицу, анекдот, волшебную сказку и авторский художественный текст (ХТ) — через единую параметризацию, ступенчато усложняя изучаемые явления (от жестко структурированных до свободно организованных текстов) и обнаруживая общее и различное между ними. Выбор типов текстов для анализа имеет ясное обоснование: паремии, находящиеся на одном полюсе шкалы, обладают достаточно строгими системно-языковыми

закономерностями; авторские нарративы — гибкой и трудно моделируемой контекстной семантикой; анекдоты находятся между этими полюсами.

Привлекаемая к анализу «материальная база» обширна и адекватна задачам работы: автор использует в качестве опорного массива материала классику каждого из анализируемых жанров (для пословиц это сборник В. И. Даля, для авторских текстов — произведения «золотого века» русской литературы, для анекдотов — известное собрание Штурмана и Тиктина, для волшебных сказок — коллекция А. Н. Афанасьева). Этот и без того внушительный корпус дополняется авторскими текстами другого времени (XVIII и XX—XXI вв.), а также произведениями, извлеченными из нетривиальных и редких источников (собрания пословиц XVIII в., проза современных писателей В. Сорокина, В. Пелевина, Д. Рубиной и др., региональные и «сказительские» сборники сказок etc.).

Задачи, решаемые в исследовании, масштабны: доказательство жанровой обусловленности референции помогает преодолеть логический подход к этому явлению, «филологизирует» его, а далее — выводит на новые рубежи теорию текста, расширяет ее проблемное поле и позволяет на новой глубине увидеть взаимодействие текстовых и когнитивных явлений. Эти достижения не висят в воздухе, они фундированы исследованиями предшественников и современников Ольги Евгеньевны, чьи работы внимательно проанализированы в **1-й главе «Действительность в зеркале языка и текста (теория референции)»**.

Рассматривая актуальное состояние исследований в области референции, автор указывает, что «современный этап (...) характеризуется обращением к разному текстовому материалу, попытками интерпретации сложных фикциональных произведений и поисками ин-

вариантов в области творчества одного автора, типа текстов, большой совокупности текстов, выделяемых по функциональным и прагматическим основаниям. Внимание исследователей не ограничивается проблемами лексической семантики, состава именной группы и кореферентных цепочек, в фокусе их интересов — факторы семантической сочетаемости именных групп и предикатных выражений, различие инициальных и неинициальных высказываний в тексте» (с. 36). О. Е. Фролова выделяет основные составляющие категориального аппарата теории референции, которые являются инструментами предпринимаемого анализа: *актант, возможный мир, денотативный/референциальный статус, референт, референциальное пространство, субъект речи*.

Основная часть книги (помимо введения и предварительной 1-й главы) имеет логически ясную конструкцию: сначала излагается авторская концепция жанра в свете референции, все рассматриваемые жанры «протягиваются» через сеть классификаций на основе референциальных признаков, затем анализируются отдельные феномены — наиболее яркие «носители» референциальности в текстах каждого жанра.

2-я глава — «Референция и речевой жанр» — является концептуальным центром книги. Здесь автор характеризует анализируемые жанры на основе референциальных свойств соответствующих текстов, выделяя дифференциальные признаки каждого жанра (например, для пословицы — обобщенность, антропоцентричность, ситуативность) и отграничивая его от смежных (пословицу — от поговорок и примет). Жанр, по мнению автора, определяет «характер преобразования внеязыковой действительности в тексте и особенности референции» (с. 140). В этой главе вводится краеугольное для исследования понятие *референциального простран-*

ства текста, которое определяется жанровыми характеристиками текста, его сильными позициями, модальностью, субъектами речи, предикатами пропозициональной установки (миропорождающими операторами), перцептивным модусом.

Автор предлагает целую серию различных референциальных классификаций текстов.

В числе наиболее удачных следует назвать типологию пословицы и анекдота с точки зрения референции, а также типологию заглавий повествовательных ХТ. Так, при создании типологии пословиц учитывается характер актантных позиций предиката. Автор выделяет три группы пословиц: а) с занятыми актантными позициями (*И волки сыты, и овцы целы*); б) со свободными актантными позициями (*Семь раз отмерь — один раз отрежь*); в) с формально занятыми и семантически не проясненными или опустошенными позициями предиката (*Мы, кого обидим, того зла не помним*) (с. 59—71). В референциальное пространство пословицы включается не только субъектно-персональный фактор, но и возможная сфера применения пословицы. Автор сравнивает пословицы, представленные в «Словаре Академии Российской» и в современных словарях паремий, и обнаруживает те тексты, которые поменяли или расширили сферу применения. Отсюда вывод: «Референциальное пространство жанра пословицы не фикционально, подвижно и прозрачно, так как одна и та же паремия благодаря ситуативности и антропоцентричности может быть приложима к разным экстралингвистическим ситуациям. Пословица выступает как своеобразное “текстовое местоимение”, комплексно отражая внеязыковую ситуацию и меняя денотативный статус именных групп» (с. 80).

Типология заголовков авторских ХТ опирается на оппозиции «пропозиitivность/непропозиitivность», «предикатность/непредикатность» («актантность/сирконстантность» (с. 133); затем происходит дальнейшее типологическое «ветвление». Так, к пропозиitivным относятся заголовки типа «Выстрел», к непропозиitivным — «Анна Каренина». Среди пропозиitivных заглавий, в свою очередь, выделяются развернутые и свернутые. Свернутые пропозиции выражаются отглагольными и отадъективными именами («Рубка леса», «Припадок», «Затишье»). В ряду свернутых пропозиций есть также нарративные («Рассказ неизвестного человека»), включающие имена с семантикой речи. Непропозиitivные заголовки делятся на предикатные и непередикатные. Предикатные выражены именами с конструктивно обусловленным значением («Идиот», «Герой нашего времени»). Непредикатные заглавия бывают актантными («Станционный смотритель», «Нос») и сирконстантными («По делам службы»). К предикатным близки интертекстуальные заглавия («Леди Макбет Мценского уезда»). Среди индивидуализированных актантных заглавий существуют так называемые цитатные, воспроизводящие привычный характер именованного персонажа в его кругу («Ася», «Ионыч», «Княжна Мери») (с. 142).

Классификация является полной и интересной, но к ней можно высказать отдельные претензии. Так, автор выделяет на одном уровне позиции 2.1.1.1. оценочные (заглавия) и 2.1.1.2. интертекстуальные (заглавия) (с. 140). Но ведь за этими позициями стоят различные классификационные основания! Кстати, об оценочных заглавиях автор говорит, что они имеют пропозиitivную семан-

тику, — но почему тогда они не попадают в группу пропозиitivных заглавий? Чем принципиально различаются заглавия «Горе» (пропозиitivное) и «Неприятность» (непропозиitivное оценочное)?

Хочется поспорить с автором и по поводу наполнения некоторых классификационных рубрик. Например, в группу предикатных заголовков помещены «Несчастливая», «Фаталист», «Бирюк», «Идиот», «Хитрец» и др. Предикатность доказывается невозможностью употребления этих слов в позиции субъекта: **Бирюк огляделся* (с. 134). У Тургенева и впрямь нет именно такого предложения, но есть *Бирюк пожимал плечами*, *Бирюк вывел лошадь из-под навеса* и проч.: *Бирюк* — прозвище персонажа, которое последний использует даже автореферентно, представляясь рассказчику. Не так просто дела обстоят и с «Идиотом»: в речи героев романа эта характеристика Мышкина настолько частотна, что балансирует на грани прозвищного употребления, ср. контексты типа *А точно того и не знает, что Идиот завтра же к ним опять потащится свою дружбу и капиталы им предлагать*.

Выстраивая классификации, автор облегчает читателю восприятие емкого таксономического текста, выдерживая один и тот же алгоритм анализа каждого жанра, используя «человеческий» (без излишних усложнений) язык, что, надеюсь, обеспечит классификациям долгую научную жизнь. Показательно, например, изящное и запоминающееся подразделение анекдотов на законы, случаи, сцены, толкования и метажанровые анекдоты. В законах «речь идет об абстрактных классах, которым приписываются нелокализованные во времени и пространстве предикаты» (*Любят всех блондинок, включая брюнеток и рыжих*). В анекдотах случаях описываются локализованные во времени и пространстве ситуации, при этом актантами являются кон-

кретные объекты (*Штирлиц порол чушь. Ей было больно, и она визжала*). В анекдотах-сценах важен перцептивный модус: события представлены как происходящие в воображении адресата; «как правило, такие анекдоты представляют собой диалог персонажей, предваряемый монологическим вводом от 3 л. ед. ч.» (*Приходит пациент к врачу. — Доктор, я буду жить? — А смысл?*). Анекдоты-толкования разнообразны по формальной структуре; здесь не предполагается перцептивный модус: «слушатель не должен воссоздавать для себя зримой “картинки” происходящего» (*Что такое слухи? — Это то, что передало радио «Свобода», потом опровергла газета, программа «Время», а потом все это подтвердилось*). Метажанровые анекдоты «представляют собой контаминацию двух жанров, и комический эффект заключается в узнавании адресатом исходного жанра», которым может быть объявление, реклама, молитва, sms-сообщение etc. (*Объявление: Хирург-дизайнер за небольшую плату выполнит художественную ампутацию конечностей*) (с. 90—102).

В последующих главах книги авторская концепция референции развивается и уточняется благодаря более пристальному изучению отдельных параметров референциального пространства. Поскольку привязка к действительности определяется во многом способностью ориентироваться в пространстве, воспринимать мир органами чувств, то автор уделяет особое внимание фигуре наблюдателя, создающей перцептивный модус текста (**3-я глава — «Референция и видимый мир текста»**). Здесь сочетается подробный разбор отдельных «носителей» перцептивности (глагол *очутиться*) с пожанровым анализом особенностей проявления, сохранения и подавления перцептивности в текстах. Так, весьма различна перцеп-

тивность в пословицах и в загадках: в пословицах перцептивность подавлена, они не образительны, хотя возможные миры этого жанра многообразны. В загадке же перцептивность не подавляется — более того, она обладает «двойным перцептивным эффектом: сначала в сознании адресата возникает некий трехмерный образ, затем он корректируется, когда известна отгадка», ср. тексты вроде *Гроб плывет, мертвец ревет, ладан пышет, свечи горят* (туча, гром, молния) (с. 188). Перцептивность можно считать жанрообразующим фактором: «присутствие перцептивного эффекта в модальных загадках и отсутствие его в соответствующих пословицах побуждает нас предположить, что не грамматические, а жанровые или прагматические характеристики текстов разрешают или блокируют возникновение у адресата “картинки” происходящего» (с. 189). В жанре анекдота перцептивность является одним из средств, создающих внутрижанровую типологию. Что касается сказки, то и в ее сюжетных ходах может быть создан перцептивный эффект: способность зрительно воспринимать события передается от одного персонажа к другому, что обеспечивается повествователем: субъектом речи в 3 л.; «картинка» создается глаголами в настоящем времени и инвертированным порядком слов. В авторских текстах, по сравнению с фольклорными, возможности создания перцептивного эффекта расширяются за счет увеличения количества модусных предикатов (*мечтать, казаться, представлять себе* etc.), разнообразия проявлений субъекта модуса, который может быть персонифицированным / неперсонифицированным, статичным / динамичным, локализованным во времени или в пространстве, и др.

Если в 3-ей главе в центре внимания автора находились преимущественно местоимения и глаголы, выражающие перцептивность, то **4-я глава («Рефе-**

ренция антропонима в фольклорном и авторском тексте») посвящена функционирующим в тексте именам собственным. Автор проводит через текстовые категории (референтность, жанр текста) очень трудный и сопротивляющийся материал — проприальную лексику, имеющую слабую понятийность и сложно формируемые текстовые связи (при этом берется самый немотивированный и «ортодоксальный» с точки зрения свойства «быть собственным именем» разряд — личные имена).

Сначала в центре внимания автора — нереферентное употребление антропонима в речи, наблюдаемое в предикатных конструкциях типа *S — настоящий Собакевич*, *S — второй Сусанин* etc. Избранный для анализа антропонимикон составлен из единиц, соответствующих параметрам общеизвестности и культурной значимости: имена реальных людей (представителей науки и культуры, государственных деятелей), персонажи известных литературных произведений. Таким образом, это прецедентные антропонимы, которые обладают различным культурным потенциалом — а как следствие, разными текстовыми возможностями: О. Е. Фролова показывает, что культурная значимость специфическим образом влияет на текстовое поведение антропонимов. Нереферентность антропонима в предикатной позиции универсальна, но «состав предикатного выражения определяется принадлежностью прецедентного антропонима к группе реальных лиц или литературных (мифологических) персонажей. (...) Закономерности предикатного употребления прецедентного антропонима позволяют сделать вывод о том, что прецедентность не является однородным феноменом и может быть градуирована» (с. 239).

Соглашаясь в целом с выводами автора, позволю себе все же вступить с ним в полемику по поводу некоторых

деталей. Так, по мнению О. Е. Фроловой, в состав семантических предикатов «неохотно» входят имена политических деятелей: малореально **S — второй Хрущев* (с. 237). Моя интроспекция вполне допускает такое употребление — и, введя в строке поиска Яндекса *второй Хрущев*, я нашла много подобных примеров: «Преемник Туркменбаши — второй Хрущев?»; «Ткачев — это второй Хрущев» etc. То же самое — со *вторым Горбачевым*, ср.: «Дмитрий Медведев — второй Горбачев?»; «Экс-президент Киргизии Аскар Акаев — это, на мой взгляд, второй Горбачев» и др. Это заставляет скептически относиться к заключению автора о недопустимости *вторых* политиков. Аргумент относительно некорректности сочетаний **второй Петр Великий*, **вторая Екатерина Великая*, **второй Троцкий* (с. 238) справедлив, но некорректность вызвана не тем, что перед нами имена царей и политиков: в сочетаниях **второй Петр Великий* или *Екатерина Великая* характеристики *второй* и *великий* противоречат друг другу (ср. и вовсе оксюморонные **второй Петр Первый*, **вторая Екатерина Вторая*); фраза **второй Троцкий* малоактуальна, ибо детали деятельности Троцкого уже изрядно забыты; кроме того, Троцкий всегда реально был вторым — после Ленина. При этом имена других политиков, особенно тех, чьи образы могут «пройти» через предложенный автором тест на наличие какой-либо «монотчерты» (или нескольких доминантных черт), вполне сочетаемы со словом *второй* и другими маркерами типа *настоящий*, *типичный* и др. То же можно сказать о сочетаниях вроде **типичный Андрей Болконский*, которые кажутся автору невозможными (с. 236). Андрей Болконский, конечно, не Плюшкин (по степени типичности), и собственная «типажность» ему бы не понравилась, но от нее никуда не деться, ср. контексты из Интернета: «Харак-

тер, повадки, терзания — типичный Андрей Болконский»; «Ни дать ни взять — вылитый Андрей Болконский»!

Рассмотрев нереферентное употребление антропонима, О. Е. Фролова подвергает анализу референцию антропонимов в текстах разных жанров. Автор учитывает не только прецедентность/непрецедентность имен, но и их фабульность/сюжетность. В связи с этим вводятся понятия фабульных и сюжетных антропонимов: «**Фабульные антропонимы** конкретно-референтны и называют актантов внеязыковой ситуации, выступающих в качестве персонажей. **Сюжетные антропонимы** могут участвовать в описании обстановки или в позиции предиката выступать как характеристика персонажа. (...) Сюжетные антропонимы могут иметь как конкретно-референтный статус, так и быть нереферентными. В анекдоте фабульными могут быть как прецедентные, так и непрецедентные антропонимы, имеющие конкретно-референтный денотативный статус. Сюжетными могут быть только прецедентные антропонимы» (с. 259).

Пословичные антропонимы могут сближаться с местоимениями или сохранять свою прецедентную сущность — например, в случае библейских имен. Автор пытается обнаружить различия в референциальном поведении ветхозаветных и новозаветных антропонимов, указывая, что ветхозаветные антропонимы используются в текстах только нереферентно (в текстах *По борде Авраам, а по делам Хам, Давид молится и плачет, а Саул веселится и скачет* etc. библейским прототипам уподобляется экстралингвистическая ситуация), а новозаветные имена способны к референтному употреблению. По мнению О. Е. Фроловой, среди пословиц не обнаруживаются примеры, где новозаветные имена (например, *Никола* и *Христос*) «выполняли бы роль

эксплицитного или семантического предиката» (с. 242). Однако такие примеры есть за пределами проанализированного автором послевичного корпуса, ср. вологодские паремии: *С виду голый, а по делам Никола; Сам не подрос, а делами Христос* [ЭМТЭ].

В анекдотах прецедентные имена выступают как реальные или фикциональные, при этом «для русского анекдота безразлично, из какой сферы появляется в тексте прецедентный антропоним, более того, анекдот “стирает различия” между реальным историческим и литературным (в широком смысле) антропонимом. Доказательством этого служат анекдоты о Чапаеве и Пушкине» (с. 249). В волшебной сказке антропоним персонифицирует сюжетные функции, создавая тем самым прецедентные имена. В центре антропонимического поля сказки герой; форма его имени не меняется в зависимости от субъекта речи. При рассмотрении авторских ХТ О. Е. Фролова обращает особое внимание на механизм соотношения антропонима с точкой зрения автора или героя, функции прецедентных антропонимов. При описании функций автор сопрягает понятия фабульности/нефабульности, прецедентности/непрецедентности, субъекта действия и субъекта речи, обнаруживает приемы, которые затрудняют установление референции («построение кореферентных цепочек, принадлежащих разным пространствам текста, а также мена перволичного и третьеличного субъектов речи в тексте» (с. 283)).

После прочтения насыщенного и изобретательного текста этой главы у читателя возникает следующее желание. Хотелось бы более подробного рассмотрения взаимоотношений между сопряженными в монографии разноплановыми категориями референтности и прецедентности. Само по себе это сопряжение очень продуктивно и полезно,

но за рамками работы остался некоторый перечень параметров (условий), который позволяет при конкретном анализе любого текста определять одно через другое.

У автора получается, что прецедентность имени «тянет» за собой его референтное употребление. Но сама по себе прецедентность для ряда фольклорных жанров — категория крайне неоднозначная, выделяемая на диахронном уровне и противоречащая синхронному функционированию текста. Последнее особенно верно для жанра пословицы. Имя может появиться в пословице или в родственных ей жанрах (например, календарной примете) как прецедентное, а затем эта прецедентность легко утрачивается. Ср. паремию *В одном кармане Иван Постный, в другом Марья Леготишина* (о нужде и голоде): здесь первое имя читается как прецедентное (хрононим *Иван Постный*) — но в то же время подвергнутое игровому переосмыслению (хрононим → антропоним): референтно ли оно в этом случае? Со вторым еще сложнее: при диахронном прочтении его можно трактовать как отсылку к богородичным праздникам, смежным по времени с *Иваном Постным*, или же как игровое притяжение *Марьи* к *Ивану*, — но как такое сложное прочтение отразится на референтности имени?

Завершает работу **Заключение**, стягивающее воедино разные нити исследования и дающее новый ретроспективный вид на все здание работы.

Сделанные выше замечания, как принято говорить, «носят дискуссионный характер»; связанные с ними недостатки работы, несоизмеримые с ее достоинствами, являются логическим продолжением ее сильных сторон: новизна подхода, солидное поле проблемного охвата и ярко выраженная концептуальность автора порождают некоторую размашистость и недоговоренность отдельных мест книги, прорисованных широкими эпическими мазками (а

всмаатривающийся читатель иногда рассчитывает увидеть за ними более детальную акварель).

Исследование О. Е. Фроловой хочется принять и по его общему пафосу, и в деталях. Выводы автора имеют несколько «поясов влияния» на современную лингвистическую науку: в пределах «узкой» теории референции (здесь Ольга Евгеньевна разрабатывает новую область — теорию референциального пространства текста), затем — в масштабе тех областей лингвистики, к которым принадлежит многоплановый феномен референции, затем — в общем контексте современной филологии, которая пытается доказать, что когнитивные явления при своем «оязыковлении» подчиняются логике строения текста и его жанровой организации (ср., например, исследования С. Е. Никитиной о жанровой обусловленности варьирования концептов в фольклорных текстах). Следует сказать и об обаянии научного стиля О. Е. Фроловой, которое состоит в сочетании независимости автора, нетривиальности его мышления с умением избежать ненужных красот: все, что говорится в книге, говорится по делу. Стоит рекомендовать эту книгу студентам и аспирантам, ибо она написана в эвристической манере и учит (с обязательным пошаговым проговариванием) самой логике лингвистического анализа текста: от рабочей гипотезы до выработки эффективной технологии представления результатов.

Л и т е р а т у р а

ЭМТЭ — картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (Екатеринбург, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания).

Е. Л. Березович

**К. А. Максимович. Заповѣди свѣтыхъ отъць.
Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе.
Исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. — 208 с.**

Книга К. А. Максимовича представляет собой издание одного из древнейших бытовавших у славян памятников канонического права, которому предпослано обширное исследование, самое детальное из существующих. Хотя текст издавался и ранее, данное издание является наиболее полным, дающим различия по всем известным спискам, в частности, по рукописи БАН. 13.7.8 XIII в., которую автор впервые привлекает к изучению текста «Заповеди». С вариантами печатается также и латинский оригинал (Мерзебургский пенитенциал). Издание снабжено весьма полезным славяно-латинским указателем.

Исследовательская часть распадается на несколько небольших глав. После введения, в котором даются общие сведения о памятнике и оговариваются задачи работы, следует глава, посвященная содержанию пенитенциала, — славянской версии в сопоставлении с латинской. Разбор отличий в описании грехов и назначаемых за них епитимий полезен, хотя не все интерпретации кажутся убедительными. Так, Вашица интерпретировал **тоуждѣж женѣ приметъ** в Синайском евхологии как ‘уведет чужую жену’ (ст. 22); в версии Устюжской кормчей здесь стоит **чюжю женоу лобъжеть**, соответствующее лат. *oscilatus eam et amplexat*. Максимович предлагает на основании латинского соответствия приписать славянскому **принати** значение ‘обнять, пристать (к женщине)’; это само по себе кажется маловероятным, не находит никакого подтверждения в существующих памятниках и вступает в противоречие с тем, что в славянском тексте за данный грех утяжеляется наказание; естественно думать, что и грех в версии Синайского евхологии оказался более

тяжелым. В версии Устюжской кормчей в статье, трактующей прелюбодеяние мирян (ст. 11), опущено указание на блуд с девицей (*virgo*). Максимович регистрирует вариант, не видя необходимости в комментарии; между тем можно предположить, что здесь происходит приспособление к представлениям славян, в народной культуре которых блуд с незамужней женщиной, в отличие от связи с чужой женой, серьезным преступлением не был¹.

Следующая часть посвящена текстологии древнейших списков «Заповеди». Полноценная текстология, впрочем, отсутствует; автор не ставит вопроса о том, каков был изначальный славянский перевод, а лишь перечисляет сходства и несходства двух основных списков «Заповеди» (Синайского евхология и Устюжской кормчей) с латинским текстом и указывает, как это делали и его предшественники, что в ряде статей латинскому тексту ближе соответствует одна из версий, а в ряде статей — другая. Остается неясным, означает ли это, что обе редакции отходят (в разные стороны) от первоначального перевода, полностью соответствовавшего латинскому тексту, или, скорее, имеющиеся у нас латинские тексты отличны от того, который был в руках у славянского переводчика.

Следующая часть посвящена тому, что автор называет техникой перевода. К изучению техники перевода автор подходит весьма формально. Он сопоставляет латинский текст со славянскими версиями и классифицирует расхождения. Расхождения бывают разных ти-

¹ См.: С. М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 433.

пов, и им всем приписывается определенная интенциональность. Соответственно, выделяются адаптирующий и конкретизирующий переводы, описательный перевод, дополняющий, сокращающий, обобщающий перевод, перевод конкретно-семный и замещающий. Трудно поверить, что интенции переводчика могли быть столь разнообразны и что он постоянно был занят тем, что либо смягчал, либо ужесточал наказания. Очевидно, что не каждое расхождение между латинским и славянским текстом характеризует «технику перевода», если под этим словосочетанием понимаются приемы переводческой деятельности. Возникают сомнения в предложенных интерпретациях и напрашиваются другие объяснения, которые автор игнорирует. Так, например, говорится о том, что в статье о рукоприкладстве клириков (ст. 31) перевод дополнен определением епитимьи для епископов (5 лет); с какой стати славянский переводчик специально озаботился епископами, не объясняется и не рассматривается возможность того, что реальный оригинал, с которого делался перевод, отличался, по крайней мере в деталях, от дошедшего до нас Мерзбургского пенитенциала. В славянском переводе первой статьи опущено упоминание о Каине, бродящем по земле. Максимович полагает, что это «сокращающий» перевод, а сокращение произведено из-за «слабого знакомства паствы с ветхозаветной историей» (с. 45). И здесь сокращение могло иметь место на латинской почве, тогда как предлагаемое объяснение несостоятельно: пенитенциалы предназначались не для «паствы», а для пастырей, и даже невежественные славянские пастыри (об эрудированности которых мы, впрочем, мало что знаем) должны были что-то слышать о Каине.

Вообще автор скор на объяснения, часто довольно легковесные. Скажем, в

латинском пенитенциале за лжесвидетельство предписано пожизненное покаяние, а в славянском тексте срок не уточняется (ст. 35); автор предполагает, что срок был предоставлен на усмотрение судьи-епископа (с. 48); мы ничего не знаем о деятельности епископов как исповедников, мы вряд ли можем говорить для славянского мира о покаянной процедуре как о суде, и мы никак не должны предполагать прямой связи между дошедшими до нас текстами и реальной покаянной дисциплиной (в конце концов, в «Заповеди» осуждается и нарушение священниками celibата, что очевидно не имело никакого отношения к практике православных славян, ср. с. 137); указание на срок, если оно и было в латинском оригинале, могло пропасть по самым разным причинам, никак не дающим повода для ненужных фантазий.

Нецелесообразность формального подхода особенно заметна в параграфе о «замещающем переводе». Здесь в одной рубрике соединены и смешаны принципиально разные случаи. С одной стороны, сюда попадают ошибки, например, перевод *mentes hominum tulerit* как *иѡ иѡмена имѣ творитѣ члѣска* (ст. 27); можно думать, как это делает Максимович, что мы имеем здесь дело с «паронимическим влиянием» (с. 52—53), хотя такое объяснение ошибок мало что дает, но в любом случае здесь перед нами явный ляпсус переводчика; точно так же, как и в статье 48, где вместо монастыря фигурирует монахиня. Это совершенно иной случай, нежели назначение 10 дней за пьянство в славянском переводе вместо 40 дней в латинском тексте (это никак не ляпсус), хотя кажется поспешным заключать отсюда, что «у западных славян пьянство клира наказывалось менее строго, чем во франкской Церкви» (с. 54); здесь опять же связь между текстом и практикой понимается слишком примитив-

но. В заключение делается не слишком осмысленный вывод о том, что «замещающий» перевод преимущественно использовался «для изменения (смягчения или ужесточения) санкции» (с. 55)². Странные утверждения встречаются в этой части и далее. Например, автор говорит, что терминологические дублиеты (встречающиеся в «Заповеди») обеспечивают «необходимую в книжном языке вариативность терминов» (с. 57); лексическая вариативность, возможно, и вправду нужна книжному языку, но никак не вариативность терминов, которая противоречит самому понятию о терминологической системе; замечу кстати, что существование церковнославянских терминов вне юридических и богословских текстов вообще проблематично.

Следующая глава посвящена языку «Заповеди», и она, на мой взгляд, является наиболее содержательной. Глава распадается на две части, в одной рассмотрена лексика, в другой — фонетика и грамматика. Собственно, фонетика никак не разбирается, да и не может разбираться, поскольку о фонетике следует говорить применительно к спискам

(конкретным рукописям), а не к памятникам, которые входят в рукописи разных типов и разных изводов. К «фонетике» отнесены только комментарии к слову **отровеник** ‘veneficio’, встречающееся в Синайском евхологии в соответствии с **отравленик** Устюжской кормчей; автор остроумно предполагает, что здесь имеет место не опущение / epentheticum, а иное отглагольное образование: **отровеник** трактуется как производное от глагола **отроугти** (с. 89—90).

Много интересных наблюдений сделано относительно синтаксиса. Справедливо, видимо, мнение автора о том, что появление в «Заповеди» причастных конструкций вне соответствия с латинским оригиналом свидетельствует об их самостоятельном статусе в славянском книжном языке (с. 93). Отдельный весьма любопытный этюд посвящен союзу *толи*, у которого автор выделяет несколько значений; для церковнославянского южнославянской и восточнославянской редакции он может рассматриваться как архаизм, восходящий к западнославянскому изводу книжного языка. Несколько поспешным кажется заключение автора, согласно которому «южнославянская книжная норма XI в. была более толерантной к бессоюзной сочинительной связи, чем древнерусская норма XIII в.» (с. 108). Для столь значимого вывода нужен куда более обширный материал, нежели сопоставление одного короткого памятника в двух (южнославянской и восточнославянской) редакциях, более четкое определение «древнерусской нормы» и более точные способы установления меры бессоюзия³.

² Поспешным кажется и утверждение Максимовича об отсутствии «у славян, в отличие от городов Франкской империи, института профессиональных блудниц» (с. 55). Городская культура была и у южных, и у западных, и у восточных славян, и проституция была устойчивой принадлежностью городской культуры с глубокой древности. В московских судебниках проститутки фигурируют, и «урекание» «бляднею», присутствующее в Уставе Владимира, скорее всего означает оскорбление, при котором женщину называют проституткой (ср. также новгородскую берестяную грамоту № 531; об отношении к проституции в древней Руси ср.: *Eve Levin. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900—1700. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1989. P. 191).*

³ См. о бессоюзии в «Слове о полку Игореве» в работе: *А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 190—205.* В этой же работе предлагается и аппарат для определения веса бес-

Сложнее обстоит дело с лексической частью рассматриваемой главы. Хотя и здесь имеется ряд ценных наблюдений, она все же огорчает поспешностью и ложным апломбом в изложении весьма сомнительных выводов. Автор, например, придерживается весьма оригинального и нигде не обоснованного взгляда на такой сложный вопрос, как диалектное членение позднего праславянского; он почему-то считает, что для данного периода диалектные различия нельзя «связывать с географической оппозицией “севера” (“северо-запада”) и “юга”» (с. 69). На этом шатком основании автор строит сомнительное противопоставление «паннонизмов» и «моравизмов». «Паннонизмы» он определяет как «древнейшие западнославянские регионализмы» (включающие и диалектизмы, и слова, заимствованные из латыни и готского), а «моравизмы» — как лексические элементы, появившиеся в процессе христианизации в Великой Моравии. Никакой ясной методики различения этих двух групп у автора, понятным образом, нет, что и неудивительно, поскольку христианская лексика, употреблявшаяся в Моравии, использовала наследие предшествующих западных миссий. Для того чтобы противопоставить лексику Фрейзингенских листков и лексику чешских церковнославянских памятников, у нас слишком мало материала, и не видно никакого смысла в том, чтобы определять, скажем, *погань* как «паннонизм», а *комкати* как «моравизм»⁴.

Вызывает сомнения и трактовка многих лексем; и здесь выводы часто

далеко опережают имеющиеся данные. Так, например, в качестве «моравизма» автор толкует один раз встретившееся в «Заповеди» слово **ВАЦЬШИНА**, которому автор приписывает значение ‘старший по званию, чину’ (выделение этого слова не бесспорно) (с. 83). Это слово один раз встречается и в переводе (болгарского происхождения) «Огласительных поучений» Кирилла Иерусалимского. Можно сказать, что мы имеем дело с почти гапаксом, обладающим, однако же, прозрачной словообразовательной структурой; сама по себе такая структура (как структура) возможна в любом из славянских языков. То, что в чешском мы находим *většina*, а в словацком *väčšina*, однако же с другим значением (‘большая часть, большинство’), никак не достаточно для зачисления разбираемой лексемы в моравизмы. Столь же сомнительны основания для приписывания статуса «паннонизма» названию денежной единицы **ЦАТА** (с. 79—81). Нет никакого смысла рассматривать в ряду «грецизмов» такие слова, как *дьяконъ*, *епископъ*, *сотона*; хотя исходно эти слова идут из греческого, однако в первую очередь они попадают оттуда в латынь (о чем говорит и сам автор — с. 88); рассматривая перевод с латыни, сделанный в области, где распространялось западное (латинское) христианство, эти слова следует считать происходящими из ближайшего латинского источника, а обозначение их как грецизмов лишь сбивает с толку, побуждая думать о настоящем византийском влиянии в тех областях, где доминировал латинский язык (как, например, в Венгрии).

На основании особенностей перевода и лексических наблюдений автор делает выводы относительно времени и места славянского перевода. Заключение о хронологии перевода кажется в целом справедливым. Как указывает Максимович, перевод «Заповедей» не похож

союза в тексте, которым Максимович мог бы при желании воспользоваться.

⁴ См. об ирландской миссии у славян: А. В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // *Вопр. славянского языкознания*. Вып. 7. М., 1963. С. 43—72.

на перевод «Закона судного людем» или Номоканона Мефодия. Они различаются и содержательно (за одни и те же грехи предписаны разные санкции⁵), и характером перевода: перевод «Заповедей» более свободный и существенно худшего качества (именно это, в сущности, имеет в виду автор, указывая на многочисленность примеров «сокращающего» и «замещающего» перевода и малочисленность «контекстно-семных» эквивалентов). Это позволяет предположить, что перевод был сделан кем-то отличным от Мефодия и его учеников; тогда вероятно, что перевод был сделан после смерти Мефодия (885 г.). На это, по мнению Максимовича, указывает и тот факт, что в лексике «Заповедей» отразилось «влияние византийской (кирилло-мефодиевской) традиции» (с. 112), что, однако же, остается сомнительным (см. выше). Отличия «Заповедей» от упомянутых выше памятников, связываемых с именем Мефодия, как в содержании, так и в специфической лексике побуждают автора считать, что эти тексты возникли «в географически удаленных друг от друга регионах» (с. 110), и локализовать изучаемый памятник «на крайнем западе славянского мира, на территории Паннонии» (с. 112), «возможно, на территории средневековой Карантании» (с. 157). Для подобной локализации у нас нет достаточных данных, наши сведения слишком отрывочны и неинформативны. Различия типа наблюдаемых в

названных памятниках никак не соотносятся ни с географическим расстоянием (они могли быть индивидуальными, а не региональными), ни с временной дистанцией. Там, где данных нет, исследователь должен констатировать их отсутствие, а не пытаться дополнить их вольными фантазиями.

В следующих главах речь идет о рецепции «Заповедей», в шестой главе о рецепции южнославянской, в седьмой — о древнерусской. Автор говорит о рецепции в узком смысле, перечисляя статьи, заимствованные из «Заповедей» в различные южнославянские (сербские и болгарские) и восточнославянские подборки епитимийных правил. Заимствование не исключает видоизменений, и автор отмечает, каким преобразованиям подверглись различные установления «Заповедей» при включении их в другие памятники. Эти наблюдения имеют несомненную ценность и позволяют читателю увидеть, как традиции Мерзебургского пенитенциала, однажды проникнув на славянскую почву, продолжают в течение веков оказывать влияние если не непосредственно на практику покаянной дисциплины, то, во всяком случае, на тексты, призванные эту практику регулировать.

Как и в первых главах, автор время от времени говорит здесь о текстологии. Например, обсуждая древнерусский епитимийник «От заповеди святых отец», Максимович пишет, что «[Т]екстология этой редакции позволяет предполагать промежуточный протограф, объединяющий в себе чтения обеих древнейших редакций» (с. 138); имеются в виду редакции Синайского евхология и Устюжской кормчей; если постулируется подобный протограф, надо попытаться установить, когда и в каком порядке каждая из редакций отходила от него и в каком контексте (место и время) происходили эти процессы. Если Тихонравовская редакция «От заповеди

⁵ Само по себе различие в санкциях мало о чем говорит, поскольку даже пенитенциалы, принадлежащие одной традиции, нередко указывают разные епитимьи. В позднейшее время известны сборники, в которых содержится несколько епитимийников, расходящихся в своих рекомендациях. Надо помнить, что такие расхождения в текстах могут никак не соотноситься с различиями в покаянной практике.

святых отец» в одних случаях следует Синайскому евхологию, а в других Устюжской кормчей (см. ст. 5 и 6 — с. 136), следует предположить, что с весьма раннего времени на восточнославянской почве существовали разные редакции «Заповеди», попытаться реконструировать эти редакции и поставить вопрос о том, как они взаимодействовали в дошедших до нас текстах. Вместе с тем Максимович полагает, что возможно было и прямое заимствование некоторых правил «Заповеди» из южнославянских сборников, обходящее стороной ее древнерусские редакции. Это указывает на довольно сложную историю текста, которую автор, однако же, не пытается раскрыть⁶. Вызывает

недоумение отсутствие всякого упоминания новонайденных «Неведомых словес митрополита Георгия игумену Герману» при обсуждении «Написания митрополита Георгия русского и Феодоса» (и, в частности, вопроса о том, кто такой Феодос — с. 139) и отношений этого последнего памятника к «Заповеди»⁷.

Завершая эту рецензию, стоит еще раз подчеркнуть, что новая книга о «Заповеди святых отец» представляет собой, конечно, позитивное явление. Она может быть определенным этапом в изучении данного памятника, хотя исследование, сопутствующее изданию памятника, далеко не безупречно.

В. М. Живов

⁶ Он говорит даже о прямой необходимости «использования славянских редакций для реконструкции первоначального текста и нового научного издания» «Заповеди святых отец». Сама книга, как кажется, и претендует на то, чтобы быть таким новым научным изданием, и при этом проблема реконструкции в ней никак не решается.

⁷ См.: *А. А. Турилов*. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопроша-

ние» // *Славянский мир между Римом и Константинополем*. М.: Индрик, 2004. С. 211—262 (Славяне и их соседи, вып. 11). Хотя в епитимийной части «Неведомых словес» влияния «Заповеди» незаметно, этот памятник весьма важен для реконструкции ранней восточнославянской епитимийной ситуации. Занимаясь покаянной дисциплиной, неправоммерно игнорировать такие публикации, тем более что появляются они в Москве, а не в Рио-де-Жанейро.

ОБЗОРЫ

Biblia Slavica

Два последние десятилетия отмечены в славистике стремлением к систематическому изучению библейских источников. В Софии, в Кирилло-Мефодиевском центре, началось издание южнославянского извода древних библейских переводов, основанное на весьма ценном списке Российской национальной библиотеки F.I.461, XIV в. и на тщательном текстологическом анализе других южнославянских рукописных источников (см. [Златанова 1998; Тасева, Йовчева 2003])¹. В Санкт-Петербурге в 1993 г. началось и еще не завершено издание славянского Евангелия, основанное на максимальном охвате рукописных источников [Евангелие 1998; 2005]. Обе работы являются в значительной мере результатом создания на 10-м съезде славистов в Софии в 1988 г. Библейской комиссии. Самую важную роль в образовании Комиссии

сыграли тогда два маститых немецких слависта — Рейнгольд Олеш (1910—1990) и Ганс Роте. Они активно поддерживали инициативу, проявленную их молодыми коллегами, и сделали все возможное для положительного решения задуманного дела на заседании Международного комитета славистов. Из обсуждавшихся при образовании Комиссии вопросов один представлял собою некоторую сложность: должна ли Комиссия ограничить свои интересы собственно старославянской Библией и ее историей до 1751 г., когда в Санкт-Петербурге была опубликована завершающая форма текста в виде Елизаветинской библии, или же следует уделять равное внимание национальным библейским традициям, четко ограниченным в своей языковой форме одним языком, а в своем конфессиональном назначении — одной религиозной общиной. Под влиянием Р. Олеша и Г. Роте вопрос был решен в пользу самого широкого понимания задач Комиссии. Со временем стала очевидной научная основательность такого подхода, а ближайшие вслед за съездом события показали, что к этому времени у двух славистов был готов план большого издательского проекта фототипического воспроизведения ранних изданий Библии на национальных славянских языках, так что уже в 1988 г. появился первый том серии — польская *Biblia Leopolita* (1561).

Через двадцать лет после начала работа увенчалась исключительными результатами, ибо к настоящему времени издательство Ferdinand Schoeningh

¹ От софийского предприятия отделился и в 1990-е годы энергично осуществлялся в Зальцбурге под руководством проф. Отто Кронштайнера проект реконструкции Мефодиевского перевода Библии. Болгарские ученые Димитр Дунков, Иван Дадиверин и Диляна Атанасова опубликовали книги Левит, Второзаконие, Судей, 1—4 Царств, Руфь и Псалтырь. Некоторые публикации опирались всего на три-четыре списка. Странной особенностью всех изданий является то, что славянский текст в них орфографически нормализован в согласии с парадигмами старославянского языка, представленными в грамматиках, как если бы публикации были рассчитаны на изучение в школе или гимназии.

(Paderborn) выпустило в свет 39 томов этой серии. Внушительный объем каждого из томов, прекрасное качество плотной тонированной бумаги, безупречное полиграфическое исполнение, великолепные кожаные и тканевые переплеты с золоченым обрезом и компетентное научное сопровождение придают серии самостоятельную художественную, научную и культурную ценность. Финансирование проекта осуществила Академия наук в Дюссельдорфе с помощью фонда *Alfried Krupp von Bohlen und Halbach-Stiftung*. Дадим, однако, краткий перечень содержания всех опубликованных томов, без чего не будет понятна специфика восточнославянской традиции и ее место в том процессе овладения Библией, который с XIV по XIX столетие охватил так или иначе все славянские культуры и языки².

Вся серия делится на шесть разрядов.

Первый разряд образовала чешская Библия. В богатую начинаниями эпоху Карла IV (1355—1378) Чехия стала первой славянской страной, где проявились национальные тенденции развития как в сфере религии, так и культуры. Основание в Праге первого немецкого университета (1348) способствовало перенесению сюда опыта плодотворного усвоения и распространения Библии, осуществленного на полтора столетия раньше в Парижском университете применительно к латинскому тексту Вульгаты. Это не привело к подавлению славянской культуры, и чешская Библия была напечатана в Праге в 1488 г. по образцу и в переводе с Вульгаты, ставшей к тому времени благодаря трем десятилетиям работы печатного

станка всеобщим достоянием в христианской Европе. Раньше чешского из печати вышли только латинский и немецкий переводы Библии, что обусловило тот огромный интерес, с каким появление этой версии было встречено в славянском окружении (см. в частности [Флоровский 1946]). С этого момента история Св. Писания у славян начинает постепенно сменяться историей Библии: на смену слабо зафиксированной в своем составе многотомной антологии священных книг (которую греческие и латинские книжники именовали пандектой) приходит компактный том, содержащий все богодухновенные тексты под одним переплетом и в известной последовательности. Однотомная Библия открывает новую эпоху христианского просвещения.

Издатели выбрали для своей серии, однако, не пражское издание, а его перепечатку сделанную годом позже (1489) в Кутной Горе Мартыном из Тишнова, которая, сохраняя все текстовые особенности Пражской библии, отличается исключительно изящными шрифтами, заставками и великолепными гравюрами. Пожалуй, это самый красивый том всей серии (см. [Алексеев 1992]). Из последующих изданий чешской Библии известностью пользовалась венецианская редакция 1506 г., на которую опирался и Франциск Скорина.

Второй Библией в серии явилась, вполне естественно, протестантская Кралицкая библия в шести томах в четверку (1579—1593). Ветхий Завет переведен в ней с еврейского языка, Новый Завет — с греческого и в основном воспроизводит перевод Яна Благодслава (1523—1571), филолога, просветителя и основателя церкви Чешских братьев. Ее перепечатка для серии *Biblia Slavica* знаменательно совпала с 400-летием первого издания. Если Пражская и Кутногорская библии несут на себе отпечаток личности Яна Гуса с его новыми

² Пользуясь случаем, обращаем внимание на два больших обзора славянских переводов Библии и их изданий, которые появились в последние годы. См. [ПЭ 2002; Interpretation 1998].

принципами правописания, воспроизводящими некоторые черты священо-го еврейского языка, то Кралицкая библия стала важным источником развития чешского литературного языка вплоть до эпохи нового национального возрождения XIX в. Начиная с 1613 г. она перепечатывалась в одном томе.

За нею, как и в других странах центральной Европы, последовала католическая реакция, вызвавшая новый перевод с латыни — Святовацлавскую библию (три тома, 1677—1715), преемственно связанную с венецианским изданием 1506 г., что придало архаичность ее языку и ограничило общественное влияние.

Кроме этих трех больших печатных Библий в чешский разряд вошла рукописная Дрезденская библия по оригиналу приблизительно 1370 г., который погиб в начале первой мировой войны в Брюсселе, куда был доставлен из Дрездена для фотокопирования. Наборное издание по сохранившимся фотографическим пластинам было опубликовано прежде Вл. Кыасом [Куас 1981; 1985; 1988], причем отсутствующие части текста восполнены по Оломоуцкой и Змерзлицкой рукописям. Дрезденская была старшей из них и сохраняла в большей степени орфографические и лингвистические черты оригинала XIII века, почему воспроизведение сохранившихся фотографий можно считать серьезным вкладом в научную разработку предмета. Эта рукопись содержала первую редакцию чешской версии, возникшей на базе латинского текста, вторая редакция сложилась в начале XV в., третья связана с гуситским движением и нашла отражение на Украине, где с нее сделан перевод Песни песней с толкованиями [Алексеев 1983], тогда как четвертая явилась плодом научной работы в Карловом университете и воспроизведена в пражском издании 1488 г. Таким образом, в серии *Biblia Slavica* опубликована фотокопия

Дрезденской библии, начиная с Псалма 37, отдельным томом дан наборный текст, выполненный в свое время великим знатоком чешской Библии Владимиром Кыасом (1917—1990). Четырьмя названными Библиями далеко не исчерпывается богатейшая традиция Св. Писания на чешском языке, однако она представлена в серии самыми главными своими свидетелями.

Польский разряд серии, в подготовке которого участвовали известные специалисты Ирена Квилецка, Лешек Мошиньски († 2008) и Дэвид Фрик, также содержит четыре единицы. Первым по времени является здесь полный перевод Нового Завета, выполненный Станиславом Мужинским (1528—1553) и опубликованный в Кенигсберге в 1551—1552 гг. в двух томах Яном Секлюцианом (1510—1578). Это издание осуществлялось под покровительством последнего магистра Тевтонского ордена герцога Альбрехта (1490—1568) и отразило широкое распространение на восток Европы религиозного учения Мартина Лютера. Новый Завет Мужинского—Секлюциана многократно перепечатывался и пользовался популярностью благодаря ясному и простому языку и уместно размещенным пояснениям реалий. До появления в 1632 г. Гданьской библии он был основным в кругах польских евангелических христиан.

Библия Леополита (1561) была, как отмечено, первой книгой всей серии, она же является, вероятно, самым ранним католическим изданием Библии. Как известно, первые десятилетия книгопечатания прошли под знаком гуманизма, изданием и распространением Св. Писания занимались частные лица. Лишь Реформация придала обостренно конфессиональный характер своим изданиям. После публикации Мартином Лютером Нового Завета (1522) и Ветхого Завета (1534) Римско-католическая церковь приняла во внимание значи-

мость печатного станка, и в 1546 г. Тридентский собор канонизовал латинскую Вульгату и распорядился издать ее официальный текст. Этот текст появился лишь в 1590 г. (Biblia Sixtina) и 1592 г. (Biblia Clementina). Библия Леополита явилась, по всей вероятности, первым ответом на решение Тридентского собора. Ее создателем был священник Ян Ниц (1523—1572), профессор Ягеллонского университета в Кракове, родом из Львова (leopolites «львовянин», что вошло в название издания). Перевод с латыни отличается здесь некоторой свободой, не блещет литературными достоинствами. Но издание, выполненное отличными шрифтами и с прекрасным расположением текста, производит праздничное впечатление.

Тотчас после него в 1563 г. появляется Брестская библия, называемая также Радзивилловской по имени великого литовского канцлера Николая Радзивилла Черного (1515—1565), покровителя издания, или Пинчовской, по месту, где находилась кальвинистская школа, в которой был сделан перевод Ветхого Завета с еврейского, а Нового Завета — с греческого языка. Использовано было также одно из новейших изданий латинской Вульгаты. Это видно по тому, что не только в самом тексте выставлены номера стихов (это деление текста появилось лишь в 1551 г. в изданиях Вульгаты), но и при обозначении параллельных мест. Особыми достоинствами отличается ясный язык перевода. По шрифтам и другим типографским чертам это издание относится к числу лучших в XVI в. Его влияние было столь велико, что через столетие в Москве переводчиком Посольского приказа Авраамием Фирсовым был сделан перевод Псалтыри с польского на простой славянский³. Но сегодня эк-

земпляры Брестской библии крайне редки, ибо сын Радзивилла Черного после своего обращения в католицизм собирал и уничтожал их.

Продолжателем протестантских переводов был выдающийся филолог Симон Будный (1535—1596). В 1571—72 гг. он опубликовал двумя томами Ветхий и Новый Заветы, стремясь в своей работе передать оригинал со всей точностью, которой, по его мнению, не хватало брестскому изданию. Его перевод по месту публикации называют Несвижской библией. Успехи протестантской миссии вызвали, как и в других случаях, реакцию Контрреформации, так появился перевод с латыни иезуита Якова Вуйка в 1593—96 гг., но он уже не вошел в серию Biblia Slavica.

При подготовке восточнославянского разряда своей серии проф. Роте встретился с трудностями особого рода: многие библейские переводы и издания, которые следовало включить в серию, либо только что были переизданы, либо готовились к публикации. Так, архим. Иннокентий Просвирнин (1940—1994) подготовил и частично осуществил фототипическое издание Геннадиевской библии (Новый Завет в двух томах, 1992, Псалтырь, 1997), ветхозаветные переводы Франциска Скорины были опубликованы в трех томах в Минске в 1990—1991 гг., Чудовский Новый Завет XIV в. незадолго перед тем был переиздан фототипически в Кельне (1989) и готовился к наборному изданию под покровительством митроп. Питирима (1926—2003) в Москве (издан Т. Л. Александровой в 2001), Острожская библия была фототипически переиздана в Москве в 1989 г., в Киеве к публикации готовилось Пересопницкое евангелие 1556—61 гг. (осуществлена в

вилось в Бресте в 1564 г. Впрочем, ему были известны и другие польские переводы. См. [Целунова 2006].

³ Вероятно, переводчик пользовался отдельным изданием Псалтыри, которое поя-

2001). Долгие переговоры с руководством Государственного исторического музея об использовании одной из двух рукописных Библий XVI в. вместо Геннадиевского списка результатов не принесли. В конце концов, восточнославянский разряд оказался сформирован следующими пятью единицами, ни одна из которых не является полной печатной Библией национальной значимости. Это Апостол в издании Франциска Скорины (1525), два варианта работы по редактированию Нового Завета, осуществленной в Москве Епифанием Славинецким, Псалтырь в переводе В. К. Третьяковского и Евангелие в издании Василия Тяпинского. Все это были тупиковые линии развития библейского текста у восточных славян, но их публикация явилась долгожданным и исключительно важным в научном отношении событием.

Издание Апостола Скорины (вместе с православным месяцесловом) завершило минскую публикацию его переводческого наследия, однако в том вошли комментарии не только к тексту Апостола, но и к изданным прежде в Минске материалам, составленные десятком участников, среди которых особенно значимы имена А. И. Журавского и Г. Роте. Большой интерес представляет здесь также обзор гравюр в изданиях Скорины, который осуществил В. Ф. Шматов. Псалтырь Третьяковского не была издана в свое время, несмотря на все усилия автора и благожелательное отношение Св. Синода; принимавшиеся неоднократно в науке попытки этого рода также не принесли результата. Благоприятным моментом в данном случае оказалось приглашение к участию Александра Левицкого (Йельский ун-т, США), специалиста по русской оде XVIII в., который осуществил наборное издание текста и дал к нему необходимые пояснения. Шрифт и оформление книги стилистически свя-

заны с русскими изданиями середины XVIII века.

С изданием в серии литературного наследия Епифания Славинецкого связан занимательный сюжет. Этот украинский книжник, приглашенный в Москву, как в свое время Максим Грек, исключительно для приготовления новой редакции Св. Писания и богослужебных книг, имел мало возможности заниматься этим делом. Предпринятая им правка Нового Завета считалась утерянной, тогда как правленный текст Четвероевангелия так и остался лежать в архиве, ни один из последующих редакторов славянского текста Библии им не воспользовался. Впрочем, правка эта не носила революционного характера, она продолжила линию на буквальное воспроизведение оригинала, заложенную редакцией Чудовского Нового Завета в XIV в. Для нее характерны такие радикальные новообразования, как *укрестововати* «распать» и *вредословити* «хулить». По рукописи начала XVIII в. (Ундольского № 1291) в серии *Biblia Slavica* правленный Епифанием текст Четвероевангелия с предисловием Евфимия Чудовского издала О. Б. Страхова в 2002 г. Тотчас после выхода издания Т. А. Исаченко обратила внимание на то, что среди греческих рукописей Синаодального собрания находится полный текст Нового Завета с правкой Епифания. Попал он в это отделение собрания по той причине, что содержит наряду с правленным славянским текстом в параллельном столбце греческий оригинал, списанный с одной из печатных публикаций XVI—XVII вв. Проф. Г. Роте тотчас предложил Т. А. Исаченко исправить возникшее недоразумение, так что один за другим появились два тома, содержащие полный труд Епифания. Оба они дают фототипическое воспроизведение рукописного текста, который теперь открыт филологическому изучению. В совпадающем

объеме Четвероевангелия между ними есть некоторая разница.

Большим научным событием необходимо считать и первую публикацию Евангелия Василия Тяпинского, в свое время, примерно в 1580 г., напечатанного всего лишь в объеме двух первых евангелистов и сохранившегося всего лишь в двух экземплярах. По всей вероятности, сохранилось именно то, что было тогда издано, нет причин думать, что труд этот когда-либо был доведен до конца или имел заметный тираж, тем не менее значение его крайне велико. Это двуязычное издание, в левой колонке которого находится церковнославянский текст, а в правой — его перевод на белорусский язык, обе версии сопровождаются глоссами и примечаниями. По всем внешним признакам работа Тяпинского относится к гуманистическим предприятиям: текст заключен в прямоугольную двойную рамку, которая играет роль полей, она крайне редко применялась в восточнославянских печатных книгах. Двуязычные издания были нормой для всех гуманистических публикаций Нового Завета на греческом языке, который сопровождался латинским переводом; такой же вспомогательный характер носит здесь белорусский перевод. Славянский текст поделен на литургические зачала, белорусский — на главы и стихи. Для своего труда Тяпинский должен был иметь по крайней мере четыре образца: греческий Новый Завет с латинским параллельным переводом, Библию Симона Будного 1572 г. с тождественной рамочной разлиновкой страницы, Новый Завет Симона Будного 1574 г. с обозначением литургических зачал по византийскому типикону и Брестскую Библию 1563 г. с обозначением глав и стихов параллельных мест (как отмечено, все другие издания указывают только главы). Достоинства такой научной серии, как *Biblia Slavica*, особенно оче-

видны при постановке вопроса о преемственности и традиции в отношении полиграфии, где наблюдаемые совпадения имеют более весомый характер, чем совпадения в языке.

Таким образом, восточнославянский разряд предлагает исключительно ценный в научном отношении новый материал; в его организации проф. Роте должен был по внешним причинам, о которых сказано выше, отказаться от схемы, принятой для других разрядов. Можно, впрочем, заметить, что некоторые из изданий той эпохи могли бы претендовать на включение в серию. Например, заслуживает всяческого внимания Новый завет и Псалтырь, изданные в Вильне в 1625 г. в восьмушку. Издание интересно тем, что славянский текст Нового Завета впервые отошел в нем от старых рукописных образцов допечатного периода, будучи подвергнут редактуре по одному из изданий XVI в.; например, впервые в 1 Послании Иоанна 5.7–8 здесь отражена известная *comma Iohanneum* о трех свидетелях на небе, появившаяся в греческом тексте в третьем издании Эразма (1522) (см.: [Метцгер 1996])⁴. Московская перепечатка 1663 г. Острожской Библии обладает внешним своеобразием, которое придает ей полиграфический инте-

⁴ В изданном одновременно и там же Апостоле Скорины *comma Iohanneum* отсутствует, что говорит о том, что объем опубликованного им текста определялся не Вульгатой, а славянской рукописной традицией. Напротив, Епифаний Славинецкий помещает ее в своем переводе вслед за греческим текстом, которым он руководствуется, однако сопровождает следующей маргиналией: «зри! внесено с латинских книг, а в греческих ниже древних (?) и толковых не обретается отнюдь». К сожалению, эта и некоторые другие корректурные пометы Епифания не могут быть прочтены по фототипическому изданию вполне уверенно.

рес, включает немало содержательных маргиналий и глосс, а также несколько вступительных статей (на одном из этапов работы над серией ее публикация предполагалась). Теми же чертами обладает первое издание Елизаветинской Библии 1751 г., в дальнейших ее перепечатках интересные вступительные статьи, а также многочисленные глоссы и маргиналии исчезли и никогда более не воспроизводились. В силу специфического замедленного развития восточнославянской культуры в ней осуществлялись контаминации и всякого рода подмены, *qui pro quo*. Поэтому на старейший славянский текст Библии, имевший тысячелетнюю историю, в XVII—XVIII вв. здесь были возложены те задачи, которые в других случаях выполняли переводы Библии на национальные литературные языки; равным образом, и церковнославянский язык этого времени воспринимался в Москве как язык национальный (см. [Алексеев 2006]). Этим объясняется то, что национальный перевод Библии на русский язык, появившись с большим опозданием лишь в третьем десятилетии XIX в., не сыграл той роли, какая досталась этому типу перевода в странах Реформации на два-три столетия раньше. Соответствующим образом это отразилось на истории переводов и изданий Библии на белорусском и украинском языках.

Четвертый разряд серии посвящен южнославянским языкам и изданиям. Здесь представлены три ярких образца, в которых характерно отразились события, охватившие Европу в эпоху Реформации. Один из них содержит обычный церковнославянский текст Четвероевангелия с предисловием Феофилакта Охридского и делением на литургические зачала, опубликованный в 1512 г. неким иеромонахом Макарием то ли черногорского, то ли румынского происхождения. Издание интересно как

первое по времени печатное воспроизведение славянского новозаветного текста и отражение влияния гуманистических изданий, осуществляемых с конца XV в. в Венеции. Самым ярким протестантским изданием на славянском юге был словенский перевод Приможо Трубара, прекрасный по стилю и точности отражения оригинала. Опубликованный впервые в Тюбингене (1555—1582) в объеме Нового Завета и Псалтыри, он целиком воспроизведен в серии *Biblia Slavica*. Из перевода Ветхого Завета, осуществленного в те же годы последователем Лютера Юрием Далматином, в серии воспроизведены Пятикнижие, Притчи и Иисус Сирахов. Достоинство этих переводов было так велико, что они остались в употреблении даже в период Контрреформации. В силу сложности языковой и культурной обстановки (в частности, наличия глаголического богослужения и нежелания католического руководства поддерживать переводы Библии на народный язык) перевод иезуита Бартоломея Кашича, осуществленный в 1625—1630 гг., так и не вышел в свет и впервые был опубликован в составе данной серии в сопровождении внушительного научного исследования с полным словоуказателем. Дошедшие рукописи сохранили неполный текст перевода (отсутствуют Пророки и часть «второканонических» книг, не в полном объеме сохранились книги Бытия и Царств, зато кое-какие дополнения были извлечены для издания из составленного Кашичем лекционария), рукописи принадлежат библиотекам Загреба, Задара и Одессы.

Пятый разряд образуют три тома, посвященные первому полному переводу Библии на словацкий язык. Он был осуществлен в 1756—1759 гг. с Вульгаты католическими монахами Червени Клаштора, когда впервые возникло понимание того, что словацкий язык не

тождествен чешскому. В двух томах представлено факсимильное воспроизведение рукописного текста, в третьем, публикация которого еще ожидается, содержится исследование и полный словарь к тексту.

Наконец, в шестом разряде издатели предлагают в виде дополнения первый полный перевод на литовский язык, выполненный в 1580—1590 гг. лютеранским священником Ионасом Бреткунасом (1535—1602). Этот труд в свое время был опубликован в Кенигсберге лишь небольшими частями и теперь увидел свет в сопровождении солидного научного комментария, выполненного Фридрихом Шольцем.

Таким образом, серия содержит перепечатку десяти раннепечатных славянских Библий и ее частей и первое издание восьми других работ, оставшихся до сих пор в единственном экземпляре как собственность той или другой библиотеки (сюда мы относим Дрезденскую библию и Евангелие Василия Тяпинского). В совокупности этот большой сводный труд впервые в науке делает доступными обширные материалы по истории переводческого дела у славян (а также в Литве) накануне и в начале нового времени, по истории усвоения Библии как религиозного и литературного творения, по истории развития Реформации в Центральной и Восточной Европе, по истории книгопечатания и книжного просвещения. Многие из изданных томов открываются краткими вступительными словами предстоятелей религиозных общин, в пользу которых было выполнено в свое время то или иное издание, или политических деятелей; этим подчеркивается их историческая значимость и определенная актуальность сегодня.

Большой объем серии занят научным сопровождением; некоторые тома целиком содержат только научный материал. В каждом отдельном случае для вы-

полнения этой работы приглашены компетентные знатоки вопроса, одни из них давно и заслуженно известны в славистике, другие же делают в науке свои первые шаги. В общей сложности в подготовке томов серии приняло участие пятьдесят человек, которые в совокупности образуют большую общеславянскую научную академию. Проф. Роте проявил себя как великий организатор науки, осуществив самый крупный в истории славистики международный проект. Пройдет немало времени, прежде чем можно будет вполне оценить значение этого громадного труда.

Остается добавить, что стоимость томов при их высоком полиграфическом качестве, безупречном научном уровне довольно велика, мало найдется библиотек, которые смогли закупить целиком серию *Biblia Slavica*. Хочется обратить внимание руководителей библиотек на необходимость приложить все возможные усилия и приобрести по возможности все опубликованные тома. Было бы желательно, чтобы благотворительные фонды оказали в этом сильное содействие.

Biblia Slavica

[библиографическое описание]

I. *Tschechische Bibeln*.

Bd. 1, 1. *Die altschechische Dresdener Bibel, um 1370*. Facsimile auf Grund der photographischen Aufnahmen. Mit einem Geleitwort von Erzbischof Miloslav Kardinal Vlk. Kommentare von Vl. Kyas, Jaroslava Pečirková, Karel Stejskal. Paderborn, 1993.

Bd. 1, 2. *Dresdener und Olmützer Bibel, um 1370/1400*. Editio critica. Besorgt von Vl. Kyas. Paderborn, 1996 [переиздание работы Вл. Киаса, 1971].

Bd. 2, 1. *Kuttenger Bibel, 1489*. Mit einem Geleitwort von František Kardinal Tomašek. Textband. Paderborn, 1990.

Bd. 2, 2. Kommentarband von Vl. Kyas, K. Stejskal, E. Urbanková und H. Rothe. Paderborn, 1990.

Bd. 3, 1. Kralitzer Bibel. Pentateuch, 1579. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 2. Kralitzer Bibel. Josua, Richter, Ruth, Könige 1—4, Paralipomena 1—2, Esra 1—2, Esther. 1580. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 3. Kralitzer Bibel. Hiob, Psalter, Sprüche, Ecclesiastes, Das Hohelied. 1582. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 4. Kralitzer Bibel. Propheten. 1587. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 5. Kralitzer Bibel. Apokryphen: Tobias, Gebet des Manasse, Judith, Baruch, Brief an Jeremias, Forsetzung des Daniel, Esra 3—4, Forsetzung Esther, Makkabäer 1—4, Weisheit, Ekklesiasticus. 1588. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 6. Kralitzer Bibel. Neues Testament. 1593. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 7. Kralitzer Bibel. Kommentare von M. Bohatcová, E. Michalek, J. Heller, M. Balaban. Paderborn, 1995.

Bd. 4, 1. St. Wenzels Bibel. Pentateuch bis Psalter. 1715. Paderborn, 2001.

Bd. 4, 2. St. Wenzels Bibel. Propheten, Makkabäer. 1712. Paderborn, 2001.

Bd. 4, 3. St. Wenzels Bibel. Neues Testament. 1677. Kommentare von J. Bílý, M. Kopecky, J. Vintr, H. Kuchařová, P. R. Pokorny. Paderborn, 2001.

II. Polnische Bibeln.

Bd. 1, 1. Leopolda, Krakau 1561. Paderborn, 1988.

Bd. 1, 2. Leopolda. Kommentare von E. Belcarzowa, D. A. Frick, St. Urbańczyk. Paderborn, 1988.

Bd. 2, 1. Brester oder Radziwill Bibel, Brest 1563. Stary Zakon. Paderborn, 2001.

Bd. 2, 2. Brester oder Radziwill Bibel, Brest 1563. Księgi Nowego Testamentu. Komentar von D. A. Frick und Irena Kwilecka. Paderborn, 2001.

Bd. 3, 1. Bibel des Symon Budny, 1572. Altes Testament. Faximile. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 2. Bibel des Symon Budny, 1572. Neues Testament. Kommentare von D. A. Frick und Leszek Moszyński. Paderborn, 1995.

Bd. 4, 1. Testamentu nowego część pierwsza (Evangelien). Faximile. Paderborn, 2007 [издание Мужинковского-Секлюциана].

Bd. 4, 2. Testamentu nowego część wtora i ostateczna. Faximile. Paderborn, 2008 [издание Мужинковского-Секлюциана].

III. Ostslavische Bibeln.

Bd. 1. Franciscus Skaryna. Biblia ruska. Apostol, Wilna 1525. Mit einem Geleitwort von Adam Maldzis. Kommentar zu der Facsimile-Ausgabe der Bücher des Alten Testament von Vl. Konan, A. McMillin, H. Halenčanka, Vl. M. Svjažynski, A. I. Žuraŭski, I. V. Saverčanka und V. F. Šmataŭ. Apostolos. Facsimile und Kommentar. Hrsg. von H. Rothe und Fr. Scholz. Paderborn, 2002.

Bd. 3, 1. Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavinec'kij, Moskau 1673. Facsimile nach der Handschrift aus der Sammlung Undol'skij 1291. Besorgt und eingeleitet von O. B. Strakhov (Cambridge, Mass.). Paderborn, 2002.

Bd. 3, 2. Übersetzung des Neuen Testamentes. Facsimile des Handschrift Sin. gr. 26 (472). Besorgt und kommentiert von T. A. Isačenko (Moskau). Paderborn, 2004.

Bd. 4. Vasilij Kirillovič Trediakovskij, Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky (Yale Unty). Paderborn, 1989.

Bd. 5. Weissrussisches Evangelium des Vasil' Tjapinski (Cjapinski), um 1580. Mit einem Geleitwort von A. B. McMillin. Hrsg. von H. Halenčanka (Minsk). Kommentare von H. Halenčanka, I. Klimaŭ, H. Rothe. Paderborn, 2005.

IV. Südslavische Bibeln.

Bd. 1. Tetra-Evangelium des Priestermonchs Makarije, 1512. Facsimile Aus-

gabe. Besorgt und eingeleitet von H. Miklas unter Mitwirkung von Š. Gondorogea und Chr. Hannick. Paderborn, 1999.

Bd. 2, 1. Kroatische Bibel des Bartholomäus Kašić, 1625. Mit einem Geleitwort von Franjo Kardinal Kuharić. Biblia sacra. Versio illyrica selecta. Editio princeps. Besorgt von P. Bašić, J. Derossi und Z. Derossi unter Mitwirkung von I. Golub. Paderborn, 1999.

Bd. 2, 2. Kroatische Bibel des Bartholomäus Kašić, 1625. Kommentare, Wörterverzeichnis, Register von P. Bašić, R. Katičić, I. Golub, Chr. Hannick, D. Gabrić-Bagarić und E. Hedrich. Paderborn, 2000.

Bd. 3, 1. Slovenische Übersetzungen, Tübingen und Laibach 1555—1582. Neues Testament und Psalter übersetzt von Primož Trubar. Pentateuch, Proverbia und Jesus Sirach übersetzt von Juraj Dalmatin. Facsimile-Ausgabe. Paderborn, 2006.

Bd. 3, 2. Slovenische Übersetzungen. Kommentare von M. Merše, I. Grdina, G. Giesemann, G. Neweklowski, H. Rothe, J. Krašovec und J. Plevnik. Paderborn, 2006.

V. Weitere Bibeln.

Bd. 1. Slowakische bibel 1755. Mit einem Geleitwort von Ján Chrysostom Kardinal Korec. Pentateuch bis Ecclesiastes. Facsimile-Ausgabe. Paderborn, 2002.

Bd. 2. Slowakische bibel 1755. Propheten, Makkabäer, Neues Testament. Kommentare von J. Dorulá, VI. Gregor, E. Krasnovska, H. Rothe. Paderborn, 2002.

Bd. 3. Slowakische bibel 1755. Wörterbuch [готовится к изданию].

VI. Supplementum. Biblia Lithuanica

Bd. 1, 1. 1.-5. Buch Mose. Paderborn, 1999.

Bd. 1, 2/3. Altes Testament. Geschichts- und Lehrbüchern. Paderborn, 2002.

Bd. 1, 4/5. Altes Testament. Propheten und Apokryphen [готовится в печати]

Bd. 1, 6. Psalter. Paderborn, 1991.

Bd. 1, 7. Neues Testament. Paderborn, 1992.

Bd. 2, 6. Psalter. Kritische Edition. Hrsg. und kommentiert von Fr. Scholz. Paderborn, 2002.

Bd. 3, 1. Kommentarband zur NT von J. D. Range. Paderborn, 1992.

Библиография

Алексеев 1983 — А. А. Алексеев. *Песнь песней* в Чешской библии и восточнославянские переводы 15—16 вв. // *Slavia*. Vol. 52. 1983. S. 283—289.

Алексеев 1992 — А. А. Алексеев. Рец. на: *Die Kuttenger Bibel*, 1489. Paderborn, 1990 // *Славяноведение*. 1992. № 6. С. 113—115.

Алексеев 2006 — А. А. Алексеев. Библия и типология литературных языков // *Вереница литер.* К 60-летию В. М. Живога. М., 2006. С. 7—19.

Евангелие 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998.

Евангелие 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.

Златанова 1998 — Р. Златанова. Книга на дванадесетте пророци с тълкования. София, 1998.

Метцгер 1996 — Б. М. Метцгер. Текстология Нового Завета. М., 1996. С. 98—99.

Тасева, Йовчева 2003 — Л. Тасева, М. Йовчева. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. София, 2003.

ПЭ 2002 — Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 139—168.

Флоровский 1946 — А. В. Флоровский. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности. Франциск Скоруина и продолжатели его дела // *Sborník filologický*. Praha, XII. 1946. S. 153—248.

Целунова 2006 — Е. А. Целунова. Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. М., 2006. С. 32.

Interpretation 1998 — Interpretation of the Bible. Ljubljana, 1998.

Kyas 1981 — VI. K y a s. Staročeská Bible Drážďanská a Olomouzká. T. I. Evangelia. Praha, 1981.

Kyas 1985 — VI. K y a s. Staročeská Bible Drážďanská a Olomouzká. T. II. Epistoly, Skutky apostoľů, Apokalypse. Praha, 1985.

Kyas 1988 — VI. K y a s. Staročeská Bible Drážďanská a Olomouzká. T. III. Genesis—Esdráš. Praha, 1988.

А. А. Алексеев

Категория залога в русистике (история грамматических интерпретаций возвратных глаголов)

Категория залога как предмет лингвистических обзоров имеет в русистике свою историю¹. Являясь одним из самых традиционных объектов в отечественной грамматической науке, категория залога соединила собственно языковую и «идеологическую» (концептуальную) проблематику. В многочисленных интерпретациях отразились разные представления о грамматике русского глагола, о месте русского языка среди других, о языковой типологии, о связи языка и мышления; в позднейшее время, в конце XIX — начале XX века, эти разные точки зрения выделились в два основных направления в русистике — формально-типологическое и историко-частнолингвистическое. Если следовать Б. А. Успенскому, то биполярность русского языкового созна-

ния предопределена соединением в нем двух стихий, двух миров — восходящих к собственно русскому и церковнославянскому компонентам в языке и культуре. Это противопоставление на разных этапах может осмысляться как «национальное — интернациональное», «свое — чужое», «восточное — западное», «естественное — искусственное» [Успенский 1994: 184]. В истории русского лингвистического мышления эти коллизии проявлялись в полной мере. На I-м Конгрессе исследователей русского языка в МГУ Б. Ю. Норман говорил об особенностях русской грамматической науки, о том, что русистика сохраняет все: однажды приняв термин или идею, она не избавляется от них даже тогда, когда новое знание должно было бы вытеснить старое (отсюда и дублетные термины типа субъект/подлежащее, вид/аспект и несколько вариантов разбора предложения). Это свойство русистики проявилось и в теории залога: если от той или иной идеи отказывались в рамках одного из направлений, то другое принимало и развивало эту идею.

Источником традиции для русской грамматики XVIII — первой половины XIX вв. явились грамматики церковнославянского языка конца XVI — XVII веков Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Уроженцы Юго-Западной Руси, имевшие опыт знакомства с западными образцами христиан-

¹ См., например, главу о залоге у А. А. Потебни [Потебня 1941], которая во многом представляет собой полемику с В. И. Буслаевым и В. И. Далем; раздел о залоге в книге В. В. Виноградова «Русский язык», где дан подробный очерк изучения категории залога в грамматических сочинениях XVIII — начала XX вв.; краткую историю залога в [Исаченко (1960) 2003] — отучения А. Х. Востокова до современных А. В. Исаченко изданий — АГ-52 и книги В. В. Виноградова «Русский язык»; статью «Залог» в [ЛЭС 1990], где В. С. Храковский собирает разные точки зрения на эту глагольную категорию.

ского философского мышления и лингвистических описаний, первые восточнославянские грамматисты сближают грамматику славянскую с античной и западноевропейской; соотносимость с греческим и латинским образцами обусловлена столь важным для книжности XVI—XVII веков установлением равнокультурного статуса церковнославянского языка с древними (см. М. Л. Ремнева, Е. А. Кузьмина в [Граматики 2000: 5]; [Живов 1986: 92—93]). Зизаний и Смотрицкий создают грамматическую традицию в «общем», «западном», «типологическом» русле, которая получила развитие в XVIII — первой половине XIX вв., была отвергнута славянофилами, а затем, в рамках частнолингвистического культурно-исторического подхода конца XIX — начала XX вв., была переосмыслена как славянская, не-западная.

Из собственно грамматических особенностей в грамматиках Зизания и Смотрицкого обращает на внимание тот факт, что в качестве исходной предлагается форма 1-го л. ед. ч., что соответствует античной грамматической традиции. При этом соединение 1-го л. с возвратностью с точки зрения современного русского языка не дает значения страдательности (т. е. парадигма по лицу у страдательного значения отсутствует, страдательность работает в сфере *Он-предикатов*), ср.: *учуся, секуся, белюся* (Зизаний); *биюсь, творюсь* (Смотрицкий). Само же «приложение/отложение -ся» (Смотрицкий) относительно основ переходных глаголов, бывшее в церковнославянских грамматиках тестом на страдательность, в современном русском языке задает такие залоговые «полюса», как страдательность (действие, полисубъектность), с одной стороны, и собственно-возвратность (действие, моносубъектность), с другой. Первые славянские грамматики собрали в одной категории — в пятичаст-

ном залого — всю разнородную субъектно-объектную проблематику, основывающуюся на «энергетической» направленности глагола: переходность/непереходность, возвратность/невозвратность (производную и непроемную).

В шестичастном залого М. В. Ломоносова отражается трехчленная залоговая система древнегреческого языка (которая уточняется: некоторые значения медиума приобретают статус самостоятельных залогов, появляются значения взаимное и возвратное, соответствующее современному собственнорезвратному, страдательное формируется только на базе причастия). Последующие работы, развивая учение о залого, с одной стороны, имели своим ориентиром ломоносовскую грамматику [Ломоносов 1952] (как, например, работа Н. И. Греча — [Греч 1834]), с другой стороны, старались ориентироваться на изменившуюся со времен М. В. Ломоносова речевую норму (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев — [Буслаев (1869) 1913; Востоков 1838]). Они фиксируют такие употребления, как *крапива жжется, нитки рвутся, снег белеется, стучаться в дверь*. Ф. И. Буслаев указывает, что «форма возвратного залого имеет смысл страдательного»: *дом строится* — «не себя строит, а его строят» [Буслаев (1869) 1913: 137]. Практически с теми же примерами и в том же семантическом членении представлены возвратные глаголы в фундаментальном труде начала XX века — у А. А. Шахматова [Шахматов (1925—1927) 2001].

Если между грамматиками А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева и книгой А. А. Шахматова о синтаксисе в трактовке залого обнаруживается преемственность, то идеологически (и отчасти хронологически) между ними врывается эпоха, когда формировалась и вышла на общественную сцену идеология сла-

вянофильства, нашедшая отражение в лингвистической мысли: славянофилы выдвинули идею описания грамматики родного языка посредством категорий, которые вырастают из самого языка, а не взяты из чужой грамматической системы — древнего либо западноевропейского языка (К. С. Аксаков, В. И. Даль, Н. И. Богородицкий, Н. П. Некрасов): «Нет спора о том, что наш язык во многом может иметь сходство с другими, но отсюда не следует, чтобы то, в чем он отличается от других языков, было для него менее важным» [Некрасов 1865: 45—46]. В рамках славянофильства было заявлено о разрыве между объектом и его описанием, названы причины, установлены такие методологические принципы, как приоритет материала над теорией, индукции над дедукцией (Н. П. Некрасов): «Теперь не мысль повернется фактом, а из фактов делаются непосредственные выводы»; «Теперь наука извлекается не из головы, а из недр самой жизни и природы» (подробно о противостоянии академической науки и славянофильской филологии см. в [Гаспаров 1999]).

Центральным объектом полемики и критики стал русский глагол (главным образом категории времени и вида); «школьные залого» были названы В. И. Далем «делом вовсе посторонним, случайным, переходчивым», залоговые противопоставления отрицаются им: «возвратный, или обратный, глагол, не прямой (...) может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим залогам» (цит. по [Некрасов 1865]). Позитивные выводы из критики В. И. Даля удалось сделать Н. П. Некрасову, который сформулировал идею о паре залоговых форм в русской грамматике — возвратной и невозвратной. Эта идея стала ядром новой теории залога в работах лингвистов структурно-формального направления — систематизатора языковых форм Ф. Ф. Фортунатова и «эклектика»² А. М. Пешковского.

натова и «эклектика»² А. М. Пешковского.

На рубеже XIX—XX веков в русистике сформировались две лингвистические идеологии: первая, фортуноватская — «универсальная», «общая», «типологическая» — идет от языковой формы; вторая, шахматовская — «частнолингвистическая», «историческая», «национальная», с исходным пунктом движения от содержательной стороны языка. Это различие проявилось, в частности, в понимании залоговых классов как морфологических категорий (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, А. В. Исаченко, академические грамматики, трансформационная грамматика) либо как содержательных категорий (А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. Н. Гвоздев). Залоговые исчисляются следующим образом: в рамках первого направления — это бинарная залоговая система, либо исходящая из русской морфологии — возвратный/невозвратный залог (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский), либо восходящая к грамматикам западных языков — актив/пассив (А. В. Исаченко, АГ-70, АГ-80, А. А. Холодович — И. А. Мельчук, В. А. Плунгян); в рамках второго в основе лежит трехчленная (с модификациями) залоговая система древних языков (А. А. Потебня, А. А. Шахматов, АГ-52, из позднейших ученых — А. Н. Гвоздев). Тем самым в грамматике XX в. обнаруживается парадоксальная смена точек зрения: то, что, по сути, являлось заимствованием из древних грамматик и в эпоху славянофилов признавалось чужим, в 1-й половине XX в. принимается за собственно русское; то, что было выработано в рамках славянофильской идеологии и опиралось на

² «...но наивный эклектизм, свойственный этому тонкому наблюдателю отдельных грамматических фактов, мешал ему расстаться с догматами учения Ф. Ф. Фортунатова» [Виноградов 2005: 216].

«факты» — морфологию русского глагола, разрабатывалось в рамках структурного направления.

Определения залога

С рубежа XIX—XX вв. определились «категориальные рамки» залога в современном понимании (проблематика залога сосредоточилась на соотношении между участниками ситуации и членами предложения) и сложилась традиция определения залога в терминах логики и грамматики. Две линии в грамматике обнаруживают разные тенденции в определении залога: в рамках первой залог определяют как отношения в сфере «субъект и действие», в рамках второй — отношения в сфере «действие, субъект и объект». По сути, разница в определении объясняется тем, какой смысл вкладывается в понятие субъекта: в первом случае это термин плана формально-структурного, субъект предложения (синоним подлежащего), во втором — термин смыслового плана, отсылающий к субъекту действия (агенту)³. Ср. полемическое обоснование А. В. Исаченко: «Пытаясь

³ В обзоре залога В. С. Храковского [ЛЭС 1990: 160—161] представлена другая точка зрения: по его мнению, наличие терминов «субъект» или «субъект» и «объект» свидетельствует о том, что определение «семантическое», наличие термина «подлежащее» — о том, что определение «синтаксическое». Такой подход, однако, не объясняет, почему одним исследователям удается обойтись в «семантическом» определении только субъектом, а другим приходится пользоваться и субъектом и объектом. Объяснить такую разницу можно лишь тем, что использующие в определениях только одну именную категорию (подлежащее или субъект) применяют ее к одной и той же грамматической сущности — главному члену предложения в Им. п.

вскрыть **грамматическую** природу залогов, мы... должны будем отказаться от некоторых “неграмматических” понятий и терминов, неизменно фигурирующих в изложениях о грамматической природе залогов. К таким “неграмматическим”, т. е. по природе своей чисто логическим понятиям относятся “производитель действия” (“агент”, *agens...*) и “реальный объект” (цель) действия» [Исаченко (1960) 2003: 354].

Ср. определения залога в рамках (1) «универсально-формального» и (2) «национально-смыслового» направлений. (1) У Ф. Ф. Фортунатова залог — это «различия в отношении признака, выражаемого глагольной основой, к его субъекту» [Фортунатов 1899: 36]. А. М. Пешковский обозначает суть залога таким образом: «особое отношение глагольного признака к его субъекту» [Пешковский 2001: 136]. Вопрос о залоге, по А. В. Исаченко, «сводится к разнице в природе отношений между подлежащим (S) и глаголом (V)» [Исаченко (1960) 2003: 354]. У Р. О. Якобсона читаем: «Формы страдательного залога указывают на то, что действие производится не субъектом, а переходит на него извне» [Якобсон 1985: 213]. (2) В рамках шахматовского направления в определении залога связывается морфология глагола с семантическими категориями субъекта и объекта⁴. А. А. Шах-

⁴ Для А. А. Потемни, у которого залог понимается широко (понятие залога используется для интерпретации косвенного падежа — не только прилагательного, но и приименного), залог — «необходимое в известном языке отношение глагола.., прилагательного и существительного к объекту». К проблематике залога относится — в соответствии с традицией XVIII в. — и вопрос о переходности / прямо- и косвенно- переходности / непереходности глагола. Залог определяется в именных категориях субъекта и объекта: «Залог = отношение субъекта к объекту. Сю-

матов определяет залог как категорию глагольного объекта (обнаруживаемую в глаголе морфологически), т. е. «отношение признака к объекту»; «или только отношение субъекта к объекту действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом» [Шахматов (1925—1927) 2001: 476]. В. В. Виноградов указывает, что в основе залога как грамматической категории лежит «синтаксическое свойство глагола воспроизводить оттенки одного общего грамматического понятия (отношения действия к субъекту и объекту) соотносительными формами — основной и производной, осложненной агглютинативным аффиксом *-ся*» [Виноградов 1947: 630]. В АГ-52 (автор Е. С. Истрина): «Категория залога обозначает отношения между субъектом действия... и объектом, находящие свое выражение в форме глагола» [АГ-52: 412].

Это «терминологическое противостояние» завершается объединением обеих тенденций: в работе по типологии залога А. А. Холодович [Холодович 1979] предлагает определение залога через понятие диатезы как соответствия между логико-семантическим уровнем «субъекта» и «объекта» (агенса и пациенса в другой терминологии — см., например, [Плунгян 2000: 201]) как аргументов глагольного слова и структурно-синтаксическим уровнем «подлежащего» и «дополнения»⁵ (залог — маркированная в форме глагола диатеза). Это позволило создать алгоритм для исчисления залоговых форм в языках разного типа и, тем самым, «непротиворечивую

да и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта» [Потехина 1941: 201].

⁵ Эти уровни в «грамматике диатез и залогов» разграничены при помощи терминологических прилагательных *семантический* и *синтаксический*, соответственно «семантические актанты» и «синтаксические актанты».

теорию залога» (оценка В. С. Храковского в [ЛЭС 1990]).

Привлечение смысловых категорий «субъекта» и «объекта» в типологическую лингвистику явилось примером трансляции идей — от «славянофилов» к «западникам»; для обоснования небинарных залоговых систем А. А. Холодович обращается к авторитету А. А. Шахматова и В. В. Виноградова.

Задачи машинной обработки и поиск технологий, которые позволили бы в рамках одной теории получить универсальное описание языков разной грамматической структуры, привели исследователей (Ю. Д. Апресян, К. И. Бабицкий, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, А. А. Холодович, В. С. Храковский и др.) к вопросу о соотношении синтаксиса и семантики. Открытие этого научного направления — это, прежде всего, диатеза⁶.

Перед лингвистами встала задача отразить уровень значения (семантику), уровень формы (морфологию) и линейный порядок («синтаксис»⁷). Уровень, на котором обнаруживается единство языков разной структуры, — это семантика, «глубинный» уровень, который соответствует внеязыковому положению дел (ситуации), взятому в отвлечении от языковой формы (ср. диктум по Ш. Балли). Внеязыковое положение дел соотносится с лексическим значением

⁶ Сошлось также на книгу Я. Г. Тестельца [Тестелец 2001], где указывается, что новая теория залога, опирающаяся на понятие диатезы, выросла из трудов таких ученых — Л. Теньера, В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна, Ч. Филлмора.

⁷ Тем самым термин «синтаксис» получает узкое понимание, это уже не «законы порождения речи», а правила преобразования иерархической актантной структуры глагола в линейную речевую последовательность.

глагола; тем самым обуславливается вербоцентрический характер этого направления лингвистики (ср. также теньеровскую метафору предложения как маленькой драмы с участниками — актантами и декорациями — сирконстантами). Тождество ситуации обеспечивается участниками ситуации — актантами глагольной лексемы; актантная структура, или глубинная модель, глагола представляется в виде нелинейной структуры, в вершине которой находится глагол. Межъязыковая разница проявляется на уровне «поверхностном» (морфологическое выражение), именные группы получают описание в терминах школьных членов предложения, за которым усматриваются «глубинные» семантические роли, являющиеся продолжением глагольной семантики (агнс, инструмент, объект, адресат, локатив и т. д.). Это позволило назвать такую грамматику «двухэтажной»: «Наиболее распространенным стало помещение семантической информации в надстройку над зданием грамматическим, будто бы непрячистым семантике. Формулировались идеи автономности, параллельности синтаксического и семантического ярусов, громоздилась «двухэтажная» рубрикация состава предложения — по членам предложения и по семантическим компонентам — на основе той посылки, что каждый способ членения исходит из своего принципа: либо синтаксического, либо семантического» [Золотова (1981) 2001: 103].

В связи с тем что языковая информация была разделена на два независимых уровня, встала задача соединения глубинно-семантического уровня и поверхностного выражения в линейном порядке, или «синтаксисе». Решением, обеспечившим соотносительность актанта и его поверхностного воплощения, стала диатеза, которая требует интерпретации именных групп (именные синтак-

семы⁸ в терминологии Г. А. Золотовой) как глагольных зависимых: т. е. роли именных групп в одинаковой мере «отсчитываются» от глагола (диатеза, однако, не исключает и смены морфологического оформления глагола). Диатеза позволяет осуществлять переход от одного языка к другому при прочтывании машиной линейной структуры предложения⁹ на некотором языке: по поверхностному воплощению вычисляется глубинная роль именной группы на фоне глагола — переход на уровень постулированной тождественной семантики (анализ линейной структуры), затем по глубинной роли вычисляется форма именной группы на другом языке (синтез линейной структуры на другом языке). В линейном порядке («синтаксис», уровень членов предложения) обсуждаются ранги участников по сравнению с исходной диатезой — повышение (к примеру, продвижение объекта на роль подлежащего в пассиве) или понижение (уход агенса на роль дополнения в пассиве). Позже эта диада глубинно-семантического и поверхностно-

⁸ Именные синтаксемы в КГ — это минимальные (элементарные) синтаксические единицы в единстве их формы (морфологической), значения и функции (синтаксической); по степени зависимости от контекста различают свободные (несут значение вне контекста), обусловленные (приобретают значение в синтаксической конструкции), связанные (форма и значение зависят от главного слова с релятивной семантикой). Тем самым типология синтаксисем опровергает одинаковый статус зависимости именных групп по отношению к глаголу.

⁹ Т. е. «длинного» глагольного словосочетания, т. к. разницы между предложением как коммуникативной единицей и словосочетанием как номинативной единицей не делается: все именные группы рассматриваются как результаты глагольного управления (в т. ч. и подлежащее).

синтаксического уровня была дополнена глубинно-синтаксическим и поверхностно-семантическим уровнями (И. А. Мельчук, В. С. Храковский). Два последних, по-видимому, соответствуют категориальной семантике — общенному значению на уровне части речи или большого разряда лексем (например, предмет, действие, состояние — исполнитель, физическое действие и т. д.).

С помощью инструмента диатезы получают описание возможные поверхностные воплощения актантной структуры глагола; одним из центральных объектов для вербоцентрической грамматики становится залог как одна из диатез: «залог — это грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Холодович 1979: 13]. Залог приобретает квалификацию категории поверхностно-морфологического уровня, реализующейся в линейном порядке, залог «синтаксический». Проблематика залога включает обсуждение отношений между разными диатезами; так в сферу интересов структурного синтаксиса попадает вопрос о синонимии различных диатез одного глагола — исходной и производных, в частности вопрос о синонимии актива и пассива. Синонимичность исходного предложения и его трансформов доказывается их тождественностью по отношению к общему денотативному содержанию или лексическому значению глагола. Синонимия постулируется как парадигматическое отношение между языковыми единицами — тем самым исследование сосредоточивается на парадигматически связанной паре (или серии) изолированных предложений, на их диктальной составляющей. Конструирование примеров для исследования приводило иногда к таким искусственным построениям, как *Вода пьется Иваном стаканом, Машина моется соседями у реки*, которые получили критику в научной литературе.

Определение и интерпретация категории залога в академических грамматиках последней трети XX в. (АГ-70, АГ-80, автор раздела Н. С. Авилова) во многом ориентируются на формально-типологическую интерпретацию залога. При полном тождестве описания определения залога, однако, разнятся. В АГ-70 в соответствии с традиционным «универсально-формальным»: залог — это различие актива/пассива, с помощью залога интерпретируются «действия, направленные на субъект», и «действия, у которых нет указания на такую направленность» [АГ-70: 351]¹⁰. В АГ-80, вышедшей после «пионерских работ»¹¹ типологического направления, введших в научный обиход понятие диатезы и соединивших в определении залога терминологию логики и школьной грамматики [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1979], залог определяется в логико-семантических терминах субъекта и объекта: залог — это «выражаемое противопоставлением активных и пассивных конструкций отношение между субъектом, действием и объектом» [АГ-80: 615], здесь приводится определение и формально-структурного плана: «различия (между залогами. — Е. Н.) заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим» [Там же: 613].

¹⁰ Е. В. Падучева ([Падучева 1974: 217—218]), сравнивая определения в АГ-70 и в работе [Мельчук, Холодович 1970], признает их сходство: они «имеют в виду одно и то же», добавив терминологическую четкость (а именно разделение уровней синтаксического и семантического) в определении АГ-70, «мы получим почти то же определение», что у И. А. Мельчука — А. А. Холодовича.

¹¹ Оценка Н. В. Перцова, см. [Перцов 2001: 144].

Авторы ТФГ в томе «Персональность. Залоговость» [ТФГ 1991] (А. В. Бондарко, В. С. Храковский), продолжая типологическую традицию А. А. Холодовича, оперируют понятием «диатеза»; определение дается в терминах субъекта и объекта и членов предложения, по сути оно соответствует пониманию залога как особой глагольной диатезы, ср.: «...речь идет о том, как “выставлены” действие, его субъект и его объект в соотношении с элементами структуры предложения» [ТФГ 1991: 136].

Грамматический залог попадает в энциклопедические издания — как общее, так и специализированные, определения его востребуют категории субъекта и объекта, а также подлежащего и дополнения. В [Брокгауз, Ефрон: 192] (автор С. К. Булич) залог «в широком смысле» представлен как словоизменяемая категория, выражающая «различное отношение между сказуемым глаголом и подлежащим»; для интерпретации действительного/страдательного залогов задействуется и категория дополнения, т. е. выступают две именные категории: «Что при действительном залоге является дополнением, то при страдательном делается подлежащим».

В [ЛЭС 1990] (автор В. С. Храковский) в предложении, открывающем статью «Залог», в котором обычно предьявляется определение термина, автору удается с помощью рамочной конструкции «широко распространенная точка зрения» оригинально указать на свое несогласие, на месте определения стоит «чужая» «несовременная» «точка зрения»: залог выражает, «в соответствии с широко распространенной до недавнего времени точкой зрения, субъектно-объектные отношения» [ЛЭС 1990: 160]. Далее автор приводит классификацию разных типов определения залога в русской грамматической традиции, здесь же можно прочитать и

классическое определение А. А. Холодовича¹².

Определение из трех компонентов — субъект, объект, действие — находим в энциклопедии «Русский язык», где статью «Залог» писал И. С. Улуханов [РЯ 1997: 134].

В общедоступной сетевой энциклопедии [Кругосвет] залог (автор С. А. Крылов) толкуется через понятие «диатезы» — т. е. традиционное (категория залога) находит толкование через неизвестное, само требующее определения в терминах логики и членов предложения. Еще одна особенность определения «Кругосвета» — оно не укладывается в одно предложение: в рамках определения залога, по сути, объясняется, что такое диатеза (как способ представления именных групп по отношению к предикату); информацию о глагольной грамматике приходится добирать из следующего за определением предложения: «ЗАЛОГ, грамматическая (морфологическая и лексико-грамматическая) категория глагола, выражающая «диатезу», т. е. характер соотношения основных участников ситуации (субъекта и объекта действия) с основными именными членами предложения — подлежащим и прямым дополнением. К разным залогам относятся такие морфологически различные формы глагола, которые употребляются в одной синтаксической позиции, но различаются по своей «синтактике» — т. е. по набору валентностей или по схеме управления».

Языковые объекты, изучаемые в рамках теории залога

К залоговой проблематике относится не только теоретическое определение залога, но и вопросы об объеме гла-

¹² Ср. также с учебником [Плунгян 2000], где есть обсуждение залога, но нет определения залога.

гольной лексики, интерпретируемой в терминах залога. С одной стороны, это вопросы (1) о том, охватываются ли категориями залога все глаголы либо только соотносительные переходные/возвратные, т. е. является ли категория залога классифицирующей либо словоизменительной (все глаголы, классифицирующая категория — АГ-70, АГ-80; только соотносительные, словоизменительная категория — Ф. Ф. Фортунатов, АГ-52, Р. О. Якобсон); (2) включается ли лексико-синтаксическая категория переходности/непереходности в залоговую проблематику в качестве одного из залоговых значений (А. А. Потебня, А. Н. Гвоздев). Вопрос о глагольном объеме можно поставить, идя «от возвратных глаголов»: признаются ли маркирующими залог (не действительный) не-страдательные значения возвратных глаголов либо рассматриваются в рамках действительного залога (таким образом вопрос ставится начиная с работы А. В. Исаченко, см. также [АГ-70, АГ-80, Холодович, Мельчук 1970; Холодович 1979; Мельчук 1997; Падучева 1974]).

Особенностью развития теорий залога в конце XIX — середины XX веков было то, что при теоретико-методологической разнице в определении залога лингвисты оперировали всем (или достаточно широким — по сравнению с оппозицией актива/пассива) объемом возвратности, в большей или меньшей степени удерживая целостность возвратных глаголов как объекта. В этот период в ответе на вопрос о количественном объеме возвратных глаголов нет такого противопоставления двух линий-идеологий, как при определении залога (определение тем самым предстает как чисто теоретическое, фиктивное), но это и не означает схождения мнений. Скорее, разница в ограничении или расширении материала диктуется представлениями о системном статусе зало-

га в рамках уровневой грамматики — принадлежит ли залог лексике, морфологии или синтаксису.

Особое место в русистике конца XIX — XX веков занимает теория А. А. Потебни (1874), для которого категорией залога охвачены все глаголы, а переходные и непереходные глаголы составляют разные залоговые классы. В его работе залог предстает как категория, выделяемая на основе суммы неоднородных показателей, залог является, с одной стороны, лексико-синтаксической категорией (в рамках залога включает описание переходности/непереходности), с другой — залог — инструмент, описывающий комбинаторику субъектно-объектных вариантов в возвратных глаголах, что может интерпретироваться как на уровне лексики, так и на уровне морфологии: непереходные невозвратные и переходные глаголы составляют разные залоговые рубрики, возвратные в свою очередь членятся на смысловые группы¹³.

А. А. Потебня, выступая с критикой залогового членения у Ф. И. Буслаева — в той его части, которая касается интерпретации употребления переходных глаголов с объектом или абсолютивно, — пишет: «В языках, имеющих грамматические формы, каков русский, единство значения слова состоит в той совокупности известного относительно-реального значения с одним или несколькими значениями формальными, которые непременно совмещаются в одном акте мысли. ... Невозможно только совмещение в одном акте мысли двух взаимно исключających себя категорий, например двух различных лиц. Согласно с этим, если мы имеем о залоге логически правильное понятие, то двух залогов одному глаголу приписать

¹³ В XX века сходная точка зрения будет представлена в учебнике современного русского языка А. Н. Гвоздева [Гвоздев 1973].

не можем» [Потебня 1941: 198]. В современных терминах, понимание А. А. Потебней залога сближается с понятием «модели управления» (при этом каждая модель управления маркирует отдельную лексему).

Для Ф. Ф. Фортунатова, связавшего залог с морфологической парадигматикой, структурно-формальный признак становится ведущим: залоговым противопоставлением охвачены только пары соотносительных переходных/возвратных глаголов (*мыть* — *мыться*, *целовать* — *целоваться*, *делать* — *делаться*). После Ф. Ф. Фортунатова в русистике закрепился морфологический критерий выделения «маркированного» залога — возвратного, или страдательного, или средне-возвратного (ср. с залоговой системой А. А. Шахматова: каждый семантический разряд — собственно-, взаимно-, обще-, косвенно-возвратность и т. д. — образует залог, что соответствует старым русским грамматикам XVIII—XIX вв.). Так, [АГ-52] относит к залоговым противопоставлениям в сфере соотносительных переходных/возвратных глаголов, насчитывая три залога — действительный (переходные глаголы), средне-возвратный (возвратные глаголы, соотносительные с переходными), страдательный (страдательные причастия, возвратные глаголы в сопровождении Тв. П., указывающего на производителя действия) — тем самым в подходе к залоговому представлению морфологическая парадигматика и синтаксический критерий (для страдательности).

Синтаксический подход позволяет осуществить самый широкий охват материала; все многообразие возвратности (независимо от соотносительности/несоотносительности с переходным/непереходным глаголом) интерпретируется в рамках категории залога в теориях синтаксистов — А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Ср.: «при одних из них (возвратных глаголах. — Е. Н.)

имеются вне сочетания с *-ся* глаголы переходные; при других таких глаголов нет вообще; не вижу основания отделять одни глаголы от других в их залоговом значении» [Шахматов (1925—1927) 2001: 478]; «Отбрасывая *-ся*, мы получаем здесь или несуществующее слово..., или слово с *совсем другим значением*. На этом основании эту группу тоже выкидывали из рассматриваемой категории... Но такое отсеечение огромного количества глаголов с довольно ярким подчас возвратным значением нам кажется чрезвычайно искусственным», «нигде “недостаточность” не подходит так близко к “достаточности”, как в категории залога» [Пешковский 2001: 134—135]. Основание для объединения — смысловое: несоотносительные возвратные глаголы обнаруживают те же самые значения, что и соотносительные, ср.: *испугаться* — *бояться*, *нагибаться* — *кланяться*.

Обсуждая залог, В. В. Виноградов в книге «Русский язык» (1947 г.) продолжает традиционную частнолингвистическую линию, выделяя значения возвратных глаголов, как он сам пишет, «вслед за А. А. Шахматовым...» [Виноградов 1947: 630]. В. В. Виноградов уточняет список А. А. Шахматова: к примеру, выделяет глаголы переместительной семантики из обще-возвратных, где остаются глаголы эмоций, в средне-возвратный разряд. У В. В. Виноградова залог получает новую теоретическую интерпретацию: он выдвигает идеи о переплетении грамматического и лексического в залогом, о многозначности аффикса *-ся*. Эти идеи были взяты на вооружение и получили дальнейшую разработку уже в рамках структурно-формального направления (А. В. Исаченко, А. А. Холодович, И. А. Мельчук), оказавшись востребованными и в академических грамматиках (АГ-70, АГ-80).

Виноградовская идея о том, что «грамматические соотношения форм глагола без *-ся* и с *-ся* были видоизменены и осложнены выросшими лексическими различиями этих форм» [Там же] (ср. широкое понимание залога — без морфологической либо словообразовательной квалификации — в синтаксических теориях А. А. Шахматова и А. М. Пешковского), позже подверглась переосмыслению. Если у В. В. Виноградова наметилось проблемное указание на словообразовательную и грамматическую возвратность при осознании тесного переплетения того и другого, то у А. В. Исаченко, И. А. Мельчука, в вузовском учебнике под редакцией В. А. Белошапковой находим прямое противопоставление грамматики и лексики, возвратные глаголы поделены между двумя дисциплинами: часть получает описание в сфере морфологии — в страдательном залоге, часть выведена в лексику и словообразование. При этом речь идет об омонимии аффиксов *-ся* — словообразовательного и словозменительного — и об омонимии глагольных лексем и словоформ, ср.: *Мальчик моется* — *Окно моется мылом* (пример А. В. Исаченко).

Способ преодолеть ненужные дубли, возникшие в результате признания омонимии словообразовательного и формообразующего аффиксов *-ся* за счет сужения объекта, получающего рассмотрение в рамках залога как категории глагольной морфологии, предложен в АГ-70 и затем повторен в АГ-80 (возвратные глаголы как словозменительная категория отрицаются). Согласно двум последним Академическим грамматикам, синтаксическая парадигма предложения по залогу достраивается не соответствующей формой глагола-сказуемого, а средствами другой глагольной лексемы, ср.: «У глаголов несовершенного вида есть другой спо-

соб выражения залогового противопоставления (не страдательное причастие. — Е. Н.) — употребление в пассивной конструкции таких возвратных глаголов, в которые постфикс *-ся* вносит страдательное значение... В это противопоставление (оппозицию) вступают два разных глагола: переходный (*постигать*) и возвратный (*постигаться*)» [АГ-80: 616], «у... глаголов несом. вида залоговое противопоставление выражено разными глаголами: переходными глаголами действ. залога и возвратными глаголами в страдат. значении (которое может быть выявлено только в конструкции)... Такое вовлечение в сферу грамматической категории отношений между разными словами делает категорию залога категорией... отчасти несловоизменительного типа» [Там же]. Из этого следует, что, например, возвратный глагол действительного залога *возвращаться* может употребляться как в «собственно-возвратном» значении (*Мальчик возвращается из школы*), так и в «страдательном» (*Книги возвращаются в библиотеку читателем*). Ср. также у В. А. Плунгяна, предложившего интерпретировать разную семантику возвратных глаголов не за счет омонимии аффиксов: «Между залогом и актантной деривацией нет жесткой границы. Часто одни и те же показатели (типа уже известного нам русского *-ся*) выполняют как ту, так и другую функцию и, более того, часто в таких случаях корректнее говорить не об омонимии этих показателей, а о некотором едином значении (например таком, которое лежит в основе так называемого “среднего залога”, или медиа)» [Плунгян 2000: 208]. Идея о «едином значении» возвращает нас к виноградовской интерпретации некоторых видов возвратности через «замыкание действия в одной сфере» и, далее, к идее Э. Бенвениста: «В среднем залоге... глагол указывает процесс,

который развивается в субъекте; субъект является внутренним по отношению к процессу» [Бенвенист (1974) 2002: 188].

Динамика взглядов на залог в русистике на протяжении XIX—XX веков состоит в постепенном сужении объекта — сначала за счет немаркированных глаголов (переходность/непереходность), затем маркированных (возвратность). К началу XX века переходные/непереходные глаголы перестают рассматриваться как самостоятельные залоговые категории¹⁴. На рубеже веков и до середины XX в. исключаются из залога возвратные глаголы, мотивированные непереходными невозвратными (*стучать — стучаться, белеть — белеться*). Ко 2-й половине XX века от залога отпадают все значения возвратности, кроме страдательного. Если А. М. Пешковский защищал несоотносительные возвратные глаголы, доказывая их связь с категорией залога (видя в них категорию с неполной парадигмой, аналогичную существительным *Pluralia Tantum*), то во 2-й половине XX века пришлось бы отстаивать весь объем возвратности, передающий не-страдательные значения. Эта тенденция к сужению собственно-залогового материала (что объясняется доминированием морфоориентированной парадигматической грамматики) смягчается, однако, традиционным (восходящим к первым грам-

матикам XVI—XVII и XVIII вв.) решением о том, что именно в главе о залоге обсуждаются вопросы о переходности/непереходности (способность глагола управлять винительным падежом рассматривается как условие образования пассива, обсуждаются ограничения на образование страдательных причастий и спрягаемых страдательных форм и т. д.) и приводятся «лексикализованные» значения возвратных глаголов (А. В. Исаченко, АГ-70, АГ-80).

Сосредоточенность грамматических описаний на активе и пассиве и в конечном счете ограничение залога только этой оппозицией находит объяснение в выдвинутом М. Сибатани «Принципе Максимизации Контраста» [Сибатани 1999]. Действием этого принципа, проявляющегося в том, что внутри грамматической категории значения поляризуются, объясняет автор формирование пассива из среднего залога древних языков. Оппозиция, реализующая максимальный контраст, очевидно, заметна всем исследователям и привлекает наибольшее внимание. Ср.: «К числу бесспорных залогов относится страдательный» [Падучева 1974: 217].

Если в русистике залог глагола рассматривался на фоне грамматических систем западных европейских языков (ср. актив/пассив), то в отечественной типологии диатеза стала понятием, позволяющим интерпретировать языки разного строя — номинативно-аккузативного (с маркируемым объектом действия) и эргативного (с маркируемым активным субъектом, воздействующим на объект) [Кибрик (1979) 1992: 179—218]. А. Е. Кибрик обнаруживает черты обоих типов строя в грамматике русского предложения (в способе маркировки актантов в предложениях с непереходными невозвратными, переходными предикатами и в страдательной конструкции), тем самым понятие диатезы (а с нею проблематика залога) ока-

¹⁴ Ср. у А. А. Шахматова: «К действительному залогу принадлежат три группы глаголов: переходные с прямым дополнением..., переходные с косвенным дополнением... и непереходные... Такое синтаксическое употребление глаголов не развивает в них особенных значений; поэтому и имея в виду, что грамматические категории определяются как выражение сопутствующих значений, мы не можем говорить о переходном и непереходном залоге» [Шахматов (1925—1927) 2001: 476].

зывается в сфере синтаксической типологии языков.

К последней трети XX в. тенденция к доминированию описательно-классификационных задач (парадигма как высшая реальность языковой системы) достигает предела. Этот предел был осознан в лингвистике — и зарубежной, и отечественной — как кризис структурного языкознания. «Внутри структурной лингвистики ущемлялись интересы семантики. Язык жестко членился на уровни, каждый из которых рассматривался как замкнутая система. (...) Расстояние между языком и жизнью росло. Естественный язык сближался с искусственными знаковыми системами (...), принимаемыми за его упрощенную модель» (Н. Д. Арутюнова во Введении к [НЗЛ 1985: 4—5]). Тогда внимание лингвистики обращается к говорящему человеку, лингвистика вновь ищет свое место среди наук о человеке, открывается новая сторона бытия языковых средств — лингвистическая прагматика.

В связи с прагматической стороной высказывания и образом говорящего получают интерпретацию в «грамматике диатез и залогов» и залоговые трансформации, залог понимается как категория коммуникативная. Ср.: «...было бы ошибочным полагать, что залог является полностью асемантическим, т. е. что он сводится к чисто синтаксическому преобразованию. С нашей точки зрения, залог — это семантическая категория; выбор той или иной граммемы залога производится говорящим на основании семантических факторов» [Мельчук 1997: 172—173]. Мена залогов связывается с эмпатией¹⁵:

«...многие лингвисты... исходили из того, что у залога никакой семантики нет, функция этой категории — в простом преобразовании синтаксической структуры предложения: подлежащее и дополнение как бы меняются местами, и этот факт отражается в глагольной форме. ...мы убеждены, что этот взгляд глубоко ошибочен. ...Однако та семантика, которая связана с залогом, имеет особую природу: выбор одной граммемы залога вместо другой отражает не столько изменения реального мира..., сколько изменения в отношении того, как говорящий *хочет представить* соответствующую ситуацию и ее участников... категория залога предполагает использование морфологических средств языка... для выражения коммуникативных и/или прагматических противопоставлений...» [Плунгян 2000: 194]. Категория залога получает интерпретацию как средство противопоставления семантических категорий темы и ремы (наряду с линейно-интонационной структурой): «Предложения..., имея одинаковое пропозициональное содержание, различаются в том, как членится это пропозициональное содержание на тему и рему, что достигается выбором формы активного или пассивного залога глагола-сказуемого» [Там же: 252—253]. ТФГ (М. А. Шелякин) также связывает употребление залога с «фокусировкой» — субъекта или объекта действия [ТФГ 1991: 312].

Идея о функциональной стороне залога как средстве коммуникативном, связанном с актуальным членением, восходит к книге О. Есперсена «Философия языка» (1924): «То, что в первом

¹⁵ Ср. также в книге Ю. С. Степанова о разнице актива и пассива: «...разница между первыми и вторыми формами заключается именно в разнице ситуаций: в ситуациях первого рода говорящий рассматривает происходящее с позиций... Алексея, в ситуаци-

ях второго рода — с позиций... выгоняемой Людмилы (как говорят иногда, меняется эмпатия говорящего)» [Степанов 1981: 218—219]. В [Степанов 1989]: «залог позволяет говорящему по-разному изображать действие в зависимости от коммуникативных задач».

предложении рассматривается с точки зрения А, во втором рассматривается с точки зрения Б» [Есперсен 2006: 186]; «Даже тогда, когда активное подлежащее указано (“конвертированное подлежащее”), предпочитают пассивную конструкцию, если говорящий больше интересуется пассивным подлежащим, чем активным: *The house was struck by lightning* “В дом ударила молния”; *His son was run over by a motor car* “Его сына переехал автомобиль”» [Там же: 191]. В целом залог для О. Есперсена — один из языковых способов предъявления идентичной денотативной ситуации с точки зрения разных участников (ср. также лексемы и формы *предшествовать* — *следовать*, *над* — *под*, *перед* — *после*, *старше* — *моложе*). Тем самым единый для лексики и грамматики (залог) механизм конверсии, предложенный Ю. Д. Апресяном в книгах [Апресян 1974; 1995], является развитием идей О. Есперсена. Ср. также в [Апресян 1995: 342], где конверсивы обсуждаются в связи с парами предложений с переходным/возвратным предикатами: *Снег покрыл поля* — *Поля покрылись снегом*, *Вода заполнила бочку* — *Бочка заполнилась водой*, *Он заразил меня гриппом* — *Я заразился от него гриппом*.

Если предельно жесткие и рестриктивные описания в рамках теорий залога пришлось на 1960—70-е гг., то уже с середины 1970-х гг. предлагаются интерпретационные (учитывающие прагматику высказывания) версии залога, а также небинарные описания залоговой системы русского глагола: [Падучева 1974; Мельчук 1997], описание залоговости как поля¹⁶ [ТФГ 1991], тем самым

глагольный объем, интерпретируемый в рамках залога, опять расширяется.

Трехчленная залоговая система, известная в русской грамматической традиции из греческих источников и разрабатывавшаяся в рамках культурно-исторического направления (А. А. Потебня, А. А. Шахматов, АГ-52), получает «диатезное» обоснование у Е. В. Падучевой в рамках трансформационного синтаксиса. Теоретическая посылка — постулируемая возможность для актантов совпадать в одном члене предложения (в отличие от работы [Мельчук, Холодович 1970], где, согласно определению, залоговыми значениями не признаются такие, при которых один синтаксический актант соответствует двум семантическим). По Е. В. Падучевой, производные залоговые связаны с такими изменениями: изменение семантической интерпретации одного из синтаксических актантов (страдательность, взаимно-возвратность); запрет одной из синтаксических валентностей (собственно-возвратность); появление новой синтаксической валентности (страдательность, взаимно-возвратность) — см. в [Падучева 1974: 224—225].

В рамках ТФГ (системно-описательная модель категориальной грамматики русского языка) залог, как и другие категории, интерпретируется в терминах функционально-семантического поля. Ядро поля залоговости образует привативная морфологизованная оппозиция активной и пассивной конструкций: предикативный признак приписывается его носителю как субъекту, от которого исходит действие, или как объекту, на который направлено действие. Однако этим поле залоговости не ограничивается, оно имеет неоднородную структуру. Актив и пассив, в свою очередь, также являются полевыми

¹⁶ Идея организации языковых единиц по принципу поля оказалась очень продуктивной; см., например, [Золотова (1981) 2001] — о строении поля части речи, [Апресян

2004] — о центре и периферии в грамматике и лексике.

структурами с ядром и периферией: морфологическое ядро актива — непереходные глаголы, пассива — страдательные причастия. К полю залоговости по направлению от центра к периферии относятся возвратные/невозвратные глаголы, переходные/непереходные глаголы. Возвратные глаголы в разделе, написанном М. А. Шелякиным, рассматриваются как «лексико-семантическая зона залоговости переходного характера» [ТФГ 1991: 314]. Идея поля позволяет авторам охватить всю глагольную субъектно-объектную проблематику, включив сюда также (как это делалось в старых грамматиках) переходность/непереходность. Внутри действительного залога рассматриваются «семантические классы рефлексивов» (авторы Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков), которые не входят в оппозицию действительного/страдательного залога. Примеры, иллюстрирующие классификационную сетку, позволяют сделать вывод, что авторы пытаются связать семантику глагола (созидательная/деструктивная, акциональная/неакциональная) и предцизируемого субъекта (личный, одушевленный, предметный), количественные отношения между субъектом и объектом действия и т. д., наличие/отсутствие инициативы личного субъекта и т. п.: *переодеваться*; *Дверь захлопнулась, Зажегся свет, Собака отвязалась*¹⁷.

¹⁷ Семантическая классификация, разработанная в ТФГ, используется сегодня в корпусном исследовании, посвященном частотным характеристикам русских рефлексивов в современных художественных текстах [Гото, Сай 2009]. Выбор именно художественных текстов обосновывается в статье тем, что они «нейтральны» в плане использования залоговых форм глагола сравнительно с канцелярско-деловыми текстами. По данным исследования, максимально лексически разнообразны и частотны декауза-

Ср. также книгу [Плунгян 2000], где развиваются идеи «грамматики диатез и залогов» и предлагается новая интерпретация разнообразных синтаксических (связанных с линейным порядком) вариантов предложения, объединенных в разделе «Залог и актантная деривация». Автор предлагает различать два варианта изменений, которые происходят с предложением в результате изменения коммуникативного ранга участников ситуации. (1) Залог как явление чисто «синтаксическое» — функционально-прагматически нагруженная грамматическая категория с меной морфологии глагола и понижением ранга исходного подлежащего, а именно актив/пассив (*Большинство теоретиков отвергло этот аргумент — Этот аргумент был отвергнут большинством теоретиков*). К синтаксическим явлениям автор относит и перераспределение коммуникативных рангов актантов без участия глагольной морфологии и с неизменным рангом подлежащего (*Царь подарил ему шубу — Царь одарил его шубой*). (2) Актантная деривация как «класс явлений», приводящих к преобразованию семантики предложения, в частности, интерпретирующая деривация. С помощью последнего понятия получают описание собственно-, косвенно-, взаимно-возвратность. Ср. с выведением на семантических основаниях из сферы морфологии этих типов возвратности в классификациях А. В. Исаченко, АГ-70, АГ-80.

Жесткость классификаций середины — конца XX века уступает место представлению о континуальности в языковой системе, вместо полюсов предлагается шкала значений, привативные оппозиции сменяются граду-

тивны и авторефлексивы, минимально разнообразны и частотны — эмотивные рефлексивы, пассивные рефлексивы занимают на графике среднее положение.

альными¹⁸ (это не характеристики объекта, а характеристики мышления лингвистов). См., например, в [Перцов 2001: 92], где в связи с проблемой соотношения лексического/грамматического приводится схема, иллюстрирующая «принцип градуального размещения языковых значений на шкалах «грамматичности — лексичности» (<...>). Из этой схемы видно, что словоизменительные и словообразовательные значения тяготеют к чисто грамматическому полюсу, однако вторые дальше от него (<...>). Обратное движение от «ничьей» грамматики к грамматике антропоцентрической, объяснительной, достигает подъема в 1990-е гг.

Залог и вид. Понятие «нулевой категории» в теории залога

Выведение части возвратных глаголов за рамки категории залога и дисциплины морфологии было предложено в работах [Фортунатов 1899; АГ-52; Исаченко (1960) 2003; Мельчук 1997] и др.; ср. с решением АГ-70, АГ-80 о категории вида — вычленение «грамматичной» видовой пары (пары словоформ) и способов глагольного действия, словообразовательно соединяющих самостоятельные лексемы, ср.: *лить/налить* — *вылить, отлить, подлить, налить, слить, залить*¹⁹. Ср. также с АГ-70, АГ-80, где все возвратные глаголы без исключения помещены в действи-

тельный залог. И вид, и залог в АГ-70 и АГ-80 признаются классифицирующими категориями, которые характеризуют все глаголы без исключения.

Разница между видом и залогом состоит в том, что нет глаголов вне категории вида (критерий постановки вопроса действует на все объекты), а категориального слова (вопроса) для залога не существует. Это означает, что залог — менее сознаваемая носителями языка категория. Ср. у И. А. Мельчука: «...для наивного говорящего оказывается гораздо более трудной задачей описать или по крайней мере обнаружить противопоставление по залогам, чем по наклонениям или модальностям...; противопоставление по залогам в меньшей степени осознается и быстрее забывается, чем противопоставление по временами, и т. п.» [Мельчук 1997: 164]. Не существует также и материального морфологического маркера «действительного залога» (ср. с видом, где значение несет вся основа — как несовершенного, так и совершенного вида).

Факт отсутствия морфологических показателей у невозвратных глаголов неоднократно привлекал внимание лингвистов, получая разные интерпретации. Отсутствие материального выражения, сопровождаемое отсутствием значения (ср. настоящее время глагола, положительную степень прилагательного, «действительный» (невозвратный) залог глагола, изъявительное наклонение), прокомментировано А. М. Пешковским и получило название «нулевой категории»: «...само отсутствие значения создает здесь своего рода значение, и происходит это по той же причине, по которой отсутствие формальных частей в нулевых формах создавало своего рода формальные части... Категории, как и отдельные формы, непременно сравниваются в нашем сознании между собой. Подобными нулевыми категориями переполнен наш язык» [Пешковский

¹⁸ Ср.: Т. М. Николаева в [НЗЛ 1978: 37—38] говорит о лингвистике текста как о сфере, где реализуется «грамматика полей и градуальных переходов, а не система дискретных элементов».

¹⁹ М. Я. Гловинская [Гловинская 1982], напротив, расширяет словоизменительные границы глагольного вида, предлагая рассматривать в качестве ряда словоформ видовые тройки типа *рвать* — *порвать* — *порывать*.

2001: 58]. Залог интерпретируется у А. М. Пешковского как «не категория в собственном смысле слова. Ведь под категорией мы договорились понимать ряд форм слов и форм словосочетаний, объединенных по значению... Русский же единственный глагольный залог, возвратный (невозвратный залог является только нулевой категорией), представлен всего одной формой на *-ся, -сь*» [Там же: 136]. Однако попытка сформулировать инвариантное значение «единственного русского залога» сводится к а-содержательному обобщению: «общее значение категории залога можно определить как особое отношение глагольного признака к его субъекту помимо того отношения, которое выражено в самой категории глагольности» [Там же]. «Неудобство» терминологического обозначения «возвратный/невозвратный» залог состоит в том, что маркированному залогу придан первичный термин, а нулевому, обычно нейтральному, исходному, — производный. Ср. с видом, где грамматическое (видовое) тесно спаяно с лексическим и категориальным значением; видовое значение располагает разными способами выражения, маркер вида плохо вычленяется: в видовой паре маркированы оба члена оппозиции; следует признать, что для разных категориальных групп нет единого «исходного» вида²⁰.

Еще одно «неудобство», которое несет с собой залог. Нулевая категория в русском языке нередко имеет нулевой

план выражения. «Морфологические нули» обычно обнаруживаются на фоне парадигмы, которая включает более одного материально выраженного члена — аффикса (например, нулевое окончание); залого же, в отличие от других грамматических категорий с нулевым членом, составляют пару, т. е. приписывать нулевую форму (аффикс) приходится на фоне единственного материального аффикса *-ся*.

Очевидно, именно этот факт заставил Н. В. Перцова признать, что домысливание в случае залога «нулевого аффикса» действительного залога «неприятно». Н. В. Перцов обсуждает термин И. А. Мельчука «квазиграмма» для интерпретации «возможности необязательного статуса у некоторого словоизменительного значения» [Перцов 2001: 84]; под квазиграммой «понимается грамматическое значение, во всем сходное с типичными словоизменительными значениями, за исключением свойства обязательности ⟨...⟩ изолированным словоизменительным значениям, не входящим ни в какие обязательные категории, уже давно пора найти место в сознании лингвистов-теоретиков и на страницах лингвистической литературы» [Там же: 84].

Занимаясь теорией языковой формы, Н. В. Перцов приходит к выводу об отсутствии категориальной характеристики у не-страдательной (действительной) формы: «...при общепринятой категориальной трактовке залога встает проблема формальной выраженности актива в личных синтетических формах глагола. ...В словоформе *читается* пассив выражен постфиксом, а чем тогда выражен актив в словоформе *читает*? Чисто формальные соображения вынуждают... постулировать здесь для актива нулевой конечный суффикс, что выглядит неприятно. ...Все подобные проблемы исчезают, коль скоро мы откажемся от категориальной трактовки

²⁰ Несмотря на прозрачность маркировки залога постфиксом, и здесь есть разнонаправленная мотивированность грамматическая и смысловая в определенных категориальных группах, ср.: *одеть* → *одеться* (= одеть себя) — возвратный глагол действия, *радоваться* → *радовать* (= сделать так, чтобы кто-то радовался) — возвратный глагол эмоционального состояния, см. подробно в [Мельчук 1967].

залога в пользу квазиграммемной трактовки пассива. Тогда глагольные формы, имеющие исходную словарную диатезу, окажутся просто лишёнными всякой залоговой характеристики²¹ — и говорить о носителях несуществующего значения не придется» [Перцов 2001: 164]²².

Идея А. М. Пешковского о нулевой (немаркированной) категории нашла отражение в работах по семантическому синтаксису. В работе [Падучева 1974] подробно обсуждается понятие исходного синтаксического употребления лексемы, его реализует «исходная диатеза», которой соответствует залогово немаркированная форма — ср. в работе [Холодович 1979] предложение принять исходный залог (актив) за подобие именительного падежа²³. И. А. Мель-

²¹ Ср. у А. М. Пешковского, который указывает, что невозвратный залог — «не залог», единственный русский залог — возвратный.

²² Если Н. В. Перцов «понижает ранг» залога до квазиграммемы, то в новой работе И. А. Мельчука [Иорданская, Мельчук 2007] залог терминологически «укрупняется», здесь предлагается рассматривать залог как суперкатегорию. В этой работе описан следующий способ расположения залогов в типологии. Насчитывается четыре типа залогов — в зависимости от техники преобразования исходного высказывания; этих техник три: перестановка, подавление, идентификация, четвертым залогом является комбинация техник. Все четыре залога объединяются в рамках общей суперкатегории — залога в широком смысле слова.

²³ Ю. С. Степанов развивает идею об аналогии парадигмы именной и глагольной (падеж имени и залог в форме лексико-морфологической диатезы глагола — например, *сыпать / сыпаться*), тем самым выстраиваются симметричные понятия — падеж (имени) и диатеза (глагола) и далее — диатеза как падеж глагола (как в древних

чук говорит о «базовой, или исходной, диатезе», а категорией залога называет категорию, граммема которой указывают на изменение базовой диатезы лексемы (без изменения ее пропозиционального смысла) [Мельчук 1997: 164]); таким образом, речь идет не о равноправных конструкциях, а о некотором ряде, в котором первая является базой для интерпретации последующих. Ср. также у Я. Г. Тестельца: «Залог, соответствующий исходной диатезе, принято называть активным» [Тестелец 2001: 413].

Для современных антропоцентрических лингвистических концепций понятие «нулевой категории» могло бы быть важно не в парадигматическо-морфологическом плане (дописывание аффикса, достраивание списка форм — как в современной морфологии), а в смысле функционально-морфологическом: «нулевое» выражение получают категории не произвольно, а по некоторой закономерности, которая выработана в языке. Эта языковая закономерность — выбор в качестве нуля некоторой «нейтральности», которая является точкой отсчета значений; от «нуля» «отсчитываются» значения, маркированные говорящим и маркирующие говорящего, осознающиеся им как не совпадающие с его позицией (например, прошедшее и будущее время), являющиеся средством оценочности (например, сравнительная и превосходная степень прилагательных) и т. п. Залог также попадает в этот ряд: возвратность может выступать средством маркировки позиции говорящего — не только с точки зрения фокуса эмпатии на субъекте или объекте:

грамматиках — *Generi Verbi*). Диатезы глагола и диатеза имени, по Веренку, в предложении включаются в «длинную» диатезу уровня предложения «глагол — имя» (*Некто*) *сыплет песок — Песок сыплется*) [Степанов 1989: 136].

заявление может маркировать позицию говорящего по отношению к действию, его субъекту и объекту (инклюзивность / эксклюзивность говорящего).

Объяснительные лингвистические концепции и теория залога

Сосуществовавшие в 1-й половине XX века, в рамках грамматики описательной, типологически-структурное и частнолингвистическое направления с 1990-х гг. трансформировались в объяснительные (антропоцентрические) вербоцентрические и субъектоцентрические концепции в грамматике. Вербоцентрические объяснительные концепции являются продолжением «грамматики диатез и залогов», субъектоцентрическая концепция Коммуникативной грамматики продолжает традиции В. В. Виноградова (соединение языковой динамики и статики, смысла и формы, грамматики и лексики, грамматики и текста). И те и другие концепции не обходят своим вниманием залог русского глагола.

Первоначально внимание исследователей, работающих в рамках «грамматики диатез и залогов», было направлено на диктальную часть высказывания (пропозицию) и ее соотношение с диатезами. Когда эта проблематика исчерпалась (все возможные диатезы подсчитаны, что, однако, не исключает единичных находок в этой области — см., например, [Крылов 2004]), на объяснительном этапе на передний план вышли задачи интерпретации индивидуальной глагольной семантики и семантики предложений с возвратными предикатами (в частности, с неодушевленным субъектом). В вербоцентрических концепциях семантика «нулевой диатезы» находит объяснение через такие понятия и термины, как положение актанта «за кадром», Наблюдатель (Эксперимент), декаузатив (Е. В. Падучева, В. А. Плуниган), квазипассив (В. И. Гаврилова).

Интерпретации смысла предложений с рефлексивными декаузативами (*Дверь открылась*) на фоне предложений с вербализованным личным / пропозициональным каузатором посвящена работа [Падучева 2001], вопросам о статусе возвратных глаголов сов. в. обрабатываемой / креативной семантики в языковой системе (*Белье постиралось — *Ковфта связалась*) и прочтении их в контексте посвящена серия работ 1990—2000-х гг. В. И. Гавриловой (см., например, [Гаврилова 2001]), с идеей неконтролируемости (*Признание вырвалось*) связывает средний залог Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1999]. Ю. Д. Апресян [Апресян 2004: 27], обсуждая проблему центра и периферии, признает соответствующим современной литературной норме только синтетический пассив от глаголов со значением покрытия поверхности, заполнения объема (*заасфальтируется, закрасится*) и их антонимов (*уберется, срежется*), при этом парадигма синтетического пассива ограничивается, как правило, формами будущего времени, ср. с мнением [Перцов 2004]: языковой системе принадлежат все потенциально конструируемые возвратные формы.

В качестве инструмента обнаружения субъективных смыслов сегодня используется понятие диатезы (а с нею и залог). В книге [Падучева 2004] с помощью понятия «диатеза с нулевым Наблюдателем» интерпретируется перфективная лексема *обнаружить(ся)* в паре изолированных предложений: 3 (а) *Охотник обнаружил на опушке следы медведя*; (б) *На опушке обнаружили следы медведя*. «Мена диатезы в (3б) маркирована возвратной частицей: в результате декаузативации участник Перцепт перемещается в позицию субъекта, а Эксперимент покидает субъектную позицию, которую он занимал в (3а), и уходит за кадр, становясь Наблюдателем» — ср. с авториза-

цией («двуплановостью», «углубленной субъектной перспективой») у Г. А. Золотова: «...разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложении, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер» [Золотова 1973: 263] — замечание, сопровождаемое в переиздании 2001 г. ссылкой на модусную составляющую высказывания по Ш. Балли; «Традиционный синтаксический анализ не замечает субъектной двуплановости подобных конструкций, выстраивая все отношения в одну шеренгу “членов предложения”» [Там же: 277]. В связи с авторизацией Г. А. Золотова рассматривала, в частности, возвратные предикаты мнения, восприятия, ср.: *Она считается умной; Из соседней комнаты доносилось довольное урчание мальчика; Кислород справедливо считается основой жизни на земле.*

Подход к возвратным глаголам с позиций субъектоцентрической грамматики предполагает возможность выйти за пределы морфологии и глагольной парадигматики (ср. с теорией залога А. М. Пешковского). Современная теория обращается к текстовым структурам, касаясь функционального аспекта языковой формы и образа говорящего. Инструментами лингвистического анализа выступают понятия «Коммуникативной грамматики» — модель субъектной перспективы высказывания и текста и коммуникативный регистр [КГ 2004: 229—231; 28—35]. Модель субъектной перспективы, собирая на одной оси субъектов модуса и диктума (*Я* говорящего и *Он* исходной модели предложения, субъектов «факта сообщения» и субъектов «сообщаемого факта» [Якобсон (1957) 1972]), позволяет объ-

единить в одном исследовании участников речевого акта и актантную модель глагола. Коммуникативный регистр, являясь моделью речевой деятельности, соотносит пространственно-временную позицию говорящего и пространство-время сообщаемого факта. Если субъектная перспектива определяет, кому принадлежит модус, то в коммуникативном регистре воплощается семантика модусного предиката, тем самым два измерения (субъектное и модусно-предикатное) соединяются на уровне текста. Для категории залога это означает, в частности, возвращение к вопросу о синонимии актива/пассива. Коммуникативная грамматика избирает критерием не парадигму глагола и пропозициональное тождество внеязыковой ситуации, а переводит проблему в чисто лингвистическую плоскость — обсуждая тип категориального значения предиката в активе и пассиве, возможность взаимозамены актива и пассива в текстовых условиях.

Ограничения на взаимозаменяемость конструкций в тексте связаны прежде всего с тем, насколько сохраняется значение действия (степень акциональности переходного и мотивированного возвратного глагола), и с тем, что залоговая форма маркирована говорящим. КГ задает вопрос о тождестве/не-тождестве категориального значения предиката: как представлено (модифицировано) значение действия в страдательной конструкции по сравнению с действительной (Г. А. Золотова придерживается мнения, что категориальная семантика предиката в активе — действие, в пассиве — качество: *Деньги выдает кассир — Деньги выдаются кассиром*²⁴). Если под сущностью дей-

²⁴ Ср. также у А. А. Потебни: «...под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписано посредством сказуемого степень

ствия, **акциональностью**, понимается инициатива, исполнение, контроль над действием, целеполагание, наблюдаемость, то тогда вопрос о сохранности значения действия распадается на несколько, связанных с реализацией глагольных грамматических категорий, в которых и осуществляется значение действия:

1) инициатива будет связана с работой категории лица (модификации субъектной перспективы: совпадение объекта действия и субъекта речи в пассиве, т. е. возможность/невозможность в подлежащем страдательной конструкции 1-го лица как максимально индивидуального и располагающего полнотой воли субъекта),

2) (не)наблюдаемость выведет на синтаксическую категорию времени — регистровые возможности страдательной конструкции ограничиваются (преимущественно информативный регистр).

Ограничения по категориям лица и времени задают смену или, возможно, модификацию категориального значения действия — и, следовательно, возможную смену модели предложения.

Ср. у А. А. Шахматова, признававшего лицо (как систему личных окончаний) категорией субъекта, а залог — категорией объекта. Тем самым категория лица связана с Я — ср. у Э. Бенвениста: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, — понятие “Ego” — “мое я”» [Бенвенист 1974: 293—294]; категория же залога, как категория объекта, очевидно, связана с Он, не-Я. Это подтверждается современными синтаксическими исследованиями: например,

безобъектно-активное значение (*собака кусается*), страдательное значение являются Он-предикатами. Залог обнаруживает такую закономерность: сохранение значения действия в модусно обусловленной конструкции (предикация к объекту действия) модифицирует состав субъектов действия (не-Я, Он: *Дверь открывается водителем, Он считается умным*), качественность предиката создается инклюзивностью субъекта речи в состав потенциальных субъектов/объектов действия («все, и Я в том числе»: *Немецкая обувь хорошо носится; Собака кусается*); сосредоточенность на Я-субъекте модифицирует категориальное значение предиката (недействие, состояние: *Мне не пишется, не работается, не спится*); эти значения возвратных глаголов дают ограничения глагольной парадигмы. То значение возвратности, которое интерпретирует «все как Я», характеризуется типовым значением действия и полной парадигмой по глагольным категориям вида, наклонения, лица (*одевается, причесывается*) [Никитина 2008].

3) ставится вопрос о системном статусе залога и о текстовой предназначенности залоговой формы — о связи с жанром, с уровнем текстовых тактик и художественным замыслом; см., например, [КГ 2004: 348—352] — о функционировании страдательно-возвратных предикатов в прескриптивном тексте, [Никитина 2008] — о субъектной перспективе предложений с возвратно-страдательными предикатами в мемуарном жанре, предложений с декаузативами в психологической прозе (в условиях репродуктивного регистра), в произведениях фантастического реализма.

Выводы

1. Категория залога в русистике оказалась перекрестком, на котором сошлись разные лингвистические идеоло-

энергии меньшая, чем в обороте действительном. Этого рода страдательность представляется возвратностью действия» [Потемня 1941: 206].

гии (основанные на приоритете формы, теории или основанные на приоритете содержания, объекта), разные лингвистические дисциплины (морфология, лексика, словообразование, синтаксис), частная лингвистика и типологическая лингвистика, поэтому современная теория залога складывается из идей, которые сформировались не только в русистике, но и в рамках типологической лингвистики.

2. Категория залога как объект лингвистического исследования прошла несколько этапов, на протяжении которых сосуществовали или сменяли друг друга следующие тенденции: объединение возвратных глаголов (под общим термином «залог»); увеличение количества залоговых значений; сведение залогового противопоставления к наличию/отсутствию постфикса *-ся*; членение возвратных глаголов (на словоформу и лексему); увеличение объема исследуемого объекта от словоформы до текста. Последнее свидетельствует о переходе от описательной теории к объяснительной.

3. Объяснительная грамматика совмещает изучение единиц в динамическом и статическом (системно-парадигматическом) аспектах, что для залога означает новое объединение той языковой материи, которая оказалась расчлененной в описательном грамматическом процессе: «грамматические» и «словообразовательные» типы глаголов на *-ся*, восходящие к переходным глаголам с присоединенными формами возвратного местоимения. Интерпретация возвратной формы должна опираться на корневую семантику глагола и учитывать текстовые условия употребления формы (способы подстройки под *Я* говорящего). В этом отношении категория залога сближается с категорией вида: обе категории с точки зрения описательной грамматики находятся на границе словообразования и словоиз-

менения (видовая пара относится к словоизменению, производные непарные глаголы — к словообразованию, ср.: пара актив/пассив рассматривается как словоизменительная, все остальные соотношения возвратности/переходности — как словообразование). По-видимому, в обеих категориях есть общий грамматический механизм взаимодействия семантики глагольного корня, семантики предложения и текста; аффикс же — видовой или залоговый — устанавливает эту связь (что не исключает собственного вещественного значения аффикса).

Л и т е р а т у р а

- АГ-52 — Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1952.
- АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- АГ-80 — Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1980.
- Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М., 2004. С. 20—35.
- Арутюнова 1999 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Бенвенист (1974) 2002 — Э. Бенвенист. Общая лингвистика / Общ. ред., вступит. ст. и коммент. Ю. С. Степанова; Пер. с франц. Ю. Н. Караулова [и др.]. 2-е изд., стереотип. М., 2002.
- Буслав (1869) 1913 — Ф. И. Б у с л а в е в. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора. М., 1913.

- Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Учебн. пос. для высш. учебн. заведений. М.; Л., 1947.
- Виноградов 2005 — В. В. Виноградов. История русских лингвистических учений. Изд. 2. М., 2005.
- Востоков 1838 — А. Х. Востоков. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. 6-е изд., испр. Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1838.
- Гаврилова 2001 — В. И. Гаврилова. Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место в залоговой системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2001. С. 162—163.
- Гаспаров 1999 — Б. М. Гаспаров. Лингвистика национального самосознания // www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_05.htm. Вариант наст. ст. опубликован по-французски: *La linguistique slavophile // Histoire-Epistémologie-Langage / Ed. P. Seriot. Lausanne, 1996. P. 125—146.*
- Гвоздев 1973 — А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Часть II: Синтаксис. М., 1973.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гото, Сай 2009 — К. В. Гото, С. С. Сай. Частотные характеристики классов русских рефлексивных глаголов // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 184—224.
- Граматики 2000 — Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста к изд., науч. коммент. и указатели Е. А. Кузьминовой; Предисл. в соавт. с М. Л. Ремневой. М., 2000.
- Греч 1834 — Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. М., 1834.
- Есперсен 2006 — О. Есперсен. Философия грамматики. 3-е изд., стереотип. М., 2006.
- Живов 1986 — В. М. Живов. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник: О книге: *D. S. Worth. The origins of Russian Grammar. Note on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars (= UCLA Slavic Studies. Vol. 5). Columbus, 1983 // Russian Linguistics. 1986. № 9.*
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова (1981) 2001 — Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Исаченко (1960) 2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. 2-е изд. М., 2003.
- КГ 2004 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М., 2004.
- Кибрик (1979) 1992 — А. Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языках). М., 1992.
- Кобозева 2004 — И. М. Кобозева. Лексическая семантика. Учебник. 2-е изд. М., 2004.
- Кругосвет — Кругосвет: сетевая энциклопедия // www.krugosvet.ru.
- Крылов 2004 — С. А. Крылов. Диате́за и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М., 2004. С. 259—267.
- Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Российская грамматика // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 389—578.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. К понятию словообразования // Известия АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. Т. 26. Вып. 4. С. 352—362.

- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 38/2, 1997.
- Мельчук, Холодович 1970 — И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.
- Некрасов 1865 — Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
- НЗЛ 1878 — Т. М. Николаева. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 5—39.
- НЗЛ 1985 — Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3—42.
- Никитина 2008 — Е. Н. Никитина. Акциональность/неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса: материал к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русск. яз. в науч. освещ. М., 2001. № 1. С. 52—79.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Перцов 2004 — Н. В. Перцов. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопр. языкознания. № 4. 2004. С. 43—71.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. [8-е изд., доп.] М., 2001.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Потебня 1941 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941.
- РЯ 1997 — Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.
- Сибатани 1999 — М. Сибатани. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 274—289.
- Степанов 1981 — Ю. С. Степанов. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.
- Степанов 1989 — Ю. С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Успенский 1994 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Фортунагов 1899 — Ф. Ф. Фортунагов. О залогах русского глагола // Известия Отд. русского языка и словесности АН. Т. IV, кн. 4. 1899.
- Холодович 1979 — А. А. Холодович. Залог. 1: Определение. Исчисление // А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Шахматов (1925—1927) 2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка / Вступит. ст. проф. Е. В. Клобукова; ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. М., 2001.
- Брокгауз, Ефрон — Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XII. СПб., 1894.
- Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95—113.
- Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

Категория таксиса и смежные категории

Проблема взаимодействия категорий может решаться (1) по отношению к языковым фактам, что воплощается в двух аспектах: формально-парадигматическом (взаимодействие грамем, проявляющееся, например, в ограничениях на формы времени в глаголах совершенного вида) [Межкатегориальные связи в грамматике 1996] и семантическом (формирование суперкатегорий в результате семантического согласования категорий) [Булыгина 1980: 320—355]; (2) по отношению к лингвистическим идеям и категориям. В данной статье межкатегориальное взаимодействие понимается во втором смысле, то есть обсуждается сближение/отдаление лингвистических понятий как отражение множественности точек зрения в лингвистике. Речь пойдет о категории таксиса, которая вошла в русистику сравнительно поздно, когда основной терминологический аппарат описательной грамматики был уже сформирован. Тем самым термин «таксис» оказался в сложном взаимодействии с разными морфологическими и синтаксическими категориями.

Необходимость в этом понятии у русской описательной грамматики возникла в связи с функционально-семантической интерпретацией глагольного вида в синтагматической паре глагольных форм (двух финитных — *вошел и сказал* — или финитной и нефинитной — *войдя, сказал*).

С момента появления в русистике термин «таксис» оказался неоднозначным. Уже в определении Р. О. Якобсона [Якобсон 1972] можно увидеть два аспекта таксиса: (1) характеристика связи между двумя глагольными формами и (2) грамматическая сущность деепричастия (зависимый таксис). За время существования понятия «таксис» в руси-

стике наметились три сферы бытия этой категории: 1) в рамках одной концепции с сохранением первоначального определения как глагольной категории по Якобсону; 2) в сфере взаимодействия научных концепций, где возникает многозначность термина «таксис» за счет включения в эту категорию разных объектов; 3) в сфере категориального взаимодействия, когда к одному объекту применяются разные термины, например, таксис и предикативность, таксис и эвиденциальность, таксис и дейксис, таксис и вид, таксис и время. Соответственно, ставится вопрос: насколько оправданно употребление термина «таксис» в русистике? Настоящая статья представляет собой аналитический обзор работ, в которых категория таксиса находится в сфере межкатегориального взаимодействия¹ и взаимодействия научных концепций.

Таксис и дейксис. К проблеме точки отсчета

Проблематика точки отсчета в связи с категорией таксиса возникла уже в статье Р. О. Якобсона, который отношение к точке отсчета признавал дифференциальным признаком категории и разграничивал по этому критерию категории шифтерные и нешифтерные².

¹ В отличие от статьи Н. В. Семеновой [Семенова 2004б] «Таксис: история изучения и современное понимание», в которой представлена история изучения категории таксиса в грамматической науке, история появления самого термина и объем языкового материала, к которому применяется это понятие.

² О. Есперсен в 1922 году вводит в лингвистический обиход термин «шифтер», который соединил лингвистическую проблематику с понятием точки отсчета.

Но при этом Р. Якобсон считал, что существует только одна точка отсчета — «факт сообщения», т. е. ситуация речи.

Для Р. О. Якобсона было важно представить глагольные категории в системе. Основанием для построения этой системы было отношение к факту сообщения, и тем самым он противопоставил дейксис (шифтерные категории, соотносящие сообщаемый факт с фактом сообщения) и таксис — отношение к другому сообщаемому факту, а не к факту сообщения (моменту речи)³.

При исследовании глагольных категорий в нарративе были введены понятия «вторичный дейксис» [Апресян 1995] и нарративный режим интерпретации [Падучева 1993; 1996]⁴, ориентированные, как и таксис, не на момент речи (ср. «дейксис к воображаемому» у К. Бюлера [Бюлер 2000: 113—127]). В нарративе точкой отсчета для дейктических единиц было признано «либо настоящее время персонажа... либо повествователя» [Падучева 1996: 272]. Для

³ На этом принципе основывалось распределение глагольных форм у А. М. Пешковского, который еще в 20-е годы в работе «Русский синтаксис в научном освещении» (1914—1928) обнаружил особую точку отсчета для категорий нефинитных форм глагола по сравнению с предикативными категориями: «Математически это можно было бы выразить пропорцией: «время» деепричастия так относится ко «времени» глагола, как «время» глагола ко времени речи [Пешковский 2001: 126].

⁴ Параллельно понятие точки зрения было предметом исследования литературоведения и лингвистики, работающей с литературоведческими понятиями (например, Г. А. Гукковский [1959], Ю. М. Лотман [1970], В. В. Виноградов [1971], М. М. Бахтин [1986], Б. А. Успенский [1970 (1995)] и др.)

обозначения синтаксического времени (прочитываемого через соседнее сказуемое) Е. В. Падучева ввела понятие «синтаксический режим интерпретации» [Там же: 272—273]. Вторичный дейксис и синтаксический режим интерпретации соотносятся с понятием таксиса, так как главным свойством всех трех терминов является несовпадение с моментом речи⁵. Пересечение двух признаков — вторичности и временной сущности дейксиса — дает ту сферу, где дейксис вступает во взаимодействие с таксисом (см., например, [Плунгян 2000]).

Исследователи различают три типа дейксиса: пространственный, временной и персональный⁶. Появляются работы, в которых для интерпретации отношений между основным и второстепенным предикатами используется как понятие таксиса, так и дейксиса (персонального). Так, А. Ф. Пантелеев характеризует связь вторичного предиката (например, деепричастия) с основным предикатом (в рамках полипропозитивного предложения) по двум параметрам: таксисному значению и персональному дейксису [Пантелеев 2002: 15]⁷, т. е. временное, морфологически

⁵ Т. Е. Шаповалова связывает с понятием первичного дейксиса категорию времени, ориентированную на говорящего, а с понятием вторичного дейксиса — категорию вида, ориентированную на наблюдателя [Шаповалова 2000: 8].

⁶ О персональном дейксисе см. также в [Булыгина, Шмелев 1992: 194—207; Гак 2004: 624].

⁷ В данной работе явления, не имеющие морфологического выражения, интерпретируются с позиций логики — дейксиса, а таксисные значения рассматриваются с точки зрения категориально-синтаксического подхода и сводятся, по сути, к значениям относительного времени.

выраженное взаимодействие он называется таксисом, а персональное (анафорическое) — дейксисом.

Таксис, относительное время и категория вида

Объект, попавший в сферу действия категории таксиса, — две и более финитные формы и дееспричастие со спрягаемой формой глагола — ранее обозначался термином «относительное время» (см., например [Поспелов 1958; Ильенко 1964; Белашапкина 1967] и др.). Некоторое время термины «таксис» и «относительное время» существовали параллельно в разных лингвистических дисциплинах (таксис — в функциональной грамматике, а относительное время в синтаксисе сложного предложения) и, соответственно, разных научных концепциях. С середины 80-х годов прошлого века исследователи стали задавать вопрос: чем отличается таксис от относительного времени? С одной стороны, исследователи признавали сходство в применении этих терминов. Так, в [Евпак 1996: 108] читаем: «Вопросы, связанные с категорией таксиса, давно разрабатывались, но в иной терминологии, в частности, в терминах «соотносительное употребление временных форм», «общая соотносительность», «временная соотносительность», «видо-временная соотносительность», «одновременность» и «предшествование», «категория предшествования», «категория временной соотносительности» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов»⁸.

⁸ Понимание таксиса как относительного времени встречается в работах А. И. Бородиной [1973], И. К. Буниной [1971], О. Н. Веселковой [1999], О. А. Костровой [1985], Е. И. Панина [1992], Й. Пенчева [1985], А. Д. Процко [1989], И. В. Рябовой [1986], М. К. Сабанеевой [2001] и др. Они исследу-

С другой стороны, раздавались голоса в пользу разделения понятий таксиса и относительного времени. В частности, В. С. Храковский отметил то прибавление к понятию, которого удалось достичь Р. О. Якобсону при замене термина «относительное время» на термин «таксис»: «...эта терминологическая замена позволила подвести под понятие, обозначаемое термином ‘таксис’, не только традиционно учитываемые финитные глагольные формы относительного времени, но и многочисленные и разнообразные формы, имеющие то же самое значение» [Храковский 2003: 37]. Р. О. Якобсона интересовала работа категории вида в иконических — соответствие языкового представления двух ситуаций (порядок следования глагольных форм) — и неиконических (морфо-

ют данную категорию на материале различных европейских языков, располагающих специальными глагольными формами относительного времени. Н. В. Перцов, например, как и большинство исследователей, относит семантику таксиса к перфектным временным формам: «Таксис связан с отсутствием/наличием указания на предшествование — с тем, мыслится или нет сообщаемый факт или его начало как предшествующее некоторому моменту. Содержанием не-перфектности является отсутствие указания на предшествование, а содержанием перфектности является указание на предшествование» [Перцов 1976: 14]. «Акциональный перфект, в меру своего удаления от статального, перестает быть видом и развивает другие значения — таксиса и относительного времени» [Маслов 1983: 45]. Интересно также замечание о перфектности Ю. А. Пупынина: «Перфектная семантика в контексте форм прошедшего времени предполагает обычно актуальность последствий действия не для плана настоящего актуального, а просто для “более позднего” по отношению к действию временного плана» [Пупынин 2001: 57].

логизованных) способах выражения временных отношений.

Путь, указанный Р. О. Якобсоном в отношении категории вида, продолжил Ю. С. Маслов. Он считал, что таксисные (нефинитные) формы «указывают на хронологическое соотношение, прототипически являются синтаксически зависимыми и обозначают «второстепенное» действие» [Маслов 1983: 42], тем самым он возвращался к проблематике второстепенного сказуемого.

Разработка категории таксиса как временной категории была осуществлена в «Теории функциональной грамматики» (ТФГ). Аргументом в пользу отличия таксиса от относительного времени в ТФГ является понятие «целостного (единого) периода времени» [ТФГ 2001: 237]⁹. Понятие относительного времени используется тогда, когда «две и более ситуации могут иметь место в различных временных планах» [Там же: 238]. При публикации томов ТФГ таксис попал в 1-й том вместе с аспектуальностью, а темпоральность — во 2-й вместе с модальностью¹⁰. Последующее изучение поля

⁹ А. В. Бондарко так определяет единый временной период: «Понятие единства временного плана (целостности временного периода) включает однородность действий с точки зрения их конкретности/неконкретности (узуальности, типичности, вневременности). Все обозначаемые действия должны быть конкретными, либо неконкретными (в указанном смысле) Ср. высказывания типа *Он ел, как едят усталые люди*. Здесь соотнесены разные ситуации: конкретная и неконкретная (узуальная). Они не образуют единого временного плана, поэтому в данном случае нет оснований констатировать между действиями отношения таксиса» [Бондарко 2002: 510].

¹⁰ Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная ло-

таксиса в рамках теории ТФГ связано с вопросом о взаимодействии полей: временная локализованность и таксис [Козинцева 1991], бытийность и таксис [Заметалина 1996], темпоральность, временная локализованность, аспектуальность и таксис [Пескова 2000]. Ряд работ раскрывает некоторые аспектуально-таксисные значения: одновременность [Надилова 1989], процессуальность [Нуртазина 1989], перфектность [Савельева 1989] и др.

Существует еще несколько направлений в изучении таксиса, которые так или иначе связаны с временным пониманием данной категории¹¹ и которые отличаются от направления, разрабатываемого в ТФГ. Так, М. Ю. Рябова расширяет понятие таксиса, определяя суть таксисных отношений как «целостность фактов», однако семантической основой таксисного соотношения для нее по-прежнему остается только категория времени [Рябова 1999: 181]¹².

Н. В. Семенова рассматривает «имплицитный таксис». В качестве средств имплицитного таксиса она выделяет класс мультипликативных глаголов (*звонить-позванивать, играть-наигрывать, мигать-перемигиваться*) и класс дистрибутивных глаголов (*перезнакомить, пооткрывать, изъездить*) с таксисными значениями разновременности и одновременности, которые устанавливаются между микродействиями, содержащимися в семантике глаголов [Семенова 2002: 201—244]. Такой под-

кализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987 (переизд. 2001 г.); Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.

¹¹ См., например, работу [Мустайоки 2006].

¹² Ср. также у Н. А. Ляшенко [Ляшенко 2003: 111—115].

ход к таксису представляется неоправданным расширением границ грамматической категории, при этом объект сводится к одной лексеме, а не к паре глагольных форм.

Таксис и эвиденциальность

Еще одна категория, которая рассматривается в связи с таксисом, — это эвиденциальность. Р. О. Якобсон определил таксис как нешифтерную категорию, а эвиденциальность как шифтерную категорию. Он писал: «Засвидетельствованность учитывает три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения, то есть указываемый источник сведений о сообщаемом факте. Говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица (цитативные, то есть от кого-то полученные сведения), на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти)» [Якобсон 1972: 101].

Р. О. Якобсон рассматривал таксис на материале русского, а эвиденциальность на материале болгарского языка. Соответственно, в русском лингвистическом сознании категория эвиденциальности утвердилась как объект общего языкознания. Так, в «Общей морфологии» В. А. Плуногьяна эта категория выделяется в особый раздел и предлагается типология средств эвиденциальности, которая сближается с наклоением, а не со временем [Плуногьян 2000: 321—325]. Таксис же рассматривается в другом разделе и сближается с категорией времени и предикативности [Там же: 271—273] (ср. с [ТФГ 2001]).

На материале русского языка категория эвиденциальности оказалась в тесном взаимодействии не только с кате-

горией модальности¹³, но и с модусом¹⁴ [Козинцева 1994: 93; 2000: 229]. Категория таксиса и категория эвиденциальности имеют зону взаимодействия — общий объект исследования: конструкции с предикатными актантами.

Для исследователей причастных и деепричастных конструкций было важно определить, что относится к сфере таксиса, а что не относится. Граница между таксисом и не-таксисом обсуждалась в связи с перцептивными глаголами. Было высказано мнение, что в соответствии с критерием единого временного периода причастные конструкции в предложениях с перцептивным глаголом не относятся к сфере таксиса [Лисина 1987: 13]. Знаменательно, что в том же году, когда вышел первый том ТФГ, был поставлен вопрос о соотношении перцептивных предикатов и таксиса, то есть вопрос о границах таксиса. Если Н. М. Лисина пример *Заволновался он* (Залесов) *только когда услышал совсем близко треск и шум шагов и сквозь корни увидел двух немцев, идущих по его следу вдоль телефонной линии* (А. Яшин) интерпретирует как не-таксисную «причастную конструкцию в высказывании с авторизацией сообщения», [Лисина 1987: 13], то А. В. Бондарко в качестве примеров таксиса при-

¹³ Г. А. Золотова в книге 1973 г. (переизд. 2005 г.) [Золотова 2005: 142] выделяет три типа модальности: «Во-первых, это отношение содержания высказывания (точнее, предикативного признака) к действительности с точки зрения говорящего, во-вторых, отношение говорящего к содержанию высказывания, в-третьих, отношение между субъектом-носителем признака и предикативным признаком». В этой классификации показатели точки зрения связаны со вторым типом модальности.

¹⁴ Вслед за Ш. Балли, Н. Д. Арутюнова пишет о вербализованном модусе [Арутюнова 1988: 109].

водит следующие: *Мишка видел, как он рукавом вытирал осунувшееся лицо* (В. Белов); *Видны были люди, слушающие тещу* [ТФГ 2001: 241].

Позже В. С. Храковский рассматривает конструкции с модусным глаголом в рамках таксиса, но выделяет их в особую группу. Ему важно, что критерий единого временного периода здесь не работает. Таксисные отношения одновременности, предшествования или следования в данных конструкциях обусловлены, по мнению автора, не единым временным периодом, а валентностными отношениями между ситуациями [Храковский 2001: 110].

С. М. Полянский предлагает относить все конструкции с предикатными актантами к средствам выражения категории эвиденциальности, так как эвиденциальность связана с модусом, в то время как таксисные отношения свойственны только диктумной стороне высказывания, то есть таксис — это соотношение двух диктумных предикатов по времени. При этом С. М. Полянский не различает типов модуса, считая, что любой модусный предикат не вступает в таксисную связь [Полянский 2000].

Напротив, Н. В. Семенова сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным при перцептивном глаголе считает зоной пересечения таксиса и эвиденциальности и определяет такой тип таксисных отношений как «таксис, осложненный отношениями характеристики» [Семенова 2002: 70, 171].

Вопрос об отнесенности к таксису предложений с разным модальным планом не раз обсуждался в научных исследованиях. Как правило, такие конструкции считают не-таксисными [Годизова 1991: 14]¹⁵. Н. В. Семенова абсо-

лютизирует признак ирреального наклонения, считая, что все конструкции с изъяснительным наклонением — это таксис, а с сослагательным или повелительным — не таксис. Она пишет: «...имплицитно те или иные модусные смыслы всегда присутствуют в высказывании, где выявляется таксисная сопряженность. Если же они «эксплицируются», то разрушается таксисное единство... как минимум два действия соотносятся в таксисной конструкции в плане одной модальности, причем в плане реальной, когда грамматическое значение предикативных единиц не выходит за рамки изъяснительного наклонения» [Семенова 2004а: 98]. Соответственно, пример из Ф. М. Достоевского: *Если бы кто теперь взглянул на него из прежде знавших его полгода назад в Петербурге в его первый приезд, то, пожалуй бы, и заключил, что он наружностью переменился гораздо к лучшему* интерпретируется в связи с категорией эвиденциальности, которая понимается Н. В. Семеновой не как наличие показателей точки зрения (*взглянул, пожалуй бы, заключил*), а как отношение между глагольными формами. Следствием такого подхода является отнесение к сфере эвиденциальности всех предложений с повелительным наклонением: *Отключив холодильник от сети, мойте его не реже раза в месяц* (пример из работы Н. В. Семеновой) [Там же: 99]¹⁶ без учета того, что подобное предложение может быть перефразировано в *Отключив холодильник, мою его не реже раза в месяц*.

клонением к плану будущего, то есть рассматривает в связи с категорией времени [Шаповалова 2000: 63—65].

¹⁶ Анализ подобных конструкций в других терминах см. [Иорданская, Мельчук 2007: 447—501; Санников 2008: 70 и в более ранних работах], а также [Ярыгина 2002].

¹⁵ Т. Е. Шаповалова относит предложения с сослагательным и повелительным на-

Можно предложить другой путь поиска конструкций, в которых разрывается таксисная связь между двумя предикатами: это сложные предложения с так называемыми иллокутивными союзами, например: *Раз ты все знаешь, то кто построил Зимний дворец?* Логический разрыв здесь связан не только с меной цели высказывания, но и с пропуском речевого глагола: *то скажи*. Подобные примеры рассматривают в связи с понятием эллипсиса (В. З. Санников), в связи с пропущенной модусной рамкой (Н. К. Ониненко), но не с морфологической категорией эвиденциальности.

Категория эвиденциальности — это субъективный аспект модальности, указание на то, кому принадлежит информация, то есть работа категории лица в пределах модуса. В русском языке эти значения выражаются личными формами ментальных глаголов и эгоцентриками (вводными словами), при этом различаются *Я-* и *Он-*модусные рамки [КГ 1998: 239, 245]. Эвиденциальность обнаруживается при взаимодействии минимум двух субъектов модуса: *я, но не другой / другой, но не я / все, и я в том числе, считают...* Таксис же предполагает взаимодействие предикативных единиц в рамках одного сознания, одного модусного плана, одного временного периода.

Таксис и поли-/моносубъектность

Р. О. Якобсон и его последователи изучали, главным образом, морфологизованный таксис, т. е. глагольные формы, временное значение которых морфологически выражено видом в односубъектных синтаксических конструкциях. Поэтому соотношение двух предикативных единиц по субъекту не рассматривалось: рассматривая сложные двусубъектные предложения, А. В. Бондарко учитывает только вре-

менное соотношение и не обращает внимания на мену субъектов, соответственно, в таксисные отношения не включается категория субъекта.

Особым подходом к проблеме категории субъекта и таксиса характеризуются работы ученых, исследующих структуру и семантику полипредикативных предложений в языках Сибири. Данный подход основан не на категории относительного времени, а на категории предикативности и близок к исследованиям осложненного предложения в русской грамматической науке. В типологических исследованиях (на материале языков Сибири) личная форма глагола перестала рассматриваться как единственно возможное средство выражения предикативных категорий (см., например, [Калинина 2001]), а это значит, что меняется и статус нефинитных форм: «Природа инфинитности определяется, как нам представляется, прежде всего, тем, что все инфинитные формы суть формы подчиненные, зависимые. Поэтому они и не могут функционировать в роли сказуемого простого, независимого предложения... Мы считаем, что конструкции с инфинитной формой зависимого сказуемого, при котором есть позиция субъекта действия — подлежащего, должны оцениваться как особый тип сложных предложений. Конструкции же с причастными, деепричастными и инфинитивными оборотами, в составе которых нет позиции подлежащего (или косвенного субъекта), ибо они ориентированы на подлежащее главного предложения, мы оцениваем как полипредикативные моносубъектные» [Черемисина, Колосова 1987: 88]. (Ср. с синтаксическим нулем в нефинитных сказуемых в [Тестелец 2001]). Таким образом, представители типологической школы в полипредикативных конструкциях (классический объект теории таксиса) стали выделять не только временные отношения, но и

субъектные. С учетом же категории субъекта появляется возможность рассматривать таксис как грамматической механизм связи предикативных единиц.

Таксис и предикативные категории

Если рассматривать категорию таксиса «от объекта» (деепричастие), то можно обнаружить, что понятия осложненного предложения, полупредикативности и таксиса употребляются при исследовании одного и того же объекта, а следовательно, являются близкими понятиями.

С учетом свойств единиц (синтаксем), вступающих в таксисные отношения (причастие, деепричастие, девербативы), в «Коммуникативной грамматике» (1998) дано такое определение категории таксиса: «Отказываясь от узкого (чисто временного) понимания таксиса, мы называем таксисными отношениями между минимум двумя пропозициональными единицами» [КГ 1998: 235—236]. Пропозиция здесь понимается как предикативная единица, так как логика не отделяется от грамматики¹⁷. Как основное сказуемое, так и зависимое сказуемое, по мнению Г. А. Золотовой, имеют все три предикативные категории. «Установлено, что

время... предиката (основного или дополнительного, вторичного) может быть либо свободным, соотносящимся с моментом речи, либо связанным, релятивным, таксисным, соотносящимся со временем основного предиката как одновременное или разновременное. Если такие два способа отсчета дает категория времени, одна из компонент предикативности, естественно предположить те же возможности у других категориальных компонент предикативности: модальности и персональности, то есть с точки зрения соотносительности с основным предикатом вторичные предикаты могут представлять ту же модальность или иную, то же значение лица или иное» [Золотова 1995: 101] (см. также [Золотова 2001]).

Авторы «Коммуникативной грамматики» существенно расширяют круг изучаемых в связи с таксисом единиц. Наряду с общепризнанными единицами таксиса, такими как деепричастия, однородные члены, зависимые придаточные предложения, составляющими центр поля таксиса в ТФГ, авторы КГ относят к таксису и все «неизосемические» в семантико-грамматическом аспекте классы в составе частей речи (деадъективы, девербативы и др.) [КГ 1998: 219].

В. А. Плунгян объединяет понятия дейксиса и таксиса на основе принципа единого механизма отношения к точке отсчета. Различие между таксисом и предикативностью, таксисом и дейксисом, по его мнению, только в проекции точки отсчета: «в некотором смысле, категорию времени можно рассматривать как частный случай категории таксиса, привязанный к одной фиксированной точке отсчета» [Плунгян 2000: 271].

Различие между категорией предикативности и таксисом касается, главным образом, плана выражения предикативных категорий и точки отсчета. Само-

¹⁷ Г. А. Золотова в статье 1995 года выступила с критикой термина «полупредикативность». По ее мнению, данный термин только мешает исследованию структуры осложненного предложения: «Если есть сообщение, даже редуцированное, «свернутое» до компонента простого осложненного предложения, язык не может не сигнализировать этого. Лингвистическая задача заключается в том, чтобы уловить эти сигналы, выявить способы, которыми язык оформляет полупредикативность (или пропозиитивность) и определить соотношение этих понятий с понятием предикативность» [Золотова 1995: 100].

стоятельные предикаты, имеющие точку отсчета в модусе (прежде всего, говорящего, то есть в факте сообщения), могут быть представлены в двух разновидностях: (1) координируемые с субъектом высказывания и (2) некоординируемые. Категория лица по-разному выражена в этих разновидностях.

Совпадение субъекта модуса и субъекта диктума маркируется аффиксальными средствами — окончаниями 1-го, 2-го лица глаголов. Напротив, несовпадение маркируется аналитически с помощью лексических средств. А. М. Пешковский отмечал, что значение 3-го лица непонятно без лексически выраженного подлежащего [Пешковский 2001: 186].

Некоординируемые: *А он скажи. Мне грустно*. В данной разновидности нет аффиксальных показателей лица. В арсенале средств выражения имеются только аналитические. При этом 1-е лицо нередко не маркируется *Грустно, жарко*, а 2-е и 3-е маркируются: *Тебе! Ему грустно*. Следует учитывать включенность и исключенность субъекта. *Тепло* — маркируется совпадением субъекта предложения с субъектом речи. Неличный локативный субъект будет обязательно выражен *За окном тепло*.

Таксисные предикаты, «отсчитывающие» свои предикативные категории от диктума, работают по принципу второй разновидности: совпадение не маркируется, а несовпадение субъектов главного и таксисного действий обязательно выражено на лексическом уровне. Об этом писал еще Л. Теньер: «Поскольку инфинитив не может передавать значения лица, то в случае, когда в инфинитивном обороте не выражен первый актант, ему автоматически передается первый актант управляющего глагола... Если же первый актант инфинитивного оборота не совпадает с первым актантом управляющего глагола, то его необходимо выразить эксплицитно» [Теньер 1988: 448].

Я. Г. Тестелец, рассматривая полипредикативные конструкции с оборотами в связи с проблематикой синтаксического нуля, обнаружит значимое отсутствие («плавающие определители») и при деепричастии, и при инфинитиве [Тестелец 2001: 287—305], тем самым он возвращается к известному примеру М. В. Ломоносова *Написав я грамотку, посылаю за море* [Ломоносов 1952: 566—567].

Суть таксисной связи между единицами, по мнению авторов КГ, заключается в том, что «таксисные отношения позволяют не использовать аффиксальные показатели для выражения предикативных категорий модальности, времени и лица при их однозначном прочтении в обеих пропозициональных структурах» [КГ 1998: 235—236].

Понятия, связанные с таксисными предикатами

Таксис — один из типов категориально-грамматической связи в синтаксисе. Различают три типа связи: 1) допредикативный (подчинительные отношения), 2) предикативный (координация) и 3) межпредикативный (таксис). О. Есперсен в «Философии грамматики» также выделяет три типа отношений между единицами в языке: юнкция в словосочетании, координация или предикация в предложении и нексус в сложном предложении [Есперсен 2006]¹⁸. Под нексусом О. Есперсен понимает предикативную связь, причем, с одной стороны, «наличие предикативной формы глагола для нексуса является необязательным, а с другой стороны, нексус не всегда представляет собой законченное предложение» [Есперсен 2006: 47]. Тем самым нексус соотносится с таксисом. Понятие «таксисный»,

¹⁸ Ср. у А. А. Шахматова [2001: 39] три типа отношений: предикативные, атрибутивные и предикативно-атрибутивные.

соответственно, применимо к любому из предикатов, предикативные категории которого отсчитываются не от момента речи, а от другого предиката.

В 1930 году Е. Курилович обращается к тем же вопросам, что и О. Есперсен, в связи со словообразованием, исследуя свойства производных существительных. Е. Курилович для каждой части речи выделил две функции: первичную синтаксическую функцию, которая, как правило, исходит из лексического значения, и вторичную, которая связана с употреблением слова в другой, не свойственной ему синтаксической функции. Вторичная функция у него получила название синтаксической деривации [Курилович 1962: 60—62]. Связь синтаксических дериватов с основным предикатом может быть интерпретирована в связи с таксисом.

Близко по своей сути к синтаксической деривации и понятие трансляции у Л. Теньера. Он так определяет явление трансляции: «Результатом трансляции является переход слова из одной грамматической категории в другую... Путем трансляции образованы, по Л. Теньеру, инфинитивные обороты, причастные конструкции, отглагольные имена [Теньер 1988: 417—418].

Одновременно с Л. Теньером на данное явление обратил внимание А. И. Смирницкий. Он выделил в системе английского глагола категорию репрезентации, «которая представляет процесс в разных вариациях — как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или “признаковыми”) моментами» [Смирницкий 1959: 247]. В рамках этой концепции существует интерпретация причастия как «адъективного транспозитива» или «адъективной репрезентации глагола»¹⁹.

Таким образом, термин «таксис» входит во взаимодействие с такими категориями, как: нексус, синтаксическая деривация, трансляция, репрезентация, номинализация.

Подведем итоги. История существования понятия «таксис» в русистике — это поиски данной категорией места в грамматической системе. На уровне морфологии категория таксиса не открыла новой сущности (либо вид, либо время — относительное), в синтаксисе предложения она дублировала уже существующие интерпретации отношений между основным и зависимым предикатом. Объяснительные возможности этого понятия обнаружились только на уровне анализа текста. Концепция КГ понимает таксис как грамматическую технику связности текста. Н. К. Онипенко в краткой характеристике основных положений КГ помещает таксис в ряд основных категорий текста: «(1) модель субъективной перспективы высказывания, (2) понятие коммуникативного регистра речи, (3) таксис как техника межпредикативных отношений в тексте» [Онипенко 2001: 9]. Таким образом, понятие «таксис» получило свое лингвистическое наполнение только тогда, когда исследователи вышли за рамки предложения в сферу текста.

Литература

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды: В 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. II.

Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Балли 1995 — Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Бахтин 1986 — М. М. Б а х т и н. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

¹⁹ В работах Т. Н. Молошной [1995], О. Д. Вишняковой [1994].

- Белошапкива 1967 — В. А. Белошапкива. Сложное предложение в современном русском языке: (Некоторые вопросы теории). М., 1967.
- Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бородина 1973 — А. И. Бородина. Категория таксиса в современном немецком языке в сопоставлении с категорией таксиса в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1973.
- Булыгина 1980 — Т. В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320—355.
- Булыгина, Шмелев 1992 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Персональный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность дейксис. М., 1992. С. 194—207.
- Бунина 1971 — И. К. Бунина. Категория времени или категория таксиса?: О противопоставлении относительных и абсолютных времен болгарского индикатива // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 124—129.
- Бюлер 2000 — К. Бюлер. Теория языка. 2-е изд. М., 2000.
- Веселкова 1999 — О. Н. Веселкова. К вопросу об особенностях выражения диахронии действий в рамках независимого таксиса: (На материале немецкого языка) // Аспекты лингвистических и методических исследований. Архангельск, 1999. С. 39—43.
- Виноградов 1971 — В. В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971.
- Вишнякова 1994 — О. Д. Вишнякова. Модально-временная характеристика причастий, ориентированных на финитную форму. Тула, 1994.
- Гак 2004 — В. Г. Гак. Теоретическая грамматика французского языка: Учеб. для студентов вузов. М.: Добросвет, 2004.
- Годизова 1991 — З. И. Годизова. Видовременные значения причастий совершенного вида: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / СПб. гос. ун-т. СПб., 1991.
- Гуковский 1959 — Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.
- Евпак 1996 — Е. В. Евпак. Из истории изучения категории таксиса // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. Кемерово, 1996. С. 108—109.
- Есперсен 2006 — О. Есперсен. Философия грамматики. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.
- Заметалина 1996 — М. Н. Заметалина. О соотношении функционально-семантических полей (на примере ФСП бытийности и ФСП таксиса) // Филологический поиск. Вып. 2. Волгоград: Перемена, 1996. С. 128—134.
- Золотова 1995 — Г. А. Золотова. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопр. языкознания. № 2. М., 1995. С. 99—109.
- Золотова 2001 — Г. А. Золотова. К вопросу о таксисе // Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. СПб., 2001. С. 170—175.
- Золотова 2005 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2005.
- Ильенко 1964 — С. Г. Ильенко. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т, 1964.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- КГ 1998 — Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
- Козинцева 1991 — Н. А. Козинцева. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и так-

- сисными значениями / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1991.
- Козинцева 1994 — Н. А. К о з и н ц е в а. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопр. языкознания. № 3. М., 1994. С. 92—101.
- Козинцева 2000 — Н. А. К о з и н ц е в а. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226—240.
- Кострова 1985 — О. А. К о с т р о в а. Категория таксиса и ее реализация во временных сложноподчиненных предложениях немецкого и русского языков // Сопоставительно-семантическое исследование германских и славянских языков. Куйбышев, 1985. С. 96—107.
- Курилович 1962 — Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лисина 1987 — Н. М. Л и с и н а. Функциональная характеристика действительных причастий в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Ломоносов 1952 — М. В. Л о м о н о с о в. Русская грамматика // М. В. Л о м о н о с о в. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии, изд. АН СССР. М.; Л., 1952.
- Лотман 1970 — Ю. М. Л о т м а н. Структура художественного текста. М., 1970.
- Ляшенко 2003 — Н. А. Л я ш е н к о. Философская категория отношения как основа языковой категории таксиса // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д: ДЮИ, 2003. Вып. 6. С. 111—115.
- Маслов 1983 — Ю. С. М а с л о в. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 41—54.
- Межкатегориальные связи в грамматике 1996 — Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
- Молошная 1995 — Т. Н. М о л о ш н а я. Грамматическая категория времени и таксиса в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995. С. 151—172.
- Мустайоки 2006 — А. М у с т а й о к и. Теория функционального синтаксиса, от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Надинова 1989 — Е. П. Н а д и р о в а. Таксисные отношения одновременности в высказываниях с настоящим актуальным. Л., 1989. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР N 38007 от 23.05
- Нуртазина 1989 — М. Б. Н у р т а з и н а. Аспектуально-таксисные процессные ситуации в современном русском языке // Аспекты грамматических исследований по русскому языку. Алма-Ата, 1989. С. 23—29.
- Онипенко 2001 — Н. К. О н и п е н к о. Три параметра лингвистической интерпретации текста // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 9—24.
- Падучева 1993 — Е. В. П а д у ч е в а. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // ИАН СЛЯ. Т. 52. 1993. № 3. С. 33—44.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. М., 1996.
- Панин 1992 — Е. И. П а н и н. Глаголы с таксисной семой в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Пантелеев 2002 — А. Ф. П а н т е л е е в. Полипропозитивное простое предложение: персональность, темпоральность, таксис: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Дону, 2002.
- Пенчев 1985 — Й. П е н ч е в. Време, таксис и синтаксис // Бълг. език. София, 1985. Г. 35, кн. 6. С. 523—528.
- Перцов 1976 — Н. В. П е р ц о в. О грамматических категориях английского языка // АН СССР. Ин-т рус. яз. (Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике). Вып. 90. М., 1976. С. 10—16.
- Пескова 2000 — Н. А. П е с к о в а. К вопросу о соотношении темпоральности, временной локализованности, аспектуальности

- и таксиса // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. Рязань, 2000. С. 103—106.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешков-ский. Русский синтаксис в научном освещении 8 изд., доп. М., 2001.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введ. в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Полянский 2000 — С. М. Полянский. Конструкции с предикатными актантами и таксис (или всегда ли таксис является таксисом?) [электронный ресурс] <http://www.nspu.ru/facultet/ffl/art029.htm>. 2000.
- Поспелов 1958 — Н. С. Поспелов. Выражение временного соотношения между однородными глагольными сказуемыми в строе слитного предложения // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 248—260.
- Процко 1989 — А. Д. Процко. О взаимодействии категорий пассивного залога и таксиса в современном английском языке // Формально-семантические корреляции языковых единиц. Киев, 1989. С. 163—169.
- Пупынин 2001 — Ю. А. Пупынин. Семантика перфектности и дейксис (на материале русского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Мат-лы Всероссийской науч. конф. СПб., 2001. С. 55—57.
- Рябова 1986 — И. В. Рябова. Морфологические и синтаксические глагольные формы в составе категории таксиса // Глагол в языке и речи: (На материале языков различных систем): Сб. науч. трудов. Кемерово, 1986. С. 60—65.
- Рябова 1999 — М. Ю. Рябова. Философия о природе таксисной связи // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. Кемерово, 1999. С. 180—182.
- Сабанеева 2001 — М. К. Сабанеева. Видовое, таксисное и текстовое своеобразие «прошедшего предварительного» (*passé antérieur*) в современном французском языке // Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. СПб., 2001. С. 131—143.
- Савельева 1989 — Н. В. Савельева. Категория перфектности в системе средств функционально-семантической категории таксиса / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1989. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР N 40508 от 21.12.89.
- Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Семенова 2002 — Н. В. Семенова. Семантика таксиса: концептуализация и категоризация / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2002.
- Семенова 2004а — Н. В. Семенова. Категория таксиса в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2004.
- Семенова 2004б — Н. В. Семенова. Таксис: история изучения и современное понимание // Русск. яз. в науч. освещении. № 1(7). 2004. С. 249—272.
- Смирницкий 1959 — А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.
- Теньер 1988 — Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1988.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- ТФГ 2001 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2001 (1-е изд. — 1987).
- Успенский 1995 — Б. А. Успенский. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995.
- Храковский 2001 — В. С. Храковский. Таксисные конструкции (опыт классификации) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Мат-лы Всероссийской науч. конф. СПб., 2001. С. 109—112.
- Храковский 2003 — В. С. Храковский. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопр. языкознания. № 2. 2003. С. 32—54.

Черемисина, Колосова 1987 — М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987.

Шаповалова 2000 — Т. Е. Шаповалова. Категория синтаксического времени в русском языке. М.: Моск. пед. ун-т, 2000.

Шахматов 2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95—113.

Ярыгина 2002 — Е. С. Ярыгина. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе русского языка. М., 2002.

А. П. Вальсова

НОВЫЕ КНИГИ

**Е. В. Маринова. Иноязычные слова в русской речи
конца XX — начала XXI в.:
проблемы освоения и функционирования.
М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. — 495 с.**

Книга Е. В. Мариновой представляет собой оригинальное исследование, в котором рассматриваются традиции и новации в освоении и функционировании иноязычных неологизмов в современном русском языке.

Материалом для исследования послужили Электронный корпус русских газет конца XX — начала XXI вв. и электронно-поисковая система «Интегрум», привлекались также массмедийные тексты из Интернета и «электронная» речь посетителей форумов, конференций и т. п. Автор широко использует наблюдения за употреблением иноязычных слов и их производных в устной разговорной речи, что позволяет сопоставить особенности их функционирования и языковой обработки в литературном языке и в субстандарте. Всего в работе исследуется свыше 2000 иноязычных лексем.

Е. В. Маринова продолжает традиции Московской школы функциональной социолингвистики — изучает живые активные процессы и современные языковые тенденции. В частности, автором отмечается характерное для новейшего периода стремление говорящих к множественности обозначений одного и того же денотата, «фрагмента» действительности (*Интернет — Инет — нет — Сеть — Всемирная паутина — виртуальное пространство — киберпространство — киберпейс*); подчеркивается, что процесс освоения семантики иноязычий на рубеже тысячелетий

приобретает специфические черты в условиях интенсивной интернационализации лексики.

В книге особое внимание уделяется теоретическим и терминологическим вопросам, связанным с проблемой лексического заимствования. Так, в ходе описания эмпирического материала автор уточняет объем и содержание понятия *иноязычное слово*, определяет системные связи данного термина с другими терминами, именующими слова неисконного происхождения в русском языке (*заимствованное слово, иностранное слово, проникновение, вхождение* и др.).

Следует отметить многоаспектный характер данного исследования: автор обращает внимание на тот факт, что слово другого языка, попадая в чужую языковую среду, включается в системные отношения и в речи (в конкретном высказывании), и в самом языке-реципиенте (системе), что позволяет рассматривать иноязычное слово не только как единицу лексической системы, но и как единицу языковой системы в целом. Благодаря такому системному подходу автор получает новые данные не только об этих единицах, но и о функционировании самого языка.

Одним из важных наблюдений автора является то, что в связи с увеличением численности поступающих в последние годы в русский язык заимствований адаптационный механизм языка становится более отлаженным, «беспе-

ребойным». Об этом свидетельствует ускоренный переход иноязычного неологизма на кириллицу или его одновременно функционирование в двух графических вариантах (нередко в пределах одного текста), а также активное участие нового слова в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве.

Книга состоит из пяти глав, Введения, Заключения и приложения.

Во Введении излагаются принципы исследования, характеризуются используемые методики анализа.

В Главе I анализируются основные подходы в определении понятия *иноязычное слово* в современной лингвистической науке; содержится описание основных типов иноязычных слов; дается общая характеристика иноязычных слов, появившихся в русской речи на рубеже веков.

В Главе II рассматриваются процессы фонетического и графического освоения иноязычных неологизмов на со-

временном этапе; на основе чего делаются выводы о сходстве и различии формального освоения иноязычий в литературном языке и субстандарте.

В Главе III представлено описание семантической адаптации иноязычных слов в русской речи, проходящей поэтапно.

Глава IV содержит описание адаптационных процессов в области грамматики. Каждый из основных разделов главы посвящен определенной части речи — способам грамматического оформления слов разных частей речи в литературном языке и субстандарте.

В Главе V освещаются такие вопросы, как место нового иноязычного слова в русской словообразовательной системе и его участие в деривационных процессах в разных сферах языка.

В приложении представлена таблица, отражающая тематическое расслоение новой иноязычной лексики.

Е. А. Никишина

Derksen R. Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon.

Leiden; Boston: Brill, 2008 // Leiden Indo-European Etymological Series / Ed. by A. Lubotsky. V. 4. — 726 p.

Голландский компаративист Р. Дерксен известен многочисленными трудами по историческому славянскому и балтийскому языкознанию. Среди них — крупная монография «Metatony in Baltic» (1996). Новая его работа (далее ED) является, собственно, трансформированной в книгу базой данных по славянской этимологии (им же подготовленной) и отражает ее особенности. Автор указывает, что ED не претендует на полноту и законченность описания. Он надеется, что некоторые не решенные в ED проблемы ему удастся решить в следующей книге — «Балтийском эти-

мологическом словаре», основанном на базе данных по балтийской этимологии. ED включает «Введение» (р. 1—22), содержащее обсуждение теоретических основ словаря и его строения, «Словарь» как таковой (25—567), списки литературы (569—582), сокращений и «Указатель слов» (586—726).

Основная цель ED — дать современную («up-to-date») презентацию корпуса индоевропейских этимологий славянской лексики и ранних производных праславянской эпохи. Славянский материал отбирается из Этимологического словаря славянских языков под ред.

О. Н. Трубачева (ЭССЯ) и довольно представительного круга источников по славянской лексике. Для русского языка это «Словарь» В. И. Даля и «Словарь русских народных говоров».

Теоретические основы ED определяют серьезные новации в сравнении с ЭССЯ и, шире, (пра)славянской этимологией. ED при этом опирается на достижения современной индоевропеистики, славистики и балтистики в том варианте, который разработан лейденскими компаративистами (Beekes, Kortlandt, Lubotsky, p. 2). Научная новизна словаря Дерксена заключается не столько в переработке и переоценке этимологий, сколько в ревизии актуальных для славистики реконструкций разного уровня. Вот некоторые источники такой ревизии, обсуждаемые во «Введении»: признание наличия в индоевропейском праязыке ларингальных и глоттализированных смычных; констатация действия в балто-славянском праязыке закона Винтера; признание наличия в балто-славянском смычной глухой фонемы ? — рефлекса ларингальных и глоттального элемента (пре)глоттализированных смычных; систематизация представлений о субстратных элементах в индоевропейском, балто-славянском и праславянском (с упоминанием «темематических» этимологий Г. Хольцера).

Первостепенное значение уделяется акцентологической характеристике лексем, которая включает реконструкцию акцента как таковую (с применением символов, используемых для сербохорватского языка) и указание акцентной парадигмы — а. п. Есть довольно много случаев, когда характеристика по тем или иным причинам оказывается неполной. ED опирается не на «классическую» акцентологию, но — применительно к праславянской реконструкции — на акцентологическую концеп-

цию Кортланда, синтезирующую результаты и материалы Станга, Иллича-Свитыча, Дыбо и других ученых. Можно отметить, в частности, принятие Дерксом теории о доминантных и рецессивных морфемах (p. 10). Среди прочих тем, затрагиваемых автором ED при обсуждении славистическо-акцентологической проблематики, обращает на себя внимание его скептическое отношение к выделению праславянской а.п. *d* (p. 17).

Далее следуют две статьи из ED (p. 379, 470) с буквальным воспроизведением их содержания:

**ostrovъ* м. р. (а. п. с) ‘остров’

ЦСлав. ст.-слав. *ostrovъ* (Зогр., Супр.)

Вост. рус. *óstrov*, Gen. Sg. *óstrova*

Южн. с.-хорв. *òstrov*, словен. *ostròv*, Gen. Sg. *ostròva*, болг. *òstrov*

Имя, состоящее из **ob* (см.) и *o*-основы **strovъ* (ср. греч. *ρός* м. р. ‘струя’), образованной от глагола со значением ‘течь, струиться’ (см. **strujà*).

**strujà* ж. р. *jā* ‘струя’

ЦСлав ст.-слав. *struja* (Супр.)

Вост. рус. *strujá* ‘stream, jet’

Южн. с.-хорв. *strúja* ‘струя, поток’, словен. *strúja* ‘рукав реки, канал, струя, поток’, болг. *strúja* ‘струя’

Балто-слав. **srouja?*

Балт. лит. *sraujà*, лтш. *strauja*

Корень является *o*-ступенью к **srou-* ‘течь’; ср. греч. *ρός* м. р. ‘струя’, др.-исл. *straumr* м. р. ‘то же’.

См. также: **ostrovъ*

Отношение к ED, вероятно, может быть разным, но, во всяком случае, труд Р. Дерксена стал первым законченным и весьма объемным словарем праславянской лексики, при этом словарем акцентологическим.

Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV в.: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009. — 296 с.

Многовековая история славянских переводов с греческих оригиналов, в особенности долгий и почти непрерывный процесс их исправления и редактирования, привели к тому, что лексико-семантическая система, синтаксис и в определенной мере словообразовательные модели языков греческого и славянского приобрели предельно возможное сходство. Текст Чудовского Нового Завета (ЧНЗ), появившийся во второй половине XIV в., представляет собою один из ярких результатов такого развития. При исключительной близости к греческому оригиналу он находится в тех пределах, которые не грозят славянскому переводу утратой коммуникативных достоинств. В этом качестве он является прекрасным и, возможно, единственным материалом для создания сопоставительной греческо-славянской грамматики. Большой и успешный шаг в этом направлении сделан в рецензируемой книге. В ней приведен исчерпывающий материал по передаче греческих оборотов с субстантивированным инфинитивом и различными предложениями, а также конструкции *Accusativus cum infinitivo*. Последняя рассматривается также в отдельной главе, посвященной синтаксису дательного падежа причастий. Интерес к этому материалу вполне оправдан, поскольку синтаксическая роль славянского инфинитива в дописьменный период не кажется ясной. Система глагольного формообразования и синтаксиса исследуется в двух главах. Одна из них посвящена перфекту без связки в 3 лице ед. числа, которым последовательно переводится соответствующий греческий аорист; в другой описан *praesens historicum*, который нашел лишь случайное отраже-

ние в славянской письменности предшествующего периода и впервые полностью представлен в ЧНЗ при переводе соответствующих форм Евангелий от Марка и Иоанна (в остальных греческих новозаветных текстах он употребляется крайне редко). Последовательный перевод приставки *συν-* с помощью словообразовательных калек и отказ от выбора чисто семантических славянских эквивалентов привел переводчика к экстенсивному использованию глагольного и именного словообразования.

Сложные лексико-семантические вопросы вставали перед славянским переводчиком при передаче ряда служебных слов. В книге рассмотрено употребление послелогов *ради* и *дѣла*, используемых для перевода нескольких греческих предлогов, дается перечень соответствий отрицательных наречий *οὐκέτι* и *μηκέτι* «еще не», местоим. *ὅστις* «который, кто», наречий *δωρεάν*, *μάτην*, *εἰς ἡ* «втуне» и местоим. *ἕτερος* «другой». К области лексической семантики относятся приемы перевода сущ. *πλήθος* «множество», прил. *μονογενής* «единородный» и *πικρῶς* «лукавый», которые принадлежат к новозаветной терминологии. Наконец, часть лингвистического материала привлекает внимание исследователя в связи с необходимостью определить место происхождения текста (слова *върста*, *погостъ*, *молонья*, причастие муж. рода типа *река*, аорист *вѣща*) и со стремлением выявить своеобразие текста на фоне других славянских редакций (прежде всего через усвоение грецизмов). Здесь находят себе новое подтверждение уже высказанные прежде научные мнения о восточнославянском переводчике и о связи перевода с афонской правкой литургических книг. Пе-

ревод Иерусалимского типикона, выполненный в XIV в., в явном родстве с ЧНЗ не находится.

Обследование и представление материала отличается полнотой и тщательностью. Но нельзя сказать, что книга исчерпала все вопросы, на которые может дать ответ ЧНЗ. Так, крайне интересным должно казаться сопоставительное изучение видовых и аспектных характеристик греческого и славянского глаголов. Название книги не выглядит вполне точным: тот четый текст Нового Завета, который сохранился в данной редакции, едва ли возник как «богослужебная книга»: его мелкая графика, орфографические грецизмы и расположение текста на страницах рукописи не пригодны для литургического применения. А между тем эти черты сохранившихся свидетелей текста несомненно принадлежат его архетипу. Исключительная последовательность в передаче мелких синтаксических черт оригинала говорит больше об ученом эксперименте, чем разрешении насущных задач церковного строительства. В

связи с тем кругом московских книжников, образованность которого стояла выше среднего уровня и из которого мог выйти ЧНЗ, следует обратить внимание на две работы [Прохоров 1985; 1996], в которых сделана попытка реконструировать потерянные культурные феномены эпохи.

Л и т е р а т у р а

Прохоров 1985 — Г. М. Прохоров. Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» // ТОДРЛ. Т. 40. 1985. С. 229—247.

Прохоров 1996 — Г. М. Прохоров. «Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и «Слово о житии и о преставлении» Дмитрия Донского // ТОДРЛ. Т. 49. 1996. С. 59—77.

А. А. Алексеев

Issues in Slavic Syntax and Semantics /

Ed. by Anastasia Smirnova and Matthew Curtis.
Cambridge Scholars Publishing, 2008. — 166 p.

Книга представляет собой сборник статей, написанных на основе докладов, которые были представлены на ежегодной конференции аспирантов-славистов (The Graduate Colloquium on Slavic Linguistics) в Университете штата Огайо в 2006 г. В сборнике приняли участие исследователи из США, Канады, Германии и Польши. Большинство работ выполнено в рамках формального подхода к описанию языка и рассматривают различные аспекты семантики и синтаксиса славянских языков. В статье Павла Рутковского «От аппозиции к

классификации: польский vs. литовский» (*Paweł Rutkowski, From Apposition to Classification: Polish vs. Lithuanian*) прослеживается история польских словосочетаний типа *dyrektor generalny*, демонстрирующих нетривиальную для славянских языков постпозицию прилагательного. Принято считать, что постпозитивные прилагательные возникли в польском языке под влиянием латыни: их широкое распространение отмечается лишь с середины XV в. Не оспаривая этот тезис, автор статьи указывает на то, что первоначально конструкции с пост-

позицией прилагательного строились на основе аппозитивной связи и лишь со временем превратились в простые словосочетания. Указанное структурное изменение последовало за изменением семантическим, которое заключалось в том, что постепенно в образовании конструкций данного типа стали участвовать лишь классифицирующие прилагательные. В заключительной части статьи автор обращается к материалу литовского языка, отклоняя ранее высказанную гипотезу о влиянии польских классифицирующих словосочетаний на литовские генетивные конструкции. В статье Боштьяна Дворжака и Ильзе Циммерманн «Подчиненный императив в словенском языке» (*Boštjan Dvořák & Ilse Zimmermann, Imperative Subordination in Slovenian*) на материале словенского языка подробно анализируется такое редкое с типологической точки зрения явление, как употребление императива в придаточных предложениях. Статья Оксаны Скорняковой «Существование эксплетивного местоименного субъекта в русских безличных конструкциях» (*Oxana Skorniakova, The Existence of Expletive Pronominal Subjects in Russian Impersonal Constructions*), вопреки традиционной точке зрения, отстаивает тезис о наличии в русских безличных конструкциях субъекта. Данный тезис подтверждается использованием в разговорных русских конструкциях местоимения *оно* (ср. *Так оно и вышло*), которое, по мнению автора статьи, выполняет примерно ту же функцию, что и английское эксплетивное местоимение *it* во фразах типа *It is raining*. Автор полагает, что именно местоимение *оно* является «подразумеваемым» субъектом русских безличных конструкций. В статье Агнешки Лазорчук «Вторичный имперфектив как показатель неопределенности (на материале старославянского и болгарского языков» (*Agnieszka Lazorzuk, Secondary*

Imperfective as an Atelicizer: Evidence from Old Church Slavonic and Modern Bulgarian) высказывается точка зрения о том, что в указанных языках перфектив и имперфектив противопоставлены друг другу не как видовые формы, а как формы, различающиеся между собой по способу действия (*Aktionsart*). Таким образом, согласно данной концепции, вторичные имперфективы в старославянском и болгарском языках, наряду с глагольными приставками, являются показателями способа действия. Статья Анастасии Смирновой «Темпоральные свойства конъюнктивных придаточных в болгарском» (*Anastasia Smirnova, Temporal Properties of Subjunctive Complements in Bulgarian*) посвящена рассмотрению временных отношений между матричными глаголами и конъюнктивными придаточными в болгарском языке. Согласно исследованию автора, временная локализация событий, обозначаемых конъюнктивными придаточными (а именно предшествование по отношению к событию, обозначенному матричным глаголом, совпадение или следование за ним), определяется лексической семантикой и временной отнесенностью матричного глагола. В статье Ведраны Михаличек «Инструментальность и сопровождение в сербохорватском языке» (*Vedrana Mihalček, Instruments and Accompaniments in Serbo-Croatian*) рассматриваются способы выражения инструментального и комитативного значений в сербохорватском. В этом языке инструментальное значение обычно передается творительным падежом, а значение сопровождения — с помощью предлога *уз*; в то же время оба значения могут передаваться с помощью предлога *с*. Автор статьи полагает, что выбор одного из двух возможных способов в обоих случаях (т. е. идет ли речь о выборе между творительным падежом и предлогом *с* или между предлогами *уз* и *с*) является се-

мантически мотивированным и зависит от структуры обозначаемой ситуации. Работа Михаличек показывает также, что сербохорватский не относится к тем языкам (ср. английский), где инструментальные и комитативные значения имеют одинаковое грамматическое оформление, и, следовательно, для него лишь отчасти актуален феномен, который Дж. Лакофф и М. Джонсон («Метафоры, которыми мы живем») охарактеризовали как метафору сопровождения (the Companion Metaphor). В статье Галины Дуковой-Желевой «Общие

(да/нет) вопросы с оператором VERUM в болгарском языке» (*Galina Dukova-Zheleva, Yes/No Questions with VERUM in Bulgarian*) анализируется семантика болгарских вопросительных частиц *ли* и *дали* в общих (да/нет) вопросах. Обе вопросительные частицы могут относиться как к пропозиции в целом, так и к отдельным членам предложения. В статье рассматриваются фразы, в которых данные частицы относятся к глагольной группе.

П. В. Петрухин

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Письма академика В. В. Виноградова и А. М. Земского (письма военных лет: 1941—1943 гг.)

Из архива Е. А. Земской
Подготовка текста и комментарии Е. А. Земской

От публикатора

В. В. Виноградов и А. М. Земский были знакомы в течение долгого времени. Они имели схожие взгляды на жизнь, были близки и по возрасту (В. В. Виноградов родился в 1895 г., А. М. Земский — в 1892 г.). Оба были сыновьями священников, оба родились не в столицах, а в маленьких городах: В. В. Виноградов — в Зарайске Рязанской губернии, А. М. Земский — на Кавказе в Кутаиси. Оба поехали учиться в столичные университеты: В. В. Виноградов в Петербург, А. М. Земский в Москву (блестяще окончивший гимназию, А. М. Земский получил право бесплатного обучения в университете). Они учились у лучших профессоров: Виноградов — у А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, Земский — у Д. Н. Ушакова.

Оба ученых подверглись репрессиям со стороны властей. В. В. Виноградов в 30-е годы в числе других видных лингвистов был арестован по так называемому «делу славистов»¹, сидел в тюрьме, был сослан в Вятку. А. М. Земский в 1931 г. был арестован, заключен в Бутырки, приговорен к ссылке² на пять лет (сначала в Красноярске, потом переведен в Алма-Ату, а позднее — в маленький город в Казахстане — Кзыл-Орда).

Знакомство и дальнейшая близость В. В. Виноградова и А. М. Земского возникли во время их совместной работы в Московской городской дефектологическом институте. Позднее В. В. Виноградов стал редактором книги «Русский язык» (учебник для педучилищ), одним из авторов которой был А. М. Земский.

Когда началась Отечественная война, В. В. Виноградов и А. М. Земский сразу же пошли в народное ополчение, что, несомненно, еще больше их сблизило. Однако А. М. Земский считал, что жизнь ученого такого масштаба, как В. В. Виноградов, слишком ценна для культуры, и его нельзя посылать под пули. Он ходил по инстанциям, хлопотал о том, чтобы В. В. Виноградов был демобилизован. И добился этого. Надежда Матвеевна, жена В. В. Виноградова, неоднократно говорила о том, что Андрей Михайлович «отхлопотал» Виктора Владимировича, благодаря чему тот был освобожден от службы в армии.

¹ См.: Ашин Ф. Д., Алтатов В. М. Дело славистов: 30-е годы. М.: Наследие, 1994.

² Его обвиняли в службе в Белой армии (в 1916 г. он был мобилизован в царскую армию, кончил артиллерийское училище в Киеве и получил младший офицерский чин — прапорщика) и в связях с белыми офицерами. В действительности он с начала 20-х годов преподавал на рабфаке МИИТа, писал учебники и никак с армией не был связан. История ареста А. М. Земского и его ссылки подробно рассматривается в книге: Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные. История семьи. М.: ЯСК, 2004. С. 226—245.

Судьба В. В. Виноградова была нелегкой. После освобождения от службы в народном ополчении он не был оставлен в Москве как «лицо неблагонадежное». Его выслали в Сибирь, где он работал в Омске и Тобольске (см. опубликованные письма). В годы господства марровского учения о языке В. В. Виноградов, уже академик (избран в 1946 г.), продолжал подвергаться гонениям и проработкам.

А. М. Земский тоже был в ополчении не до конца войны. Его демобилизовали по возрасту. Таким образом, оба ученых были вынуждены уехать из Москвы. В. В. Виноградов был выслан, а А. М. Земский, не имея никакой работы в Москве, чтобы как-то содержать семью, уехал в эвакуацию.

В. В. Виноградов, находясь в Тобольске, вступил в переписку с А. М. Земским, который был эвакуирован в Куйбышев (обл.), т. е. в нынешнюю Самару. Ученых многое сближало и в этот период: перенесенные репрессии, тяжелая жизнь в эвакуации, отсутствие научного окружения и книг, невозможность продолжать свои любимые занятия. Они переписывались, делились научными замыслами, сведениями об общих знакомых, мечтали о возвращении в Москву. В. В. Виноградов оставался редактором учебника для педучилищ «Русский язык» (в 2-х томах), который прожил долгую жизнь. Последнее издание — 13-е — вышло в свет в издательстве «Дрофа» в 2003 г. И сейчас этот учебник используется при преподавании русского языка в педучилищах.

После возвращения из эвакуации А. М. Земский работал и. о. доцента в МГПИ им. В. И. Ленина. Он был хорошим лектором, и студенты любили его. Тюрьма, ссылка, война, эвакуация подорвали его и без того слабое здоровье, не дали ему возможности закончить диссертацию. Вскоре после окончания войны, в 1946 году, он скончался в возрасте 54 лет.

В том же 1946 г. В. В. Виноградов был избран в академики. Позднее он был назначен директором Института русского языка АН СССР, которому после смерти академика присвоили его имя.

Сфера деятельности В. В. Виноградова обширна и многогранна. Его научная биография неоднократно описывалась во многих статьях и книгах. Поэтому я писать здесь об этом не буду.

В. В. Виноградов воспитал целое поколение лингвистов — специалистов в разных областях языкознания, составивших Виноградовскую лингвистическую школу. Виктор Владимирович был строгим, ироничным, но добрым и заботливым учителем. Он был справедлив, помогал своим ученикам, и не им одним. Был по-старомодному вежлив: не только своих учеников — студентов и аспирантов, но и детей называл по имени и отчеству и, конечно, всегда на Вы.

Основные интересы ученого-лингвиста, несмотря на тяготы быта (голод, холод — дров катастрофически не хватало), отрыв от родных и близких, войну, уносящую тысячи жизней, были сосредоточены на мыслях о русском языке. В. В. Виноградов в одном из писем А. М. Земскому писал: «Нет, я не променяю лингвистики ни на что». Эта мысль проходит через всю переписку.

Публикуемые письма освещают малоизвестные годы (1941—1943 гг.) в биографии обоих ученых, рисуя начало войны и жизнь людей в тылу. Основную часть публикации составляют письма В. В. Виноградова (8 писем и 1 записка); из писем А. М. Земского сохранилось лишь одно, адресованное В. В. Виноградову. Я помещаю здесь два письма А. М. Земского (1941 г.) к жене и дочерям. Они дают представление о пребывании А. М. Земского в армии и жизни в тылу.

Прежде чем начать публикацию, необходимо охарактеризовать оригиналы писем и принятый в дальнейшем тексте способ датировки. В. В. Виноградов не ставил даты на письма. Его письма можно датировать лишь по штампу на конверте, если конверт сохранился. Таким образом, письма расположены в хронологическом порядке (который, однако, не всегда можно восстановить с уверенностью). В некоторых письмах В. В. Виноградова повторяется сказанное ранее.

Е. А. Земская

Письмо № 1

*А. М. Земский — письмо к жене
Надежде Афанасьевне Булгаковой-Земской (1893—1971)
и дочерям Ольге Андреевне Земской (1923—1953)
и Елене Андреевне Земской (р. 1926).
Конверт не сохранился³.*

7. VII.41.

Дорогие Надечка, Оленька и Леночка!

Вчера произошло с нами нечто неожиданное. Мы ждали, что нас сперва осмотрят врачи, а потом с нами побеседуют для наилучшего использования наших сил. Нас же прежде всего построили, ввели в пустую школу и разбили на взводы. Потом нам заявили, что мы зачислены бойцами, что наше подразделение будет боевой единицей действующей армии, что никакого медосмотра не предполагается, и, продержав без толку до 9 час. вечера, отпустили до 11 час. 15 мин. следующего дня. Мы не имели права говорить ни где мы, ни в какой части служим. Неявка будет рассматриваться как дезертирство.

Обещали, что нам будут платить среднюю зарплату первый месяц в учреждении, дальше — в воинской части. Справки можете навести (неразб.) в Институте: Погодинка 8, тел. Г-6-56-04.

Директора-карьеристку зовут — Татьяна Александровна, предс. месткома (милая женщина) — Ольга Дмитриевна, можно вызвать Веру Ивановну (секретаря очного отд.).

В ОГИЗе разговоры нужно вести с Жезмер, Кузьминским или Редозубовым — тел. К-1-18-32, Орликов пер. Рукопись, лежащую на столе, хорошо бы отнести к Светлаевым⁴. Книгу связать веревочкой, и в случае пожара, хорошо бы ее спасти (вместе с записочками об обособлении)⁵.

Очень жалею, что оставляю вас в бедственном положении. Это самое большое несчастье.

Оставляю на всякий случай несколько подписанных листов.

³ А. М. Земский добровольно вступил в ряды народного ополчения. Приписка наверху страницы сделана карандашом: «Ушел из дома в 9 ч. 10 м. Еще раз целую всех. Будьте здоровы. А. З.».

⁴ Светлаевы — родственники Земских (Михаил Васильевич Светлаев — соавтор А. М. Земского и муж Елены Афанасьевны, сестры Надежды Афанасьевны Земской).

⁵ А. М. Земский готовил большое исследование об обособлении, собираясь его защитить как диссертацию, но тяжелые условия жизни (арест, война, болезнь и ранняя смерть) не дали ему возможности закончить эту работу.

Ольга и Лена! Помогайте маме. Тебе, Оленька, больше нужно интересоваться семьей, потеряешь семью, подрежешь себе корни. Главное, будьте здоровы и сохраните семью.

Целую вас всех крепко.

Любящий вас А. Земский.

Мои документы у Светлаевых, в портфеле.
Поцелуйте от меня Земских, Светлаевых.

А. З.

Пишите дневник.

А. З.

Письмо № 2

*А. М. Земский — В. В. Виноградову.
Конверт не сохранился.*

7 ноября 41 года.

Дорогой Виктор Владимирович!

2 октября произошел бой с немцами, в результате которого я оказался в окружении врага. Ценой больших лишений и усилий к 20 октября я оказался в Москве. Шел по луне и солнцу без дорог на восток, пробирался тропинками, голодал и не пил целыми сутками. В Москве я не застал уже ни Сергея⁶, ни Миши Светлаева: они до меня ушли к своим семьям. Хорошо еще, что остались сёстры⁷ и вдова старшего брата⁸. Они меня приодели и сейчас кормят. Ни одно из учреждений, в которых я работал, мне не помогло: ни ОГИЗ, ни Институт. А ведь вернулся я грязный, в крестьянских отрепьях (из маскировки), без денег. Сейчас я нахожусь в таком положении: Институт эвакуируется в Мамлыж (около Казани), но эвакуироваться я вряд ли смогу, т. к. 1) еще не выяснил своего отношения к воинской повинности (меня, правда, направили в военкомат для демобилизации и, потом, сейчас в Москве происходит переучет всех мужчин), 2) не знаю — будут ли эвакуированы жены (они с младшей дочкой находятся в Рязанской области, в дер. Соловово, близ Тумы), а без них я эвакуироваться не хочу, 3) у меня нет денег, и мне не обещают ни квартиры, ни работы. Сама эвакуация откладывается со дня на день. В Институте не осталось почти никого, исключая Рау Ф. Ф., оставленного за директора, бухгалтера, кассира и еще некоторых канцелярских служащих. Студенты в количестве 50 человек уже отправились в Мамлыж. В Институте передали мне 3 экз. «Ученых записок». Мне говорили, что вам они посланы. Из институтских знакомых я был в одном батальоне с Ф. М. Новиковым и Четыркиным; они были во время боя на позициях 4-й роты, а про ее участь говорят очень плохое; они частью расстреляны, частью сдались в плен. Говорят о том, что А. И. Дьяков и Антропов убиты. Каиновский (?) умер от какого-то злостного гриппа. Мучник вернулся цел и невредим и тотчас же укатил в Ашхабад с МГУ. Я. И. Чаплыгин был в окружении, но остался жив. Он продолжает быть комиссаром санбатальона.

⁶ С. Е. Крючков — соавтор А. М. Земского.

⁷ Имеются в виду сёстры жены, Н. А. Земской.

⁸ Мария Даниловна Земская, вдова Бориса Михайловича Земского, который умер в марте 1941 г.

Москва сейчас стала осажженным городом. Народу мало, много военных, дома полупусты, учреждения тоже. Сотрудники сидят на свернутых, запакованных вещах. Табаку нет, в лавках все выдается только по карточкам, преимущественно хлеб. Живем преимущественно на хлебе и чае. Работы нет, неизвестно, чем жить? Мне, пожалуй, было лучше в батальоне, чем сейчас: я был сыт и передо мной не было той тьмы вопросов, что стоит сейчас. Кстати, на кого вы оставили свою библиотеку? Кому ее поручили? Если бы я остался в Москве, я бы, может быть, мог ее сохранить, будь у меня от вас доверенность, я говорил об этом с Ф. Ф. Рау. Он со своей стороны обещает мне содействие — соглашается выдать от Института бумажку.

В ОГИЗе мне сказали, что учебник для педучилищ утвержден, но денег не выдают, т. к. договор заключили с Крючковым и Светлаевым⁹.

Привет Надежде Матвеевне¹⁰.

А. Зем.

Письмо № 3

*А. М. Земский — жене и младшей дочери из Москвы
в Рязанскую область, куда были вывезены ученики московских школ*

20/XI 41 г.

Дорогие Надечка и Леночка!

Дойдет ли это письмо до вас или нет? Я теперь мечтаю о том, чтобы вы остались в Соловово¹¹. Надежда имеет работу¹², у вас теплый угол, некоторый запас продуктов. Вы жалуетесь на тоску, но тоска сейчас дело излишнее, несущественное. Леночка могла бы этот год посвятить самостоятельной работе по программе 8 кл.; конечно, нужно взять не все предметы, а главные — математику, физику, химию, литературу. Эта работа создала бы у ней очень ценные навыки самостоятельной работы, чего многие не приобретают за всю свою жизнь. В консультации, я думаю, ей не откажут преподаватели.

Я прямо боюсь вашего приезда в Москву: работы педагогической в Москве нет, с продовольствием туго, частые бомбежки и нависающая угроза борьбы за Москву. С выездом из Москвы туговато: до сих пор не эвакуированы пединституты. Выехать же из Москвы одиночным порядком — значит обречь себя на бесконечные пересадки, стояния в очередях за билетом, ночевки в холодных вокзалах, полуголодное существование. Да и что может ждать нас на новых местах? Хорошо, если найдется работа и крыша. А вдруг нет.

Я решил следующее: если мне не гарантируют, а хоть обещают работу — поеду в Малмыж. Если же не обещают, иду обратно в ополчение — в санбатальон. Это сохранит мне зарплату, я буду сыт и одет, и, наконец, эта работа мне по силам.

Ольга¹³ прислала телеграмму, она в Алма-Ате.

⁹ Отмечу, что соавторы в договор А. М. Земского не включили, хотя во всех изданиях указано три автора: А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев.

¹⁰ Малышевой — жене В. В. Виноградова

¹¹ Поселок в Рязанской области.

¹² Жена А. М. Земского в то время была директором школы-интерната.

¹³ Дочь А. М. Земского, студентка МАИ.

Вера¹⁴ в Москве и не собирается эвакуироваться, Катя¹⁵ — тоже. Мутя¹⁶ и Маша¹⁷ сидят на месте. Все вас целуют. Целую крепко.

А. З.

Письмо № 4

В. В. Виноградов — А. М. Земскому.

Письмо без конверта и даты.

Вероятно, осень 1941.

Получено А. М. Земским в эвакуации в Куйбышеве (обл.)

Милый и дорогой Андрей Михайлович!

Как грустно, что Ваши злоключения еще не окончились. Судьба и жизнь несправедливы. Казалось бы, Вы уже выстрадали себе некоторый (относительный, конечно) покой и некоторую возможность заниматься любимым и нужным делом. А тут — отъезд из Москвы, болезнь. Мих. Вас.¹⁸ пишет мне, что и бытовые условия Вашей жизни малопривлекательны. И какая Ваша новая специальность?¹⁹

Нет, я не променяю лингвистики ни на что. Только опасаясь, что скоро еще хуже жить придется. Но так как хуже петли ничего нет, а этот выход всегда останется, то пока я преподаю в Омско-Тобольском Педагогическом институте (который явно рассыпается — вследствие утечки, бегства студентов) и пишу книгу по истории слов. Если останусь жить и не случится чего-н. экстренного, то к осени ее кончу и завещаю потомству, так как сам, наверное, выхода ее в свет не увижу.

Хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке и проч. Но не с кем... И так, по-видимому, всюду в провинции, где не скопилось столичных ученых. Конечно, мысли рвутся в прошлое и в будущее (вопреки К. Аксакову, который уверял, что для русских существует лишь настоящее время). Не забывайте и Вы своей работы над вопросом об «обособлении». Кто знает: а вдруг выживем? Наверное, для тех, кто выживет, жизнь будет чище и светлее, чем была. Очень хочется завязать с Вами письменные связи и не разрывать их. Вы знаете, что я Вас люблю.

Меня с весны преследуют неудачи: болезнь Над(ежды) Матв(еевны)²⁰, повторившаяся здесь в Тобольске и проч. Я уже жалел о том, что эта болезнь не дала мне сил остаться в ополчении. Быть может, все приняло бы иное течение. Удача у меня одна — выход в свет «Стиля Пушкина» (у Вас, к сожалению — черновая, не-

¹⁴ Вера Афанасьевна Булгакова-Давыдова, сестра Н. А. Земской.

¹⁵ Екатерина Михайловна Земская, младшая сестра А. М. Земского.

¹⁶ М. Д. Земская, вдова Б. М. Земского.

¹⁷ Няня.

¹⁸ Светлаев.

¹⁹ А. М. Земский по возвращении из ополчения не мог найти в Москве никакой работы по специальности и должен был уехать в эвакуацию, чтобы, получив там работу, прокормить семью (жену и дочь-школьницу). Они уехали втроем в Куйбышев (обл.) и там временно, чтобы иметь продовольственную карточку, А. М. Земский работал в канцелярии завода АТЭ-1 (Московский завод авто-тракторного электрооборудования).

²⁰ Жены В. В. Виноградова.

правленая верстка). Говорят, что и сб(орник) «Пушкин» в Инст(итуте) Мир(овой) лит(ературы) с моей статьей «Пушкин и русский литературный язык XIX в.» вышел. Видели ли Вы «Ученые записки МГПИ»²¹? Я не виноват в том, что в начале Вашей статьи 2 раза напечатано кратк. — вместо кратн.

Привет Над(ежде) Аф(анасьевне) и детям.

Пишите, дорогой.

Ваш Викт. Виноградов

Письмо № 5

В. В. Виноградов — А. М. Земскому.

Письмо в конверте. Дата (нрзб.)

Адрес: Куйбышев (областной)

Карбюраторный завод

Северные бараки

Барак 196, кв. 5

Андрею Михайловичу Земскому

От В. В. Виноградова. Тобольск, Омск. обл.

Пролетарская площ., д. 11

Дорогой Андрей Михайлович!

Мне очень приятно получать от Вас письма. Грустно лишь, что нам нечем порадовать друг друга. Я по канцелярской случайности попал в ту графу, которая переводит человека из разряда граждан в разряд полу-людей, подверженных всяким и всяческим случайностям. Поэтому ни имя, ни звание, ни заслуги, ни способности уже не могут меня (как и всякого человека, у нас попавшего в однородное положение) предохранить от злоключений. Больше того: по нашим нравам отголоски неприятностей распространяются и на всю семью, т. е. на жену и детей (если они есть). Поэтому Вы не удивитесь, если узнаете от меня, что комната Над(ежды) Матв(еевны) описана в отд. милиции (очевидно, на предмет ее заселения) и что вещи (напр., рояль), библиотека моя, весь мой научный архив (в том числе и рукописи неоконченных научных работ) находятся под угрозой утраты, пропажи. Ведь куда их перевезти (т. е. где найти помещение для 17 000—20 000 книг) и где взять транспортные средства? Друзей московских много, но еще больше разъехалось. Даже в Академию Наук не к кому обратиться, так как в Москве — лишь Лебедев-Полянский. Это меня и Над(ежду) Матв(еевну) очень расстраивает и, кажется, лишает последних остатков сил. Правда, слабым утешением могло бы служить лишь то, что не нам одним плохо — по бессмысленной игре рока. Л. В. Щерба — в Молотовске. Живет очень тяжело и без книг пишет «Теорию орфоэпии и правописания» для Института школ Наркомпроса. Каково положение (сам-десять) члена-корреспондента Акад(емии) наук? Но все это могло бы утешить лишь эгоиста. Пединститут здешний разваливается. И я осенью, по-видимому, останусь без работы по специальности. Спешу закончить книгу «Из истории русского слова и русской мысли».

Мне кажется, что второй тобольской осени и зимы мне не прожить. Перспектив радостных во всяком случае не видно и «грядущее иль пусто, иль темно». Очень

²¹ Московского городского педагогического дефектологического института.

тяжело без близких людей. Кроме Над(ежды) Матв(еевны) нет ни одного живого человека, с кем можно было бы поговорить по душе и по вопросам языка и литературы. Остается читать, читать и немного писать. Много писать нельзя уже потому, что нет бумаги. Вот и письмо Вам пишу на промокашке. Письма получаю от Обнорского (Казань), Булаховского (Уфа), Ларина, Бархударова, Жирмунского (Ташкент), Гудзия (Свердловск) и т. д. Пишет часто Серг(ей) Ефим(ович)²². Его линия стала выправляться, и я за него рад. Он надеется к осени вернуться домой. А сейчас поступил доцентом к Былинскому (Мос. гор. дефект. ин-т). Я жалею, что сб. «Язык газеты» (с моей статьей о толковых словарях) до меня не дошел и украден кем-то на почте. В «Больш. сов. энцикл.» напечатана моя статья «Русский язык» (49 т.). Пишите, дорогой. Будьте здоровы и благополучны. Привет Над(ежде) Афанасьевне и детям.

Ваш В. В.

Над(ежда) Матв(еевна) Вам кланяется.

Письмо № 6

В. В. Виноградов — А. М. Земскому.

Письмо в форме треугольника (конверт военных лет).

Штамп: 13.1.43 — Куйбышев обл.

Адрес: Куйбышев (обл.)

п/о 11 Северные бараки

д. 196, комн. 5

Андрею Михайловичу Земскому

От В. В. Виноградова, Тобольск

Пролетарская площадь, д. 11

Дорогой Андрей Михайлович!

Бедный, как Вам тяжело жить. Я знаю, что Вас хотят вызвать в Москву. Удастся ли это? Вы бы ожили.

Серг(ей) Ефим(ович) (Крючков) и Мих(аил) Вас(ильевич) (Светлаев) должны были бы сразу же поставить вопрос о Вашем вызове в Москву для работы над учебником. Внешне я живу, по-видимому, в лучших условиях, чем Вы. У меня есть 4 кубом. дров. Бывает электрический свет (но далеко не каждый день). Я в общем не голоден, хоть и не сыт.

Работаю много, хотя и без толку. Заведывание кафедрой не доставляет ни малейшего удовлетворения. Филологов нет. Все больше преподавательницы средней школы. Я написал большое исследование «Из истории русского слова и русской мысли» (очерки исторической лексикологии русского языка). Но обработать его до конца в здешних условиях я не могу: нет книг. Трудно представить себе что-нибудь более нелепое и бездарное, чем мое вынужденное пребывание в Тобольске. Но все бессмысленное и бездарное устойчиво. И изменить и поправить это можно лишь при помощи влиятельных и расположенных ко мне людей. А таких мало, вернее: нет вовсе. Слышал, что у Селищева рак (чего — Н. С. Поспелов не сообщил). Серг(ей) Еф(имович), попавши в Москву, забыл меня. Тоскую о своей библиотеке. С февраля начну писать курс синтаксиса, как напишется. Вы видите, что я, несмотря ни на что, не могу жить без мыслей о языке. Одно смущает: здоровье

²² Крючков.

плохо стало. Ночью задыхаюсь и не сплю. И ко всему этому доктора подозревают язву желудка. Но, быть может, выживем. Очень хотелось бы поглядеть на Вас и поговорить с Вами. Пишите, пожалуйста. И будьте здоровы.

Над(ежда) Матв(еевна) просила Вам кланяться.

Ваш В. В.

Письмо № 7

В. В. Виноградов — А. М. Земскому.

Письмо без конверта и даты на серой бумаге.

Дорогой Андрей Михайлович!

Я очень был рад Вашему письму. Сочувствую Вашему стремлению вернуться к лингвистике. Но не делайте этого спешно. Напишите в Наркомпрос, снесите с Серг. Ефим. В Куйбышеве — Малаховский. Он Вас знает. Повидайтесь с ним. А то ведь от Вашего решения и устройства зависит в какой-то мере и жизнь Над(ежды) Аф(анасьевны) и детей. Серг(ей) Еф(имович) устроился доцентом к Былинскому и будет ездить в Шадринск. Я поражен смертями Сухотина и Ушакова. Боюсь, что мы все стоим в очереди за смертью. Получил известие о смерти В. В. Гаппиуса, В. (нрзб.) Комаровича, Е. П. Казанович. Все это — историки литературы. При всех моих неприятностях с Дм(итрием) Ник(олаевичем)²³ я всегда видел в нем полезного педагога и относительно хорошего человека. Его смутила роль советского «генерала от русского языка» и помешала ему оставаться самим собой. И все-таки утрата его — чувствительная потеря для филологии. И Сухотин — еще молодой, жизнеспособный, полный свежих мыслей. О себе мне трудно что-нибудь хорошее написать. Институт разваливается. Здоровье — ниже среднего, бессонница. Сейчас много работаю над статьей для Ученых Записок: «Мощь и величие русского языка». Многих необходимых пособий нет. Ищу «заменителей». План мой таков:

1. Русский язык как лучшее достояние русской нации (свидетельства и оценки).
- 2) Русский яз. и старославянский. Связь с другими славянскими языками.
- 3) Взаимодействие русского языка с украинским и белорусским.
- 4) Литерат. язык и народная поэзия.
- 5) Литературный язык и народные говоры.
- 6) Русский язык и европейские языки.
- 7) Русский язык и языки нацменьшинств.
- 8) Стилистическ. богатств. совр. русск. яз.

К 10 мая статью обязан закончить.

Очень беспокоюсь о судьбе комнаты и библиотеки в Москве. Впрочем, будущего никто не знает. И что еще ждет нас впереди? Очень много, хотя и бестолково читаю. Хорошая книга Шишмарева «Очерки по истории языков Испании». Получил из Москвы книгу «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Там — моя статья «Пушкин и русский литературный язык XIX в.». А книга «Язык газетъ», посланная мне Былинским, украдена на почте. Очень жаль. Грустное мое письмо, дорогой Андрей Михайлович. А Вы все-таки мне пишите чаще. Привет искренний Надежде Афанасьевне и детям.

Над(ежда) Матв(еевна) кланяется.

Ваш В. В.

²³ Ушаковым.

Письмо № 8

*В. В. Виноградов — А. М. Земскому.
Письмо без конверта и даты. В. В. Виноградов и А. М. Земский
вернулись из эвакуации. Оба живут в Москве.
Вероятно, начало лета 1943 г. В. В. Виноградов пишет
из Подмосковья, где отдыхает с женой.*

Дорогой Андрей Михайлович!

Спасибо за письмо и наведенную для меня справку. Меня очень обрадовало известие, что Вы все разбогатели²⁴. Это дает Вам время для работы и спокойствие зрелой мысли. Жду Вашей новой «Морфологии», которая, надеюсь, принесет Вам всем новые блага. Я окончательно утвержден в должности старшего научн. сотрудника Института языка и мышления Ака. Наук. Буду ездить в Ленинград и буду писать «Стилистику русского языка».

С 1 авг. начну работать над статьями о Шахматове, как лексикологе, и о грамматике идиоматизмов. Пока же подготавливаю материал для курсов и практических занятий на следующий год. Если у Вас будет возможность, отдохните и Вы пока — хоть недельку. Серг. Ефим. прислал мне два письма. Он, по-видимому, блаженствует, хотя и жалуется на склероз мозга. Я слышал, что в Акад. Наук вышли интересные книги Гуковской и Будагова («Из истории лингвистич. учений» и «Развитие политич. терминологии»). Если будете на улице Горького и у Вас будут деньги, купите мне (я рассчитаюсь по приезде). Впрочем, я надеюсь быть в Москве 29-го обязательно, а 25—26-го — под знаком вопроса (так как не надеюсь на средства передвижения). Посылаю Вам заявление в бухгалтерию МГПДИ. Такое же направляю туда, но позабыл адрес МГПДИ: не то 8, не то 12. Если не трудно, справьтесь — и в случае чего — передайте. Пишите. Простите, что утруждаю Вас.

Ваш Викт. Вин.

Письмо № 9

*В. В. Виноградов — А. М. Земскому [открытка].
Адрес: Москва, Погодинка, 12.
Гос. пед. дефектологический институт
Андрею Михайловичу Земскому.
Обр. адрес: Москва, 17. п/о Михайловское.
Красная Пахра, д. Плесково.
Дом отдыха театра им. Вахтангова.
В. В. Виноградов.
Штамп: 9.7.43. Моск. обл.*

Дорогой Андрей Михайлович!

Я забыл спросить Ваш домашний адрес и принужден писать Вам на Институт. Мой адрес — на открытке. Напишите, пожалуйста, мне, что известно относительно новых нагрузок по Дефект. Инст. в связи с декретом о 8 ч. дне. И вообще напишите — о Серг(ее) Ефим(овиче), о Грамматике русского языка, о своей жизни и проч. и проч. Мы живем покойно и счастливо. Кругом леса, холмы, недалеко течет реч-

²⁴ Т. к. вышел учебник для педучилищ трех авторов (А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев) под ред. В. В. Виноградова.

ка. Дом отдыха находится в бывш. Шереметьевском поместье. Мне хочется побывать в ближайшее время в Москве, но не знаю, удастся ли приискать другие средства передвижения, кроме своих собственных ног. Привет знакомым. Я — здесь до 25 июля. Затем на короткое время буду в Москве, чтобы найти новое место отдыха.

Ваш Викт. Виноградов

Письмо № 10

*В. В. Виноградов — А. М. Земскому.
Записка на листе бумаги без адреса.*

Дорогой Андрей Михайлович!

С(ергей) Е(фимович) просил меня отдать Вам Вашу рукопись. Вы все должны сегодня собраться у Светлаева и согласовать свои части. С(ергей) Е(фимович) все вместе завезет мне в 12 ч.

Ваш В. В.

РЕПЛИКА

ОБ ОРФОГРАФИИ ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЕМЫХ И ПЕРЕПЕЧАТЫВАЕМЫХ ТЕКСТОВ (В порядке постановки вопроса)

В наше время в большом количестве издаются тексты, напечатание которых ранее было невозможно. Это и впервые публикуемые старые тексты, и перепечатки дореволюционных и зарубежных изданий. Публикаторы таких текстов во многих случаях сталкиваются с орфографическими проблемами. Где границы сохранения без изменения представленных в источниках написаний, не соответствующих современным орфографическим нормам?

Так, во многих публикациях печатают *чорт*. Написание *чёрт* (или *черт*) диктуется «Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 г., до сих пор сохраняющими в этом пункте силу «орфографического закона». При появлении «Правил» это написание вызывало иной раз весьма эмоциональную реакцию. В статье «Заметки писателя» (напечатанной в «крамольном» втором выпуске альманаха «Литературная Москва», о котором помнят современники «оттепели» 1950-х годов) Александр Крон сетует на инструкции, следуя которым редакторы уродуют текст. «Невольно помянешь чорта и опять-таки наталкиваешься на инструкцию — черта писать только через “е”. Может быть, оно и правильно, но вкус уже не тот» (цитируется по книге: *Оттепель. 1957—1959*. М., 1990. С. 9).

Написания *чорт*, *чортов* почти последовательно представлены в издании: *Георгий Эфрон*. Дневники: В 2 томах. М.: Вагриус, 2004 (см., например, том I, с. 14, 15, 20, 21, 23, 24 и еще много раз), встречаются в журнале «Вопросы литературы» (в текстах публикаций и в приводимых цитатах; см., например: 2002, № 3, с. 319, 2003, № 5, с. 282—283, 2007, № 6, с. 306). А вот как обосновывает сохранение этого написания П. Нерлер, публикатор книги Н. Я. Мандельштам, в предваряющей публикацию статье: «...семантически значимые особенности сохраняются (например, “вас” с маленькой буквы или “чортов” через “о” — своеобразное “наследие” О. М.)». (*Надежда Мандельштам*. Об Ахматовой. «Новое издательство», 2007. С. 112). Обоснование несостоятельное: «семантической значимостью» написания *чорт*, *чортов* не обладают. В других публикациях текстов Н. Я. Мандельштам последовательно печатают *черт* (см., например: Третья книга. М., 2006. С. 167, 449 и др.).

В перепечатках и новых публикациях встречаются не соответствующие современным орфографическим нормам написания с *э*. Так, в «Дневниках» Г. Эфрона представлены написания *кафэ*, *матинэ*, *бэби*, *проэкт*.

В 1998 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга: Марк Азадовский, Юлиан Оксман, Переписка. 1944—1954. Книга выделяется на фоне выходящих в последние десятилетия книг высоким качеством редактуры, примечаний, справочного аппарата. (Книга подготовлена Азадовским-младшим — тем самым «мальчиком Костей», которого с любовью упоминают в письмах оба корреспондента.) Именно потому, что это книга очень высокого качества, хочется

обратить внимание на то, что не было предметом заботы Константина Азадовского, — на орфографию писем.

Приведу некоторое количество случаев сохранения написаний, не соответствующих современным орфографическим правилам (указываются страницы): *в роде* милейшего А. Л. Слонимского (63), *Нужна дозарезу* (64), *Чорт* его знает... (102), о каком-нибудь университете *по близости* (133), *не при чем* (171), *как ни как* (172), по «*авио*» (180), *авио* (184), противоречивые и путанные (220), *во-время* (245, 259), ему «*не в домёк*» 253), *бьются* (316), *непрочь* (334), в каком-то «*прединфарктном состоянии*» (341), о *недошедших* до нас произведениях (343), *крон-принц* (351).

Сохранение этих написаний (для большинства их не существовало строгих норм до выхода Правил 1956 г.) не имеет разумных оснований. То, что эти написания оказались сохраненными в образцово подготовленной книге, объясняется неразработанностью этого вопроса. Не существует не только строгих инструкций, но и работ, в которых бы вопрос об орфографической передаче публикуемых текстов ставился и обсуждался.

Публикации последних двадцати лет — благодарный материал для исследования. Он может составить основу, в частности, кандидатской диссертации. Практически полезным результатом исследования могли бы стать некоторые ориентиры для публикаторов и редакторов, которые позволяли бы отделять неоправданное сохранение написаний, в текстах прежних лет не определявшихся строгими правилами, от индивидуальной, так называемой «авторской» орфографии.

В изданиях сочинений Блока сохраняется как случай его индивидуальной орфографии написание *жолтый* (которое оговаривается в примечаниях). А вот попытка интерпретировать так же (с приданием ему особого смысла) уже фигурировавшее написание *чорт*. «Перечитал “Записки покойника” Булгакова, думал об их публикации. Между прочим, он пишет слово “чорт” через “о”. “Черт” через “е” — привычный, литературный, домашний. “Чорт” через “о” — страшный чорт Гофмана и Достоевского, это и в самом деле нечистая сила. Вот что делает одна буква. Так же, как у Блока: “В соседнем доме окна жолты...” “Жолты” совсем иной цвет, чем “желты”» (В. Я. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 132—133). У Булгакова *чорт* — скорее всего просто написание, не запрещенное орфографическими нормами того времени; и его не сохраняют при издании его сочинений.

Конечно, за исследование орфографии текстов, на которые обращено внимание в этой заметке, должен взяться человек, имеющий «вкус» к решению подобных вопросов, обладающий достаточной культурой. Это тема не для «рядового» соискателя кандидатской степени.

Н. А. Еськова